МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАПСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВ МУДРОГО

М. Н. Петров

Крест под молотом

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2019

ББК 86.2
П 30

Печатается по решению
РИС НовГУ

Научный редактор и автор вступительной статьи
академик *В. Л. ЯНИН*

Петров М. Н.
П 30 Крест под молотом / М. Н. Петров ; под науч. ред. В. Л. Янина; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2-е изд., испр. и доп. – Великий Новгород, 2019. – 273 с.

Политика государства диктатуры пролетариата по отношению к Русской Православной Церкви, завершившаяся ее полным подчинением, разграблением богатств и физическим уничтожением священнослужителей, исследуется на материалах древнейшей и значимой Новгородской епархии. Автор, доктор исторических наук, профессор НовГУ, написал книгу на основе документов, хранящихся в центральных и местных государственных и бывших партийных архивах, широко использовал архивы госбезопасности. Издание иллюстрировано редкими фотографиями из фондов Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге и Новгородского музея-заповедника. Прилагаются мартиролог жертв политических репрессий 1818-1938 годов и список монастырей, соборов и храмов епархии, действовавших за год до революции. Издание исправленное и дополненное в 2019 году в электронной версии.

ББК 86.2

ISBN 5-89896-096-1

©Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, 2019
©М. Н. Петров, автор, 2019

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Читатель! Запасись мужеством, открывая эту книгу. Она повествует о страшных делах страшного времени, пережитого твоими дедами и отцами. А прочтя, перемножь прочитанное на число губерний 20-х годов или областей 30-х годов. Назову только две цифры, извлеченные из нее.

Из 692 репрессированных в 1918 – 1938 годах священнослужителей Новгорода и его административной округи 551 был приговорен к ВМН. Эта поганая аббревиатура заменяет слова "высшая мера наказания" и понятие "смертная казнь". Палачи экономили время, им было некогда отвлекаться на выписывание слов от любимого дела расправы с инакомыслящими. И никому из них не приходило в голову, что аббревиатура может быть раскрыта как сокращение святого слова "великомученик".

К ВМН была приговорена и наша культура. Кто-то может сказать, что вера не адекватна понятию культуры. Что Пушкин и Достоевский, Чайковский и Рахманинов, Иванов и Нестеров шире катехизиса. Но ведь христианство составляло значительную часть внутреннего мира этих титанов, выплеснувшегося на листы их книг, нотных рукописей и на холсты их картин. Говоря о разрушении традиционной культуры, я меньше всего имею в виду утрату ее памятников. Храмы и фрески, иконы и церковная утварь хрупки и уязвимы. Народ терял свои памятники и в процессе преобразования архитектурной моды, и при Петре, поставившим храмы и колокола на службу ратному делу, и при Екатерине, обрекшей на запустение половину российских монастырей и приходских церквей "уложением церковного штата". Как раз Новгород, где забота о церковной старине была укреплена стараниями просвещенного митрополита Арсения, многие церковные древности в тяжелейшие 30-е годы были сохранены тщаниями не всегда последовательной общественности.

Имею же я в виду утрату целого слоя священнослужителей, городских и сельских батюшек, причетников и монашествующих, посвятивших жизнь служению добру и проповеди мира. Это они оказались главными инакомыслящими той власти, которая воспитывала в людях классовую ненависть и призывала к разрушению старого мира. Урожай этого разрушительного "посева" мы собираем и сегодня, переживая циничное пренебрежение "демократической" власти нуждами национальной культуры, наблюдая процесс массового отречения от нее, называемый модным словом "вестернизация".

Чем больше правды будет сказано о преступлениях недавнего прошлого, тем надежнее защита от их повторения.

Академик В. Л. Янин
Член президиума Российской Академии наук,
Почетный гражданин города Новгорода

ДЕВЯТЬ ВЕКОВ СЛУЖЕНИЯ

Апостол Андрей, первым призванный Иисусом Христом к служению и известный как Андрей Первозванный, проповедовал в Причерноморье, проплыл по Днепру и Волхову, где позже встали Киев и Новгород. Свет христианства изначально осветил исконно русские просторы. Спустя столетия поднялся на волховском берегу собор во имя Андрея Первозванного.

При святом равноапостольном князе Владимире Святославиче в 989 году приняли новгородцы крещение от святого Иоакима Корсунянина, ставшего первым епископом Новгородской епархии. На левобережном всхолмлении Волхова взметнулся ввысь храм Софии Премудрости Божией о тринадцати верхах, рубленый из вековых дубов.

Не вдруг, за несколько столетий обрел славянский центр гордое имя Господин Государь Великий Новгород. Вместе с ним укреплялась Новгородская епархия, постепенно распространила свое влияние на христианское население от Балтики до Урала, от Волговерховья до Студеного моря, как называли новгородцы Северный Ледовитый океан. С 1165 года возглавляли ее архиепископы Новгородские и Псковские, сохранившие сан и после утраты Новгородом самостоятельности. В век патриаршества владыки удостоились высшего сана митрополита. В синодальный период носили титул митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, подчеркивавшего их весомое положение. Лишь в 1892 году ранг их понизился до архиепископа Новгородского и Старорусского, однако епархия продолжала занимать почетное положение в Русской Православной Церкви.

Главной силой епархии являлась духовная мощь людей. В великоновгородские времена кафедру возглавляли удостоенные соборной общерусской канонизации святые Никита, Нифонт, Илия (Иоанн), Евфимий II Вяжищский, Иона Отенский. С тем же периодом связаны имена святых благоверных великих князей Ярослава Мудрого и Александра Невского, святителей Мартирия Рушанина, Феоктиста, Моисея, Ионы, Феофила, основателей монастырей преподобных Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, Михаила Клопского, Саввы Вишерского, Ефрема Перекомского. Всего более ста подвижников составили сонм Новгородских святых.

С учреждением патриаршества пост первосвященника занимали выходцы из епархии митрополиты Никон, знаменитый церковными реформами, Питирим и сменивший его Иоаким. Заметную роль в судьбе Церкви сыграл сподвижник Петра I, вице-президент Святейшего Правительствующего Синода Феофан Прокопович, архиепископ Новгородский. Труд митрополита Евгения (Болховитинова) “Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода” лег закладным камнем фундаментальных изысканий о прошлом славного русского города на Волхове.

Главным храмом, символом земли Новгородской стал Софийский собор, заложенный в 1045 году повелением святого благоверного князя Владимира, сына Ярослава Мудрого. Огромный по размерам, сложенный из серого плитняка и прокаленного кирпича-плинфы на красноватом цемяночном

растворе, украшенный внутри фресками, мозаиками, великолепным иконостасом. Хоры собора занимала уникальная библиотека рукописей, в ризнице хранились богослужебные предметы работы русских и зарубежных мастеров серебряного и золотого дела.

В страшном для Руси XIII веке Новгород единственным из городов не подвергся сокрушающему опустошению и стал хранителем древнерусской культуры, уходившей корнями в блистательную Византию и мир античной Греции. Велось летописание, переводились трактаты мудрецов древности, расцветала собственная оригинальная литература. Вознеслись храмы в политическом центре республики – на Ярославовом Дворище, и центре экономическом – на Торгу. Осеняли их шлемовидные главы Никольского собора.

На мощеные деревянными плахами улицы выходили паперти множества уютных приходских церквей – Власия на Волосове улице и Святой Троицы на Редятине улице, Двенадцати апостолов и Флора и Лавра, Ильи на Славне и Спаса Преображения на Ильине улице, Феодора Стратилата на Ручью и Рождества Богородицы на Михалице. Стены храмов покрывали многоцветные фресковые росписи, иконы мастеров местной школы составили ярусные иконостасы. Около церквей собирались уличанские веча как низовые центры общественного самоуправления. Каждый новгородец был связан со "своей" церковью от рождения до кончины.

Вокруг города на холмах широкой речной долины под сенью дубрав светились монастыри: Юрьев, Благовещенский в Аркажах, Ковалевский Спасский, Сковородский Михаило-Архангельский, Зверин Покровский, Антония Римлянина Рождественско-Богородичний, Варлаамо-Хутынский Спасо-Преображенский...

Новгородская епархия разделяла победы и поражения Новгорода. Пережили жестокий разгром, учиненный опричниками Ивана Грозного, шведскую оккупацию в Смутное время, петровские преобразования, екатерининскую секуляризацию церковных земель и вынужденное закрытие многих древних обителей. Преодолевая испытания, молились новгородцы, строили и поновляли старые храмы, обзаводили их драгоценной священнослужебной утварью и дорогими ризами, развивали систему школьного и духовного образования.

В начале нашего столетия Новгородская епархия занимала видное место в Русской Православной Церкви. Основу ее составляли сотни церквей с многочисленным причтом, десятки мужских и женских монастырей и пустыней, в которых проживали более трех тысяч монашествующих и послушников. В селах вплоть до начала Первой мировой войны возводили храмы, в большинстве не деревянные – каменные. Главной же духовной силой продолжали оставаться люди, верные христианским традициям служения. Первые послереволюционные годы связаны с именами двух человек, оставивших яркий след в новейшей истории не только епархии, но Церкви.

По традиции, Новгородскую кафедру, одну из значительнейших, имевшую многовековую историю, возглавляли заслуженные и авторитетные

архиереи. Указом Святейшего Синода от 6 ноября 1910 года архиепископом Новгородским и Старорусским был назначен владыка Арсений. Авксентий Георгиевич Стадницкий родился 22 января 1862 года в семье протоиерея в селе Комарово Хотинского уезда Бессарабской губернии. Окончил Единецкое духовное училище и Кишиневскую семинарию, вернулся преподавателем училища, на следующий год поступил в знаменитую Киевскую духовную академию и завершил обучение в ней в 1885 году со степенью кандидата богословия. Церковное служение, преподавание в родной семинарии и научные интересы определили деятельность Стадницкого. Одна за другой появляются в свет его монографии о южном православии, позже составившие основу докторской диссертации об истории Молдавской церкви.

С декабря 1895 года жизнь Стадницкого проходила главным образом на Северо-Западе России. Он получил назначение инспектором Новгородской духовной семинарии, уже полтора столетия располагавшейся в древнем Антониеве монастыре, а 30 декабря принял постриг в соборном храме Санкт-Петербургской духовной академии. Монашество означало начало стремительной административно-церковная карьеры, ставшей частью жизни, но не поглотившей прежние интересы. На следующий день после принятия монашеского чина Арсения рукоположили в иеродиаконы, через день - в иеромонахи. В октябре 1896 года его назначили ректором семинарии и настоятелем славного своей древностью Антония Римлянина Рождество-Богородичного мужского монастыря с возведением в сан архимандрита. Спустя три месяца Арсения перевели инспектором Московской духовной академии с исправлением должности профессора по кафедре Библейской истории, а через год утвердили ректором академии.

В январе 1899 года Арсений был возведен в сан епископа Волоколамского, третьего викария Московской митрополии с оставлением в ректорской должности, и 28 февраля хиротонисан в кафедральном соборе Христа Спасителя. Самостоятельную владычную кафедру Арсений получил в декабре 1903 года с назначением епископом Псковским и Порховским, упрочил общецерковное служение на посту председателя учебного комитета при Святейшем Синода. Видный иерарх отдал дань и служению государственному, представляя с 1907 года монашествующее духовенство в высшем законосовещательном органе Российской империи - Государственном совете. Последовало возведение в сан архиепископа.

Его положение стало еще более весомым в связи с назначением на Новгородскую кафедру. Арсений принял деятельное участие в проведении в старинном русском городе XV археологического съезда, озаботился созданием Древлехранилища и возведением Епархиального дома, получившего его имя. Научные заслуги Арсения были отмечены избранием действительным членом Императорского Православного Палестинского общества, почетным членом Общества любителей духовного просвещения, Императорского Русского археологического общества, Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской духовных академий, Археологического института в

Константинополе, а государственные - награждением российскими и иностранными орденами.

Семнадцатый год принес Арсению и падения, и взлеты. Пришедшим к власти в России не по нутру была ярко выраженная православная позиция архиепископа Арсения, поэтому своим апрельским распоряжением Временное правительство запретило ему присутствие в Синоде в числе семи архиереев. Как один из авторитетнейших иерархов, Арсений сосредоточил внимание на организации Поместного Собора Русской Православной Церкви и восстановлении патриаршества. С началом работы Собора фактически руководил всеми заседаниями. Об его авторитете свидетельствует тот факт, что при определении порядка избрания патриарха Московского и всея Руси 31 октября 1917 года митрополиту Арсению было отдано 148 голосов членов Поместного Собора. Двух других кандидата в патриархи – архиепископа Харьковского Антония (Храповицкий Алексей Павлович, уроженец села Ватагино Новгородской губернии) предпочли 159 человек, митрополита Московского и Коломенского Тихона (Белавин Василий Иванович)– 125. После торжественной службы жеребьевкой патриархом Московским и всея Руси был определен Тихон. Арсений завершил заседания Собора в качестве председательствующего.

После возвращения владыки в Новгород на его имя поступил торжественный и почетный документ:

Указ из Святейшего Правительствующего Синода.
Преосвященному Арсению, Архиепископу
Новгородскому и Старорусскому.

Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви слушали: предложенное Святейшим Патриархом Московским и всея России Тихоном заявление Членов Священного Собора Православной Российской Церкви о возведении в сан митрополита Товарищей Председателя Священного Собора - Вашего Преосвященства и Преосвященного Харьковского Антония, бывших в числе кандидатов на Патриарший престол.

Приказали: Выслушав означенное заявление, Святейший Синод, во внимание к высокополезному для Православной Церкви святительскому служению Вашего Преосвященства, определяет: возвести Ваше Преосвященство в сан митрополита, с предоставлением Вам права ношения белаго клобука и митры с крестом. О чем Ваше Преосвященство уведомить указом.

Ноября 29 дня 1917 года.

Вторым человеком в епархиальной иерархии являлся викарный епископ Алексий, ученик Арсения с юношеского возраста. Сергей Владимирович Симанский родился 27 октября 1877 года в Москве в дворянской семье. После окончания Николаевского лицея продолжил образование на юридическом факультете Московского университета и получил степень кандидата права. Во время учебы в Московской духовной академии 9 февраля 1902 года принял постриг, вскоре был рукоположен в иеродиаконы и иеромонахи. Алексий завершил обучение в академии кандидатом богословия и получил назначение инспектором Псковской духовной семинарии, где его служба началась под руководством бывшего академического профессора епископа Арсения. Через два года, в сентябре 1906-го, Алексий был назначен ректором Тульской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита, а когда архиепископа Арсения перевели на Новгородскую кафедру, Алексий стал ректором Новгородской семинарии и настоятелем Антониева монастыря. 28 апреля 1913 года в Софийском соборе состоялась хиротония архимандрита Алексия в сан епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии.

Совместное служение владыки и викария продолжалось восемь лет. В феврале 1921 года патриарх Тихон назначил епископа Алексия первым викарием Петроградской епархии с титулом епископа Ямбургского. В следующем году митрополит Арсений выехал в Москву по вызову ГПУ, как оказалось, навсегда покинув епархию. Епископ же Алексий после расстрела митрополита Вениамина вступил во временное управление Петроградской епархией. Отбыв почти четыре года в казахстанской высылке, Алексий вернулся и начал управлять Новгородской епархией с титулом архиепископа Тихвинского, позже Хутынского и Старорусского, стал постоянным членом Синода при Заместителе патриаршего местоблюстителя Сергие (Страгородском). В 1933 году он был возведен в сан митрополита Новгородского, в том же году был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским; всю войну находился в блокадном городе. После кончины патриарха Сергия митрополит Алексий стал Местоблюстителем патриаршего престола, а 2 февраля 1945 года Поместный собор избрал его патриархом Московским и всея Руси. Четверть века, до кончины 17 апреля 1970 года, являлся Алексий Предстоятелем Русской Православной Церкви. Ученик превзошел Учителя.

ГЛАВА I. БЕСОВСТВО
НАТИСК ДЕКРЕТОВ

Законодательная база, регулировавшая отношения между государством и Русской Православной Церковью, складывалась многими веками накопления и обобщения правового опыта. Началом симфонии власти стал “Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных”", принятый на заре христианизации страны. Многими другими княжескими уставами, Судебниками и Стоглавом династии Рюриковичей и Романовых тщательно взвешивали взаимоотношения с мощнейшей организацией, ставшей одним из важнейших факторов формирования государственности Российской. В век преобразований Петра и Екатерины Великих Церковь стала одним из важнейших имперских институтов, своеобразным “православным ведомством”. Законодательство закрепило ее положение как церкви государственной и православия как государственной религии. Верхи империи и Церкви в начале нашего столетия продолжали видеть в симфонии власти идейную основу строя, сохраняли уверенность, что “народ-богоносец” благочестив и послушен.

Требуются серьезные научные изыскания ученых разных гуманитарных специальностей для объяснения общественных настроений революционного периода. Казалось бы, русский народ издревле с почтением относился к православным обителям и храмам, видел в служителях религии светочей христианства, ежедневно возносил молитвы Господу в приходских церквах и перед домашними образами, соблюдал посты, скорбел и веселился на частых праздниках, носил нательные крестики. В церковно-приходских школах обучалось столько же учащихся, сколько в школах Министерства народного просвещения и земских. Церковь надзирала за учреждениями социального призрения.

Но пришли к власти последовательные и ярые безбожники, перефразируя патриарха Тихона, не принадлежавшие в большинстве своем к православию ни по имени, ни по рождению, и забыли рабочие и крестьяне веру предков. Выполняя приказы народных комиссаров и председателей губернских исполкомов, миряне – прихожане делили монастырские земли и инвентарь, описывали и тащили в подвалы государственных хранилищ церковные ценности, созданные трудом их предков, рушили храмы и устраивали в них склады и клубы, охраняли в лагерях и расстреливали священно- и церковнослужителей.

Не только простому люду можно бросить этот упрек. А жаждавшая революционного буревестника интеллигенция? А русское офицерство и дворянство? Кичившиеся благородством крови, ставившие честь превыше всего, относившиеся с презрением к “подлым” сословиям и инородцам, бросились в услужение сначала к капиталу, а через несколько месяцев стали большевистскими “спецами” на все руки. Могли быть они защитниками вековых ценностей христианства?

Что же девятисотлетняя христианизация страны? Была ли старая Россия христианской страной? Или согласиться с горькими словами Петра Яковлевича Чаадаева, что у русских каждая новая идея бесследно вытесняет прежние, ибо

она – не итог последовательного внутреннего развития культуры, “а является к нам Бог весть откуда” и народ ограничивается “слепым, поверхностным и часто неискусным подражанием другим нациям”? (Заметим в скобках, что, казалось бы, непоколебимо внедренная за семь десятилетий в сознание поколений коммунистическая идеология бесславно пала под натиском идей перестройки и демократизации общества, но и эти “ценности” на продержались и семи лет).

Несомненна вина самой Церкви, которая за широкой имперской спиной утратила качества средневековой “Церкви воинствующей”, но не приобрела опыта духовной и административной независимости. Духовенство привыкло к формальной обрядности и обязательности преподавания Закона Божия во всех учебных заведениях, не заботилось об убеждении пасомых, не всегда отличалось скромным образом жизни, строгим поведением и чистотой нравов. Монахи, пришедшие в обители в основном “от сохи”, по образованию и развитию мало соотносились с прежними подвижниками веры. Очевидный застой внутренней жизни в начале века отмечал “Церковный голос”: “Формализм, обрядоверие, торжество внешнего над внутренним, канцелярщины над жизнью – вот что стало характерным для христианства наших дней”.

Традиционная семинарская система подготовки священнослужителей и профессиональная узость и отсталость их воззрений не могла не вызывать снисходительности со стороны научной и творческой интеллигенции. Но не все однозначно и в этом отношении. На рубеже веков родилось уникальное явление, названное Русским религиозным Возрождением и представленное именами мыслителей мировой величины. У истоков стоял Владимир Сергеевич Соловьев, линию которого продолжили его друзья и последователи братья князья Трубецкие Сергей Николаевич и Евгений Николаевич, принявшие священство Павел Александрович Флоренский и Сергей Николаевич Булгаков. Однако изыскания ученых церковной верхушкой встречались более чем прохладно.

…Новая власть, утверждавшаяся с октября семнадцатого года в форме диктатуры пролетариата, поставила в отношении всех традиционных религиозных конфессий две задачи. Во-первых, следовало разбить организации христианства, ислама, иудаизма, буддизма. Главного врага видели в мощной Русской Православной Церкви, которую рассматривали как составную часть имперской “машины угнетения”, подлежащей уничтожению. Во-вторых, нужно было заменить религиозное мировоззрение народа на материалистическое. Суть религиозной духовности вступила в непримиримый конфликт с системой взглядов новых правителей России.

С первых дней советской власти один за другим принимаются декреты ВЦИК и Совнаркома, обеспечивавшие решение поставленных задач. В ночь на 27 октября Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов по докладу В. И. Ленина принял "Декрет о земле" с передачей церковных земель с постройками и инвентарем земельным комитетам. 11 декабря принимается правительственное постановление "О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства

в ведение Народного комиссариата по просвещению". Церковь лишилась церковно-приходских школ, учительских семинарий, женских епархиальных училищ, духовных училищ, семинарий и академий с их зданиями, библиотеками, учебными пособиями. Рухнула система образования, создававшаяся столетиями. 14 декабря ВЦИК (председатель Я. М. Свердлов) принял декрет о национализации банков и Церковь лишилась хранившихся в них денежных капиталов.

Приходские церкви испокон веков выполняли важную государственную функцию: регистрировали рождения, браки, кончины прихожан. Декрет ВЦИК и СНК от 16 декабря возложил обязанности расторгать браки только на гражданские суды, лишив этого права духовные консистории. В принятом через два дня, 18 декабря, декрете "О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния" заявили о признании только гражданских браков, которые наряду с рождениями и смертями фиксировались отделами исполкомов; церковные браки объявлялись частным делом, а всем приходам надлежало немедленно сдать регистрационные книги.

И, наконец, тяжелейшим ударом для религиозных конфессий стал "Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах", принятый Совнаркомом 20 января 1918 года. В целом документ провозгласил основы светского государства, идея которого витала в трактатах мыслителей эпохи Просвещения и с течением времени нашла закрепление в законодательстве ряда передовых стран. Декретировалось право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, из документов устранялись указания на религиозную принадлежность, отменялась религиозная присяга, государственные и общественные действия не могли сопровождаться никакими религиозными обрядами и церемониями, никакие конфессии не пользовались преимуществами и не могли получать субсидии от государства, провозглашался светский характер обучения.

Удар заключался в двух пунктах декрета: "Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют" и "Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ".

Принятыми в первые послеоктябрьские месяцы актами правительство низводило Русскую Православную Церковь до положения абсолютно бесправного некоего частного сообщества, закрепляло бесправие религиозных конфессий. (Январский декрет фактически действовал более семидесяти лет и был признан утратившим силу Верховным Советом РСФСР лишь в октябре 1990 года).

Накануне принятия декрета, 19 января 1918 года, патриарх Тихон направил воззвание православным и их пастырям, предпослав его эпиграфом из Послания к Галатам апостола Павла: “Да избавит нас Господь от настоящаго века лукаваго”.

“Тяжкое время переживает ныне Святая православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины, и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви

христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани". Патриарх адресовал "таковым извергам рода человеческаго" грозные слова и предупреждение: "Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, - это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властию, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафемствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви православной". Патриарх призвал верующих и верных чад Церкви встать "на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой матери вашей", противопоставить насильникам веру и готовность пострадать за дело Христово.

Анафемы – отлучения от церкви – большевики-безбожники не испугались. Удивительно другое. Патриаршее послание, наполненное скорбью и гневом, православные восприняли совершенно равнодушно, почти не известны случаи, когда оно играло какую-то роль в первых актах сопротивления новому режиму. Зато власти никогда не забывали воззвания как яркий пример изначальной контрреволюционности Церкви и не случайно хранилось оно в архивах госбезопасности[1].

Позицию патриарха поддержал Синод, направив в феврале 1918 года специальное постановление епархиальным владыкам, в том числе митрополиту Новгородскому Арсению. Пастыри призывались "крепко стоять на страже Святой Церкви в тяжкую годину гонений, ободрять, укреплять и объединять верующих в защите попираемой свободы Веры Православной и усилить молитвы о вразумлении заблудших". Мирянам следовало организовать при церквах союзы прихожан и, объединившись, защищать от посягательств святыни и церковное достояние, объявляя в крайних случаях себя собственниками церковного имущества. Особенно следовало оберегать от поругания и расхищения священные сосуды и прочие принадлежности богослужения и прятать их в церковных хранилищах. При открытых нападениях следовало набатом поднимать людей[2]. Синодальное постановление позже было вменено патриарху как призыв к вооруженным мятежам против советской власти. Синодальное постановление позже было вменено патриарху как призыв к вооруженным мятежам против советской власти.

Постановления центральной власти дополнялись бесчисленными ведомственными инструкциями и местным нормотворчеством. Совершенно особую роль играл Наркомат юстиции как первый специализированный государственный орган по надзору за религиозными конфессиями (нарком Дмитрий Иванович Курский, член партии с 1904 года). В составе Наркомата создается VIII отдел, носивший красноречивое название – церковно-ликвидационный. Начальник отдела Петр Ананьевич Красиков, умудрившийся вступить в партию за шесть лет до ее основания, стал крестным отцом будущих уполномоченных по делам религий. Будучи Прокурором и заместителем председателя Верховного Суда СССР, он внес посильный вклад в становление сталинского режима.

Для Церкви, а с ней и Новгородской епархии, настали черные дни. Первыми забили тревогу педагоги. Отдел народного образования 15 июня 1918 года направил в президиум губисполкома отношение следующего содержания: "Препровождая третью жалобу педагогического совета бывшей духовной семинарии на бесчинства красноармейской части, расположенной в здании семинарии, отдел настойчиво просит президиум сообщить отделу, можно ли надеяться на освобождение зданий учебных заведений от воинских частей или хотя бы на прекращение чинимых ими разрушений и бесчинств"[3]. Речь шла о трехэтажном каменном здании духовной семинарии, одной из старейших в России, основанной в 1740 году на территории Антония Римлянина Рождество-Богородичного монастыря. Красноармейцев убрали. В следующем году на учебной базе семинарии начал работу Новгородский практический институт народного образования.

В том же месяце, 16 июня, состоялось собрание приходских советов города и правления Союза во имя Святой Софии с участием митрополита Арсения и епископа Алексия. Обсуждалось требование губисполкома об изъятии зданий и имущества Епархиального дома, семинарии и духовного училища. Епархиальный дом был построен в центре Кремля по инициативе митрополита на средства Церкви, его торжественное освящение состоялось 2 декабря 1912 года. Распоряжением Синода дому было присвоено наименование Арсеньевского, император Николай II отметил труды владыки даром бриллиантового креста для ношения на клобуке. В здании размещались духовная консистория с архивом, духовно-просветительное братство Святой Софии, основанное в 1886 году, с библиотекой и книжным складом, просторный двухсветный зал для духовных бесед, Общество трезвости, Церковно-археологическое общество с Древлехранилищем, вобравшем ценнейшие памятники древнерусского искусства (см. Каталог Новгородского Епархиального Церковного Древлехранилища. Новгород, 1916).

В принятом собранием решении указывалось, что "Арсеньевский Епархиальный дом не может быть уступлен кому бы то ни было, так как иначе население лишится своего центра церковно-христианского просвещения и управления и тем самым также моральной и материальной помощи. Что касается духовно-учебных заведений, то они также необходимы православному народу губернии как для подготовки образованных пастырей Православной Церкви, так и вообще для сохранения и укрепления в населении христианской культуры... Таким образом, все названные здания, построенные на средства православного народа и обслуживавшие просветительные, бытовые и благотворительные его нужды, принадлежат лишь ему одному"[4]. Мнение собрания не было принято во внимание.

Правительственный декрет предусматривал передачу молитвенных зданий и богослужебных предметов в бесплатное пользование религиозных обществ. В августе 1918 года Наркомат юстиции опубликовал типовой договор как правовую основу отношений между местными органами управления и религиозными общинами. Вскоре отдел Новгородского губисполкома с

замысловатым названием – отдел по претворению в жизнь декрета об отделении церкви от государства – стал заключать соглашения. Странным был этот договор, налагавший обязанности только на одну сторону – группу верующих, но не предоставлявший ей никаких прав.

Прихожане, которых вскоре стали именовать коллективом верующих (дань времени), получали в бессрочное бесплатное пользование здание церкви с культовыми предметами по описи и были обязаны пользоваться ими исключительно для удовлетворения религиозных потребностей, нести за имущество полную материальную ответственность, производить оплату всех расходов по ремонту, отоплению, охране, налогам, местным обложениям и т.д., вносить в инвентарную опись все вновь поступающие предметы. Их особой обязанностью было не допускать “Политических собраний враждебного Советской власти направления; раздачи или продажи икон, брошюр, листков и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей; произнесения проповедей и речей, враждебных Советской власти или ее отдельным представителям; совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти”. Нарушение договора каралось “уголовной ответственностью по всей строгости революционных законов” и договор подлежал расторжению[5].

Отдел управления Новгородского губисполкома 17 января 1919 года потребовал изъять из церквей метрические книги, а также завершить описи церковного имущества. В старорусских приходах прошли собрания верующих и в марте уполномоченные общин Воскресенского собора, Спасо-Преображенского монастыря, храмов Святого Духа, Троицы, Успения Пресвятой Богородицы, Апостолов Петра и Павла, Великомученика Мины, Иоанна Богослова и Благовещения Пресвятой Богородицы обратились к властям с просьбой не изымать церковное имущество и не стеснять проведение религиозных обрядов. Прошение обосновали многими серьезными обстоятельствами:

> Принимая во внимание, что имущество церквей г. Старой Руссы принадлежит всецело их приходам, трудами которых, без всякого участия государства оно составилось; что данное имущество находится в полном распоряжении самих же приходов в лице своих же выборных лиц, составляющих собой приходские советы, которые ежегодно и отчитываются перед своими приходами; что такой порядок охраны имущества является наилучшей гарантией его целости; что благодаря этому не встречается надобности в передаче имущества для религиозных целей в распоряжение местного исполкома, так как имущество уже находится в распоряжении народа - прихожан и целости его не грозит опасность; ...это имущество служит единственным источником для приходов в деле содержания священно- и церковнослужителей церкви и для поддержания храмов, часовен и других церковных построек; что лишение этих

средств повлечет за собой закрытие церквей и постепенное их разрушение, ибо приходы не в состоянии будут изыскать другие достаточные на это источники; что метрические книги церквей велись за счет самих же приходов и составляют необходимую принадлежность приходов в их внутренней жизни - это регистрация членов прихода; что передачей их приходы будут поставлены в безвыходное положение, особенно в вопросах определения возраста и родства при совершении Таинства брака; что предложение отдела снять церквам копии с книг является неосуществимым за отсутствием на то свободных средств; что воспрещение религиозных процессий похоронных в сопровождении духовенства, молебнов и т.п. без предварительного на каждый отдельный случай разрешения, причем заблаговременного, не позднее двух дней, является стеснением свободного проявления религиозной совести, чего декрет не имеет ввиду, но наоборот - возбраняет.

Ссылки на свободу совести и принадлежность церковного имущества народу, как и приложенные полста листов резолюций приходских собраний с подписями сотен рушан, не помогли. На прошение легла равнодушная резолюция: "Ввиду явной противозаконности ходатайства оставить без последствий"[6].

Следует отметить, что попытка членов Высоцкого волостного исполкома Старорусского уезда провести опись имущества церкви Пророка Илии в деревне Дретено натолкнулась на сопротивление прихожан, заявивших, что “церковь строили и украшали на свои копеечные приходские средства”. В Бурегском приходе перед прихожанами выступил агитатор; итог собрания - “Заслушав доклад тов. Степанова о представлении метрических книг в волостной совдеп постановили: метрические книги в волостной Совет вовсе не сдавать, за 86, против 1, воздержался 1. Остальные вопросы из доклада тов. Степанова об описи имущества и отделении школы от церкви обсуждать отказались”. Подобные резолюции были вынесены и в других приходах Старорусского благочиния[7].

На основании постановления ВСНХ об учете изделий из драгоценных металлов контрольно-учетные отделы уездных совнархозов затребовали описи культовых предметов, имеющих украшения из золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней. По распоряжению Наркомата внутренних дел из учреждений и учебных заведений были вынесены иконы. Учительница Вересковской школы С. Отвагина сообщила волостному совету, что “крестьяне отнести икону и картины религиозного содержания в Старую Руссу и сдать их в отдел управления по внутренним делам не дозволяют”; собранные иконы позже по актам передали в церкви[8].

Губернский церковно-ликвидационный подотдел распорядился в недельный срок сдать остатки денежной наличности. В ответ на протест Епархиального совета заведующий подотделом Н. Н. Левендаль невнятно сообщил: "Бесцельное же

хранение значительных денежных сумм в монастырских алтарях, подвалах и сундуках вряд ли может быть оправданно со всех точек зрения"[9].

Трагическим по последствиям стало августовское 1920 года секретное распоряжение заведующим отделами управления и уездными политбюро по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности как низшим подразделениям органов ВЧК, о взятии на спецучет приходских общих и выборных лиц: "чтобы все коллективы верующих были в политбюро и отделе управления на учете, нужно всех председателей под их ответственность обязать их давать сведения о каждом собрании, а также повестку дня. Политбюро просит выслать список председателей коллективов верующих с указанием адреса и порядок же наблюдений за коллективами верующих предоставьте политбюро, а также о каждом собрании сообщать в секретно-информационную часть политбюро"[10]. Списки с указанием фамилий, имен, отчеств и адресов председателей общин, их заместителей и секретарей, как показали последующие события, были заранее готовившимися списками на уничтожение. Священнослужители же, согласно первой советской Конституции, были лишены избирательных прав, образовав с другими “эксплуататорами” категорию граждан второго сорта – лишенцев. Они облагались многократно повышенными налогами, дети их были лишены права продолжить образование в высших учебных заведениях.

По распоряжению отдела юстиции губисполкома ревтрибунал приступил в начале сентября 1920 года к следствию по обвинению членов Епархиального совета в противогосударственной деятельности. (Небезынтересно, что вместо Новгородской духовной консистории как совещательного органа церковного управления при владыке, состоявшей из представителей духовенства, с июля 1918 года стал действовать Епархиальный совет из лиц духовного звания и мирян. Тоже веяние времени?). Задолго до вынесения приговора НКВД принял решение о роспуске совета, а исполнительный комитет потребовал "немедленно ликвидировать советы при окружных благочинных" Органы церковного управления в губернии и уездах оказались разрушенными.

Основанием для разбирательства послужило распоряжение VIII отдела Наркомата юстиции начать расследование о выпуске в январе - апреле 1920 года двух сдвоенных номеров "Новгородских епархиальных ведомостей", изданных в журнальном варианте объемом 16 и 20 страниц малого формата и тиражом по 900 экземпляров. Сотрудник губчека Ипполитов провел обыск и выемку документов в помещении совета в Свято-Духовом монастыре. Активное участие в следствии принял заведующий подотделом Левендаль; неизвестно, на каких законных основаниях, но именно он 22 сентября допросил митрополита Арсения и взял от него подписку о невыезде. Обширное левендалевское заключение "О незакономерных действиях бывшего Новгородского Епархиального совета, об издании "Епархиальных ведомостей" и о помещении в "Ведомостях" статей контрреволюционного направления" послужило основой для обвинения и приговора. Сам следователь на процессе выступал как обвинитель.

Трибунал заседал 11 и 12 февраля 1921 года. Скамью подсудимых заняли митрополит Арсений, епископ Алексий, выборные члены совета протоиереи

Константин Михайлович Яковцевский и Николай Федорович Соколов, миряне Владимир Николаевич Фиников и Евгений Васильевич Скородумов, а также протоиерей Венедикт Дмитриевич Вихров. Они обвинялись в нарушении целого букета декретов первых месяцев советской власти - “О расторжении брака”, “О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния”, "О печати", "О признании контрреволюционными попыток со стороны кого-либо или каких-либо учреждений присвоить себе функции государственной власти", “О свободе совести, церковных и религиозных обществах”.

В ходе слушаний были объявлены контрреволюционными распоряжения Епархиального совета духовенству губернии по вопросам церковного разрешения бракоразводных дел ("изменив форму бракоразвода на форму снятия бракоблагословения") и ведению метрических книг, о сборе "церковной и приходской лепты" путем самообложения прихожан из расчета 20 копеек с человека дважды в год, об издании "Епархиальных ведомостей" и материальной поддержке таких церковно-общественных организаций как Братства Св. Софии, Палестинского общества и Красного Креста. Дополнительно протоиерей Вихров обвинялся в принятии денежных средств и ведении соответствующих документов, а Фиников как редактор "Ведомостей" и Скородумов - в написании статей "контрреволюционного содержания".

Трибунал приговорил подсудимых по делу "О расследовании антисоветской деятельности членов Новгородского Епархиального совета" к условному наказанию, а митрополита Арсения дополнительно к высылке в Архангельск. Президиум ВЦИК согласился с приговором, отменив его в части высылки владыки. Едва не пострадал молодой священник Косинского Николаевского монастыря Сергей Николаевич Словцов, имевший неосторожность после проповеди сообщить прихожанам о приговоре и пояснить, что сие возможно “до тех пор, пока существует власть”. Трибунал не усмотрел признаков уголовно наказуемого деяния в этих словах и священник был оправдан[11].

Видимо, результат запугивания священнослужителей “на законных основаниях” удовлетворил Москву. Заведующий церковно-ликвидационным отделом Наркомюста П. А. Красиков через две недели прислал Левендалю директиву: "при наличии достаточного судебного материала принять со своей стороны зависящие меры к постановке в Новгороде показательных судебных процессов церковников, имеющих большое значение в деле антирелигиозной агитации и пропаганды, а именно разоблачающих перед народными аудиториями роль старой классовой церковной организации и приемы религиозной эксплуатации"[12]. Директива была выполнена в следующем году.

После эпопеи изъятия церковных ценностей и ареста митрополита Арсения, о чем будет подробно рассказано, взаимоотношения губернских и епархиальных властей окончательно перешли в плоскость приказов. Ситуацию через газету "Звезда" 9 марта 1923 года разъяснил губернский прокурор И. А. Куприянов. Во-первых, запрещалось торжественное поминовение на службах патриарха Тихона и иных "заведомых врагов Советской власти"; уличенные в поминовении "будут представляться в Особую комиссию при Народном

комиссариате внутренних дел для высылки их в административном порядке с заключением на 3 года в лагерь принудительных работ". Во-вторых, фактически запрещалось систематическое преподавание, как выразился прокурор, "так называемого Закона Божия". Заведующий губотделом управления М. В. Росляков добавил, что "при обнаружении случаев, указанных в разъяснении прокурора, к ответственности кроме церковнослужителей будут привлекаться и правления коллективов верующих".

Учебные заведения были поставлены под неусыпный контроль. В Информационный отдел ГПУ пошло красноречивое сообщение: “В последние церковные праздники было произведено обследование школ гор. Новгорода в смысле посещаемости учащимися уроков в эти дни. Оказалось следующее: 4-го декабря из всего количества учащихся в школах губсоцвоса в 2558 человек отсутствовало в этот день (день введения во храм богородицы) 999 человек, что составляет около 39%. Если исключить 10% обыкновенной непосещаемости учеников, все таки остается 29% детей, не посещавших школы в день церковного праздника. Губсоцвос принимает самые ршительные меры к искоренению этого зла, которое дает пережиток старины и косность родителей”.

Губсоцвосом на советском новоязе именовался губернский отдел социального воспитания, а учителя – шкрабами, школьными работниками. «Политнастроение шкрабов спокойно», – сообщал в мае 1923 года губернским отделом ГПУ.

В том же году вводилась практика обязательного согласования государственной регистрации религиозных общин с органами безопасности. В требовавшийся пакет документов входили заявление учредителей, устав общины, списки членов коллектива, его исполнительного органа и причта[13]. Оставался лишь шаг до установления полного контроля над религиозными конфессиями со стороны набиравшего силу могущественного аппарата, второго по значению в системе диктатуры пролетариата.

ОБИТЕЛИ

В первый день существования государство диктатуры пролетариата обрушило на Русскую Православную Церковь первый удар. Декретом о земле все монастырские и церковные земли со всеми постройками и инвентарем перешли в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных совдепов. Монастырскому землевладению явно уделили экономически неоправданное внимание. Судите сами. Существовавшие ко времени революции на обширной территории Российской империи 1257 мужских и женских обителей с архиерейскими домами владели 1,159 миллиона десятин земли, но только в Европейской России и только культурные угодья (пашни, луга и выгоны) всех форм собственности занимали более 171,4 миллиона десятин. В нечерноземной Новгородской губернии 51 обитель имела 43 тысячи 478 десятин земли, включая леса и воды, а культурные земли составляли 2 миллиона 517 тысяч десятин. Такую же незначительную роль играли доходы от земли в общем епархиальном бюджете. Наделение крестьян землей за счет Церкви не могло решить аграрную проблему, тем более что давать мужикам землю правительство не собиралось. Выдвинутый лозунг "Землю - крестьянам!" был типично популистским.

В Новгородскую духовную консисторию стали поступать жалобы настоятелей монастырей. Настоятель Иверского Святоозерского Богородичного монастыря архимандрит Иосиф сообщил: "Имею честь донести консистории, что крестьяне с разрешения волостных земельных комитетов уже начали рубить лес в монастырских дачах Короцкого, Успенского и Боровичского монастырей, а рыбные ловли в принадлежащем Иверскому монастырю Ужинском озере сданы комитетом в аренду помимо монастыря. Никаких монастырских протестов не принимают"[14]. (В благочиние входили Иверский монастырь, в котором проживали 38 монашествующих и 26 послушников, земельные угодья составляли 687 десятин; Короцкий Тихоно-Задонский женский монастырь, проживали 73 монахини и 164 послушницы, имел 1121 десятину угодий; Успенский женский монастырь, одна монахиня и сто послушниц, земель 537 десятин; Боровичский Свято-Духов мужской монастырь, проживали 16 монахов и 10 послушников, угодий 908 десятин).

Резкая конфликтная ситуация сложилась после опубликования проекта декрета, согласно которому религиозные организации лишались права юридического лица и собственности, их имущество объявлялось "народным достоянием". Не ожидая принятия документа и его официальной публикации ("Известия ВЦИК", 21 января), местные советы начали описывать церковное имущество, что не могло не вызвать сопротивления.

Комиссия из трех членов Боровичского уездного исполкома под председательством Н. Г. Погорлецкого 19 января явилась описывать имущество Свято-Духова монастыря. Когда работа была закончена, раздался набат. У монастырской ограды быстро собралась толпа. Возбужденные криками "Монастырь грабят!" люди ворвались на монастырский двор. Погорлецкий

пробовал успокоить людей, но его не слушали. Членов комиссии были поленьями и кольями, председателя ранили топором. С большим трудом рабочим расположенного рядом небольшого завода удалось отбить членов исполкома и отвезти в больницу, где им была оказана медицинская помощь. Через несколько месяцев дело рассмотрел губернский ревтрибунал по предварительному следствию созданной к тому времени губернской ЧК; участники избиения во главе с иеромонахом Вениамином были приговорены к денежным штрафам[15].

Случаи заступничества прихожан были единичными - обыватели и крестьяне надеялись поживиться хоть чем-нибудь. Настоятельница Короцкого монастыря игуменья Афанасия сообщала: "Имею честь почтительнейше донести Новгородской духовной консистории, что 2-го февраля сего года Зимогорским волостным земельным комитетом произведена опись: земель, зданий, живого и мертвого инвентаря, запасов хлеба и корма, принадлежащих вверенному мне монастырю". Настоятель Вяжищского Николаевского монастыря архимандрит Серафим писал: "15/28 февраля сего 1918 года председатель Троицкого волостного земельного совета Дмитрий Огородников в присутствии понятых, граждан селения Вяжищи в числе трех человек и в присутствии моем и старшей братии, согласно циркуляра Новгородского губернского земельного совета от 27 ноября 1917 года за №2609, принял на учет в заведывание Троицкого волостного земельного совета все земли, принадлежащие Вяжищскому монастырю: пахотную, сенокосную, лесную с лесом, усадебную и неудобную, а также весь живой и мертвый инвентарь, а именно: рогатый скот, лошадей, экипажи, сбрую, плуги, бороны и все прочее, при сем составлен был акт, копия с которого имеется в монастыре"[16]. (В обители проживали девять монахов и восемь послушников, земельные угодья составляли 372 десятины; архимандрит Серафим, в миру С. П. Велицкий, родился в 1873 году, выпускник Новгородской духовной семинарии, последний благочинный новгородских монастырей).

Ладно бы угодья и пресловутая тяга крестьянина к земле. Христолюбивые прихожане и их выборный актив не брезговали откровенным крохоборством. Так, в Десятинном Рождество-Богородичном монастыре экспроприировали тарантас, шарабан и телегу, из Покровского Зверина вынесли 17 аршин шелковой материи и 5 аршин коленкора, пуд овса и 15 фунтов риса, в Сырковом Владимирской иконы Божией Матери поживились двуколкой и полупудом выпеченного хлеба[17]…

Пример, как водится, показывали новые хозяева. Из рапорта настоятельницы Михаило-Клопского Свято-Троицкого монастыря игумены Маргариты: “уездным комиссаром продовольствия Васильевым с местными коммунистами согласно ордера совета народного хозяйства 10 октября сего года были реквизированы в Клопском монастыре следующие казенные вещи: 4 венских стула, 4 мягких стула, 1 мягкое кресло, 3 стола, 1 шкаф, 1 табуретка, 12 стаканов с блюдцами, 25 чайных чашек с блюдцами, 1 большой чайник, 1 самовар и 12 мелких разных тарелок. Затем описали коров, но оставили их впредь до нового распоряжения”[18]. Учитывалась ли реквизиция такого “народного достояния” местными советами? Нет данных.

К середине 1918 года, когда неспособность новой власти возродить экономику страны стала очевидной и ей пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам продразверстки, обратили внимание на монастырские закрома. По уверениям официальной пропаганды, в них хранились несметные продовольственные запасы; контрреволюционеры в рясах не выпускали хлеб из своих рук, дабы вызвать массовое недовольство голодных людей и оторвать трудящихся от революции.

В июне Валдайский уездный исполком принял решение о реквизиции хлебных запасов Иверского монастыря и направил письмо архимандриту Иосифу. Начальник уездной милиции Н. В. Пальмов хотел предварительно учесть эти запасы, но у монастырских ворот его встретила толпа богомольцев человек в триста и, угрожая, не дала выполнить намеченное. Тогда Пальмов решил действовать силой. Ранним утром 15 июня он, четыре члена исполкома в сопровождении отряда из полусотни красноармейцев с тремя пулеметами на лодках переправились на остров. Первые ворота монах-сторож открыл, но вторые, внутренние, с надвратной церковью Архангела Михаила, оказались на запоре. В ответ на стук красноармейцев с колокольни Успенского собора раздался набат. Как ранее было условлено, его подхватили колокола в Валдае и пригородном селе Зимогорье.

Под тревожный перезвон, широко раздававшийся над озерной гладью, приезжие торопливо загружали лодки мешками с мукой. В это же время горожане, услышав набат, высыпали на улицы и побежали к берегу, бросились к оружейным складам и захватили их. Военный комиссар В. Н. Александровский с оставшимися семью красноармейцами и начальник городской милиции Я. И. Лесков не могли им помешать. Мигом разобрали 330 винтовок, три ручных пулемета, револьверы и холодное оружие.

Бывшие на острове отрядники с тревогой наблюдали за ростом толпы на противоположном берегу. Струхнувший Пальмов предложил архимандриту Иосифу отправиться с отрядом и объяснить собравшимся валдайцам, что оскорблений религиозных чувств не допускалось, а выполнялось решение совета. Настоятель согласился. При приближении к берегу лодки были обстреляны и случайная пуля ранила архимандрита. Повернули назад. Пострадавшему оказали медицинскую помощь, реквизицию срочно отменили и люди вскоре разошлись.

На следующий день в Валдае было введено военное положение и образован революционный штаб, принявший меры к возвращению оружия на склады военного комиссариата. Расследование происшествия вел следователь Новгородской губчека У. И. Пюкенен. За подстрекательство толпы, хищение оружия и стрельбу по красноармейцам суду были преданы двенадцать человек. Наиболее активных отправили в Петроград, в ЧК Союза коммун Северной области; в мае 1919 года они были освобождены. Туда же под конвоем отправили проштрафившихся военкома и двух милицейских начальников[19].

Такое было возможно только в первые послеоктябрьские месяцы. Проведя осенью того же 1918 года всероссийскую акцию устрашения под названием "красный террор", подобной "мягкости" власти далее не допускали...

Уникальным памятником описываемого времени является "Летопись Отенского монастыря" - книга из 44 лицевых и оборотных листов большого формата с записями чернилами[20]. Иноки вели ее с марта 1894 года и на протяжении ровно четверти века безыскусно фиксировала наиболее важные события в монастырской жизни. Многие века начитывало русское монастырское летописание. Кто знает, может “Летопись” стала последним из дошедших до нас памятников. Древний Ионо-Отенский монастырь располагался в полусотне верст от Новгорода, в лесах у реки Вишеры, проживали в нем 10 монахов и трое послушников, земельных угодий имелось 503 десятины. Предлагаем отрывки из "Летописи".

Год 1918-й. "Мая 16. Были пришедши из дер. Посада крестьяне и хлопотали, и просто отнимали, но еще не знаем, чем кончится".

"Мая 19. Пришли во второй раз крестьяне дер. Посада и стали реквизировать монастырскую землю и поля, тогда мы, братия монастыря, сообщили об этом Новоселицкому волостному совету и тот немедленно ответил, что засеянные поля реквизиции не подлежат, что и просил разъяснить гражданам вышеупомянутой деревни".

"Мая 22. В третий раз приходили некоторые крестьяне дер. Посада реквизировать монастырскую землю, теперь уже с бумагой от волостного совета, которому они наговорили, что братия монастырская препятствует им обрабатывать отчужденную монастырскую землю; ввиду этого в бумаге волостной совет сообщает, что если братия монастыря будет препятствовать реквизировать отчуждаемую монастырскую землю, то тогда будет применена вооруженная сила и руководители будут арестованы и преданы революционному суду. По поводу этой бумаги настоятель и братия, собравшись вместе, вышли к крестьянам, требующим монастырскую землю, и с Божией помощью, молитвами заступника нашего Святителя Ионы устыдили заблудших овец стада Христова и последние, так настойчиво желавшие реквизировать монастырскую всю землю и даже имущество монастыря, устыдились и решили взять в свою пользу только три пожни и сельцо с вспаханной уже монастырем землей".

"Июня 26. Праздник иконы Тихвинской Божией Матери прошел торжественно. За всенощным бдением при большом стечении молящихся, монастырских и мытенских певчих соборным служением был отправлен акафист Божией Матери. В нынешнем году священник Мытенского прихода в первый раз устроил в этот день крестный ход и пред поздней литургией пришел с иконами и хоругвями при всеобщем пении народа пасхальнаго канона. Вследствие устроенного крестного хода в этот день за божественной литургией собралось небывалое количество молящихся; за причастной священником о. Вениамином было сказано прочувственное слово на тему "о неугашении духа веры", во время которой многие от умиления даже плакали. После литургии было совершено с крестным ходом обнесение вокруг монастыря

чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери, после чего Мытенский крестный ход со священником при всеобщем пении пасхальнаго канона отправился в свой приход".

Год 1919-й. "16-го марта 1919 года монастырское хозяйство перешло в ведение советской власти и наличные деньги в количестве 4128 р. 48 к. переданы заведующему советским хозяйством при монастыре гражданину Николаю Федорову.

… Патриоты пытались противостоять расхищению культурного наследия России. Благочинный монастырей Новгородской епархии архимандрит Никодим в конце 1918 года обратился в губернскую архивную комиссию с мольбой о помощи. “Опасения его, - писал председатель комиссии Михаил Валерьянович Муравьев, долгие годы возглавлявший Новгородское Общество любителей древностей, - оправдались разгромом ризницы Моисея-Сковородского монастыря, архива Сыркова монастыря и взятии описи в Зверинском монастыре и, наконец, недавно, 4 ноября, ужасным разгромом Иверско-Валдайского монастыря, в котором ризница, где помещались архив и библиотека, сохранившая много памятников эпохи патриарха Никона, - подверглись расхищению и реквизиции, будто бы по распоряжению Валдайской чрезвычайной комиссии”. Благочинный обратился и к председателю Новгородского Церковно-археологического общества Ивану Васильевичу Аничкову с просьбой учредить “братство для охраны имущества и самой Юрьевской обители”, как имеющих историческое значение. Известные новгородские краеведы предложения приняли “очень сочувственно”[21]. Все трое наивно надеялись на действенность декретов о сохранении культурных ценностей, которые на деле остались пустыми декларациями.

Точку в многовековой истории новгородских обителей поставил губернский съезд советов. На заседании 1 августа 1919 года его делегаты заслушали выступление сотрудника VIII церковно-ликвидационного отдела Наркомата юстиции И. А. Шпицберга, “бывшего ходатая по бракоразводным делам”, ставшего после революции одним из ведущих советских специалистов по конфессий. Тот рассказал о борьбе "с религиозными суевериями, попизмом и учением культов", указал, что "существование монастырей, в особенности в прифронтовой полосе, каковой является и Новгородская губерния, весьма опасно для революции, ибо монастыри - очаги контрреволюции". Доклад "вызвал шумные овации всего зала" и при достигнутом настроении съезд принял резолюцию о закрытии монастырей: "Поручить Новгородскому губисполкому в течение месяца от этого дня все монастырские помещения в пределах Новгородской губернии передать для нужд социального обеспечения стариков, раненых и детей, а монахов как сословие паразитов сдать в тыловое ополчение". Лишь один делегат проголосовал против такого решения и четверо воздержались[22].

Решение съезда о мобилизации монашествующих не являлось голословным. Тыловое ополчение было создано по инициативе наркома по военным делам Л. Д. Троцкого и формировалось из лиц призывного возраста, которым государство диктатуры пролетариата не доверяло оружие, но использовало на тяжелых работах

по строительству укреплений, на железнодорожном транспорте и оборонных предприятиях. К окончанию Гражданской войны эти части составили не много, ни мало восемь Трудовых армий с числом трудармейцев до двух с половиной миллионов человек. (Эту идею Троцкого, как почти все его наследие, широко использовал Сталин на великих стройках коммунизма и в годы Великой Отечественной войны). Начиная с февраля 1919 года, в тыловое ополчение были мобилизованы священники Владимир Раменский, Павел Осипов, Алексей Любынский, Александр Фрегатов, Иван Осипов, диаконы Константин Купицкий, Никандр Беляев и другие носившие сан люди[23].

Монастырские комплексы начали использовать по усмотрению властей. В некоторых разместили дома инвалидов, в островном Иверском – детскую колонию. Губернская ЧК облюбовала Десятинную Рождество-Богородичную обитель в центре Новгорода. В покоях игуменьи обосновался чекистский клуб, а настоятельнице и монахиням отвели два помещения при стене ограды и чердак. Через месяц после вселения рыцарей революции игуменья Людмила писала благочинному архимандриту Никодиму: “мною получено предписание из чрезвычайной комиссии о немедленном выселении всех сестер в трехдневный срок… На все мои и сестер просьбы со слезами нам отложили последний крайний день выезда – 20-ое число сего месяца. С благословения Вашего высокопреподобия я и некоторые сестры переехали жить на хутор; некоторые же престарелые определились в богодельню социального обеспечения в Юрьев; часть сестер разъехалась. После того мне не у чего было оставаться и так как нас торопили выехать, я оставила монастырь с глубокою верою и упованием на Пресвятую Богородицу, что Она возвратит всех и меня еще в свою святую обитель”[24].

Но где-то бывшие насельники пытались братски пережить смутное время. Например, в Деревяницком Воскресенском монастыре, где проживали 15 монахинь и 52 послушницы, обрабатывавшие 226 десятин земли. Летом 1920 года комиссия констатировала: "При монастыре учреждена сельскохозяйственная артель, в которую полностью вошли указанные рясофорные и простые послушницы. Артель эта целиком приняла монастырские владения и инвентарь, существует с апреля месяца 1920 года. Кроме производительности на себе артель содержит на основах социального обеспечения 14 монахинь, а впоследствии при увеличении производительности и сборе урожая может поставлять продукты сельского и молочного хозяйства по установленной норме на те или иные государственные нужды. Постановка и производительность артели в данное время следует признать удовлетворительными, а интенсивность в работе членов артели вполне достаточна".

Не нужными были монастырские трудовые сельскохозяйственные артели государству, ставившему идеологию выше экономики. В сентябре того же 1920 года заведующий губернским церковно-ликвидационным подотделом Н. Н. Левендаль докладывал: "При производстве следствия по жалобам на председательницу сельскохозяйственной трудовой артели при Новгородском Деревяницком женском монастыре гражданку А. М. Никифорову с указанием, что в деятельности монастырской артели упорно проводятся прежние уклады монастырского состояния и что артель как таковая является фикцией, за которой

скрывается весь прежний старорежимный монастырский строй... нахожу нужным довести до сведения губисполкома и просить вместе с сим выдать мне определенный мандат на право обследования всех сельскохозяйственных и трудовых артелей, организованных бывшими церковными учреждениями и монастырями и состоящих из бывших монастырских насельников и насельниц, во исполнение определенного предложения Народного комиссариата юстиции и лично данных мне директив по указанному вопросу"[25].

Левендаль опирался на запрещение наркомата юстиции сохранять таким артелям "всех признаков бывшего монастырского состояния". После набегов уполномоченного монашеские артели с налаженным хозяйством и исполнительными работниками заменили созданными на их базе совхозами и коммунами. Минули еще два - три года, и некогда процветавшие культурные хозяйства перешли на существование за счет подачек государства, не принося последнему ничего, кроме убытков. Практическое подтверждение бредовой идеи обобществления.

Долее всего сосуществовали монахини и военнослужащие в Зверином Покровском монастыре, пока в начале 1929 года командование 16-й стрелковой дивизии не обратилось к местным властям с просьбой прекратить службы в храмах, выселить монахинь и передать все монастырские помещения 46-му стрелковому полку под жилье и склады. Исполкомовская комиссия отметила, что действительно, "обе церкви б. Звериного монастыря, Покровская и Никольская, расположены в центре военного жакта "Красная Звезда", причем выполнение двадцатками обеих церквей своих религиозных обрядов и богослужений совпадает во времени с часами, в кои должны проходить культурно-просветительная работа среди красноармейского состава и семей комполитсостава, каковое обстоятельство кроме ущерба делу воспитания среди указанных категорий военносужащих, частично влечет за собой моральное разложение неустойчивой части таковых и сводит к нулю антирелигиозную пропаганду". Комиссия предложила закрыть церкви, "чтобы частям 46 полка была предоставлена полная возможность спокойно проводить политическую и культпросветработу" и выселить "служительниц религиозного культа в наикратчайший срок"[26]. Куда – Бог весть. Идеология взяла верх над человечностью.

Внимание властей привлекали закрытые монастыри, при которых их бывшие насельники пытались совместно проживать и служить Господу. Весной 1931 года Новгородский городской отдел ОГПУ начал расследование деятельности "контрреволюционной группировки", обосновавшейся в деревне Вяжищи подле окончательно закрытого в 1927 году Вяжищского Николаевского монастыря. Арестовали последнего настоятеля монастыря 70-летнего архимандрита Лаврентия Яковлевича Варламова, отдавшего монашескому служению всю сознательную жизнь, и иеродиакона Николая Александровича Рождественского, также в юношеском возрасте пришедшего в обитель. Вместе с ними в камерах оказались бежавшие с Украины иеромонах Петр Павлович Литвиненко и незадолго до ареста принявшие ангельский чин Агриппина Леонтьевна и Гавриил Захарович Панковы. Недолгое следствие завершилось решением тройки Полномочного

преставительства ОГПУ, отправившей людей, стремившихся выполнить данный обет, в концлагеря и ссылку[27].

В следующем году разгрому подверглось общежитие иноков Варлаамо-Хутынского Спасо-Преображенского монастыря. После запрета монахам проживать в помещениях обители часть из них разошлась по окрестным деревням и приютилась у приходских храмов, а несколько человек во главе с архимандритом Серафимом переселились в деревню Хутынь, купили крестьянский деревянный дом, стали совершать ежедневные требы по строгим монастырским правилам, молились в приходской Введенской церкви, настоятелем которой был иеромонах Никодим. Хотя он имел приход, проживал вместе с остальными. Руководил общежительными делами архимандрит Серафим, в миру Степан Афанасьевич Тихомиров, из старорусских крестьян, принявший постриг еще в 1894 году, в возрасте 32-х лет. Ранее Серафима в монастырь пришел иеромонах Виталий, в миру Василий Васильевич Летенков. Достаточно давно пребывали в обители иеромонах Никодим, в миру Никита Васильевич Кузин, иеродиакон Иван Осипович Лукашев и послушник Иван Васильевич Пахомов.

Следствие усмотрело в их действиях попытку создать нелегальный монастырь и "борьбу с проводимыми мероприятиями соввласти путем антисоветской агитации". Подобранные свидетели из прихожан выливали на своих духовных отцов ушаты грязи. Обвиняемые согласились с пунктом о нелегальщине. Отец Серафим: "существование нелегального монастыря, настоятелем которого я являлся до момента ареста, не отрицаю". Отец Виталий: "признаю, что по существу у нас имелся нелегальный монастырь и все монашествующие знали о той ответственности перед советской властью за его организацию, но, не взирая на это, продолжали жить всецело по образу монастырского устава".

Решение Особого совещания при коллегии ОГПУ 23 сентября 1932 года было по тем временам достаточно мягким - последние иноки Варлаамо-Хутынского монастыря ссылались на три года на Север и в Казахстан[28].

Тем удивительнее на фоне тотальных запретов выглядит факт существования тайного монастыря, выявленный в сентябре 1937 года. Сотрудники Боровичского оперсектора НКВД под начальством лейтенанта госбезопасности Бранинова тогда громили "контрреволюционную церковную организацию", якобы созданную на их территории епископом Никитой, бывшим протоиереем Софийского собора Николаем Григорьевичем Стяговым, не дожившим года до ареста, а после него возглавлявшуюся архиепископом Гавриилом (Воеводиным), высланным в Боровичи после отбытия лагерного срока, и протоиереем Иваном Петровичем Державиным. По делу были арестованы боровичские священнослужители и "бывшие" (см. очерк “Бойня в Боровичах”).

"Следы" от арестованных привели в Зихновский сельсовет, в подпольный общежительный монастырь-скит. Параскево-Пятницкая общежительная пустынь была основана в 1906 году иноком Варсонофием близ старого заброшенного кладбища с забытыми могилами, поэтому носил второе название – “Забудущих родителей” (по В.И.Далю забудущие значит забытые, беспамятные). Инок со

временем стал епископом Кирилловским Варсонофием и был расстрелян 15 сентября 1918 года во время красного террора.

В скиту проживали его брат иеромонах Арсений, в миру Алексей Павлович Лебедев, иеромонахи Аарон Гаврилович Аверин 76-ти лет, Игнатий Иванович Балахонов, иеродиакон Серафим, в миру Иван Михайлович Михайлов, настоятель Тихон Макеевич Макеев, а также монахини Мария Ивановна Мирская, Матрена Петровна Петрова, Елизавета Яковлевна Яковлева. Арестовали и мирян Ивана Ивановича Юлова и Ивана Семеновича Семенова – председателя двадцатки и старосту монастырского храма Параскевы Пятницы.

На допросе настоятель показал, что скит существовал на добровольные пожертвования верующих, которых бывало даже в будни до ста человек, и монашеских ремесел - починки обуви, шитья одежды, плетения корзин. Из протокола допроса:

"Вопрос: Вы знали, что монастыри были упразднены с приходом советской власти?

Ответ: Да, знал.

Вопрос: Следовательно, ваш монастырь был нелегальным?

Ответ: Да, монастырь "Забудущее" был нелегальным.

Вопрос: Следовательно, вы являлись руководителем нелегальной монастырской организации, являвшейся очагом распространения религиозного дурмана?

Ответ: Да, я являлся руководителем нелегального монастыря, являвшегося очагом распространения религиозного учения".

В обвинительном заключении, составленном оперуполномоченным Г. Н. Карповым, фигурировали 60 человек. Особая тройка управления НКВД по Ленинградской области на заседании 10 декабря 1937 года определила для 51 высшую меру наказания, остальных отправила в лагеря на длительные сроки. 17 декабря где-то под Боровичами осужденные были расстреляны. Никто из лагерников не дожил до освобождения. Из насельников Пятницкой пустыни к 10 годам осудили только М.И.Мирскую; она умерла в заключении весной 1942 года[29].

...Древняя монастырская традиция возрождается на Новгородчине в наши дни. Вяжищский Николаевский монастырь передали Русской Православной Церкви и в мае 1990 года в новую обитель приехали шесть монахинь из Успенского Пюхтицкого монастыря в Эстонии. При посещении монастыря в июне того же года патриарх Московский и всея Руси Алексий П рукоположил в сан игуменьи Антонию (Корнеева). Возрождаются Варлаамо-Хутынский Спасо-Преображенский женский монастырь, Юрьев и Иверский Святоозерский Богородичный мужские монастыри.

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Летом 1918 года крайне шаткое положение большевистского правительства определяли взрывоопасное внутреннее состояние страны, катастрофическое положение на фронтах, охваченная волнениями деревня, усиливавшееся иностранное вмешательство. Не способное решить проблемы политико-экономическими методами, правительство прибегло к введению режима "чрезвычайщины". Как нельзя кстати для него, в один день 30 августа, прогремели выстрелы в Петрограде и Москве. Пули оборвали жизнь Моисея Соломоновича Урицкого и тяжело ранили Владимира Ильича Ленина. Обстоятельства террористических актов по сей день окутаны непроницаемой тайной, но речь сейчас не об организаторах и исполнителях.

Через два дня ВЦИК принял постановление о проведении красного террора, Совнарком потребовал изолировать классовых врагов в концентрационных лагерях и расстрелять лиц, "прикосновенных" к заговорам и мятежам. Режим красного террора длился до начала ноября и был прекращен по указанию свыше. За два месяца его безвинными жертвами стали тысячи людей, не имевших касательства к терактам, не прикосновенных ни к каким подпольным организациям, не совершавших никакого преступления против государства диктатуры пролетариата. Уничтожали только по признаку дореволюционной принадлежности к буржуазии или дворянству, офицерству или чиновничеству. Намеченная властями цель была достигнута. Люди узнали, что такое страх, как смертельно опасно попасть в немилость к господствующему режиму, оказались парализованными его жестокостью.

По выявленным документальным данным, в Новгородской губернии в ходе террора расстреляли 22 человека. Были среди них и священнослужители. Петра Ивановича Каратыгина, священника церкви Казанской иконы Божией Матери в деревне Аполец Демянского уезда расстреляли в ночь на 16-е сентября "за то, что бил в набат, дабы собрать всех приспешников буржуазии и дать вооруженное сопротивление представителям Советской власти". На улице схватили священника Крестецкого Екатерининского собора Ивана Матвеевича Лаврова, шедшего к вечерней службе, и расстреляли 5 октября "за агитацию против Советской власти и явное выступление против последней с амвона".

Всего в ходе красного террора Новгородская епархия потеряла пять человек. Расстреляли викарного епископа Кирилловского Варсонофия (Лебедева), игуменью Ферапонтова Белозерского монастыря Серафиму (Сулимову) и монастырского священника отца Иоанна Иванова. Правда, северные уезды Новгородской губернии отошли в июне к вновь созданной Череповецкой губернии, но некоторое время над ними сохранялась юрисдикция новгородского владыки. Поэтому, по известным в настоящее время данным, первой жертвой режима диктатуры пролетариата в Новгородской епархии можно назвать священника церкви Богоявления Господня в Устюженском уезде отца Павла Кушникова, расстрелянного в феврале 1918 года.

В те страшные дни арестовали также священников церквей Демянского уезда Василия Охотина, Иоанна и Василия Ростовцевых, но освободили в

начале октября[30]. (Сообщение о трагедии настоятель Демянского Богоявленского собора подписал как “Демянский уездный церковный комиссар протоиерей Михаил Смелков”. Тоже веяние времени?).

… Продразверстка и мобилизации на новые и новые фронты Гражданской войны людей, только что сбросивших солдатские шинели, вызвали на Северо-Западе России широкую волну массовых выступлений, именовавшихся большевистской пропагандой "кулацко-эсеровскими мятежами". В конце 1918 года было принято решение о сборе теплых вещей для действующей армии - полушубков, валенок, рукавиц, шапок, теплого белья и пр., и сдаче чрезвычайного налога. По предписанию Боровичского уездного исполкома на 14 декабря в Левочской волости было назначено совещание председателей комитетов бедноты по разверстке очередных податей.

В полдень 13 декабря перед зданием волостного совета в Левочах собрался сход жителей села. Перед людьми выступили священник церкви Николая Антоний Иванович Озеров и крестьянин В. П. Журавлев, призвали не платить чрезвычайный налог и не сдавать теплые вещи. Собравшиеся захватили дела волисполкома и военкомата, вместо многочисленного совета избрали волостное правление по дореволюционному образцу: Журавлева – волостным старшиной, С. П. Смотракова – писарем. Старшина сорвал портрет Ленина в помещении совета, вывеску и красный флаг со здания, считая, как он заявил позже на следствии, что власть совета в волости уничтожена окончательно. Председатель волостного исполкома Л. И. Екимов успел вызвать помощь из Боровичей.

Ранним утром 21 декабря в Левочу прибыл небольшой отряд красноармейцев под командованием Г. Митрофанова, носивший официальное название "карательный отряд", и с ним сотрудники уездной ЧК М. Светлов и И. Шарков. Новоявленные старшина и писарь, а также священник были арестованы. Волость объявили на военном положении и создали военно-революционный комитет. Через час после прибытия отряда прозвучал набат с колокольни Никольской церкви. У здания совета собралась толпа, которую не без труда удалось уговорить разойтись.
Зато 22 декабря, в воскресенье, в центре села собрались не менее двух тысяч жителей. Около шести часов, сменяя друг друга, члены ВРК беседовали с крестьянами, но те требовали освободить арестованных. Наиболее агрессивно настроенные вооружились кольями и двинулись к зданию; находившийся в центре толпы чекист Светлов был жестоко избит. Митрофанов приказал дать несколько выстрелов в воздух. В толпе закричали: "Стреляют холостыми!", что придало решимости нападавшим. Тогда красноармейцы дали залп. Один человек был убит, двое ранены.

В Левочу прибыли члены образованного уездным комитетом РКП(б) штаба под руководством председателя ЧК М. А. Реппо и восстановили власть волостного совета. По решению штаба и совета Антоний Озеров и В. П. Журавлев были расстреляны как главари мятежа на основании показаний местных жителей С. Фролова, И. Ильина, В. Белова, Л. Изотова. Следственная комиссия оштрафовала два десятка активных участников беспорядков.

Окружной благочинный отец Иаков Лебедев описал происшедшее:

> … Комиссией по борьбе с контрреволюцией 8/21 декабря 1918 года был арестован священник Левочской церкви Антоний Озеров, в доме его произведен строгий обыск, причем забраны были церковная печать и многие церковные документы. В ночь с 9-го на 10-е декабря был арестован и второй священник той же церкви Иоанн Владимирский и на произведенном ночью допросе было объявлено обоим священникам, что их ожидает расстрел. В течение почти суток оба священника находились вместе в арестантской в ожидании смерти: два раза исповедались один у другого и совместно молитвенно готовились к смерти. Часов в семь вечера 10/23 декабря священник Антоний Озеров с одним из местных прихожан был расстрелян и зарыт без погребения саженей в 50-ти от кладбища. Священник же Владимирский еще двое суток содержался в арестантской в полнейшем неведении о своей судьбе. 12/25 декабря приехавший в комиссию член из Новгорода сделал новый допрос и постановил освободить о. Иоанна Владимирского, что в тот момент 12/25 декабря часа в 2-3 дня и было исполнено, причем от него отобрана была подписка никогда и ничем не выступать против Советской власти[31].

В действиях карательного отряда в селе Левоча трудно усмотреть умышленное уничтожение именно священнослужителя, исключительная мера наказания которого не соответствовала факту его противосоветской агитации.

Одновременно с левочским выступлением произошли волнения в соседней Минецкой волости, подавленные тем же отрядом Митрофанова, но без стрельбы по толпе. Выступлением руководили священник Георгиевской церкви Константин Добромыслов и эсер И. П. Судаков, бывший при Временном правительстве председателем Боровичского уездного совета. Следственная комиссия ограничилась денежным штрафом трех десятков активных участников.

Из Боровичского уезда волнения перекинулись в Старорусский край и охватили несколько волостей. Заметную роль в них сыграли священники Гавриил Федорович Воскресенский и Владимир Александрович Тюльпанов. Новгородский губернский революционный трибунал с учетом амнистии приговорил участников выступлений к денежным штрафам[32]. Большинство эксцессов происходило в тех сельских населенных пунктах, где советы либо не провели разъяснительной работы о сборах теплых вещей и чрезвычайного налога только с хозяйств, использовавших наемный труд, либо стремились обобрать общину в целом. Волнения, как правило, носили экономический характер, крестьяне не поднимались до отрицания существующего строя; иное дело, что их справедливое негодование использовали политические противники режима.

…В первый год пролетарской диктатуры у нескольких новгородских священников были проведены обыски. В доме ключаря Софийского собора протоиерея Николая Григорьевича Стягова нашли постановления и воззвания Поместного собора и Синода годичной давности, квалифицированные следователем губчека О. А. Макевицем как контрреволюционные. Так, накануне 1

мая Совнарком принял решение о праздновании Дня международной пролетарской солидарности. Синод напомнил верующим, что “означенный день совпадает с Великою Средою. В скорбные дни Страстной Седмицы всякие шумные праздненства и уличные шествия, независимо от того, кем и по какому случаю они устраиваются, должны рассматриваться как тяжелое оскорбление, наносимое религиозному чувству православного народа”. Синод призвал 1 мая “наполнить храмы” и не участвовать в торжествах, ибо “каковы бы ни были перемены в русском государственном строе, Россия народная была, есть и остается православною”. Каждый новгородец выбрал свое: и демонстрация состоялась, и храмы не жаловались на отсутствие богомольцев.

В ЧК поступили ходатайства-поручительства от епархиального совета, от "граждан богомольцев Софийского собора" и губернского музея; последним Стягов был нужен для проходившей тогда передачи соборной ризницы. Коллегия ЧК приговорила протоиерея к шести месяцам тюрьмы "с заменой сего наказания денежным штрафом". Краткосрочный арест стал первым в цепи мытарств Николая Стягова, будущего епископа Боровичского Никиты.

В январе 1920 года неожиданно арестовали и заключили в тюрьму на речке Гзени без предъявления обвинения митрополита Арсения и епископа Алексия. Епархиальный совет организовал несколько многолюдных приходских сходов, на которых верующие приняли типовую просьбу к губчека “об освобождении митрополита Новгородского Арсения из тюремного заключения до суда под нашу ответственность на поруки” Странно лишь, что ходатайствовали только за одного владыку. Впрочем, после недельной отсидки его выпустили, еще через неделю – и второго узника[33].

Весной 1920 года ЧК арестовала протоиерея Знаменского собора Анатолия Конкордина, протоиерея церкви Феодора Стратилата Константина Яковцевского, священников церквей Святого Духа, Троицы и Димитрия Солунского Иоанна Орлинского, Федора Тихомирова и Виталия Сперанского. Они обратились в особую комиссию по обследованию мест заключения:

> 3 мая мы были арестованы и уполномоченным чрезвычайной комиссии Ипполитовым предъявлено нам обвинение в агитации против Советской власти - одним на исповеди, другим в проповедях, и сказано, что для такого обвинения имеются определенные данные, но какие именно данные и на чем они основаны, не указано. Никогда не занимаясь никакой политикой, считая невозможным для духовенства вести не только агитацию, но и какие-либо политические разговоры на исповеди и в публичных проповедях, мы были более чем изумлены предъявленным обвинением. Мы ожидали, что в ближайшие же дни выяснится наша невиновность, что, как уверены, подтвердят коллективы, хорошо знающие нас и наше служение. Но идет уже четвертая неделя, а мы, не признавая за собой никакой вины, томимся в заключении. У нас оставлены семьи, оставлены не только приходские дела, но и другие служебные занятия. Считая себя обязанными

> подчиняться Гражданской Власти, к чему призывает нас и наше Духовное Начальство, будучи далеки от всякой политики, мы усерднейше просим освободить нас под подписку, которую обязуемся дать.

Арест группы священников был связан с "деятельностью" председателя губернской ЧК Александра Николаевича Медведева. С его приездом в январе 1920 года "посыпались градом" аресты, обыски и конфискации. Жесткий стиль работы, "выбивание" показаний у арестованных были характерны для Медведева. В мае после ряда жалоб и заявлений вопрос о работе председателя губчека был рассмотрен на заседании бюро губкома РКП(б), члены которого выступили с осуждением необоснованных репрессивных мер. Материалы направили в ЦК РКП(б) и ВЧК. По письму члена коллегии ВЧК С. Г. Уралова в конце мая бюро губкома и президиум губисполкома вновь вернулись к этому вопросу и не рекомендовали использовать Медведева на службе в чекистских органах; он и его два ближайших подручных были откомандированы в Москву. Наркомат РКИ принял решение о ревизии мест заключения в губернии и создал особую комиссию.

Комиссия освободила арестованных священников не по их невиновности, а на следующих основаниях: "задержание лиц духовного звания создает им ореол мученичества и приводит к нежелательным последствиям, т.к. верующими гражданами оно превратно истолковывается как гонение на церковь и, таким образом, препятствует укреплению Советской власти"[34]. Приказ по данному факту издала ВЧК. Борьба с лицами, компрометирующими звание чекиста, началась сразу же с формированием чрезвычайных комиссий. Наказывали сотрудников, допустивших нарушения в ходе следствия. Но складывалось более крупной и страшное – система.

Чекистская карьера Медведева оборвалась. Он недолго возглавлял отдел внутреннего управления Брянского губисполкома, за участие в “рабочей оппозиции” был исключен из партии и ненадолго арестован, затем подвизался на второстепенных инженерных должностях; закончил свои дни в разгар Великой Отечественной войны заключенным в одном из воркутинских лагерей. Небезынтересно, что его младший брат, капитан госбезопасности Дмитрий Николаевич Медведев, чудом избежав расправы, в августе 1941 года возглавил чекистский отряд особого назначения. Боевые дела отряда и люди разведки нам знакомы с детства по книгам Героя Советского Союза Д. Н. Медведева “Это было под Ровно” и “Сильные духом”.

СВЯТЫЕ МОЩИ

Тела христианских святых, остающиеся нетленными после смерти, или мощи, являются одними из главных святынь для верующих. Ни один храм не освящался иначе, пока под алтарем не полагалась частица мощей. Отцы Церкви обосновали почитание высоким предназначением святых тел как храмов Святого Духа, способных на различные проявления чуда. Останки подвижников почивали в храмах открыто, в раках, или под спудом, ниже дневной поверхности, но наверху тоже ставилась рака. В Новгородской губернии почитались мощи святых и преподобных, удостоенных общерусской канонизации или местного поклонения[35].

Об их житиях повествовали в изобилии выпускавшиеся канонические, обзорные и ученые издания. Один из сборников привлекает внимание пространным наименованием: “Мясецеслов (святцы) Новгородских святых угодников Божиих, открыто и под спудом почивающих в соборах, церквах, часовнях и монастырях не только Новгорода и его ближайших окрестностей, но и по всей Новгородской епархии, с историческими, хронологическими и географическими сведениями о местах их почивания, и указатель чудотворных святых икон, сохраняющихся также не в одних только священных местах Новгорода и его окрестностей, но и некоторых уездных городов и сел епархии, с таковыми же, как и о святых угодниках, сведениями о сих иконах, равно как и о местах их нахождения. Составлен Новгородского кафедрального собора священником Гавриилом Краснянским. Новгород, 1876”. Отсылаем читателя к самостоятельному знакомству с подобными изданиями[36], ограничиваясь в этой главе кратким резюме.

Большинство святых останков находились в храмах Новгорода и уезда. Семь святых почивали в Софийском соборе. Святой Никита, епископ Новгородский с 1096 года по день кончины 31 января 1109 года. Святой благоверный князь Владимир Ярославич, сын святого великого князя Ярослава Мудрого; повелел заложить Софийский собор, где и был погребен в октябре 1052 года. Святая и благоверная княгиня Анна, мать князя Владимира, преставилась в Новгороде в феврале 1050 года. Святой благоверный князь Мстислав Ростиславич Храбрый, внезапно скончался 14 июня 1180 года. Широко известный по произведениям древнерусской литературы святой Иоанн, первый архиепископ Новгородский с 1163 по 1186 год. Его родной брат и преемник святой Григорий, владыка до кончины в мае 1193 года. Святой благоверный князь Федор Ярославич, брат святого Александра Невского, скончавшийся в 1233 году. Все они, кроме святого Григория, почивали открыто в раках. (Современные научные взгляды на историю и топографию софийского пантеона изложены в монографии академика Валентина Лаврентьевича Янина “Некрополь Софийского собора”. М., 1988).

Преподобный Антоний Римлянин, чудесным образом приплывший на камне в Новгород и по благословению святого епископа Никиты основавший Рождественско-Богородичный монастырь и ставший его игуменом; преставился 3 августа 1147 года. Мощи почивали в серебряной раке в приделе преподобного собора Рождества Пресвятой Богородицы. Под спудом в том же соборе находились

останки святых преподобных братьев Алфановых: Никиты, Кирилла, Никифора, Климента и Исаакия, чудотворцев Соколинских (Сокольницких). Основали Сокольницкий монастырь за валом Торговой стороны; в 1775 году их мощи перенесли в Антониев монастырь и погребли в приделе Иоанна Богослова.

Мощи святой преподобной Харитины инокини покоились в юго-западном углу церкви Петра и Павла на Синичьей горе. Родом княжна Литовская, она приехала в Новгороде в юном возрасте, приняла постриг в Петропавловском монастыре и впоследствии стала его игуменьей. По другим источникам - невеста князя Федора Ярославича, ушедшая после смерти жениха в монастырь; скончалась 5 октября 1281 года.

Святая праведная Иулиания, мать юродивого Николая Кочанова, скончалась в 1384 году и была погребена на кладбище церкви великомученика Пантелеймона на Яковлеве улице; в 1817 году над ее останками была построена часовня, а позже устроена рака. Ее сын святой праведный Николай Кочанов, юродивый Софийской стороны, скончался в 1392 году и был похоронен в Пантелеймоновской церкви, ставшей более известной под названием Николо-Кочановской; в 1859 году был устроен придел и серебряная рака над чудотворными мощами. Его современник и соперник блаженный Федор юродивый, скитавшийся по улицам Торговой стороны, умер в один год с Николаем; мощи находились в часовне при церкви Георгия на Торгу, воздвигнутой в 1820 году.

Сведения о жизни святой праведной девицы Гликерии, дочери старосты Людогощей улицы Пантелеймона, до нас не дошли. Ее мощи были обретены в 1572 году, через полвека после смерти, и положены под спудом в юго-западном углу церкви мучеников Флора и Лавра.

В окрестных Новгороду обителях сохранялись мощи основателей монастырей. В близком к городу Благовещенском монастыре принял иноческое пострижение святой Феоктист, архиепископ Новгородский и чудотворец. В 1299 году был избран владыкой, принимал активное участие в жизни республики, построил несколько храмов; добровольно покинул архиерейскую кафедру и последние три года провел в схиме в Благовещенском монастыре, где и скончался 23 декабря 1310 года. После упразднения обители в екатерининское время мощи перенесли в Юрьев монастырь и положили под спудом в Георгиевском соборе. При архимандрите Фотии был устроен придел во имя святого, а в 1847 году - серебряная рака.

Напротив Юрьева монастыря, на одном из островов ильменской поймы, святой Моисей архиепископ Новгородский основал Сковородский Михаило-Архангельский монастырь, где и почивал открыто с января 1362 года. В близлежащем Мало-Кирилловом монастыре почивали под спудом в юго-западном углу соборной церкви мощи преподобного Арсения, новгородского чудотворца, умершего в 1570 году, перенесенные из основанной им обители во имя Рождества Пресвятой Богородицы у Ярославова Дворища.

Преподобный Варлаам Хутынский родился в 1156 году в Новгороде, принял постриг в Лисицком Рождество-Богородичном монастыре, основал Спасо-Преображенский монастырь на высоком волховском берегу у впадения Малого

Волховца, был рукоположен в игумены. Мощи покоились под спудом в Спасо-Преображенском соборе, в 1852 году над ними воздвигли серебряную раку.

Выдающимся деятелем Новгородской республики был святой Евфимий II Вяжицкий, архиепископ Новгородский в течение трех десятилетий. При нем велось интенсивное каменное строительство церквей в городе, Владычной палаты и часозвони в Детинце. Учредил ежегодное поминовение 4 октября по всем почивающим в Софийском соборе святителям и князьям. Преставился 11 марта 1458 года и был погребен под спудом в чтимом им Вяжищском Николаевском монастыре, где юношей принял постриг. Его преемником стал святой Иона. Управление пришлось на насыщенный событиями период между заключенными Великим Новгородом и великими московскими князьями Яжелбицким и Коростынским мирными договорами, знаменовавшими закат республики. Архиепископ Иона преставился перед самым ее падением и был погребен в церкви Рождества Иоанна Крестителя Ионо-Отенского монастыря, лежавшего среди глухих вишерских лесов в полусотне верст северо-восточнее Новгорода.

Преподобный Савва Вишерский, боярский сын, принял пострижение в Тверской Саввиной пустыне. Поселился близ Новгорода на реке Вишере, заложил церковь Вознесения Господня, ставшую началом Савво-Вишерского Вознесенского монастыря; умер 1 октября 1460 года. Преподобный Ксенофонт, ученик Варлаама Хутынского, после смерти учителя удалился на речку Робейку, основал пустынь и преставился в ней в 1262 году; мощи сохранялись под спудом в приходской церкви Троицы на месте упраздненной обители.

На западном ильменском побережье или в Поозерье, на реке Веряжа расположен Михаило-Клопский Свято-Троицкий монастырь. В 1408 году в число иноков был принят Михаил из знатного московского рода. Мощи преподобного Михаила Клопского сохранялись под спудом в Троицком соборе. В устье реки Веронда преподобный Ефрем Перекомский, земляк и ученик Саввы Вишерского, основал Ефремо-Перекомский монастырь. При переносе обители на новое место мощи были погребены в Ефремовском приделе соборного храма.

Святые праведные отроки Иоанн и Иаков жили около 1570-х годов в далеком от Новгорода селе Менюша и трагически погибли в возрасте пяти и трех лет; погребены на месте упраздненного Менюшского Свято-Троицкого монастыря, впоследствии над мощами поставлена каменная церковь во имя Отроков Иоанна и Иакова.

В Старорусском уезде почитались мощи трех преподобных. Ученики Варлаама Хутынского Константин и Косма около 1220 года основали Косинский Николаевский монастырь, в котором Константин стал игуменом. Мощи почивали под спудом в приходской церкви Николая. Антоний Леохновский устроил храм во имя Преображения Господня как основы монастыря и стал его игуменом. Преставился в октябре 1611 года на восемьдесят шестом году жизни. Мощи почивали под спудом в приходской церкви села Леохново.

Сведений о жизни святого праведного Иакова Боровичского не сохранилось. Мощи чудесно явились в Боровичах в колодце на реке Мсте в 1543 году, были освидетельствованы и торжественно внесены в храм Свято-Духова

монастыря. Распоряжением патриарха Никона в 1657 году были перенесены в Иверский Святоозерский Богородичный монастырь и хранились открыто в серебряной раке в Успенском соборе. В Боровичском уезде сохранялись под спудом мощи преподобного Никандра в часовне, находившейся в ограде приходской церкви Троицы в селе Никандрово, и пустынника Марка в часовне на месте Миголощской пустыни.

Мощи православных святых подверглись осквернению. Наркомат юстиции 16 февраля 1919 года принял решение об освидетельствовании мощей. Следовало доказать, что "нетленные мощи" - не святыни православия, а обман народа, поэтому газеты трубили, что в раках должны находиться не подвергшиеся тлену тела людей. Последовало разъяснение Синода: "Если святые мощи представляют из себя целое или почти целое тело, то они полагаются в раку в соответствующем облачении. Если полный или почти полный костяк, то полагаются в раку в порядке расположения костей и покрывают пеленой, мантией или схимой, без стремления придать вид целого тела ватой, тюфячками и пр. Если в виде нескольких разрозненных костей (при существовавшей прежде раздачи для положения под престол, в иконы), то собираются в ковчежец и поставляются в раку". Викарный епископ Алексий заявил: "для нас совершенно не важно содержимое рак, где находятся мощи, так по учению греческой церкви, мы поклоняемся останкам угодников, о которых народ имеет конкретное представление не как об останках, а как о чем-то целом, реальном".

Объектом глумления в Новгороде избрали мощи, покоящиеся в Софийском соборе. В состав расширенной комиссии по их освидетельствованию каких только представителей не включили: от губисполкома и его отделов, от волостных совдепов, комитетов РКП(б), профсоюзов, военного комиссариата, ЧК, милиции, воинских частей. Желательно было участие духовенства. К епископу Алексию дважды наведывались из отдела по претворению в жизнь декрета об отделении церкви от государства, но тот отвечал: “Не могу, я должен быть подготовлен к этому случаю”; каноны требовали перед прикосновением к святым мощам длительного поста и усиленных молитв. Когда стало ясно, что комиссия вполне обойдется без духовенства, по благословению владыки Арсения в ее состав вошли епископ Алексий, соборный протоиерей Николай Стягов, иеромонах Самуил, монахини Рафаила, Серафима и другие.

3 апреля 1919 года они собрались у председателя отдела Зорина. Советская традиция ссылки на "просьбы трудящихся" родилась именно в то время. Зорин заявил: "Товарищи, к нам в отдел поступают и поступали просьбы и даже требования об открытии мощей, находящихся у нас в Новгороде. Мотивировали свое заявление подающие тем, что нельзя и недопустимо держать людей в темноте, когда великая революция освещает все темные дела поработителей народного ума и поэтому необходимо сорвать маску с волков в овечьей шкуре".

После такого вступления все проследовали в собор. Доступ в Софию был открыт для всех верующих. В присутствии множества людей раки выносили на светлое место и священнослужители открывали их и снимали одежды. Увиденное заносили в протокол освидетельствования.

Епископ Никита: "Самый костяк имеет полуразрушенный вид, засохшая кожа кое-где прилегает к костям. Кости прикрыты темной полуистлевшей материей. На левой руке, к которой обыкновенно прикладываются посетители, - кусок ваты. Кости обтянуты материей, по-видимому, пропитанной каким-то составом. Коленные связки истлели и держатся присохшим покровом. На спине кожи нет и кое-где уцелевшие остатки каких-то покровов, которые врач затруднился назвать кожей. Сохранилась всего одна ступня. Череп сохранился, волос нет. При осмотре покровов головы, легко отстает ткань, цвет и давность которой определить невозможно, так как она почти истлела".

Князь Мстислав Ростиславич Храбрый: "в раке находится человеческий череп, отделенный от туловища, правой руки нет, левая от туловища отделена. Скелет совершенно разрушен, нижних конечностей нет. На месте правого бока - груда трухи, истлевших тряпок и почерневших костей". Архиепископ Иоанн: "в бесформенной груде костей трудно что-либо определить. Полусохранившийся череп от времени почернел, кожи на остатках костей нет". Князь Федор Ярославич: "костяк сохранился лучше предыдущих. Мало-берцовых костей нет, ступней нет, череп лежит отдельно от костей туловища, шейных позвонков нет, кожа на спине совершенно истлела, сам костяк, по заключению врачей, подвергся гниению".

Кто из врачей присутствовал при освидетельствовании, неизвестно, но перед нами документ явно не медицинского характера. В таком документе и не нуждались, главным был вывод: "Осмотр произвел на комиссию удручающее впечатление. В груди шевелится гадливое презрение к побежденному восставшим пролетариатом царизму, прибегавшему к таким постыдным и наглым приемам для одурачивания порабощенного и угнетенного народа"[37].

Власти все же опасались волнений, хотя готовы были справиться с любым протестом новгородцев и заранее нашли возможных организаторов. Председатель губернской ЧК Виктор Николаевич Андреев пространно вспоминал:

> Духовенство, видя, что церковный обман начинает разоблачаться перед широкими массами крестьянства, повело свою работу. Усиленно распространялся слух, что, мол, большевики осквернили мощи, отчего они превратились в кости. Эта агитация имела своей ближайшей целью прекратить разоблачение обмана и водворить мощи обратно в собор. Но скоро она вылилась в форменную подготовку контрреволюционного восстания на религиозной почве для свержения советской власти. Организацией верующих во главе с митрополитом Арсением, епископом Алексеем и епархиальным советом была развита большая подготовительная работа среди населения, которая заключалась в том, что помимо агитации в церковных проповедях и распускания слухов было выпущено несколько тысяч листовок по городу и по всей губернии.
>
> Одновременно был ими организован сбор подписей под требованиями к советской власти водворить мощи обратно на свое место, в Софийский собор. Для распространения этих

листовок среди населения было мобилизовано духовенство и ученики духовного училища. Были случаи, что в лавках стоящим в очередях, при получении денег, кассирши подсовывали для подписи эти листы. Чрезвычайной комиссией был арестован дьякон Власьевской церкви, разносивший такие листы, у которого они при обыске и были найдены.

Необходимо было принять меры к предотвращению готовившегося контрреволюционного выступления. Я начал с того, что арестовал митрополита Арсения. Доставленный ко мне в Ч.К., он попробовал сначала себя держать с присущей важностью, не дожидаясь приглашения, сел, выставив посох. Но я уже имел из показаний близких к нему и знающих лиц материалы о его жизни в Петрограде и Новгороде, похождениях с одною купчихою, и прочитал ему соответствующую отповедь. После нескольких же заданных ему вопросов, митрополит оценил обстановку, струсил, изменил тон и стал просить освободить его с тем, что он немедленно уедет в Москву. Опасясь волнений, я отпустил его под расписку. Одновременно были арестованы епископ Алексей и епархиальный совет как участники этой организации.

Затем были приняты меры к ликвидации всего движения в городе. Представители местной интеллигенции и мещанства, частично совслужащие, замешанные в организации, арестовывались и затем выводились, преимущественно в праздничные дни, на чистку улиц (дело было весной) на виду у всех. Эта мера была очень действительна[38].

Лукавил через десяток лет председатель губчека. Не расследовалось его сотрудниками дела ни о какой подпольной организации, готовившейся к вооруженному свержению в Новгороде советской власти, не были выпущены тысячи листовок. Плохо работали его осведомители в ближайшем окружении митрополита, сообщая компрометирующие материалы. “Мелочи архиерейской жизни” заслонили для В. Н. Андреева и его преемника У. И. Пюкенена действительную сторону жизни владыки.

Осенью 1919 года, во время наступления белогвардейских войск генерала Н. Н. Юденича на Петроград, боевые действия захватили западные волости Новгородской губернии. Город был объявлен на военном положении. Удар с тыла по советским войскам готовил подпольный “Комитет возрождения родины и революции”, главную роль в котором играл бывший губернский комиссар Временного правительства Алексей Алексеевич Булатов. Заговорщики предусматривали меры по срыву строительства укрепленного узла обороны и ведению агитации в красноармейских частях и среди новгородцев, а при подходе белых – захват в ходе выступления губчека и военкомата, разоружению батальона войск ВЧК и милиции.

Заметная роль в этих планах отводилась многочисленному новгородскому духовенству. Член “Комитета” В. А. Невский как председатель религиозных организаций Новгорода, должен был при вступлении белогвардейцев организовать крестный ход, встретить их колокольным звоном и хлебом-солью, “чтобы повлиять на массы, измученные большевистским правлением”. Секретарь “Комитета” Дирин сообщил Булатову, что “с благословения митрополита Арсения для тайных сношений комитета возрождения родины и революции разрешено пользоваться бланками и печатью епархиальнаго преосвященнаго”[39]. Факты “прикосновения”, по выражению тех лет, митрополита Арсения к противогосударственной деятельности получили документальное обоснование в проведенном губотделом ГПУ расследовании, но через три года.

…Спустя неделю после святотатства Епархиальный совет во главе с епископом Алексием решился направить протест в зоринский отдел. В письме указали, что при осмотре мощей “были допущены неблаговение к святыне, и прикосновение к ней, и кощунственные выпады при полной невозможности для присутствовавших духовных лиц оградить неприкосновенность святыни”; вид выставленных для обозрения мощей вызывает “смущение и оскорбление религиозного чувства”. Совет просил вернуть мощи в Софийский собор, так как, по мнению его членов, “в народе растет недовольство и смущение, и что скоро, может быть, трудно будет удержать его от порывов силою перенести Святые мощи на прежние места для должнаго поклонения им”[40].

Однако эта слабая угроза не произвела никакого впечатления, потому что покорно встретили новгородцы осквернение святынь и ничего не проявили, кроме праздного любопытства. Вскрытые мощи выставили на всеобщее обозрение в церкви Входа в Иерусалим в Кремле, куда, вспоминал Андреев, “ежедневно шли большие массы горожан и приезжало много заинтересованного народа из деревень обозревать эти мощи”. Позже по решению губисполкома мощи вернули в Софийский собор с требованием "держать открыто, для обозрения всех желающих и во избежание нового обмана".

Тем временем церковно-ликвидационный подотдел отдела юстиции исполкома во главе с Н. Н. Левендалем начал подготовку судебного процесса. Основанием стали осмотр мощей в Софии и освидетельствование останков святителя Моисея священнослужителями епархии.

(Короткое пояснение. Святой Моисей новгородец по рождению, после принятия постига в Тверском Отроч монастыре вернулся в родной город, монашествовал в Колмовской Успенской обители, стал архимандритом Юрьева монастыря. В 1324 году его избрали архиепископом Новгородским, а в следующем году хиротонисовали в Москве. После шести лет управления епархией Моисей отошел на покой в Успенский монастырь, в 1348 году основал Сковородский Михаило-Архангельский монастырь и в него переселился. Вновь вступил на владычную кафедру и вторично оставил ее. Основал такие известные новгородские монастыри как Деревяницкий Воскресенский, Волотовский Успенский, Богородичный в Радоковицах, Иоанно-Богословский на Витке. Умер 25 января 1362 года. Его епархиальное

почитание установлено в конце XV века. Мощи архиепископа Моисея почивали в монастырском храме Архангела Михаила в бронзовой позолоченной раке, устроенной в 1782 году).

Утром 22 марта 1919 года в Сковородский Михаило-Архангельский мужской монастырь прибыл епископ Алексий. Его встретили благочинный монастырей архимандрит Никодим, настоятель Сковородского монастыря игумен Митрофан, казначей иеромонах Феоктист, ризничий иеромонах Мефодий, иеромонах Евфимий, иеродиакон Макарий, монах Игнатий, послушник Григорий Сафронов и восемь мирян. Священнослужители облачились в епитрахили и поручи "и Его Преосвященством был отслужен у раки Святителя Моисея молебен, в конце которого была прочитана Святителю Моисею с коленопреклонением молитва и пропето величание Святителю. После молебна Преосвященнейшим Алексием было произведено освидетельствование Св.мощей Святителя Моисея, находящихся в серебряной раке.

По снятию со Святых останков Святителя Божия Моисея полного Архиерейского облачения, оказалось: целы и нетленны кости святителя Моисея. После чего при пении священных песнопений в честь Святителя, честныя останки были опять облачены в полное Архиерейское облачение и Его Преосвященством в поучение братии было произнесено слово с значении Святых мощей вообще для верующих чад Православной Церкви, а в частности о том, что благодатная и чудодейственная сила их не находится в зависимости от того, в каком виде Господу было угодно сохранить останки того или иного Угодника Божия". Возможно ли сравнение этого благолепия с тем бесовством, что происходило в Софийском соборе?

Новгородский губернский ревтрибунал в составе Куприянова, Климентьева и Левитта 1 ноября 1920 года начал слушание по делу "О предварительном исследовании духовенством мощей, находящихся в Новгороде и губернии, до обследования таковых Советской властью". На скамье подсудимых находились викарный епископ Алексий, обвиненный в том, что "не имея достаточных полномочий, по собственной инициативе предпринял освидетельствование мощей в Софийском соборе и в Сковородском монастыре", архимандриты Никодим и Анастасий, игумены Митрофан и Гавриил, протоиерей Николай Стягов и иеродиакон Иоаникий, обвиненные в том, что "приняли участие в этом деле по предложению епископа Алексия и о бывшем освидетельствовании не донесли властям". (Последнее обвинение комментировать весьма затруднительно).

Губернская газета “Звезда” посвятила процессу целые полосы в двух номерах под лапидарным заголовком “В сетях религиозной лжи и суеверий (Дело еп. Алексия и др.)”. Опровергая обвинение против викария, митрополит Арсений показал: "каждый епископ вправе и должен периодически осведомляться о состоянии таких предметов как мощи". Обвинительная заданность приговора была очевидной и Куприянов объявил его в 6 часов утра 2 ноября. Все священнослужители были признаны виновными и приговорены к заключению в концлагерь на срок от двух до трех лет; епископу дали пять лет. Трибунальщики

знали, что разыгрываемый ими процесс является фарсом, так как осужденные на основании амнистии подлежали освобождению от наказания, но не удержались от словоблудия: "Принимая во внимание, что Советская власть не намерена бороться с вековым обманом и суеверием путем насилия, что она в данное время достаточно сильна для того, чтобы рассеять этот обман и суеверие путем просвещения"[41].

Несколько лет мощи находились в церкви Входа Господня в Иерусалим и в Софийском соборе. В феврале 1927 года их осмотрела комиссия в составе советских работников, представителей губотдела ОГПУ и прокуратуры, коллектива верующих и священнослужителей. Врачи-эксперты Георгиевский, Судаков и Масловский детально описали их сохранность и особенности. Комиссия посчитала, что за прошедшее время останки святителей Никиты и Иоанна оказались "приведенными в прежний вид, в каковом они находились до вскрытия 1919 г.", и приняла решение "лиц, производивших реставрацию мощей", привлечь к уголовной ответственности. Общине верующих приказали удалить покрывала и соблюдать требования восьмилетней давности "о нахождении мощей в открытом виде для обозрения массами"[42]. Ровно через два года постановлением Ленинградского облисполкома Софийский собор был закрыт для богослужения и превращен в антирелигиозный музей. Мощи новгородских святых надолго были скрыты в музейных запасниках.

В 1936 году внимание властей привлекли мощи святителей Моисея и Евфимия. В Сковородском монастыре к тому времени помещался дом инвалидов, а церковь Архангела Михаила использовалась верующими для еженедельных служб. 24 февраля на остров прибыла чиновная комиссия, в которую входили ответственный секретарь Комиссии по вопросам культов при президиуме ЦИК СССР Агеев, его коллега из облисполкома Неглюевич, работник обкома партии Семин, председатель Новгородского райисполкома Бригадный, председатель горсовета Ратьковский, начальник оперсектора НКВД Глушанин, директор музея Строков, судмедэксперт Владимирский, священник церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Городище Прушинский, священник Войк из епархиального управления и еще несколько человек.

По причине, которая станет ясна читателю, приведем подробные выдержки из акта комиссии по освидетельствованию мощей архиепископа Новгородского Моисея:

> «Мощи» находятся в раке, помещающейся справа от входа, в средней части здания, на каменном возвышении. Рака бронзовая, с серебряной крышкой, позолоченная и по сообщению заведующего музеем на учете не числится как не имеющая музейного значения. Рака была зафотографирована с двух боковых сторон (по длине). После этого было приступлено к осмотру содержимого раки, причем оказалось, что часть крышки раки открывается, будучи на петлях, и в открываемое отверстие видны митра, крест и Евангелие. По снятию всей крышки, каковая оказалась свободно лежащей, произведено

фотографирование. В раке оказались одежды так называемого архиерейского облачения с митрой, причем все одежды имеют очень свежий, как бы новый вид, без следов потемнения, что по мнению комиссии указывает на недавнее их здесь нахождение - с 1930-х гг.

Служителями культа была снята митра и в ней оказался череп человека, обложенный ватой, поверх которой была повязана белая материя, что увеличивало размер и удерживало митру на черепе. Материя и вата были удалены с черепа, а затем теми же служителями культа все одежды были расстегнуты и передние их части вынуты из раки. Под одеждами оказались разрозненные кости, положенные не по строению скелета человека, а с расчетом, чтобы все кости в целом, когда они находились в облачении, давали бы видимость хорошо сохранившегося костяка. Кости лежали: череп, к нему приложены соответственно положению плеч вместо плечевых костей - кости таза, что давало видимость ширины и высоты плеч. Расположение костей в раке без изменений было зафотографировано.

Далее кости были осмотрены, причем оказалось. Кости имеют темно-коричневый бурый цвет. Кости черепа представляются несколько светлее, чем остальные. Череп имеет удлиненно-округлую форму с низкой лобной частью. На верхней челюсти имеются все зубы, с незначительной сношенность, довольно белой эмали, особенно двух передних резцов. Кроме черепа имеются нижеследующие кости: нижняя челюсть, две лопаточные кости, две подвздошных, одна плечевая кость, одна лучевая и одна локтевая, - плечевая и две кости предплечья принадлежат одной руке, 21 позвонок, две ключицы, две пяточных кости, костей от кисти рук и ступней - 24, рукоятка грудины, реберных дуг 21. Здесь же обнаружены два кусочка кожи черного цвета с тиснением шириной около 1,5 сантиметра. Таким образом, отсутствуют кости: кость одной руки, 3 реберных дуги, два позвонка, грудина и несколько мелких костей от кисти рук и ступней. ...После осмотра "мощей" все входы в здание церкви были опечатаны сургучной печатью Новгородского РИКа впредь до особого распоряжения.

Особое распоряжение не заставило долго ждать. Из президиума ВЦИК (председатель М. И. Калинин) в Ленинградский облисполком, а оттуда в Новгородский райисполком поступило постановление от 1 июня 1936 года "О ликвидации церкви Моисея Сковородского". Пункт 2 гласил: "При ликвидации церкви находящееся содержимое в раке бывшие мощи Моисея Сковородского уничтожьте путем сожжения, без присутствия живых свидетелей. Раку бронзовую

используйте на нужды соцпромышленности, а серебряную крышку от раки сдайте в райфо". 8 июля в Ленинград доложили: "Комиссия по вопросам культов при Новгородском райисполкоме сообщает, что мощи "Моисея Сковородского" после ликвидации церкви сожжены согласно Вашего указания..."[43].

В конце марта 1936 года райисполкомовская комиссия побывала в церкви Святителя Евфимия в нижнем ярусе Никольского собора Вяжищского Николаевского монастыря. "Так называемые мощи архиепископа Евфимия относятся к XV веку, святым он считается с XVI века. Мощи Евфимия находятся под спудом. Медная рака над ним работы XIX века, ни мощи, ни рака на учете в Главнауки не состоят". Останки святителя Евфимия оставили лежать под полом храма, приняв решение о ликвидации оставшегося церковного имущества[44].

...Несколько слов о судьбе останков новгородских святых. Мощи из Софийского собора долгое время пролежали в фанерных ящиках в запасниках Новгородского музея. В праздник иконы Знамения Божией Матери, 9 декабря 1990 года они были переданы владыке Льву и временно помещены в церкви Апостола Филиппа. В августе 1991 года состоялся торжественный акт возвращения Софийского собора Русской Православной Церкви, в котором принял участие патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В настоящее время святые мощи находятся в возобновленных раках. Рака устроены над останками святителей Варлаама и Евфимия в вернувшихся к жизни Варлаамо-Хутынском Спасо-Преображенском и Вяжищском Николаевском монастырях. Почитаются мощи Михаила Клопского в реставрируемой обители. Обнаружены мощи преподобного Саввы Вишерского.

Под руинами дотла разбитых во время войны монастырских церквей лежат останки преподобных Арсения, Ефрема Перекомского, Ксенофонта, Ионы. Навсегда утрачены мощи преподобных Антония Римлянина и Харитины, святых Феоктиста, Моисея, Иакова Боровичского, Гликерии, Иулиании, Николая Кочанова, Федора, братьев Алфановых.

ГЛАВА II. СУДЬБА РУССКОГО СЕРЕБРА

ХЛЕБ ИЛИ ЗОЛОТО?

Внимание прохожих привлекал плакат. На фоне выжженного до черноты поля изможденный старик крестьянин в длинной посконной рубахе, напоминающей саван, поднял костлявые натруженные руки. "Помоги!" - рвался его крик.

Лето 1921 года. Сильнейшая засуха поразила основные хлебопроизводящие регионы страны: Поволжье, Украину, Северный Кавказ. Голодная смерть стала явью для миллионов людей. Последствия Первой мировой и Гражданской войн и проводившейся три года политики "военного коммунизма", усугубленные природным несчастьем, сплелись в тугой клубок. Но люди нуждались в немедленном спасении.

Создавались комиссии помощи голодающим. В Новгородской губернии среди населения развернулась кампания по сбору средств. Крестьяне передавали в фонд Помгола продовольствие и семена, горожане отчисляли деньги. В сводке предпоследнего дня 1921 года отмечалось: “губисполком вынужден был ввиду полного отсутствия продуктов питания постановить срочно раздать крестьянам детей, прибывших с Поволжья, что прибывающими из Поволжья в губернию заносится тиф и другие заболевания, вообще эпидемия растет, в особенности по линии железной дороги Чудово и Бологое”[1].

Новгородская епархия изначально приняла активное участие в сборах в помощь голодающим. Еженедельно поступали крупные суммы денег, собранных прихожанами по призыву священников. Церковнослужители отдавали драгоценности, не использовавшиеся в обрядах, на покупку хлеба. Пожертвовал наградные регалии митрополит Новгородский Арсений - золотой наперсный крест, золотой крест с одиннадцатью бриллиантами и золотую панагию, украшенную рубинами, сапфирами, изумрудом, хризолитами и жемчугом[2]. И это настораживало власти. Сводки губотдела ГПУ, где возможные контрреволюционные поползновения церковников проходили отдельной графой, констатировали: “Духовенство притихло, вернее, ушло в подполье”[3].

Десятилетиями утверждалось, что для оказания помощи голодающим советское правительство вынуждено было пойти на такую чрезвычайную меры, как изъятие церковных предметов из золота и серебра, которые не использовались в богослужении. Внимательное знакомство с документами того времени, опубликованными в газетах и, главное, сохраняемых в архивах, дает основания для иных выводов. Восстановим хронологию событий.

В течение 1921 года о церковных сокровищах речь не заходила. На состоявшемся в начале декабря Всероссийском совещании представителей комиссий помощи голодающим был принят широкий круг первоочередных мер, однако о привлечении средств религиозных обществ на совещании не

говорилось ни слова. Через месяц, 6 января 1922 года в "Известиях ВЦИК" появилось следующее сообщение:

> Ввиду наличия колоссальных ценностей, находящихся в церквах и монастырях, как историко-художественных, так и чисто материального значения, все имущество должно быть распределено на 3 части: 1) Имущество, имеющее историко-художественное значение, подлежит исключительно ведению Главмузея Наркомпроса (утварь, старинная мебель, картины и т.д.); 2) Имущество материальной ценности, подлежащее выделению в Гохран, и 3) Имущество обиходного характера, где оно еще сохранилось. Никакие изъятия и использования не могут быть проводимы без разрешения на то Главмузея и его органов на местах.

О необходимости использовать церковные ценности для борьбы с голодом в документе не говорится. Ясно читается другое. Согласно декрету о земле монастырские и церковные угодья со всем инвентарем и постройками перешли в ведение гражданских властей. Декрет "О свободе совести, церковных и религиозных обществах" лишил эти общества прав юридического лица с запрещением владеть собственностью. Остался последний шаг - реквизировать это имущество. Стремление покончить с относительно независимым экономическим положением всех конфессий, в первую очередь Русской Православной Церкви, пришло к логическому концу.

Кроме того, постановление ВЦИК отменило более сдержанные постановления Совнаркома от 3 февраля 1920 года “Об учреждении Государственного хранилища ценностей РСФСР”, запрещавшее сдавать в Гохран ценности, “переданные в пользование религиозных общин, как предметы культа”, и от 13 июля того же года “О порядке реквизиции и конфискации благородных металлов, денег и ценностей”, исключившего из данного порядка “предметы религиозного культа, хотя и имеющие историческое или художественное значение, находящиеся в церквах и молитвенных учреждениях всех вероисповеданий”.

Еще до официального решения ВЦИК, 18 ноября 1921 года Наркомат юстиции распорядился образовать губернские тройки "по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства" в составе представителей исполкома губернского Совета, отдела юстиции и губчека. Созданная в Новгородской губернии тройка поручила отделу управления "в срочном порядке" затребовать описи храмового имущества[4].

Однако подготовка изъятия церковных ценностей была поручена людям второстепенным и шла ни шатко ни валко, что вызвало раздражение Л. Д. Троцкого (Лейба Давидович Бронштейн), второго человека в правящей иерерхии. Считая, что “каждый упущенный день – это преступленье”, тот предложил В. И. Ленину “в самом спешном порядке выделить для этой

работы политически подготовленного и достаточно авторитетного товарища”[5]. Лучшей кандидатуры, чем тот, от кого исходила инициатива, нечего были искать. Правительство поручило координацию действий по изъятию церковных ценностей самому Троцкому, известному быстротой и решительностью действий.

Троцкий направил в Новгород сотрудников своего аппарата, которые изъяли ценности, собранные новгородскими священниками и прихожанами в годы мировой войны на нужды раненых и увечных воинов и хранившихся в башне Георгиевского собора (подробно рассказывается в очерке "Юрьев монастырь") и в отдельном помещении на хорах Софийского собора. Изъятие ценностей в Софии прошло 12 января. Приведем отрывки из обширного акта изъятия:

1. Риза с иконы Божией Матери Неопалимые Купины с Предвечным Младенцем, украшенная большим числом бриллиантов и другими драгоценными камнями.
2. Серебряная риза с иконы Иверской Божией Матери весом 25 фунтов 74 золотника; украшенная драгоценными камнями.
3. Серебряная риза с иконы Рождества Христова, мерой 3х2 вершка, весом 22 золотника; украшенная темными алмазами и яхонтами.

Примечание: Камни все сняты и в особом свертке сложены в с ейф.

4. Серебряный потир весом 5 фунтов 46 золотников.
24. Сосуд для хранения Богоявленской воды в виде большого кувшина, серебряный, 84 пробы, чеканной работы, весом 2 пуда 13 фунтов 90 золотников.
26. Панагия с золотым посередине чеканным образом Знамения Божией Матери, украшена разными камнями. Цепочка золотая.
27. Панагия складная, серебряная, местами позлащенная и украшенная бриллиантами и другими камнями. Цепочка золотая.
28. Панагия золотая, с короной, посредине ее яшма, оправленная в золото, на коей Спаситель из мозаики, а около гирлянда из искр бриллиантовых и бирюзы; сверху коронка золотая с крестиком и на ней две больших бирюзы, убранных в один ряд бриллиантовыми искрами. Цепочка золотая.
34. Митра, по золотому фризмату на ней 5 финифтенных икон, украшена разными драгоценными камнями.
35. Крест золотой наперсный, украшенный разными драгоценными камнями. Цепочка золотая.
41. Крест из 11 гиацинтов, оправленных в золото. На среднем изображение Нерукотворного Спаса. Крест украшен

10-ю гиацинтами и 16-ю крупными алмазами. Цепочка золотая.

42. Крест с Распятием на финифти, обложенный средними и крупными бриллиантами. Коронка золотая, на ней два сапфира. Крестик золотой, в подвеске сапфир. Цепочка золотая.

48. Дикирий и трикирий сребропозлащенные. Веса: в дикирии 2 фунта 42 золотника, в трикирии 2 фунта 87 золотников.

49. Чаша серебряная, внутри позлащенная, продолговато-круглая, французской работы, с разными чеканными украшениями. Веса в ней 38 фунтов 84 золотника.

… Все вышеозначенные вещи уложены в два сейфа и ящик и запечатаны печатями Народного Комиссариата по военным делам и отдела управления Новгородского губисполкома[6].

Заодно посланцы особоуполномоченного Совнаркома изъяли изделия из драгоценных металлов, хранившиеся в Десятин Богородицком монастыре и принадлежавшие шестнадцати православным храмам Риги; драгоценности были эвакуированы в разгар Первой мировой войны при приближении к городу немецких войск. Таким образом, подготовка и изъятие церковного имущества началось до публикации официального решения.

По инициативе того же Троцкого с формулировкой “на нужды голодающих” было принято и 26 февраля 1922 года опубликовано "Известиями ВЦИК" постановление высшего органа государственной власти республики об изъятии церковных ценностей и 28 февраля - инструкция о порядке изъятия. Местным Советам предлагалось в месячный срок собрать "исключительно на нужды помощи голодающим" изделия из драгоценных металлов и камней, находившиеся по договорам в пользовании групп верующих, и передать в фонд Помгола для немедленного использования на закупку продовольствия и семян с публичными отчетами об использовании. Изъятие требовалось провести со всемерным уважением религиозных чувств верующих, оставляя в распоряжении религиозных обществ наиболее чтимые и необходимые для совершения обрядов и служб предметы.

Не поверили газете православные. В тот же день собрались активисты приходов четырех волостей Новгородского уезда – Бронницкой, Никольской, Подберезской и Новоселицкой: “Нам памятен 1918 год, в котором мы тоже перенесли страшный голод, но никогда даже не допускали мысли и считали святотатством изъять какую-либо вещь из церковного имущества и обменять на хлеб. Приобретение же машин и тракторов (согласно газете) – одна отговорка”[7]. Их мнение, впрочем, никого не интересовало.

Патриарх Тихон 28 февраля обратился к верующим с разъяснением точки зрения Церкви на изъятие из храмов всех предметов из драгоценных металлов, в том числе священных и богослужебных, расценил изъятие как

акт святотатства, но внес поправку на голод. “Мы допустили, в виду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не священных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольные пожертвования, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещаетс\я канонами вселенской церкви и карается ею, как святотатство, - миряне отлучением от нее, священнослужитель – низвержением из сана (Апост. Правило 73, двукрант. Вселенск. Собор правило 10)”[8].

Обращение патриарха Тихона легло в архив В. И. Ленина и было использовано как главное обвинение при подготовке судебного процесса над церковными иерерхами, о чем мы подробно расскажем в следующей главе.

Митрополит Новгородский Арсений 14 марта через губернскую газету “Звезда” обратился к пастве с разъяснением компромиссной позиции: “Святейший Патриарх благословил духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, **приносить в жертву голодающим и драгоценные церковные украшения, не имеющие богослужебного употребления**. Изъятие же из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, имеющих богослужебное употребление, является по церковным канонам и основанному на них разъяснению Святейшего Патриарха, святотатственным актом, за участие в котором мирянин подвергается отлучению от церкви, а священнослужитель извержению из сана”. Это обращение митрополиту тоже припомнили.

Губернскую комиссию по изъятию церковных ценностей президиум губисполкома образовал 3 марта 1922 года. Как предписывалось инструкцией, комиссию возглавил член ВЦИК, председатель исполнительного комитета Совета В. Р. Пакун, в ее состав вошли представители финансового отдела, музея, Помгола, коллективов верующих, а также священнослужители и ювелиры[9]. Аналогичные комиссии создали в каждом уезде. Началась интенсивная подготовка акции.

Тайные пружины готовившегося ограбления Церкви держались в строжайшем секрете и становятся более или менее известными по мере публикаций закрытых документов из бывшего Центрального партийного архива. Особая роль предназначалась Леониду Борисовичу Красину. Талантливый организатор, по ленинскому отзыву, “ответственный техник, финансист и транспортер” партии и руководитель нескольких экспроприаций во время первой революции, весной 1922 года – нарком внешней торговли, одновременно полномочный и торговый представитель РСФСР в Великобритании. Именно Красин входил в ту темную и узкую группку соратников вождя – Яков Ганецкий (Фюрстенберг), Адольф Иоффе, Моисей

Урицкий, В. Володарский (Моисей Гольдштейн), Вячеслав Менжинский, Карл Радек (Собельсон), – которые знали финансовые секреты партии и революции, были причастны к “японскому” и “германскому” денежным следам и осуществляли связи с финансистами Гельфанд-Парвусом и Варбургом, а через них – с всемогущим Яковом Шифом.

10 марта 1922 года Красин обстоятельно писал Ленину:

> 1) Продать крупную партию драгоценностей первому попавшемуся покупателю сейчас можно лишь за 1/2 – 1/3 нормальной цены: всюду кризис, буржуазия в угнетенном состоянии духа, брильянтов женам и содержанкам не покупает. 2) Выгодно (или сносно) можно продать только через крупного брильянтщика – монополиста вроде Де Бирса и т. п. фирм. 3) Де Бирс был у меня весной, упрекал, что мы коминтерновскими распродажами в конец испортили рынок и заставили его прикрыть копи в Африке. Предлагал устроить синдикат, не продавать по мелочам, а все через него, обещал дать ссуду под залог. …NB Условия синдиката: никому иными путями ценностей не продавать, иначе грозит неустойка! 7) Как только я достоверно буду знать, что ценностей много и что на сторону они утекать и кустарно сбываться не будут, можно синдикат организовать.

Спустя несколько дней состоялось очередное заседание комиссии по реализации ценностей, на котором присутствовали Троцкий, Красин, заместитель наркома финансов М. И. Фрумкин, заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов (Макс Валлах), член коллегии Наркомвнешторга П. Л. Войков. Комиссия согласилась с высказанным Красину предложением об организацией синдиката, “даже при условии предоставления ему монополии”. Вот они, корни зависимости современной российской алмазной промышленности от корпорации Де Бирса.

На следующий день после заседания комиссии Красин получил короткую записку от Троцкого, а Ленин и Молотов – ее копии. Автор теории перманентной революции, имеющей целью установить диктатуру пролетариата во всем мире, предстает в истинном обличье, где нет места ни революции, ни пролетариату. Более того, собственные бредни о мировой революции страшили его. Троцкий торопил с возможной реализацией сокровищ, ибо “наступление пролетарской революции в Европе, хотя бы в одной из больших стран, совершенно застопорит рынок ценностей: буржуазия начнет вывозить и продавать, рабочие станут конфисковывать и пр. и пр. Вывод: нужно спешить до последней степени”. Политбюро возложило личную ответственность за реализацию ценностей за границей на Моисея Ильича Фрумкина; наисекретнейшую акцию контролировал сам Ленин[11].

Появляющиеся в последние годы некоторые достоверные публикации документов из закрытых архивов, из секретных фондов вождей, более и более проясняют ситуацию, когда группа лиц без родины и гражданства, по сути

космополитов-интернационалистов, в смутное октябрьское время затеяла чудовищный эксперимент в России, названный их адептами главным событием XX века. Добро бы действительно церковные сокровища были использованы на нужды голодающих. Нет, цель большевистской верхушки состояла в ограблении и разорении нашего Отечества. В каких швейцарских и американских банках упокоились эти богатства, и вернутся ли они когда-нибудь на Родину, чтобы быть использованными хотя бы на восстановление храмов?

Весной же решалась, используя терминологию Ильича, архиважная задача – собрать и перевезти в Москву сокровища. 13 марта Троцкий доложил Ленину о результатах поездок его уполномоченных: “Главная работа до сих пор шла по изъятию из упраздненных монастырей, музеев, хранилищ и пр. В этом смысле добыча крупнейшая, а работа далеко еще не закончена”. 17 марта он же обращается к членам политбюро ЦК Ленину, Сталину и Зиновьеву с детальным проектом активизации работ по изъятию церковных ценностей из семнадцати пунктов. В ответ В. И. Ленин 19 числа обратился к членам политбюро ЦК РКП(б) с большим письмом под грифом "строго секретно", где сформулировал политику советского государства по отношению к Церкви. Глава правительства писал:

> Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.
>
> Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно немыслимы.
>
> … Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить

> эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Ленин повторил: "Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь". В письме нет ни слова о направлении средств от реализации изъятого на борьбу с голодом. Зачем эта словесная мишура узкой группе единомышленников-сообщников? Деньги, много денег, миллионы золотых рублей, а если повезет с добычей, то миллиарды окажутся у хозяев России. Желание вождя воплотили члены политбюро ЦК РКП(б) Л. Д. Троцкий (Лейба Бронштейн), Л. Б. Каменев (Лейба Розенфельд), И. В. Сталин (Иосиф Джугашвили) и кандидат В. М. Молотов (Скрябин) на следующий же день, 20 марта, утвердив с незначительными дополнениями проект Троцкого в форме директивы из тех же семнадцати пунктов о скорейшем изъятии ценностей, тоже под грифом совершенной секретности /11/. В этом режиме сохраняли оба документа 68 лет.

Шифрованную инструкцию партийным комитетам о политических задачах по расколу православного духовенства и использовании зревших обновленцев направил секретарь ЦК РКП(б) В. М. Молотов:

> Строго секретно. Москва, 25 марта… Нужно “расколоть” попов или, вернее, углубить и заострить существующий уже раскол, тем более что в Москве и провинции есть много попов, которые согласны на изъятие ценностей, но боятся верхов… Одна их часть независимо от их религиозных предрассудков (нас сейчас не интересующих) признает необходимость передать ценности для спасения голодающих; другая же часть – “князья церкви”, жадные, хитрые и развращенные, идущие против народа, всемерно борются против этого, терроризируя низы. Задача агитации – поддержать сейчас эти низы против верхов, дать им понять и почувствовать, что государство не позволит верхам терроризировать низы, поскольку они стремятся обеспечить исполнение декретов рабоче-крестьянской власти. Еще раз: политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретном случае их помощи голодающим и затем показать им суровую руку рабочего государства, умеющего карать тех, кто осмелится выступать против него[12].

ДЕКРЕТИРОВАННОЕ БЕЗЗАКОНИЕ

Распоряжение отдали исполнителям, чья реальная власть в губерниях к тому времени вышла на первый план. На секретном заседании Новгородского губкома РКП(б) 27 марта 1922 года шифротелеграммы из Москвы приняли к руководству и исполнению. Образовали "секретную руководящую комиссию" в составе заместителя секретаря губкома П. Н. Пожарского, начальника губотдела ГПУ А. И. Мильнера и губернского военного комиссара А. С. Григорьева, или "секретную тройку", указали на необходимость поддерживать части особого назначения в постоянной боевой готовности. Для контроля за публиковавшимися материалами по изъятию создали “редакционную двойку” в составе Пожарского и Мильнера /13/. С кем собирались воевать и почему на своей территории верхушка губернских коммунистов проводила подпольное заседание, в каком дополнительном контроле нуждалась единственная губернская газета “Звезда”?

На следующий день тройка выработала программу действий по директиве ЦК, а 30 марта губком РКП(б) через уполномоченных ГПУ передал инструкцию уездным комитетам партии. Достаточно сумбурное содержание передает напряжение политической атмосферы весны 1922 года.

Телеграмма литер "А". Взрыв.
Строго секретно.

По секретной директиве губком предлагает с первого апреля, до начала фактического изъятия церковных ценностей, начать самую углубленную агитацию силами организации среди населения по вопросу неизбежности сдачи ценностей для помощи голодающим. На агиткампанию безоговорочно послать самых стойких и серьезных членов партии. Подив-56 обрабатывает Старорусский уезд. На сходках, собраниях деревни разъяснять политиканство, хищность "князей церкви". Собрать резолюции, одобряющие декрет изъятия ценностей и клеймящих жадных преступных попов. То же самое поголовно провести на фабриках и в красноармейских частях. Все резолюции выслать в губком для опубликования. Одновременно прекратите изъятие ценностей впредь до особого распоряжения. Известите, что в бедных сельских церквах изъятия вообще не будет. Сейчас введите организационно-агитационную подготовку и учет ценностей. Внесите раскол в среду духовенства и верующих. Проявите в этом решительную инициативу. Возьмите под свою защиту, защиту государственной власти тех лояльных попов, которые открыто выступают в пользу изъятия и кои недовольны своими верхами. В случае обнаружения среди групп верующих зловредной черносотенной программы агитации

представителей буржуазии, арестовывать заправил и направлять в ГО ГПУ. Виднейших зловредных попов до конца кампании по возможности не трогать, но предупредить их в личной беседе совершенно секретно, что в случае эксцессов они ответят головой. Энергично проведите занятия ЧОНа, каковое возможно придется использовать как вооруженную силу при волнениях. Изъятие будет по секретным директивам Цека по Республике проведено железной рукой, а у нас в губернии после Пасхи. По России идут сейчас волнения, есть кровавые столкновения. Будьте бдительны. Все тесные силы контрреволюции дают нам решительный бой, пользуясь предлогом и фактической религиозностью масс. Верховные круги духовенства, монархисты, буржуазия, эсеры объединились и, мобилизовав все силы, ведут широкую провокационную работу главным образом в деревне. Для получения подробных дополнительных секретных инструкций вышлите немедленно одного надежного партийного курьера в губком. Цека и губком еще раз подчеркивают абсолютную секретность вопроса. С телеграммой под расписку может ознакомиться самый узкий круг ответственных не болтливых коммунистов под личную ответственность секретаря укома. Получение телеграммы, о принятых мерах, политическом настроении сообщите секретно высылкой нарочным.

Замсекретаря губкома Пожарский.

Дешифрант немедленно по расшифровании передать в укомпарт и начподиву 56.

Начгубполитотдел Мильнер[14].

Через несколько дней инструкция была дополнена требованием начинать изъятие не с православных, "а с инославных храмов" (костелов, синагог, лютеранских молитвенных домов и пр.), "чтобы не давать шовинистически настроенным элементам повода к разговорам о гонении на "православную" церковь", а также не включать в состав официальных комиссий "ни евреев, ни латышей, ни вообще лиц других вероисповеданий или национальностей, так как нарушение этого правила дает лишний козырь в руки антисоветских элементов"[15]. Людей, способных возвысить голос в защиту святынь и веры предков, поименовали шовинистами и антисоветчиками.

Требования инструкций комитетов РКП(б) о “двойственном” отношении к духовенству существенно дополнила краткая телеграмма ГПУ за подписями заместителя председателя И. С. Уншлихта и начальника Секретного отдела Т. П. Самсонова: "Немедленно телеграфируйте в ГПУ фамилии и имена в монашестве управляющих епархиями (духовенством

губернии) и викарных (уездных) с краткой характеристикой их деятельности в отношении власти. В случаях эксцессов карая их как правителей церкви и духовенства. Во всех случаях хищения в храмах, где злоумышленники не обнаружены, предавайте суду настоятелей, предъявляя им гражданский иск за украденные вещи, охрана которых им поручается и доверяется верующими"[16]. В губотдел поступили директивы Госполитуправления о выявлении и взятии на учет как лояльного к советской власти духовенства, так и противившегося изъятию, о предупредительных мерах во избежание “эксцессов” при вывозе ценностей, о информировании Москвы о ходе изъятия ежедневно, трехдневно и еженедельно[17].

Многочисленные депеши и распоряжения, поступившие из центральных органов, противоречили как опубликованной 28 февраля в "Известиях ВЦИК" инструкции Центральной комиссии помощи голодающим и Наркомата юстиции о порядке изъятия церковных ценностей, так и друг другу. Например, если одна директива разрешала верующим заменять изымаемое равным количеством золота и серебра ("а не бумажек" - о совзнаках), то другая запрещала такие замены в городе, третья требовала изъятия золотых вещей "во всяком случае". В одной из телеграмм за подписью М. И. Калинина подчеркивалось, что "иконы (самая живопись) вообще не подлежит изъятию, ибо не представляют из себя ценности в смысле золота, серебра или камней"[18]. (Через несколько лет мнение кардинально изменилось. Произведения великих живописцев прошлого повалили валом из крупнейших российских собраний на зарубежные аукционы, пополняя наисекретнейшие фонды).

Обобщив полученные директивы, Новгородский губком РКП(б) за неделю до изъятия через каналы связи ГПУ направил в укомы партии инструкцию к началу акции. Касательно ценностей указывалось: “Золото и камни отбираются из всех без исключения храмов губернии, что же касается серебра, то в бедных сельских церквах при наличии его не свыше 3 фунтов таковое не отбирается. Все сверх указанной нормы отбирается полностью”. Красноречиво указание о возможности замены ценностей: “В городах предложения о выкупе ценностей на хлеб или равное по весу количество золота, серебра не допускается ни в коем случае. Замена допускается лишь по отношению к сельским церквам при непременном условии, что к заявлению о выкупе одновременно будет приложено соответствующее по весу и ценности количество золота и серебра. Замена хлебом вообще не допускается”[19]. Так нужен был хлеб для голодающих?

Секреты большевистской верхушки дезавуировала Наталья Седова, жена Троцкого, заведующая отделом музеев Наркомата просвещения. (Жена одного стала главным педагогом в стране, жена другого - главным искусствоведом). В преамбуле инструкции представителям музеев в комиссиях по изъятию церковных ценностей, ею подписанной, ни слова о нуждах умирающих от голода. Задача формулируется предельно просто: "ликвидация церковных и монастырских ценностей". Инструкция

действительно стала "ликвидационной" для судьбы сокровищ русского ювелирного искусства XVIII - начала XX веков. Документ гласил:

> ...представителям музейных отделов на местах следует руководствоваться нижеследующими положениями:
>
> 1. Ликвидации подлежат только те предметы, которые не имеют историко-художественного (музейного значения).
>
> 2. а/ Безусловно недопустима ликвидация ценностей, имеющих древность, кончая 1725 годом.
>
> б/ В виде исключения допустима ликвидация ценностей эпохи с 1725 г. по 1835 г.
>
> Примечание: наиболее характерные предметы, отражающие стили эпох Людовика XV, XVI и эпохи Империи безусловно не ликвидируются.
>
> в/ Из ценностей, работа которых относится ко времени после 1835 года, ликвидируются все предметы за исключением имеющих высокохудожественное и бытовое значение.
>
> Примечание: части древних предметов: венцы с окладов, остатки древней басмы, скани, финифти, сосудов и т.п. изъятию в целях ликвидации не подлежат.
>
> 3. Недопустимо нарушение целостности предметов и ансамблей, имеющих историко-художественное значение, как-то:
>
> а/ Срывание древней басмы, цат и венцов с икон, крестов, царских врат, риз и т.п. предметов, которые они украшают.
>
> б/ Выемка камней и жемчуга из предметов, относящихся к п.2-му этой инструкции.
>
> Примечание: Новые ценные в материальном отношении украшения изъемлются при соблюдении условий, гарантирующих сохранность древних предметов, на которых они находятся.
>
> 4. Древние храмы со своим внутренним декоративным убранством, старинными иконостасами, киотами, лампадами, паникадилами и т.п. предметами, составляющими в общем ансамбль художественно-исторического значения, должны оставаться неприкосновенными. В этих случаях никакие отдельные изъятия музейных предметов недопустимы.
>
> 7. При упаковке отнюдь не допускается изменение форм предметов, как-то: сдавливание сосудов, свертывание риз с икон, а также развинчивание предметов на составные части, имеющиеся комплекты предметов должны быть упакованы все в одном месте[20].

Древние храмы Новгородской земли представляли историко-художественные ансамбли, формировавшиеся веками. Комиссиям, по инструкции, делать в них было нечего. Но писана она была для музейщиков, которые не то что решающего, совещательного голоса не имели.

Итак, основные документы по процессу изъятия церковных ценностей были приняты. Бюро Новгородского губкома РКП(б) утвердило составы комиссий и приняло постановление: "Сроком изъятия ценностей по всей губернии назначить понедельник 24 апреля и считать, что изъятие должно быть одновременным по всей губернии и настойчивым и решительным". В тот день следовало усилить части особого назначения и держать в готовности "коммунистов на случай экстренной необходимости"[21].

Ранее, в марте, комиссия провела изъятие рижских ценностей, оставшихся в Десятинном монастыре от посланцев Троцкого. Только Евангелий в серебряных окладах было вывезено тридцать два, серебряных риз с икон – более двух сотен! Заодно прибрали к рукам хранившиеся там ковры и передали завхозу губисполкома[22] для украшения чиновничьих кабинетов.

За несколько дней до начала акции к верующим с призывом смириться с неизбежным обратился митрополит Новгородский Арсений. "Об одном молю Вас, дорогие мои чада моей паствы. Отнеситесь по христиански, с покорностью к воле Божией, если придется расстаться с любимым нами благолепием наших храмов во имя той вопиющей нужды, в которой находятся наши братья. Если у нас есть что пожертвовать взамен церковных вещей, не упустим этой возможности. Если же нечем жертвовать, то и без золота и серебра храмы наши останутся храмами и святые иконы святыми иконами. Пусть и в этом отношении наши святители явятся для нас поучительным примером, когда они жертвовали церковными драгоценностями на выкуп пленных и на голодающих".

Словно предчувствуя скорые события, владыка молил новгородцев не давать властям повода для проведения жестких репрессий, соблюдать выдержку во время работы комиссий. "Прошу Вас не допускать при этом никакого насилия в той или иной форме; ни в храме, ни около него, т.к. это оскорбит храм, как дом мира и любви Христовой, и порочит церковных людей, от которых, по Апостолу, "должны быть удалены всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой" (Ефес. 4,31). Помните, что всякое действие, совершаемое со враждою, с раздражением, вызывает и против себя раздражение. А где обе стороны раздражены, там трудно от них ожидать взаимной уступчивости и умеренности в требованиях. Не давайте никакого повода к тому, чтобы пролилась чья-либо и капля человеческой крови около храма, где приносится бескровная жертва. Прошу также и о том, чтобы это изъятие церковных ценностей не явилось поводом для каких-либо политических выступлений, т.к. церковь, по существу своему, вне политики и должна быть чужда ей[23].

Большевики так не считали. Рассматривая Церковь как силу политически контрреволюционную, они установили за ней негласный надзор. В итоговой сводке на Лубянку губернский отдел ГПУ без стилистических изысков обобщил проведенные оперативные мероприятия. "В средине марта задачей момента выдвинулась необходимость наблюдения за коллективами верующих, фактически преследующие политические антисоветские лозунги,

производились ежедневные посещения исповедей всех церквей Новгорода, церковных служб с целью выявления степени влияния каждого из попов на свою паству, что в результате способствовало реальной ликвидации контрреволюционного священства и добытию широкого биографического материала на каждого из них в отдельности.

В связи с начавшемся изъятием церковных ценностей 20 марта с. г., до которого происходили повсеместные собрания верующих, для выявления работы, вернее, проводимых на собраниях вопросов, были влиты в некоторые коллективы верующих несколько церквей г. Новгорода секретные сотрудники, в том числе коллектив Софийского собора и центральный коллектив в Софийском соборе. На каждом из собраний коллектива обязательно присутствовали разведчики и после окончания собрания, если на таковом обсуждался вопрос об изъятии церковных ценностей, лица, старавшиеся своей контрреволюционной агитацией озлобить темные массы верующих, брались сразу же под наблюдение и при подробном выявлении этих лиц немедленно давался информационный материал начСОЧ и в I СПО. Кроме того, велось наблюдение за лицами, передававшими церковные ценности в руки комиссии по изъятию таковых на предмет выявления имевших место скрытий и хищений ценностей церковниками.

В целях непосредственного надзора за контрреволюционными элементами на местах, отделением были завербованы осведомители, впоследствии разведчики, а также были командированы в 5 волостей Новгородского уезда, а именно: Бронницкую, Новоселицкую, Никольскую, Красностанскую и Подберезскую секретные сотрудники с целью буквального выявления подпольных действий примазавшихся бывших крупных собственников, попов, кулацкого элемента, провоцировавшего против изъятия церковных ценностей, каковая работа дала исчерпывающие сведения, что попы и перечисленный выше элемент провоцировал на несознательной темной массе, подбивая таковую к противодействиям соввласти в деле изъятия ценностей”[24].

Церковь рассматривалась как противник, но противник второго плана, как враг советской власти, но враг не серьезный. На спецучете в губотделе ГПУ стояли 783 лица из белого и черного духовенства, причем на наиболее видных из них были “заведены личные дела”. На таком же учете в I специальном отделении числились 77 эсеров всех направлений, 15 анархистов, 10 кадетов, 10 меньшевиков, 9 бывших жандармов и 14 бывших чинов полиции. Осведомляли об эсерах 13 завербованных из них секретных сотрудников, о кадетах, анархистах и жандармах – по одному; на всю же массу священнослужителей приходились всего три сексота, и только по Новгороду и уезду. Дело заключалось не в слабой работе отделения. Практически все категории населения губернии к тому времени (а после революции не прошло и пяти лет!) находились под контролем органов госбезопасности и широко раскинутой оперативно-розыскной сети, в которой состояли 634 осведомителя, в том числе по Новгороду и уезду – 148.

Сравним: в ходе кампании по выявлению осведомителей губернского жандармского управления новгородские чекисты установили 34 человека[25]. В отношении Церкви действовали иные интересы.

ОГРАБЛЕНИЕ

Изъятие ценностей в церквах и монастырях Новгородской епархии, как предписывалось, началось в один день, 24 апреля 1922 года, сразу после Пасхи. В боевой готовности в губернском и уездных центрах находились чекисты, милиционеры, чоновцы и красноармейцы.

В течение нескольких дней комиссия под руководством проверенного коммуниста, члена губисполкома, бывшего председателя губернской ЧК Николая Дмитриевича Алексеева разоряла главный храм Новгородской земли - собор Софии Премудрости Божией. В состав комиссии входили ответственные советские работники Л. О. Пипер и Ф. С. Дорофеев. Интересы губернского музея представлял Н. Г. Порфиридов, музейного главка - Д. П. Сухов и П. Д. Барановский. За ходом изъятия по благословению владыки наблюдали протоиерей Николай Стягов и священник Анатолий Никифоровский. Коллектив верующих представляли В. А. Невский, П. Н. Никандров и А. В. Щетинкин.

Внутреннее убранство собора поражало великолепием. Пятиярусный иконостас с образами Новгородской школы иконописи освещался большим паникадилом, блистали золотом и драгоценными камнями ризы наиболее почитаемых новгородцами икон, на почетных местах стояли раки с мощами святых, мерцало пламя сотен свечей, теплились лампады.

Начали с предметов, представлявших наивысшую материальную ценность. Из акта: "Оклад с престола главного алтаря собора. Вес согласно описи 5 пудов 7 фунтов 21 золотник". (По современным мерам - 84 килограмма 858,64 грамма). Оклад нам остается только представить по книге священника Анатолия Конкордина "Описание Новгородскаго кафедральнаго Софийскаго собора", изданной в Новгороде в 1901 году: "...покрыт со всех сторон серебряным 84 пробы окладом, на котором накладныя чеканныя изображения: с передней и задней сторон - Евангелистов с символами и орудиями страданий Христовых, а по бокам Св. Апостолов с Богоматерью посреди и пророков с Предтечею. По верхнему краю оклада (литыми вызолоченными, накладными буквами) написано: Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваофъ, исполнь небо и земля славы Твоея: осанна въ вышнихъ; по нижнему: во славу святыя, единосущная, животворящая и неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Божиею милостию, Мы, Николай I Императоръ и Самодерженъ Всероссийский, повелели въ даръ отъ насъ принести сей престол Царю и Богу нашему, в Новгородъ, въ церковь Святыя Софии Премудрости Божия, Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь. 1831 года Ноемврия 20 дня".

Софийский собор издревле использовался как некрополь знаменитых людей Новгородской земли. Первым удостоился чести быть погребенным в Святой Софии заказчик собора, святой благоверный князь Владимир Ярославич, старший сын святого Ярослава Мудрого, внук святого равноапостольного Владимира Святославича, крестителя Руси. Он родился в 1020 году и юношей был поставлен отцом на новгородское княжение. В 1045 году по его повелению заложили Софийский собор, а в октябре 1052 года состоялось погребение совсем молодого князя. Епархиальное почитание установлено в 1439 году. Мощи князя Владимира почивали в новой раке, куда были переложены 7 сентября 1862 года, накануне открытия в Новгороде памятника "Тысячелетие России". Из ее описания в "Главной церковной и ризничной описи Новгородского кафедрального Софийского собора 1878 года": "На верхней деке позлащенное изображение Благоверного Князя Владимира; по сторонам чеканные изображения событий из жизни угодника – с правой стороны встреча Святого Владимира супругой с сыном и новгородцами по возвращении после победы над греками, с левой - закладка Благоверным Князем Владимиром храма Св. Софии в Новгороде; с передней стороны на щите, крепимом двумя ангелами, написан тропарь Святому; на задней – изображено прославление Святого".

В тяжелой пятипудовой раке открыто покоились мощи святого благоверного князя Мстислава Ростиславича, за воинские подвиги получившего прозвание Храбрый. В Новгороде княжил короткий срок до внезапной кончины летом 1180 года. Был удостоен епархиальной канонизации в 1439 году. Рака была устроена в 1879 году на деньги, собранные по подписке.

Самая массивная, весом более шести пудов, была устроена в 1851 году для мощей святого Иоанна, первого архиепископа Великого Новгорода, избранного в 1163 году и управлявшего епархией до дня кончины 7 сентября 1186 года. Удостоен соборной общерусской канонизации в 1547 году. С его именем связано чудо иконы Знамения Божией Матери при нашествии суздальцев, известное произведение древнерусской литературы "Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим" и несколько апокрифических сказаний. Из описания в "Главной церковной и ризничной описи":

"На верхней деке чеканное позлащенное изображение Святителя; по сторонам чеканные изображения событий из жизни Святого - на правой стороне чудесное избавление Новгорода от суздальцев иконою Божией Матери; на левой Святитель Иоанн, спущенный возмутившимися новгородцами на плот на реку Волхов, плывет против течения воды; на передней стороне – Святитель Иоанн, молящийся перед образом Спасителя; на задней – конь с суммой, необходимой на построение храма".

Пудовая рака была устроена в 1822 году на средства Д. С. Яковлевой для останков святого благоверного князя Федора Ярославича, старшего брата святого Александра Невского, скончавшегося летом 1233 года в юном возрасте. Из описания раки: "серебряная, чеканной работы, на шести

серебряных ножках, с литыми наверху по углам ангелами. Верхняя дека деревянная с изображением Святого Благоверного Князя Федора Ярославича, котораго мощи в сей раке почивают. По низу и по верху сей раки каймы серебряные чеканные, с обеих сторон посередине изображен герб, по сторонам коего по две скобки серебряные, а на передней и задней сторонах надписи в кругах".

Судьба рак как устроенных в прошлом веке заведомо решалась инструкцией Седовой – они "подлежали ликвидации". Изделия русских златокузнецов отправили в подвал губфинотдела. Одним махом комиссия "добыла" почти 18 пудов высокопробного серебра.

Сняли серебряную пудовую ризу с иконы Божией Матери Казанской; раздели образа Иоанна Предтечи, Знамения Божией Матери... Протест П. Никандрова "против снятия риз с икон местных" остался без удовлетворения.

В соборной ризнице добычей стали панагия с десятью крупными изумрудами, панагия с 22 крупными бриллиантами, золотой крестик с бриллиантами и рубинами с клобука митрополита Гавриила, крест наперсный с восемью крупными изумрудами, крест наперсный с крупными аметистами, священнослужебные предметы, халцедоны, яхонты, топазы, жемчуг и другие драгоценности. С расшитых золотыми и серебряными нитями митр были сняты финифтяные иконки "и оставлены коллективу верующих как безценные"[26]. Их тонкая художественная роспись по эмали никакой ценности в глазах комиссии не представляла.

...В день начала изъятия, 27 апреля, был оформлен официальный акт на ценности Знаменского собора. На самом деле еще 5-го числа в храме действовала комиссия под председательством члена губисполкома Михаила Васильевича Рослякова. Протоиерей Павел Евгеньевич Беляев показывал ценности, соизмеримые, может быть, только с Софийскими и Юрьевскими. Поспешные действия властей объясняла серьезная причина.

Собор был построен во имя святой и чудотворной иконы Знамения Божией Матери. Массивный снаружи и просторный внутри, пятиглавый, опоясанный с трех сторон закрытыми галереями-папертями, он являлся типичным памятником русской архитектуры XVII столетия. Храмовым образом являлась двусторонняя икона Знамения, написанная в XII веке; на лицевой стороне изображены Божия Матерь с Иисусом Христом, на оборотной - апостол Петр и святая Наталия. Наиболее почитаемая новгородцами чудотворная икона прямо связана с событиями 1170 года и отражением похода князя Андрея Боголюбского, с именем архиепископа Иоанна.

Великий русский историк Николай Михайлович Карамзин на основе летописных сказаний повествовал: “Несколько раз с обеих сторон съезжались чиновники для переговоров и не могли согласиться: на четвертый день началася битва, кровопролитная, ужасная. Новгородцы… клялися умереть за вольность, за храм Софии, и бились с остервенением. Архиепископ Иоанн, провожаемый всем Клиросом, вынес икону Богоматери и поставил на внешнем деревянном укреплении или остроге: Игумены, Иереи

пели святыя песни; народ молился со слезами, громогласно восклицая: Господи помилуй. Стрелы сыпались градом: рассказывают, что одна из них, пущенная воином Суздальским, ударилась в икону; что сия икона в то же мгновение обратилась лицем к городу; что слезы капали с образа на фелонь Архиепископа, и что гнев Небесный навел внезапный ужас на полки осаждающих. Новогородцы одержали блестящую, совершенную победу, и приписав оную чудесному заступлению Марии, установили ежегодно праздновать ей 27 Ноября праздник благодарности".

В 1850 году "усердием граждан Новагорода" на икону была устроена риза работы выдающегося ювелира Ф. А. Верховцева (1819-1867). Лицевая сторона ризы была им изготовлена из высокопробного золота весом 7 фунтов 57 золотников, оборотная - из золота весом 5 фунтов 33 золотника (общий вес золота 5 килограмм 298 грамм). Стороны скрепляла серебряная позолоченная рама весом 12 фунтов 77 золотников (5 килограмм 242,6 грамма). Для украшения ризы мастер использовал 2062 бриллианта, 326 бриллиантовых роз, 31 изумруд и яхонт, 9 рубинов, 6 сапфиров, 38 алмазов и 173 отборные жемчужины. Под ликом Спасителя вделал камею на сапфире величиной с половину грецкого ореха с изображением Знамения Божией Матери.

Запрестольный образ храмовой иконы покрывала риза, изготовленная в 1854 году мастером К. Е. Рябковым из 2 килограмм 200 грамм серебра 875-й пробы и 150 грамм золота различной, в основном 900-й пробы. Для украшения были использованы 2 бриллианта, 2 алмазные розы, 142 алмаза, 21 изумруд, 21 рубин, 20 сапфиров и жемчуг. Над ликами Богоматери и Иисуса Христа ювелир укрепил чеканные накладные венцы, украсив венец Божией Матери восемью розеттами с 63 алмазами и 2 бриллиантами. В центре нижнего поля оклада два летящих ангела поддерживали овальную камею на халцедоне в обрамлении жемчужной обнизи и шести драгоценных камней в золотой оправе. С какого-то старого оклада Калина Рябков перенес миниатюрные образки Иисуса Христа, Божией Матери, апостолов Иоанна и Петра, святых Луки и Никиты, Архистратига Михаила и Иоанна Предтечи, выполненные в XII веке в технике перегородчатой эмали.

Активист изъятия церковных ценностей, заведующий Новгородским губернским музеем Николай Григорьевич Порфиридов вспоминал, как решалась судьба ризы работы Верховцева: "Сделанная в XIX веке, риза эта художественной ценности собой не представляла, но материальной ценностью способна была одна перекрыть не только все остальные ценности Знаменского собора, но едва ли не всего города.

Когда ее вынули из сейфа и положили перед комиссией, на некоторое время установилось молчание. Что она, конечно, не может быть оставлена для отправления культа, было ясно.

– Наверное, на нее будет претендовать Губмузей? – разочарованно задал вопрос председатель комиссии.

– Нет, предмет не представляет музейной ценности, и Губмузей на него не претендует.

Ответ был неожиданным и для комиссии, и для прихожан. Первая опасалась, что музей "лишит" ее предмета, самого ценного во всей губернии, вторые, вероятно, надеялись, что хотя бы таким образом предмет все же останется в городе".

Другой музейщик, присутствовавший на изъятии, Сергей Михайлович Смирнов, через много лет считал, что "оклад на чтимой новгородской иконе "Знамение" мог бы избежать изъятия. Он тоже был сравнительно новый, а именно 70-х годов прошлого столетия, высокой художественной работы, украшенный драгоценными камнями. Но он был золотой, самой высокой пробы, и камни на нем чистой воды, так что вопрос был ясен – "подлежит изъятию в Помгол".

В Знаменском соборе сняли 23 серебряные ризы с икон, в основном из местного ряда иконостаса, собрали десятки серебряных чаш, дискосов, звездиц, лжиц, напрестольных крестов, лампад, ободрали с Евангелий оклады и наугольники, забрали дары верующих – золотые кольца с бриллиантами и жемчужные серьги и подвески. Собор разграбили подчистую. Как в насмешку, оставили верующим два Евангелия в серебряных окладах, по три креста, потира и дарохранительницы, одну дароносицу. Риза с запрестольной иконы Знамения стала собственностью музея (в настоящее время экспонируется в Грановитой палате Новгородского Кремля).

Процесс изъятия хорошо запомнился С. М. Смирнову и вызвал его запоздалые сожаления: “Но вот непонятно, почему всю эту процедуру изъятия не провели более осторожным и деликатным способом? Почему сдирали на глазах прихожан оклады с икон, складывали грудами их на пол, а потом на подводе везли по улице? Все это было не нужно, грубо и оскорбительно. Навсегда запомнилось мне, как после окончания всей этой тягостной процедуры, когда ушли члены комиссии, уехали подводы с церковным добром, настоятель собора протоиерей П. Беляев уселся на приступочку под ободранным иконостасом и горько заплакал…”[27].

Не желая осложнять оперативную обстановку в губернии беспардонными действиями головотяпов-активистов, начальник губотдела ГПУ Абрам Исаакович Мильнер через день после начала акции направил резкую шифротелеграмму уездным комитетам РКП(б): “Установлено, что при изъятии ценностей в некоторых местах члены комиссий на глазах верующих производят бесчинства как в церквах, так и над священными предметами, чем разжигают толпу верующих, оскорбляют их религиозные чувства. ГО ГПУ предлагает дать указания Вашим представителям, чтобы они ни в коем случае не допускали подобных бесчинств. В случае, если кто-либо позволит произвести подобное, привлекать к суровой ответственности”[28]. Чекистский окрик умерил административный раж.

Из пригородных монастырей наряду с ризами икон и церковнослужебными предметами вывезли серебряные раки основателей обителей преподобных Варлаама Хутынского, Антония Римлянина и Моисея Сковородского. Комиссии по изъятию церковных ценностей подвергли

осмотру все монастыри и церкви Новгородской губернии. Только из Сыркова Владимирской иконы Божией Матери монастыря вывезли почти полтораста риз с икон, из Савво-Вишерской Вознесенской обители близ Новгорода были изъяты двадцать риз с икон, семь окладов с Евангелий, пять напрестольных крестов, три десятка других предметов церковной утвари. Из Короцкого Тихоно-Задонского монастыря на Валдае были изъяты изделия общим весом более 35 килограммов серебра.

Соседний с ним Иверский Святоозерский Богородичный мужской монастырь был основан в 1653 году на Сельвицком острове живописного Валдайского озера патриархом Никоном, до избрания предстоятелем Церкви – митрополитом Новгородским. На освящение Успенского собора в декабре 1656 года патриарх привез Иверскую икону Божией Матери, точную копию с чудотворного образа, хранящегося в греческом Афонском Иверском монастыре. В 1861 году на икону сделали новую ризу, лишь описание которой доступно по "Краткому сказанию о явлении чудотворной иконы Божией Матери Иверской, об устроении Валдайской Иверской обители и о праздненстве в ней по случаю возложения драгоценной ризы на чудотворную икону".

"В ней чистого золота 25 фунтов 82 золотника, и серебра, чрез огонь позлащенного, 60 фунтов; украшена бриллиантами, яхонтами, изумрудами, сапфирами, алмазами, жемчугом, кругом ризы вычеканены сверху Архангелы и по бокам 12 Апостолов. Риза утверждена на шалнерах и может свободно отворяться для удобнейшего лобызания чудотворной иконы. Риза с серебряной рамой стоит 14200 рублей, украшений на ней из драгоценных каменьев на 11500 рублей, так что стоимость оной безошибочно можно определить 25700 рублей серебром. К одежде Христа Спасителя прикреплен алмазный большой крест, в коем открыто вложена часть Животворящего Древа. В искусственном отношении отделка представляет верх совершенства. Риза Владычицы произведена парчевой чеканкою; на Спасителе вычеканена одежда моаре, на которой перелив тени отражается как на материи; драгоценные камни помещены на своих местах". В серебряной вызолоченной раке, устроенной через два года после ризы, открыто почивали мощи святого праведного Иакова, чудотворца Боровичского.

Из Троицкого собора в Боровичах были вывезены 15 серебряных риз с икон, из Введенского – 17 риз и множество изделий из драгоценных металлов. Из церкви Троицы в селе Ореховно Боровичского уезда комиссия изъяла 30 серебряных предметов весом более 35 фунтов, оставив общине потир, лжицу, звездицу, две тарелочки и оправу от копия весом чуть более 3 фунтов, из Никольской в селе Левоча – предметов по весу более 18 фунтов, оставили один напрестольный крест. Пожива в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Передки составила без малого 20 килограммов серебряных изделий.

В новгородской церкви Климента папы Римского на Иворове улице взяли 30 предметов, а оставили серебряный потир, в церкви Димитрия Солунского на Славкове улице оставили два потира, в церкви Никиты –

потир, малую дарохранительницу и два непрестольных креста. С оклада храмовой иконы в церкви Архангела Михаила на Прусской улице сняли украшавший его фермуар, унизанный четырьмя крупными и множеством средних и мелких бриллиантов в серебряной оправе с золотой подпайкой. Впрочем, можно долго перечислять храмы и изъятые в них драгоценности. Только в новгородских архивах хранятся четыре объемистых дела с сотнями актов и сводок[29]. Понятно, когда изымалась разменная серебряная монета. Но кому могли понадобиться, кроме бонистов, вышедшие из употребления царские бумажные деньги и керенки? Изъятие перешло, таким образом, в неприкрытое разграбление. Выполнялось указание вождя: "провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом".

Церковное имущество концентрировали в подвалах губфинотдела в Кремле. На последний июльский день 1922 года заказали железнодорожный вагон и, словно специально, для погрузки вызвали пятнадцать заключенных из лагеря принудработ. Под охраной семи чекистов ценный груз отправили в Москву. Сокровища навсегда покинули новгородскую землю.

Итоги изъятия были подведены в ноябре на губернском съезде Советов. Из отчета губисполкома: "В период четырехмесячной упорной работы по проведению кампании изъятия церковных ценностей в губернии изъято и отправлено в Москву в Гохран на текущий счет ЦК Помгол:

> Серебра: 560 пудов 16 фунтов 62 золотника 73 доли. Из коих 30 пудов 36 фунтов 62 золотника серебряных монет на сумму 24.809 рублей 25 копеек.
>
> Золота и драгоценных камней: 2 пуда 18 фунтов 10 золотников 67 долей.
>
> Золотых монет на 280 рублей. Серебряных монет: 1003 рубля.
>
> Из них чистого золота в отдельности 18 фунтов 72 золотника 73 доли, остальной вес - драгоценные камни и золотая оправа при них"[30].

Если перевести на современные меры веса, то из Новгородской епархии вывезли серебра 9 тонн 179 килограммов 897,4 грамма, золота вместе с драгоценными камнями - 40 килограммов 177,8 грамма.

О СУДЬБЕ СОКРОВИЩ

Абсолютное большинство церковнослужебных предметов из драгоценных металлов в 1922 году стало собственностью государства. Несмотря на заверение, что "население будет оповещаться через печать о судьбе ценностей", данные так и не появились. Однако к концу лета того же года, когда собранные сокровища поступили в Гохран, крестьяне собирали новый урожай и сдавали продналог. Голод быстро ушел в прошлое. В октябре Новгородская губернская комиссия Помгола была ликвидирована и начала плановая реэвакуация детей в Поволжье[31]. В том же месяце Наркомат внешней торговли получил разрешение экспортировать первые 10 миллионов пудов хлеба. Через год на зарубежных рынках хлеб реализовывали уже миллионами тонн.

Возможно предположить, что определенная часть собранных ценностей была перелита в слитки благородных металлов и послужила средством заграничных платежей. Или изъятые ценности, направленные на стабилизацию финансового положения, обеспечили выпуск червонцев с золотым содержанием в том же 1922 году и серебряной монеты в феврале 1924 года? На какой же основе опять же в 1922 году был учрежден Алмазный фонд? Слишком много совпадений приходится на злополучный двадцать второй.

(В достопамятном 1991 году, за несколько месяцев до гэкачепистского фарса, генерал-майор КГБ В. М. Богов, кандидат исторических наук В. Г. Смирнов и автор этой книги опубликовали сборник очерков “Из тайников спецхранов”. В нем прозвучали эти же вопросы. Минуло восемь лет. И профессионалы-историки, и политиканствующие дилетанты упорно обращались к трагическим событиям XX века, главным образом муссируя тему, как мерзавец Сталин расправлялся с большевистской верхушкой – Троцким, Бухариным, Рыковым, Каменевым, Зиновьевым, Тухачевским и прочими, положа руку на сердце, такими же мерзкими и кровавыми людишками. Но одна тема остается “белым пятном”, terra incognita нашей новейшей истории – деньги большевистской верхушки. Несколько сенсационных, но невразумительных публикаций едва ли не служили еще большей закрытости проблемы. Все вопросы натыкаются на непреодолимую преграду. Государственное хранилище ценностей было создано как специальное учреждение и по сей день его дела являются государственной тайной за семью печатями.

Уместно уточнить, не на “бриллианты для диктатуры пролетариата”, выломанные из окладов новгородских икон и осевшие в зарубежных банках, многие годы лидер IV-го Интернационала вел подготовку мировой революции, содержал челядь и охрану, печатал тома трудов и “Бюллетень оппозиции”? Словоохотливость Троцкого дает сбой в части воспоминаний, касающейся руководимого им ограбления Русской Православной Церкви).

Пока ясно одно: в исследовании судьбы изделий из золота, серебра и драгоценных камней, изъятых у религиозных обществ, рано ставить точку.

Удалось, насколько возможно, проследить судьбу сокровищ, ставших экспонатами Новгородского музея. Вновь поступившие предметы были представлены в помещении упраздненной домовой Благовещенской церкви в бывшем Епархиальном (Арсеньевском) доме, превращенном в выставочный зал, а затем составили основу специального Хранилища ценностей (или Отделения ценностей), располагавшегося в северной галерее хоров Софийского собора.

Все же достоянием музея стала незначительная часть изъятых богатств. Так, из поступивших из Боровичского уезда 80 пудов серебра в музей были переданы изделия общим весом всего в 5 пудов, из церквей Новгорода и уезда был передан 221 предмет. Всего к сентябрю 1924 года в Хранилище, по отчету, "содержится 402 предмета общим весом 19 пудов 16 фунтов 77 золотников"[32]. Можно ли сравнить эти пуды с вывезенными тоннами сокровищ, которыми владел Великий Новгород? Музейные работники могли бы спасти гораздо большее число предметов, однако им помешало представление, что церковно-ювелирное искусство XVIII – XIX веков не имело художественной значимости. Конечно, никто не ставит в один ряд произведения ювелиров тех времен с униками Древней Руси, но как изделия прикладного искусства они имели художественную ценность, по сей день подтверждаемую известнейшими аукционами.

В числе поступивших в Хранилище были воистину выдающиеся произведения, приводимые описания которых дают хотя бы какое-то представление о филигранной технике и художественном мастерстве их создателей. Шесть известных лиможских эмалей, выполненные в XIII веке во французском городе Лиможе в технике выемчатой полупрозрачной разноцветной эмали на медной основе, находились при раке преподобного Антония Римлянина в Рождество-Богородичном монастыре. Из ризницы этой же обители происходит "Антониевская" панагия, изготовленная на рубеже XIV - XV веков. Круглая, в диаметре до 11 сантиметров, состоит из двух позолоченных створок. На лицевой, выпуклой, представлена трехчастная композиция: вверху "Сошествие во ад", ниже "Стефан и Никола" и "Распятие с предстоящими". Фигуры исполнены в технике литья с гравировкой, обрамлены рамками с плетеным орнаментом и надписями. Вокруг композиции - литые четыре евангелиста и выгравированные херувимы. По краю створки надпись. На обороте панагии гравированное изображение Троицы с резной надписью.

Из ризницы Софийского собора происходили три драгоценные панагии. "Пименовская", принадлежала архиепископу Новгородскому Пимену, умерщвленному после разгрома Новгорода опричниками Ивана Грозного. Овальной формы, величиной в ладонь взрослого человека. Оправа на лицевой стороне выполнена в технике золотой скани на фоне синей, зеленой и бирюзовой эмали и украшена четырьмя сапфирами и четырьмя крупными жемчужинами, по внутреннему краю оправы проходит жемчужная обнизь. В центре панагии - деревянная пластина с резными изображениями Софии Премудрости Божией, Богоматери с медальоном Спаса Эммануила и Иоанна Предтечи в рост. Выше - поясное изображение благословляющего Христа.

Вокруг овала поясные изображения апостолов Петра и Павла, святых Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, новгородских святителей Никиты, Иоанна, Варлаама и Евфимия, святителей московских Николая, Алексия и Ионы. В верхней части панагии прикреплено сканное оглавие, в центре которого овальная камея на сапфире с поясной фигурой Иисуса Христа. На оборотной стороне панагии - гравированное изображение Престола с крестом и Евангелием и символами евангелистов.

"Панагия с алмазами" по "Описи Новгородского Софийского собора": "Панагия серебряная; на ней образ Спасителя на финифти, которая с лицевой стороны испорчена; вверху корона с крестиком, вокруг Спасителя и по всей короне, привеске и в кресте средних и малых алмазов 58 и 40 альмандинов; на исподней стороне портрет Петра I-го, писан на финифти - стертый; вес панагии 24 1/2 золотника".

"Сеченовская" панагия по той же "Описи": "Панагия бриллиантовая, жалованная Императрицею Екатериною II-й Митрополиту Димитрию (Сеченову); в средине оной на финифти образ коронования Божией Матери; вокруг того образа бриллиантовый ободок; над образом бант из мелких бриллиантовых роз, в средине банта бриллиант величиною в горошину, над бантом бриллиант же поменее; вверху корона бриллиантовая с крестиком бриллиантовым же; на ней три бриллианта крупных и три поменее; вокруг панагии ветви с листьями, осыпанные мелкими бриллиантами и розами, под образом бриллиантовая розетка; на другой стороне портрет Екатерины II-й, вокруг осыпан мелкими бриллиантами, на верху портрета корона бриллиантовая с тремя продолговатыми бриллиантами и розами; вокруг в виде гирлянды на золотой полосе надпись: "Преосвященному Димитрию Митрополиту Новгородскому 1767 года февраля 10 пожалована Ея Императорским Величеством Екатериною Алексеевною". При сей панагии цепочка золотая плоская с синей эмалью. Вес панагии с цепочкой 78 1/2 золотника".

Неизмеримую историческую и художественную ценность представлял золотой потир, созданный в 1440 году повелением святителя Евфимия II Вяжицкого, архиепископа Новгородского, и переделанный в 1669-м. В описях Новгородского Софийского собора записано: "Потир золотой, высота 0,25 м; диаметр чаши 0,17 м. По верхнему краю чаши чеканено прекрасною вязью второй половины XVII в.: пейте от нея вси, сия есть кровь моя новаго завета, иже за ви и за многия изливаемая во оставление грехов. Несколько ниже там же деисус, нацированный в трех круглых медальонах, а против деисуса на противоположной стороне чаши 8-конечный крест с тростию и копием, Голгофою и городом Иерусалимом. Чаша утверждена на стойке с превосходным, украшенным сканью и эмалью яблоком: эмаль синяя, голубая, зеленая и белая. Внизу на цоколе стойки и поддоне начертано: "въ лето 6948 снаряженъ бысть потир сей замышлением Преосвященнаго Архиепископа великаго Новогорода владыки Евфимия, а ныне сей златый потиръ переделанъ вновь во 7177 марта в 25 день повелением великаго Господина Преосвященного Питирима Митрополита великаго Новогорода и Великихъ Лукъ". Там же прибавлено: весъ 5 фунтов 57 золотников и опол. Работа потира превосходная".

В Хранилище была передана "Бриллиантовая" панагия, подаренная митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Серафиму митрополитом Московским Платоном - в серебряной оправе, с семью крупными бриллиантами, десятью средними, восемью малыми и бриллиантовыми розами, с золотой цепочкой. Золотой наперсный крест с алмазами был пожалован архимандриту Юрьева монастыря Фотию императором Александром 1 в июне 1822 года. Уникальна камея Богоматери с двумя ангелами и херувимом на темно-зеленом ониксе в оправе, отделанной десятками рубинов, хризолитов и бриллиантовыми искрами. Вкладом стольника Ивана Самойловича Салтыкова в Антониев монастырь являлся серебряный потир 1700 года с 34 изумрудами, 4 сапфирами, 34 рубинами и фиолетовой шпинелью. Из Хутынского монастыря происходила митра с девятью накладными эмалевыми дробницами, украшенная драгоценными камнями и жемчугом.

Но недолго эти произведения притягивали взоры восторженных экскурсантов. Слишком заманчивой оказалась их высочайшая материальная ценность для хозяев России. В середине ноября 1925 года были "сданы на хранение в губфо" и сгинули бесследно золотой Евфимиевский потир, "Сеченовская" и "Бриллиантовая" панагии, "Панагия с алмазами", Фотиевский наградной крест, камея, золотые дискосы[33].

Коллекция Новгородского музея пополнилась на рубеже 20-30-х годов, когда "по требованию трудящихся" прошла волна массового закрытия храмов и из упраздненных церквей поступили изделия, остававшиеся в пользовании верующих после изъятия 1922 года. Ей были суждены новые испытания. Уже несколько лет "ударные правительственные бригады", руководимые наркомом торговли и снабжения А. И. Микояном, обшаривали музейные собрания, отбирая те ценности, которые можно быстро и тайно продать заграничным коллекционерам для латания прорех, вызванных форсированным "построением социализма в одной, отдельно взятой стране". Расхитители с правительственными мандатами подвергли ограблению Эрмитаж, Русский музей, Третьяковскую галерею, Музей современного искусства и другие столичные собрания. Настала очередь провинции. В марте 1930 года Ленинградскому отделению "Антиквариата" из Новгорода были направлены серебряный оклад иконы преподобного Саввы Вишерского из основанного им монастыря, пощаженный восемь лет назад, риза с Тихвинской иконы Божией Матери и еще два серебряных оклада.

Беда пришла 4 и 16 марта 1934 года. За два приема акционерному обществу "Интурист" для продажи за валюту были переданы по крайней мере 174 предмета из Хранилища ценностей, в том числе и собранные до революции Новгородским епархиальным церковным Древлехранилищем[34]. На продажу пошли целые комплексы вещей, происходившие из Юрьева, Антония Римлянина Рождество-Богородичного, Мало-Кириллова, Свято-Духова, Сыркова Владимирской иконы Божией Матери монастырей, Знаменского собора, церквей Никиты, Феодора Стратилата, Климента папы Римского,

Апостола Филиппа, Успения Пресвятой Богородицы. Иностранные туристы покупали иконы и Евангелия XVII–XIX веков в драгоценных окладах, потиры, дискосы, лампады, тарелочки, дарохранительницы, кресты напрестольные, наперсные и кресты-мощевики (энколпионы), чаши, ковши, звездицы...

Выставлялись на продажу церковные предметы русского средневековья, нахождение которых вне музейных собраний запрещала даже инструкция 1922 года. В их числе Евангелия московской печати 1677, 1681, 1694, 1697, 1698 годов, а также Евангелия московской и киево-печерской печати XVIII века в серебряных позолоченных окладах с чеканными и черненными дробницами. Крест напрестольный из золоченого серебра в технике скани имел дарственную надпись 1621 года: "Лета 7129 далъ се стый кртъ в Великии Новъградъ в пустыню прподобнаго и великаго чюдотворца Саввы иже на Вишере бояринъ князь Феодор Иванович Мстиславско своих родителехъ и по себе внаследие вечныхъ благъ будущаго ради покоя". На серебряном чеканном панагиаре из Свято-Духова монастыря также имелась пространная надпись 1640 года: "7148 марта 23 день дал сию панагию с мощами в дом Духа Святаго игумен Еуфимей Псковитянин Барашков вкладу за отца за своего за Василия Григорьева, дана двенадцать рублев, а в сей панагии мощи многих святых".

На продажу пошли предметы, представлявшие значительную материальную ценность, такие, например, как наперсный крест с шестью алмазами и другими драгоценными камнями и панагия с четырьмя алмазами и пятью бриллиантами, происходившие из Варлаамо-Хутынского Спасо-Преображенского монастыря, дарохранительница из Свято-Духова монастыря весом почти в 4 килограмма высокопробного серебра, Казанская икона Божией Матери в серебряной позолоченной ризе с жемчугами и драгоценными камнями из церкви Климента. Впрочем, остается весьма слабая надежда, что часть предметов перешла в центральные собрания, остальное сохраняется в закрытых частных иностранных коллекциях, но не погибло в плавильных тиглях. Достоверных сведений пока нет.

Изысканные произведения древнерусских мастеров-серебряников и златокузнецов, шедевры русского церковно-ювелирного искусства, сохраняющиеся в музеях, в том числе в Грановитой палате Новгородского Кремля, являются поистине жалкими остатками тех несметных духовных, исторических и художественных сокровищ, которыми считанные десятилетия назад владел Великий Новгород.

ГЛАВА III. НЕЧЕСТИВЫЕ СУДИЛИЩА

ПО ПРИГОВОРУ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

Ограбление Церкви вызвало волнения среди православных. Столкновения произошли в Москве, Петрограде, Смоленске, Шуе. В Новгородской губернии чекисты возбудили 14 следственных дел по противодействию изъятию церковных ценностей, по которым были привлечены к ответственности 155 человек[1]. Газета "Звезда" 7 мая 1922 года поместила краткое сообщение:

> Новгородский отдел Госполитуправления закончил следствие по вопросу о беспорядках в Старой Руссе, имевших место в начале изъятия ценностей, и весь материал передал в губернский революционный трибунал для привлечения виновных к ответственности. Дело будет слушаться через несколько дней в Старой Руссе. Выездная сессия трибунала выезжает на место в воскресенье. К ответственности привлечено 25 человек.

В напряженные дни ожидания начала всероссийской акции изъятия церковных ценностей в этом древнем городе произошли трагические события. 15 марта у стен Спасо-Преображенского монастыря собрались люди, готовые противостоять насильникам, но к насилию прибегшие. Избили женщину, некую Е. Купцову. На следующий день, 16 марта, вся площадь у Воскресенского кафедрального собора и близлежащие улицы были запружены толпой, которая, по оценке газеты, "представляла собой кипящий, раздраженный и фанатически настроенный котел". На свою беду заглянули в собор полюбопытствовать приехавшие на базар крестьяне-старообрядцы из соседнего Порховского уезда И. Изотов, Ф. Лихачев и И. Козлов. Готовые к самому худшему рушане приглядывались к незнакомцам. Те, входя в храм, лбы не перекрестили, внимательно рассматривали убранство богатого и старого собора. Явно члены комиссии по изъятию церковных ценностей!

Случилось непоправимое. Любопытствовавших крестьян жестоко избили и, притащив к мосту через Полисть, сбросили на лед. Козлов скончался на месте трагедии. Избили пытавшегося заступиться сотрудника уголовного розыска Е. Громова. Конный отряд без применения оружия рассеял толпу и восстановил порядок. На площади задержали несколько человек "по подозрению в избиении и погромной агитации" (последним термином именовали в те годы бытовые антисемитские высказывания, предусматривавшие уголовную ответственность).

Открытый судебный процесс проходил 11 – 12 мая в самом обширном помещении города - в концертном зале "Каскад" в парке курорта в присутствии полутора тысяч человек. Выездную сессию возглавлял

председатель губернского ревтрибунала И. А. Куприянов. Подробные отчеты публиковала газета "Звезда". Да, преступление было совершено: два дня небольшой городок сотрясали массовые волнения, один человек зверски убит, четверо ранены. Однако не законодательными актами руководствовались судьи, а постановлением губернской секретной тройки по изъятию церковных ценностей.

Из постановления тройки от 28 марта 1922 года: "Одобрить проект тов. Мильнера о создании агитсуда, предложив посадить на скамью подсудимых всех подстрекателей к несдаче. Срок следствия 10 дней. Начало процесса после Пасхи, приурочив его к изъятию. Политическая сторона процесса и подыскание обвинителей, а также личное сконструирование состава трибунала поручить бюро губкома"[2].

Вдумайтесь. Еще месяц до начала изъятия, никаких открытых действий власти не предпринимают, следовательно, нет и противодействия, но расправа под прикрытием суда уже готовится. Задана категория обвиняемых – подстрекатели к не сдаче, установлен срок следствия – до 10 дней, определен характер процесса – политический, как по особо опасному государственному преступлению, с широким общественным резонансом, мера наказания – заведомо сурова, состав суда – подобран и наделен чрезвычайными полномочиями – "по военному отделению".

Выполнялось секретное указание вождя: "Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше". Основа, заложенная при Ленине, получила при его верном ученике Сталине закрепление в постановлении президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года "О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов", ставшем основанием для кровавых репрессий Большого террора. Чуть ли не дословно перекликаются два зловещих документа сомнительного правового содержания (если можно назвать правом заведомое отсутствие всяческих прав).

Скамью подсудимых занимали священник церкви Успения Пресвятой Богородицы Владимир Иванович Орлов и диакон этой церкви Иван Андреевич Подобедов, священник церкви Святого Духа Владимир Александрович Пылаев и восемнадцать мирян. Им было предъявлено обвинение в агитации против изъятия церковных ценностей и участия в массовых беспорядках. Но в тексте приговора ревтрибунала, опубликованном в газете "Звезда" 21 мая 1922 года, тщетны поиски конкретной вины обвиняемых: по чьему наущению люди вышли к стенам монастыря и собора, кто именно, когда, как и в отношении кого из жертв совершил уголовно наказуемое деяние? Обращает внимание, что священника Орлова обвинили по событию, происшедшем 6 марта и не в городе, а в деревне Бряшная Гора (агитация против изъятия ценностей, но в чем она выражалась?), а священника Пылаева – по событию, происшедшему 19 марта в церкви, где он служил (тоже агитация), диакон Подобедов агитировал вообще "в первой половине марта месяца". Непосредственно на площади задержали менее половины участников процесса и обвинение их носило самый общий

характер – "принял участие в беспорядках, возникших на почве изъятия церковных ценностей". Мирянина Александра Васильевича Зверева обвинили в том, что он "принял участие в незаконном сборище масс у Спасо-Преображенского монастыря 16 марта", хотя беспорядки у монастырских стен произошли 15 марта. Много юридических несуразностей в тексте приговора.

Трибунал, "считая изложенные преступные действия контрреволюционными", приговорил священников В. А. Пылаева и В. И. Орлова, мирянина Н. М. Смыслова к расстрелу, остальных - к лишению свободы на срок от года до пяти лет; трех человек признал "невиновными в приписанных им преступлениях" и оправдал. (Приговор не был приведен в исполнение. Пылаева и Орлова уничтожили в ноябре 37-го).

Но не эти люди представляли главную цель судилища. В особом постановлении трибунал обвинил в подстрекательстве к беспорядкам патриарха Тихона, митрополита Новгородского Арсения и епископа Димитрия (Николай Андреевич Сперовский), служившего в Старой Руссе. Трибунал опирался на передернутое и невнятно изложенное патриаршее обращение от 28 февраля 1922 года и соответствующее ему воззвание владыки Арсения. Напомним, что митрополичье воззвание было опубликовано в губернской газете "Звезда" еще 14 марта и негативной реакции властей не вызвало. Как оказалось, до поры до времени.

Из особого постановления трибунала:

> ...как выяснилось на судебном следствии, что в значительной степени противодействие мероприятиям местной власти по изъятию церковных ценностей явилось результатом изданного послания патриархом Тихоном от 15 февраля 1922 года, в каковом послании указано, что он, патриарх Тихон, считает декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих актом святотатственным и указывает, что лица, выдающие церковные ценности – священнослужители подвергаются лишению сана, а верующие – отлучению от церкви, что послание это с указанным разъяснением явилось основным тормозом в изъятии ценностей, а поэтому действия патриарха Тихона надлежит считать направленными к оказанию противодействия мероприятиям Советской власти в вопросе об изъятии церковных ценностей для голодающих Поволжья; что митрополит Новгородский Арсений также издал воззвание к своей епархии, в котором, действуя согласно с патриархом Тихоном, указывает о тех же наказаниях как священнослужителям, так и верующим в случае выдачи ценностей власти, что таким образом и действия митрополита Арсения Новгородского

направлены к оказанию противодействия мероприятиям местной власти по изъятию церковных ценностей в пределах Новгородской губернии; что епископ Старорусский Дмитрий, опираясь на указанные выше два воззвания, в своих выступлениях перед верующими указывал, что он не может выдать церковных ценностей, а равно не могут этого сделать и верующие потому, что в случае такой выдачи они подлежат отлучению от церкви, что вышеизложенное и вызвало волнение среди населения, окончившееся беспорядками в гор. Старой Руссе 15 – 16 марта 1922 года с человеческими жертвами.

ПОСТАНОВИЛ: привлечь *патриарха Тихона, митрополита Новгородского Арсения и епископа Старорусского Димитрия к уголовной ответственности* по обвинению в вышеописанных деяниях".

Решение трибунала препровождалось в Верховный трибунал при ВЦИК "для производства предварительного следствия по указанным в нем признакам преступных деяний".

Тот же И. А. Куприянов председательствовал на трехдневном открытом процессе в Новгороде в конце мая 1922 года. Суть дела состояла в следующем. 24 марта в церкви Входа Господня в Иерусалим в Кремле, использовавшейся как теплая при Софийском соборе, прошло общегородское собрание верующих. Разрешение на его проведение в губернском отделе управления получила Александра Мардарьевна Покровская, которая выполняла функции председателя собрания. Общий тон речей и принятая резолюция свидетельствовали о негативном отношении новгородцев к правительственной акции по изъятию церковных ценностей.

Перед трибуналом кроме Покровской предстали Наталья Павловна Боголюбова, Евгения Михайловна Михайлова, Федор Сергеевич Малофеев, выступившие на собрании, и агитировавшие в толпе против изъятия Викентий Васильевич Быков, Антонина Николаевна Иванова, Михаил Петрович Панов и псаломщик церкви Тихвинской иконы Божией Матери Владимир Алексеевич Климовский. Трибунал избрал суровые меры наказания, но судьбу осужденных должен был решать кассационный отдел Верховного трибунала при ВЦИК. По-видимому, власти не собирались применять крайние меры, так как ограбление Церкви завершилось и нужда в них отпала. Однако в середине сентября трибунал вспомнил минувший процесс и осудил к году лишения свободы Веру Леонидовну Траубенберг, которая исполняла обязанности секретаря на мартовском собрании и не внесла в протокол содержание "контрреволюционных" выступлений[3].

В июне ревтрибунал рассмотрел дело игуменьи Зверина Покровского монастыря 79-летней Александры (Денисовой), казначеи Вивеи (Добряковой), названной почему-то Виеной, старшей ризничей Евдокии (Степановой) и ее помощницы Агафии (Ивановой), келейниц Александры Зверниной и Марии Кабановой. Женщин обвинили в том, что они “в целях противодействия мероприятиям соввласти” не внесли в опись церковнослужебные предметы из драгоценных металлов, возвращенные в монастырь из его столичного подворья, а во время изъятия ценностей эти вещи “умышленно запрятали в более укромное место”. Какие именно предметы, кто и куда прятал – осталось за пределами приговора, но обвиняемые были осуждены на сроки заключения от года до пяти лет. Правда, трибунал, учитывая “преклонный возраст” и воспитание монахинь “в специфических условиях”, постановил считать срок условным, “предупредив, что в дальнейшем они должны быть безукоризненными, так как преступление, совершенное ими, является по существу тяжелым”[4].

Вслед за городами губернский революционный трибунал перенес карательную деятельность в уезды. В селе Пола Демянского уезда перед судом предстали 22 человека. Как и в Старой Руссе, их скопом обвинили в противодействии изъятию церковных ценностей. 27 апреля комиссия перенесла из церкви Николая несколько предметов в волостной исполком; на следующий день “тысячная толпа” возвратила ценности в храм и побила председателя комитета Орлова. Священник Василий Ростовцев “непосредственного участия” в возврате имущества и избиении советского работника не принимал, но “не разъяснил толпе пагубность указанных действий” и, более того, встал перед православными на колени и слезно просил простить его за участие в работе комиссии, чем, по мнению трибунала, укрепил присутствующих в правоте их действий и поступков”.

Половине обвиняемых определили разные сроки лишения свободы, половине посчитали наказание условным из-за их невежества, развитого религиозного чувства и действий подстрекателей. В отношении священника трибунал впал в необъяснимую фантазию и доморощенную психологию: “Ростовцев Василий не принял мер к успокоению толпы и преклонился перед ней, находясь под угрозами самой же толпы и ее недовольством только из чувства страха и боязни за свою жизнь и инстинкта личного самосохранения и наоборот, всецело помогал комиссии по изъятию в ее работе”. Зачли активность попа при разграблении храма, в который он был определен служить, и определили условное наказание.

Из Полы трибунальцы переехали в село Лужно, где за аналогичные действия были осуждены 19 мужчин и женщин. Заседания выездных сессий ревтрибунала состоялись в Ракомской волости Новгородского и в селе Пирусс Боровичского уездов[5].

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ МИТРОПОЛИТА АРСЕНИЯ

После окончания Старорусского процесса, 2 июля 1922 года, митрополит Арсений приехал в Москву по вызову ГПУ и поселился в квартире 1 дома 3 по Большому Толмачевскому переулку в Замоскворечье, наискосок от Третьяковской галереи. В это время власти готовили к крупный судебный процесс по обвинению Русской Православной Церкви в противогосударственной деятельности. В ГПУ к тому времени поступили приговоры Московского, Петроградского, Новгородского, Донского революционных трибуналов и выездной сессии Верховного трибунала в Смоленске о привлечении к уголовной ответственности за организацию противодействия властям в ходе изъятия церковных ценностей патриарха Тихона и митрополитов Арсения и Никандра. В привлечении к суду именно этих иерархов содержался свой расчет.

В первоиерархе кремлевским правителям виделся столп ненавидимого ими православия. Митрополит Арсений был единственным оставшимся в России кандидатом Собора на пост патриарха (митрополиту Антонию в конце Гражданской войны удалось выехать и он возглавил Русскую Церковь за рубежом). Митрополит Никандр возглавлял влиятельнейшую Московскую епархию (митрополит Вениамин, глава не менее влиятельной Петроградской епархии, был казнен в августе). Позже к ним присоединили Петра Викторовича Гурьева, управляющего синодальной канцелярией.

Совпало, что летом 1922 года шла интенсивная подготовка к первому открытому политическому процессу над бывшими большевистскими союзниками – партией социалистов-революционеров. В эсеровских террористах видели большую опасность и на их предсудебную обработку бросили главные силы. После окончания суда над ПСР подошла очередь церковников. Следствие не случайно поручили Якову Сауловичу Агранову (Соернзону). Всего год работал этот молодой человек двадцати восьми лет от роду в органах безопасности, куда перешел с должности секретаря Малого Совнаркома, но успел занять пост особоуполномоченного ГПУ. С его “оперативной хваткой” автор книги ознакомился при исследовании дел “Вихрь” и Петроградской боевой организации, когда был уничтожен замечательный русский поэт Николай Степанович Гумилев /6/. Человек абсолютно беспринципный, готовый на любые преступления и фальсификации, лишь бы показать свою проницательность, высокую профессиональную ценность и продвинуться по службе. Отдельного разговора требует причастность Агранова в судьбам деятелей русской культуры. “Черный человек” Сергея Есенина – это Яков Агранов в начале карьеры: “Ах, люблю я поэтов! // Забавный народ”. К огромной беде, востребованными режимом оказались не патриоты и защитники Отечества, а люди типа Агранова. Со временем тот стал заместителем наркома внутренних дел Генриха Гиршевича Ягоды (Иегуды). Они с ближайшими подручными уничтожили цвет советской разведки и контрразведки, превратили Лубянку в исчадие ада, шельмовали

невинных граждан, создавали многочисленные “антисоветские организации”, выявляли несметное число “врагов народа”. Когда минула надобность, сами были расстреляны.

Итак, 15 декабря 1922 года Агранов принял дело патриарха Тихона к производству. Первая встреча с митрополитом Арсением состоялась спустя два месяца. Приводим подлинные протоколы допросов, написанных беглым почерком чернилами на типовых бланках, с приложенными машинописными копиями. Сохранен стиль будущего “спеца” по мыслящим россиянам.

“1923 года февраля 20 дня я, особоуполномоченный по важнейшим делам Секретного отдела ГПУ АГРАНОВ допросил в качестве [пропуск; кого именно – свидетеля или обвиняемого?] гражданина СТАДНИЦКОГО Арсения Георгиевича и на первоначально предложенные вопросы он показал: (опущены установочные данные).

Показания по существу дела:

1. После призыва к добровольным пожертвованиям церкви [на] дело помощи голодающим, я принял широкое участие посредством проповедей при богослужении и учреждения епархиального комитета по соглашению с местной гражданской властью. 2/III-22 г. я получил по почте из Москвы в конверте послание Патриарха Тихона, называвшее изъятие церковных ценностей советской властью святотатством и грозившее священнослужителям и мирянам церковными карами за выдачу ценностей представителям гражданской власти. В конверте никаких писем или указаний, от кого именно прислано мне послание, не было. Я этого послания не распространял и хода ему не дал по следующим соображениям: я не считаю изъятие ценностей и церковного имущества на дела милосердия святотатством. Таких канонов, которые бы запрещали изъятие церковного имущества на дела милосердия, я не знаю. Дело помощи голодающим является делом милосердия. История церкви знает много примеров жертвования и изъятия богослужебных предметов в случаях народных бедствий. В таком бухе и составлено было мною в марте м[еся]це 1922 г. воззвание, в котором я призвал к добровольной выдаче ценностей из церквей на дело помощи голодающим согласно декрету, благодаря чему дело изъятия церковных ценностей в Новгородской губернии (за исключением Ст[арой] Руссы, где произошли эксцессы) прошло спокойно, что было признано и местной властью. Наименование в Патриаршем послании изъятия церковных ценностей советской властью святотатством является неправильным. Ссылка патриарха в этом его послании на 73 апостольское правило и 10 правило двукратного собора

является неправильным, так как означенные правила касаются только запрещения священнослужителям и мирянам употребления священных предметов на личные нужды и потребности. Церковное имущество и ценности было объявлено декретом Советской власти в 1918 г. народным достоянием с передачей во временное пользование верующих, организованных в общества; следовательно, Советская власть имела юридическое право изъять церковные ценности, не обращаясь к церковной власти, которая этим имуществом не распоряжалась.

2. Я не дал ходу посланию Патриарха также потому, что оглашение подобного послания при возбужденном настроении верующих могло бы вызвать волнения и привести даже к эксцессам.

Написано с моих слов верно и мною прочитано. 20/II-1923 г.

Допросил АГРАНОВ.

Митрополит Арсений СТАДНИЦКИЙ[7].

Следующий допрос состоялся спустя четыре дня.

Протокол допроса гр[ажданина] СТАДНИЦКОГО Арсения Георгиевича (митрополита АРСЕНИЯ).

Допрошенный особоуполномоченным Госполитуправления гражданином АГРАНОВЫМ, я, в ответ на предложенные мне вопросы показал следующее:

После получения мною послания Патриарха Тихона, направленного против декрета об изъятии церковных ценностей, и эксцессов, имевших место при изъятии церковных ценностей в Старой Руссе, я поставил с ведома местной Советской власти (Председателя губисполкома Новгородской губ[ернии] ТЕРЕШКОВА) послание по епархии, которое было опубликовано в новгородской газете “Звезда” с согласия того же гр[ажданина] ТЕРЕШКОВА. В этом послании я призвал всех к добровольным пожертвованиям ценностей в пользу голодающих и оговорил только, что, согласно посланиям Патриарха Тихона, изъятие из храмов богослужебных предметов является святотатством и выдача таковых предметов карается согласно 73 апостольского правила и 10 правила Двукратного Собора для священнослужителей низвержением из сана, а для мирян – отлучением от церкви. Согласно этого патриаршего послания, я и призывал верующих священных предметов – чаш и дискосов – не выдавать. Это мое послание было опубликовано, кажется, 21/III-22 г. Через месяц после этого или, возможно, несколько раньше, я по ознакомлении с церковными канонами, на которые ссылался Патриарх, я

увидел, что ссылка на них Патриарха была неправильной и что изъятие священных предметов властью на дело милосердия вовсе не является святотатством. Тогда я понял свою ошибку и определенно сознал свою вину в том, что на основании патриаршего послания издал свой призыв к невыдаче священных предметов на дело помощи голодающим. В средине апреля м[есяца] 1922 г. я издал другое послание, о котором я говорил в моем показании при допросе 20/II-с. г. Я признаю, что мое вышеупомянутое послание от 21-го марта 1922 г., составленное на основании послания Патриарха, было направлено против декрета центральной Советской власти об изъятии всех без исключения церковных ценностей на дело помощи голодающим. Лично я в конце марта 1922 г. пожертвовал на помощь голодающим свой золотой крест, золотую панагию, бриллиантовый крест и пр. Эти мои личные пожертвования я сделал из чувства милосердия, а также для того, чтобы ослабить в глазах верующих впечатление от моего послания от 21/III-22 г.

После моего послания от 21/III-22 г. в Новгородской губ[ернии] крупных эксцессов не произошло за исключением нескольких небольших выступлений верующих.

Вышеизложенное записано с моих слов верно и мною прочитано.

Арсений СТАДНИЦКИЙ (Митрополит).
24 февраля 1923 г.[8]

На третьем допросе, состоявшемся через день, митрополит отвечал на вопросы следователя, касавшиеся дел давно минувших. По его словам, постановление Синода февраля 1918 года о набатном звоне при нападении на церкви грабителей и захватчиков вовсе не преследовало целью поднятие мятежа и не было направлено против “местной советской власти”, но счел нужным добавить, что лично считает это постановление “неосторожным и рискованным, так как это могло подать повод к волнениям и эксцессам массы”. Подтвердил, что участвовал в заседании Синода в феврале 1919 года, на котором обсуждался проект письма епархиальным архиереям “с предложением о предварительном осмотре рак с мощами, изъятии из рак всего лишнего и искусственного, что могло бы при вскрытии мощей [дать] повод к смущению верующих и к соблазну. Это письмо было одобрено Синодом и разослано затем архиереям в доверительном секретном порядке. Рассылка в секретном порядке совершалась, конечно, для того, чтобы это распоряжение не стало известным в массах народа во избежание соблазна”[9].

Последний допрос состоялся 9 марта и тоже касался выяснению позиций Церкви в первые послеоктябрьские месяцы. Арсений “смутно припомнил”

заседание Соборного Совета весной 1918 года под председательством патриарха и “обсуждение воззвания Патриарха Тихона к генералу Корнилову о водворении порядка в России” и пояснил собственную позицию: “Я лично, исходя из моего общего принципа о невмешательстве церкви в политические дела, несомненно был против посылки этого воззвания. Было ли послано это воззвание на Юг, я не знаю. Но, судя по общему настроению, несочувственному этому воззванию, я думаю, что оно не было послано”[10].

Агранов не предпринимал серьезных следственных действий с обвинительным уклоном, допросы митрополита Арсения были короткими и, по сути, достаточно формальными. Даже неосторожные признания о секретных посланиях в епархии и белогвардейцам аграновского интереса не вызвали. А что тот мог при желании их “раскрутить”, сомнений не вызывает. При расследовании дела Петроградской боевой организации буквально на пустом месте Агранов обеспечил расстрел 61 человека. Нет, митрополит и оба сотоварищей служили лишь фоном для действий против патриарха Тихона.

Допросы патриарха вел сам начальник 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Евгений Александрович Тучков и отличались они длительностью и вниманием к деталям. Объемистый том составили оперативно-агентурные материалы и записи телефонных разговоров. Обобщающие сводки печатали председателю ГПУ Ф. Э. Дзержинскому, его заместителю И. С. Уншлихту, члену коллегии В. Р. Менжинскому и начальнику Секретного отдела Т. П. Самсонову; пятый экземпляр подшивался в дело.

В марте1923 года наступила развязка и все четверо заняли камеры во внутренней тюрьме ГПУ. 22 марта Уншлихт подписал ордер на арест митрополита Арсения и обыск в его квартире в Большом Толмачевском переулке. Сотрудник Оперативного отдела Черенков изъял переписку и сбережения на черный день – 105 рублей золотыми монетами. На следующий день Агранов, теперь именовавшийся следователем по важнейшим делам при Верховном Суде РСФСР, подготовил постановление о предъявлении митрополиту обвинения по статьям Уголовного кодекса, предусматривавшим наказание за пропаганду и агитацию с использованием религиозных предрассудков, а именно. Состоя товарищем председателя Поместного Собора Русской Православной Церкви в 1917 – 1918 годах, Арсений направлял деятельность Собора на “восстановление в России господства капиталистов и помещиков”, осуждал политику советской власти и декрет об отделении церкви от государства, позже участвовал в принятии “клеветнических обращений” патриарха и в марте 1922 года сам написал воззвание к верующим, которое стало причиной волнений с человеческими жертвами. 24 марта следователь предъявил обвинение и Арсений категорически отверг его. В тот же день Агранов вынес постановление: “избрать в отношении СТАДНИЦКОГО Арсения Григорьевича мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда содержание под стражей”[11]. Можно подумать, будто митрополит еще находился на свободе или почти за год московского неопределенного сидения пытался куда-то выехать. Обращает также внимание бесконечная путаница в

имени, отчестве, фамилии и монашеском имени митрополита Новгородского, проходившая по всем документам обширного дела.

После ареста допросы, в принципе, характера не изменили. В деле имелись только показания обвиняемых, причем следователи не пытались уличать их в противоречиях, компрометировать друг друга и т. д. К свидетелям их “преступных деяний” интереса почти не проявляли. Вызвали лидеров обновленцев Введенского и Красницкого, последний дал очень сдержанные показания, Введенский же заявил, якобы “Патриарх сознательно подписывает декрет о том, что не позволяет сдавать ценности” и “Декрет Тихона вызвал народное вооружение и даже кровавые выступления”[12]. 10 апреля 1923 года на допросе у следователя Верховного Суда Кузнецова митрополит Арсений коротко заявил: “Виновным себя не признаю. Подробные показания даны мною следователю Агранову", и на объявлении о завершении следствия также коротко написал, что “следствие ничем дополнить не имеет”.

Обвинительное заключение готовил прокурор Судебной коллегии Верховного Суда республики Андрей Януарьевич Вышинский. Фигура в истории социалистического правосудия зловеще известная, обвинитель на всех крупных политических процессах сталинского времени, прокурор СССР в годы ежовщины. Подготовленный им многостраничный документ коллегия утвердила на распорядительном заседании 17 апреля, назначила дело слушанием через неделю и согласилась с кандидатурами обвинителей – помощника прокурора республики Н. В. Крыленко и члена коллегии Наркомюста П. А. Красикова, и свидетелей обвинения Введенского и Красницкого; вскоре обвинительное заключение было издано отдельной брошюрой[13].

Однако на проведение крупного открытого процесса Русской Православной Церкви власти не решились. 16 июня патриарх Тихон подписал раскаяние “в этих проступках против государственного строя”, просил из-под стражи освободить и заверял: “при этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции”[14]. Судебная коллегия на основании статьи 242 Уголовно-процессуального кодекса отменила его содержание под стражей; патриарх Тихон до конца недолгих дней содержался под надзором в Донском монастыре.

Трое подельников же продолжали находиться в заключении, несмотря на то, что их содержание под стражей было отменено одновременно с патриархом. Лишь 10 января 1924 года они вышли на свободу из Бутырской тюрьмы. Митрополит Арсений оставил чемодан с личными вещами у митрополита Никандра на Селезневской улице: “Извозчика я нанять не мог, так как не имел средств” (куда-то в комендатуре запропастились золотые монеты), и направился неблизким путем в Замоскворечье[15]. Однако быть на свободе всем троим дали неделю. 17 января комиссар активного отделения И. Храмов на основании ордера, подписанного заместителем председателя ОГПУ Г. Г.

Ягодой, арестовал митрополита Арсения в том же Большом Толмачевском переулке и препроводил в те же Бутырки. Спустя две недели уполномоченный ОГПУ Казанский вызвал Арсения из камеры и предъявил ему отпечатанную на машинке бумагу с вписанными от руки данными:

> Постановление. 1924 г. февраля 2 дня, рассмотрев дело по обвинению гр. Стадницкого Арсения Григорьевича, 62 г., митрополита, в антисоветской деятельности, выразившейся в распространении провокационных слухов о гонении церкви и религии соввластью, а потому принимая во внимание, что факт преступления подтверждается агентурными данными, постановил привлечь гр. Стадницкого в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по 73 ст. Уголовного кодекса и избрав ту меру пресечения уклонения от следствия и суда содержание под стражей на общих основаниях. Настоящее постановление мне объявлено.

Внизу этого несуразно составленного документа митрополит написал красными чернилами: “Читал, но в предъявленном мне здесь обвинении совершенно не признаю себя виновным. Арсений Стадницкий”[16].

Последующий допрос занял один лист в деле. “Вопрос: Какие были у Вас, гр[ажданин] Стадницкий, основания – распространения провокационных слухов о гонении соввластью духовенства и религии? Ответ: Я никаких провокационных слухов никогда не распространял и не распространяю. Больше показать по существу заданного вопроса ничего не могу”.

Более ни вызовов, ни допросов, ни сбора следственного материалы. О планах властей в отношении митрополитов Арсения и Никандра и П. В. Гурьева свидетельствует акт осмотра их тюремным врачом Зеленским 8 февраля. Арсений жаловался на заболевание почек и отеки ног. Обследование выявило глуховатые тона сердца, но заключение было кратким – “следовать может”[17].

Сотрудник 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Якимова 3 марта подготовила заключение по делу, в основной базировавшееся на творении Вышинского. Митрополит Арсений обвинялся в следующем:

> 2. а/ гр. СТАДНИЦКИЙ Арсений Георгиевич в 1917-1918 гг., состоя товарищем председателя так называемого поместного собора Российской православной церкви, направлял деятельность указанного собора на принятие решений и постановлений, явно враждебных советской власти.
>
> б/ 31 октября 1918 г., состоя членом так называемого св. Синода, участвовал в обсуждении составленного Белавиным контрреволюционного клеветнического обращения в Совет

Народных Комиссаров, споследствии распространенного среди широких верующих масс и использованного генералом ДЕНИКИНЫМ и рядом белогвардейских организаций в их вооруженной борьбе с Соввластью.

в/ в феврале 1919 г. участвовал в заседании Синода при обсуждении послания Тихона к епархиальным епископам, имевшего своей задачей в целях удержания верующих масс под влиянием религиозных предрассудков и воспрепятствования соввласти разоблачению путем вскрытия так называемых нетленных мощей святых и угодников, религиозного обмана и возбуждения верующих к оказанию сопротивления органам Соввласти при проведении ими указанного мероприятия.

г/ в марте 1922 г., имея целью вызвать возмущение против соввласти в связи с изданием декрета об изъятии церковных ценностей, выпустил от своего имени воззвание, распространенное в Новгородской епархии, называя изъятие актом святотатства, запрещавшее под страхом церковных кар добровольную выдачу ценностей.

Якимова предлагала троих обвиняемых “заключить в концлагерь на два года” через Комиссию НКВД по административным высылкам, а следствие прекратить и дело сдать в архив. Начальник отделения Тучков внес в документ коррективы: “заключить в концлагерь на три года каждого”[18].

Мы намеренно обращаем внимание на даты, потому что при их сопоставлении обнаруживается поразительная вещь. Мало того, что арестованные по делу патриарха Тихона решением Судебной коллегии Верховного Суда должны были покинуть Бутырскую тюрьму в июне 1923, а вышли в январе 1924 года. Коллегия передала дело в президиум ЦИК СССР, там тоже тянули с его решением, пока, наконец, не появился на свет торжественный документ на плотной бумаге, с несколько вычурным шрифтом, заверенный огромной печатью и подписью секретаря ЦИК А. С. Енукидзе.

Выписка из протокола №7 заседания Президиума ЦИК Союза Советских Социалистических Республик от 21 марта 1924 г.

Слушали: О прекращении дела по обвинению Белавина В. И., Феноменова Н. Г., Стадницкого А. Г. и Гурьева П. В. по 62 и 119 статьям Уголовного кодекса.

Постановили: Принимая во внимание, что гр[ажданин] Белавин Василий Иванович – бывш[ий] патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян, что среди широких масс рабочих и

> крестьян проявляется усиленная тяга от религиозных суеверий в сторону науки и просвещения, что тем самым влияние так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено и что вследствие этого гр[ажданин] Белавин – бывш[ий] патриарх Тихон и привлеченные с ним граждане не могут быть социально опасными для советской власти – Президиум ЦИК Союза ССР постановляет:
>
> Дело по обвинению граждан: Белавина Василия Ивановича (бывшего патриарха Тихона), Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Нгурьева Петра Викторовича в преступлениях, предусмотренных ст[атьями] 62 и 119 Уг[оловного] Кодекса РСФСР – производством прекратить[19].

Высший законодательный орган советского государства принял решение о прекращении прошлогоднего дела. Но к тому времени советская власть стала не больше, чем официальная вывеска. Серьезные вопросы управления решал не ЦИК с его жалким председателем, а ЦК и госбезопасность. У них были свои планы. Решение касалось дела прошлого года, в январе же было открыто новое производство “по агентурным данным”. Излишне говорить, что в данном деле никакие сообщения секретных сотрудников из окружения церковных иерархов не подшивались.

28 марта 1924 года Комиссия НКВД по административным высылкам постановила Стадницкого, Феноменова и Гурьева выслать в Бухару сроком на три года каждого. Поставленную цель власти достигли – изолировали авторитетнейших иерерхов Церкви в ее сложнейший период. Когда минул срок высылки, день в день, 28 марта 1927 года, Особое совещание при коллегии ОГПУ, перепутав все возможное, постановило: “СТАДНИЦКОМУ Арсению Григорьевичу – разрешить свободное проживание в пределах Средней Азии” /20/. Из Средней Азии митрополита Арсения уже не выпустили и к активной деятельности в Русской Православной Церкви не допустили и членом Временного Синода при заместителе патриаршего местоблюстителя он лишь числился. Только 11 августа 1933 года митрополит Арсений возглавил Ташкентскую и Туркестанскую кафедру и служил до кончины 10 февраля 1936 года. Упокоился владыка в Ташкенте подле храма святого Александра Невского. В Новгороде же прервалась митрополичья кафедра, существовавшая с 1592 года.

Последний по времени документ из дела митрополита Арсения.

УТВЕРЖДАЮ
Помощник Генерального прокурора
Российской Федерации
старший советник юстиции Г. Ф. Весновская
22 июля 1992 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
в отношении Стадницкого А. Г.
по материалам уголовного дела №Н-1780.

Фамилия, имя, отчество. Стадницкий Арсений (Авксентий) Георгиевич.

Год рождения. 1862.

Место рождения. Г. Кишинев.

Место жительства до ареста. Г. Москва,
Б. Толмачевский пер., 3.

Место работы и должность.
Митрополит Арсений Новгородский.

Дата ареста, каким органом осужден (репрессирован), за что и по каким статьям УК, предъявленное обвинение (инкриминированные действия), последующие применения состоявшегося решения по делу и мера наказания.

Арестован 17.01.24 г. СО ГПУ по делу патриарха Тихона. 2.02.24 г. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 73 УК РСФСР (в редакции 1922 г.). Виновным в совершении указанного преступления Стадницкий себя не признал и на допросах показал, что никаких провокационных слухов никогда не распространял. По постановлению комиссии НКВД по административным высылкам от 28.03.24 г. на основании ст[атей] 73, 69 УК РСФСР (в редакции 1922 г.) Стадницкий выслан в Бухару сроком на 3 года. Обвинение по ст. 69 УК РСФСР не предъявлялось.

По постановлению особого совещания при коллегии ОГПУ от 28.03.27 г. по отбытию срока ссылки Стадницкому разрешено свободное проживание в пределах Средней Азии.

Доказательств совершения инкриминируемых преступлений не имеется. Дело не пересматривалось.

На Стадницкого Арсения (Авксентия) Георгиевича распространяется действие ст.3, ст.% Закона РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18 октября 1991 г.

Данные о реабилитированном и его родственниках – не имеется.

Кому, когда и по какому адресу направлена справка о ребилитации – в деле.

Прокурор отдела Ю. И. Седов[21].

Рядом аккуратно подшиты невостребованные справки о реабилитации патриарха Тихона, митрополита Никандра и Петра Викторовича Гурьева.

ИСТОКИ ПАТРИАРШЕГО КОНФОРМИЗМА

… Епископ Алексий (Симанский) не фигурировал на Старорусском процессе лишь потому, что еще в феврале 1921 года патриарх Тихон назначил его викарием Петроградской епархии. Властям было необходимо разгромить мощную православную организацию бывшей столицы Российской империи, во главе которой стоял авторитетный иерарх митрополит Вениамин (Казанский Василий Павлович). Не вдаваясь в подробности 27-томного дела, хранящегося в архиве “Большого дома” в Санкт-Петербурге, вниманию читателей мы предлагаем некоторые обстоятельства, касавшиеся епископа Алексия.

На основании ордера Петроградского губотдела ГПУ его сотрудники Люшков и Туков 29 апреля 1922 года провели обыск в келье епископа Ямбургского Алексия и арестовали викария. Неизвестно кем и когда был проведен его беглый допрос, протокол которого небрежно оформили на бланке несуществующей губчека. Через две недели Алексий подписал типовой бланк, предложенный ему помощником уполномоченного секретно-оперативной части Кировым: “Подписка. 1922 года дня 11-го мая я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что по освобождении меня из-под стражи обязуюсь из Петрограда не выезжать и по первому требованию явиться в ПГО ГПУ на Комиссаровскую, 2. Проживать буду в Александро-Невской лавре. Епископ Алексий Симанский”, и покинул камеру в доме предварительного заключения на Шпалерной. Кстати, прямое отношение к делу имел старый новгородский знакомый Уно Иванович Пюкенен, бывший председатель губчека, а ныне начальник 1-го спецотделения СОЧ.

Далее дело перешло в ведение губернского революционного трибунала. 22 мая следователь трибунала Ф. Н. Нестеров вызвал епископа Алексия. На вопрос об отношении к изъятию церковных ценностей тот высказал личную точку зрения. По его мнению, государство отписало на себя церковное имущество, стало его собственником и передало коллективам верующих, поэтому “государственная власть, когда явилась в нем надобность, могло взять имущество, не считаясь с желанием или нежеланием тех, кому оно было передано во временное пользование”[22]. После такого признания викария оставили в покое и более в деле его имя не фигурировало.

Между тем, с 10 июня по 6 июля в Петрограде проходил открытый процесс ревтрибунала под председательством Яковченко над девятью десятками священнослужителей и мирян, обвиненными в противодействии при

изъятии церковных ценностей. Членом трибунала числился Каузов, ближайший сподвижник Троцкого в ограблении Церкви, тот, кто вывез драгоценности Юрьева монастыря. Был вынесен суровый приговор, приведенный в исполнение 13 августа над митрополитом Вениамином, архимандритом Сергием (Василий Павлович Шеин), профессором кафедры уголовного права университета Юрием Петровичем Новицким и юрисконсультом Лавры Иваном Михайловичем Ковшаровым. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1992 года погибшие прославлены как священномученики и мученики. Уничтожили людей, наиболее заметных в православном Петрограде. Остальные не представляли опасности для режима. Уже 12 июля 1924 года председатель Ленинградского губернского суда Нахимсон сообщил во ВЦИК, что по делу митрополита Вениамина “никто из осужденных под стражей не содержится, все осужденные освобождены по отбытию срока, досрочно или по амнистии[23].

… Епископ Алексий вступил во временное управление епархией. Как оказалось, временное не только по должности, но и фактически, всего на два месяца. “Чистосердечное признание” отвело грозу лишь на это короткое время. В Петроградском губотделе ГПУ быстро оформили дело за №16803 на епископа Алексия, иеромонаха Александра Егоровича Трегубова и священников Николая Семеновича Рудинского, Степана Кононовича Стуколесенко и Петра Ивановича Шибакина и по решению отдела, принятому 12 октября 1922 года, выслали из пределов губернии. Решение являлось незаконным, так как данное карательное право была отменено в феврале того же года после реорганизации органов госбезопасности. Однако 16 октября ВЦИК узаконил административные высылки по решению комиссии НКВД.

Тогда 3 января 1923 года появилось заключение по делу ссыльных, подготовленное помощником начальника 6 отделения секретного отдела ГПУ Чапуриным: “Означенные лица состоят на учете в ПГО как политически крайне неблагонадежные; проведенной агентурной разработкой они изобличаются в нелегальной переписке с заграницей и в принадлежности к монархической организации, а потому в целях пресечения их дальнейшей антисоветской деятельности в административном порядке были высланы из Петроградской губернии. Принимая во внимание все вышеизложенное, полагал бы: заключение Петроградского губотдела от 12/X-22 г. утвердить, - означенных граждан выслать” и далее предложил сроки и места – священнослужителей на два года в Тюменскую, Архангельскую, Семипалатинскую губернию в Марийскую автономию, епископа Алексия – на три года в Семипалатинскую губернию.

В конце месяца с заключением ознакомился начальник отделения Е. А. Тучков и внес правку: зачеркнул слово “выслать” и написал “как уже высланных”. Ровно через месяц, 23 февраля 1923 года, Комиссия НКВД по административным высылкам заслушала Тучкова и послушно проштамповала всем требуемые сроки и места ссылки /24/. Так епископ Алексий оказался в уездном Усть-Каменогорске буранной Семипалатинской области в далеком

Казахстане. Только в 1926 году, посвященный в сан архиепископа Хутынского, он вступил опять же во временное управление Новгородской епархией…

Если в бытность в ней викарным епископом он как-то старался противостоять властям, то впоследствии утратил боевой пыл. Низкопоклонство патриарха Московского и всея Руси Алексия Первого перед Сталиным поражает: “Прошу Вас, Глубокочтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, верить чувствам глубокой к Вам любви и благодарности, какими одушевлены все, отныне мною руководимые церковные работники” (?!). В его посланиях тирану на разные лады варьировались выражения типа “Мудрый Вождь”, “Великий глава нашего Государства”, “Великий строитель народного счастья” и пр.

В то время, когда писались эти послания, начался очередной, послевоенный виток репрессий против священнослужителей. В каторжные лагеря на срок 25 лет отправлялись священники, не бросившие своих прихожан при немецком нашествии. Те, кто отбыл лагерные сроки ежовских троек, решением Особого совещания при МГБ СССР высылались в места отдаленные бессрочно. Не тяготы томившихся в ГУЛАГе служителей Русской Православной Церкви волновали патриарха, а личное бытие – доброе отношение к нему председателя Совета по делам религиозных культов генерала госбезопасности Г. Г. Карпова, уютный особняк в Чистом переулке, дача под Одессой.

Никто не вправе бросить в него камень. Несложно подсчитать, сколько раз в бытность свою в Новгороде и Петрограде епископ “полировал” боками тюремную шконку, сколько раз грозили ему длительным заключением. Он видел, как один за другим, начиная с Соловков, уничтожались церковные иерархи, пока в предвоенный год не осталось на свободе всего четыре правящих архиерея – митрополиты Сергий, Николай, сам он и Сергий (Воскресенский), но и тот был застрелен в Прибалтике агентом неизвестно какой спецслужбы. Шаткость собственного положения была очевидна для патриарха.

И все же, чем дольше изучаешь хитросплетения отношений внутри политических партий, государственных, общественных и религиозных организаций, тем более укрепляешься в выводе: верхушка небожителей живет совершенно обособленно, функционеры, аппаратчики преследуют сугубо личные цели, безликая масса же, именуемая ныне электоратом, – рядовые партийцы, активисты, верующие – служат лишь базисом для получения голосов на выборах, членских взносов и прочих денежных средств.

ЧТО ЕСТЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА И АГИТАЦИЯ?

В государственно-правовом аспекте 1922 год, казалось бы, открывал реальные перспективы создания правового государства. Советский режим укрепился, назрел переход от действий методами “военного коммунизма” и “чрезвычайщины” к действиям на основе законодательства. В феврале упразднили ВЧК и создали Государственное политическое управление в

составе НКВД, что органически включало секретную службу в систему управления. В мае приняли первый советский Уголовный кодекс и учредили прокуратуру; создали централизованную судебную систему и разрешили деятельность коллегий защитников.

Однако режим диктатуры, именовавшейся пролетарской, вовсе не был заинтересован в послаблении своим противникам. Уже будучи тяжело больным, оторванным в Горках от реальности, В. И. Ленин требовал от наркома юстиции Д. И. Курского внести дополнения в проект Уголовного кодекса, сохранявших бы старую суть – как можно шире “обосновать и узаконить” режим террора, ибо масштабы его будущего применения определят “революционное правосознание и революционная совесть”. По мнению Ленина, расстрел как высшую меру наказания следовало применять не по половине, как предусматривалось в проекте, а по всем статьям раздела “Контрреволюционные преступления”[25].

Требования вождя были учтены. В советском праве появилось понятие “контрреволюционная пропаганда и агитация”, под которой понимались призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, проводившиеся в разговорах, выступлениях, листовках, рисунках, инсценировках, в хранении и распространении литературы подобного содержания и т. д. Использование религиозных предрассудков определялось обстоятельством, отягчающим преступление, и могло повлечь применение максимальной кары. Невозможно учесть, сколько миллионов оказались в лагерях или были уничтожены за неосторожно брошенное слово, ибо наказание за это преступление предусматривали все советские уголовные кодексы.

… Норма Уголовного кодекса была применена в Новгородской губернии в следующем году после принятия УК по фактам распространения среди верующих подрывной литературы и использовании устной агитации с ярко выраженным политическим характером. В июле 1923 года чекистам стало известно о распространении в бывшем Михаило-Клопском Свято-Троицком женском монастыре, как сказано в документе, листовки “Молитва Державной Богородицы”. Икона Божией Матери, именуемой “Державная”, явилась чудесным образом как раз 2 марта 1917 года, в день отречения императора Николая II от престола. Богородица изображалась с официальными атрибутами самодержца российского, держала в правой руке скипетр, а в левой – державу, голову ее венчала царская корона. Текст содержал обращение к Богу о покарании “насильников”, ведущих страну к гибели, пестрел выражениями типа “дни лукавые и лютые”, “дни срама и позора от людей безумных”, “потоки бесчестия, беззакония” и тому подобными.

При обыске в ризнице обнаружили более четырехсот экземпляров прокламации. Листовку отпечатали неизвестно когда, скорее всего, в бурные дни семнадцатого года, однако губернские большевики приняли на свой счет нелицеприятные выражения и распорядились об экспертизе. Эксперт посчитал, что “данные листовки явно и открыто контрреволюционного содержания, призывающие православное население к вооруженному сопротивлению

Советскому правительству. В руках врагов Советского правительства листовки эти являются громадным агитационным контрреволюционным материалом".

По действовавшему законодательству, факт преступления был налицо. Следствие установило, что в конце 1918 или начале 1919 года большое количество листовок было привезено в монастырь и передано игуменье Маргарите, которая приказала монахине Анатолиии убрать их. Монахиня неоднократно предлагала бывшему церковному старосте К. Н. Назарову раздать листовки жителям окрестных поозерских деревень, посещавших монастырь во время служб, но тот отказался. Накануне местного праздника преподобного Михаила Клопского, 5 июля 1923 года, новый церковный староста Ф. Г. Гришин, знавший о существовании "Молитвы", во время всенощной подозвал крестьянина деревни Завал Ф. Г. Храмова и предложил раздать листовки богомольцам. Монахиня Анатолия вынесла столик и поставила на паперти. Храмов положил на него листовки, а сам отлучился. Верующие разобрали часть из них, по окончании же службы Храмов вернул остатки Гришину.

На следующий день перед началом праздничной службы Гришин предложил председателю общины Н. М. Фромову раздать "Молитву". Тот позвал в помощь человек пять. За столик на паперти сел Я. С. Борисов, который не раздавал, а фактически продавал листовки, предлагая верующим в обмен на них "жертвовать кто сколько может". В это время подошел крестьянин одной из окрестных деревень М. Б. Гуров, прочитал листовку и заявил, что она контрреволюционная и предложил прекратить продажу. Толпа стала смеяться над Гуровым: "ишь, коммунист явился", а Борисов вынес из ризницы новую пачку, которую быстро разобрали.

Судебная коллегия Новгородского губернского суда по уголовному отделу в сентябре 1924 года рассмотрела дело Гришина, Фромова и Борисова по обвинению в распространении контрреволюционного воззвания, признала их виновными и приговорила к лишению свободы сроком на один год каждого. Учитывая бедняцкое происхождение двух последних, суд применил амнистию и освободил их от наказания. К церковному старосте Гришину, как инициатору преступления, амнистия не применялась. Кассационная коллегия Верховного суда РСФСР оставила приговор без изменения[26].

За копирование, хранение и распространение церковных воззваний, признанных контрреволюционными, в течение нескольких месяцев были осуждены еще несколько человек. В губотделе ОГПУ резонно посчитали, что эта литература распространяется из какого-то тайного центра. Чекистам помог "инициативник", приславший письмо о скрытых церковных ценностях в бывшем Воскресенском мужском монастыре. Обитель находилась в Любанской волости Новгородского уезда, в глухом лесу, далеко от населенных пунктов и трактов. Многочисленных богомольцев привлекали мощи преподобного Макария, хранившиеся в раке в церкви Успения Пресвятой Богородицы, поэтому монастырь часто именовали Макарьевским. Губисполком образовал комиссию и в начале июня 1924 года сотрудники отдела ОГПУ провели обыск

в монастырских помещениях. К тому времени на монастырской базе действовала сельскохозяйственная артель “Земля и труд”.

Осмотр чекисты начали с колокольни Успенской церкви. Под лестницей они нашли заложенную дровами деревянную бочку, а в ней более пятидесяти церковных изделий из драгоценных металлов и главную опись монастырского имущества, составленную перед началом мировой войны. На второй площадке лестницы за перегородкой, в нише, обнаружили ящик с ценностями общим весом около 40 фунтов серебра и мешок с ценными бумагами и царскими деньгами. Из раки преподобного Макария извлекли массивный серебряный ковчег с драгоценными камнями. Стал ясен истинный смысл горячего призыва к верующим в дни изъятия церковных ценностей проживавшего в монастыре епископа Кирилла защитить главную святыню – раку с мощами преподобного Макария “до последней возможности, даже до крови”.

Но не только драгоценности обнаружили чекисты. Их внимание привлекла наклеенная на картон листовка “Молитва Державной Богородицы”. Среди других образов находилась большая копия иконы Божией Матери, именуемой “Державная”, привезенная в монастырь в конце 1917 года. Вплоть до описываемых событий по воскресным дням сразу после литургии, когда бывало большое скопление верующих из окрестных сел и деревень, сам епископ Кирилл служил перед ней молебны.

На хорах церкви Архангела Михаила и в жилых помещениях обнаружили тысячи экземпляров дореволюционных изданий в основном монархического и антисемитского содержания, сочинения Иоанна Кронштадтского, воззвания патриарха Тихона подпадавшие к тому времени под контрреволюционные. Вся эта литература распространялась во время служб и на монастырском подворье в селе Любань, по каким-то тайным каналам переправлялась и далее. А что же сельскохозяйственная артель “Земля и труд”? Ревизия губернского земельного отдела показала, что она не была зарегистрирована в местных органах власти и не имела права юридического лица. Фиктивная организация объединяла около семидесяти бывших монахов и послушников, и была создана для сохранения обители “до лучших времен”. Все руководство артельными делами осуществлял епископ Кирилл, сельскими работами занимались не более трети монахов, зато к ним широко привлекались многочисленные богомольцы.

Три дня в январе 1925 года в Новгороде проходило открытое судебное заседание губернского суда под председательством А. Кошерова. К ответственности были привлечены девять монашествующих во главе с епископом Кириллом (К. В. Васильев). Суд вменил в вину обвиняемым только проведение среди верующих контрреволюционной агитации. Экспертиза вынесла заключение, что обнаруженные в монастыре издания, так же как и речи проповедников, в которых советская власть отождествлялась с властью иудейской, могла оказывать влияние на темные, невежественные умы, и определило “сильно контрреволюционной” акцией. Суд приговорил подсудимых к лишению свободы на срок от одного года до трех лет; епископ Кирилл как вдохновитель акции был приговорен к пяти годам заключения[27].

И, наконец, в качестве весьма курьезного факта можно отметить случившееся вдруг массовое “обновление икон” в деревнях на стыке Новгородской, Псковской и Ленинградской губерний ранним летом 1924 года. Поползли слухи о близком конце света, о предстоящем наказаними людей каменным градом за то, что они не ведут активной борьбы с безбожниками, о близкой войне и крахе власти большевиков, о том, что обновленные иконы не подпускают к себе коммунистов и убивают пытающихся их изъять и тому подобная чепуха. Оперативные сотрудники ОГПУ без труда обнаружили несколько “обновителей”, которые мыли старые икны мылом, обновляли на них цветную фольгу. В Новгородской губернии дело ограничилось проведением агитационных мероприятий, да и у крестьян наступил перелом в настроении. Люди рассуждали, что если обновилась икона, верить в чудо можно, но если обновляются десятки и даже сотни икон, говорить о чуде не приходится[28].

Подобные явления, рассчитанные на совсем темных людей, стали возможными в условиях глубокого внутреннего кризиса, охватившего Русскую Православную Церковь. О церковном нестроении двадцатых годов мы расскажем в отдельной главе.

ГЛАВА IV. ХРАМЫ

ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЯ СОФИЯ

Окончилась Гражданская война, прошло изъятие церковных ценностей. Оправившиеся от потрясений власти изменили тактику наскоков на тактику планомерного разрушения Церкви. В епархии начали с главного храма Новгородской земли – Софийского собора.

В первый октябрьский день 1924 года президиум губисполкома утвердил одностороннее решение административного отдела о расторжении договора с коллективом верующих и обратился во ВЦИК с предложением закрыть собор и передать в ведение музейного главка Наркомпроса, "поскольку собор представляет собой ценнейший памятник старины", а заодно закрыть церковь Входа в Иерусалим, служившую зимним храмом. Соображения о ее закрытии раскрывает заботу вовсе не о старине: "в Новгородском Кремле сосредоточены почти все губернские учреждения, расположенные на небольшом сравнительно пространстве, причем в самом Кремле не имеется частных жилищ, за исключением квартир нескольких ответственных работников, что совершение ежедневных богослужений в Входо-Иерусалимском храме, к тому же связанных с частыми крестными ходами, мешает работе всех губернских учреждений, расположенных почти стена в стену с церковью". Газета “Звезда” призывала: “Кремль – крепость должен быть административным центром губисполкома и потому очищен от церковного богослужения, - ему здесь не место”.

Президиум ВЦИК в этот раз не счел обоснованными сетования чиновников новой формации на нарушение их покоя и спокойствия чад и домочадцев "ответственных работников" и предложил губисполкому "передать Софийский собор коллективу верующих, который принял бы на себя обязательство следить за сохранностью собора; войти в Главмузей с ходатайством об ассигновании необходимых сумм для сохранения исторических и художественных ценностей Софийского собора"[1]. Такое решение следует признать оптимальным, объединявшим усилия верующих и государства в сохранении уникального памятника древнерусской культуры.

Сугубо церковные вопросы решались гражданскими властями. Так, коллектив верующих собора должен был запрашивать разрешение в административном отделе на проведение 22 июля крестного хода вокруг Софийской стороны города продолжительностью восемь часов. Разрешили, но без права прохода через волховский мост и по времени на два часа короче[2]. Ограничения, нарушавшие ход процессии, можно объяснить только самодурством исполкомовских чиновников. Между тем, торжественная церемония проведение летнего крестного хода всем духовенством и горожанами формировалась в Новгороде издревле и ее описание содержится в редкой книге И. К. Куприянова “Крестные ходы, местные праздники и церковные обряды древнего Новгорода”, изданной в 1859 году.

“В первое воскресенье после Петрова дня совершался большой крестный ход вокруг Софийской стороны города. Первоначально кресты шли от Софии к Знаменскому собору за чудотворною иконою и потом берегом Волхова в Троицкую слободу к Алексеевским воротам в Гончарном конце, после всходили на вал и продолжали шествие вокруг него до большого моста; останавливались для молебна в 6 местах: 1) у Чернаго креста на большом Волховском мосту, пели молебный канон Троице да Архангелам; Евангелие читал Святитель; 2) у Знаменского собора, служили молебен Знамению Божией Матери и Иоанну Архиепископу; Евангелие здесь читал Юрьевский Архимандрит; 3) за Алексеевскими воротами, для молебна Благовещению Богородицы и Николаю чудотворцу; Евангелие читал Хутынский Архимандрит; 4) у Чудинцовских ворот, служили молебен Успению Богородицы и Никите Епископу; Евангелие читал Антоньевский Игумен; 5) у Духова монастыря, где служили обыкновенный просительный молебен и чудотворцу Варлааму Хутынскому, а Евангелие читал Игумен Вяжицкий, и 6) у Николо-Розважского монастыря со служением молебна Иоанну Предтече и Апостолам, Евангелие читал Духовской Игумен. После обедни Святитель и власти провожали чудотворную икону Знаменскую в собор на Ильину улицу”.

И обычный крестный ход вокруг Софии не приносил радости верующим. Современник вспоминал: “Тяжелое время было. Когда крестный ход вокруг храма шел, воинствующие безбожники, комсомольцы, молодежь большей частью принимала участие, свистели, камни в народ бросали и кричали. Даже в священников плевали, когда те шли. С такими трудностями приходилось сталкиваться. Но народ все терпел, молчал”[3]. Традиционная для русского народа ситуация, подмеченная Николаем Михайловичем Карамзиным и выраженная Александром Сергеевичем Пушкиным в заключительной ремарке в драме “Борис Годунов”: в ужасе перед преступлением “Н а р о д *безмолствует*”.

Некоторые послабления первых послереволюционных лет стали невозможными при усилении диктатуры от имени пролетариата. В период "наступления социализма по всему фронту" Церковь рассматривалась как организованная контрреволюционная сила, подлежащая уничтожению. В борьбе с "религиозными предрассудками" на первый план вышло неприкрытое администрирование.

В феврале 1929 года президиум Ленинградского облисполкома (Новгородские районы вошли в состав обширной Ленинградской области) согласился с предложением Новгородского окружного исполкома "о закрытии Софийского собора для богослужения с использованием его для музейно-просветительских целей". Представители двадцатки Н. Н. Новиков, Н. В. Данилов, Л. Н. Чертова, И. И. Бурцев были извещены о расторжении договора на пользование храмом. Община направила в Москву Данилова и Никандрову, но во ВЦИКе им дали от ворот поворот. 17 мая 1929 года М. И. Калинин сообщил облисполкому: "Ваше постановление от 23 февраля с.г. и доклад по вопросу о закрытии Софийского собора в г. Новгороде с передачей

его в ведение Главнауки приняты к сведению. Просьба верующих о пересмотре вопроса - оставлена без удовлетворения. О чем объявите заинтересованной группе верующих. Какие бы то ни было переделы в здании Софийского собора не могут производиться без согласования с Главнаукой"[4].

Очередное распределение ценностей началось 28 мая. Комиссию составили А. В. Андреева как представитель окрисполкома, она же помощник уполномоченного окружного отдела ОГПУ, Зыков из финансового отдела и сотрудники музея Н. Г. Порфиридов, С. М. Смирнов и А. И. Семенов. Первым делом следовало решить судьбу нескольких крупных изделий из серебра – риз с икон главного иконостаса, крупных по размеру, высотой более двух метров каждая, раки святителя Никиты и пяти паникадил, признанных в ходе изъятия 1922 года имеющими музейную ценность и оставленных в качестве образцов художественного чеканного производства первой половины XIX века. Трудно понять, что двигало опытными музейщиками, когда они подписывали акт, что данные изделия “при незначительной музейной ценности представляют большую материальную ценность, так как обладают большим весом” и поэтому их целесообразно передать в Госфонд. Проще говоря, отправили на переплавку.

Представление об уничтоженных сокровищах мы можем получить, читая "Опись Новгородского Софийского собора" с отметками "передано в Гохран", "сдано в госфонд"[5].

Храмовый образ Софии Премудрости Божией. "На кайме ризы с четырех сторон вычеканены: Праотцы, Пророки и Апостолы, а именно, начиная сверху правой стороны: апостолы – Петр, Иоанн, Андрей Первозванный, Симон, Иаков Заведеев, Филипп, пророки – Иеремия и Даниил, апостолы – Фома, Иаков Алфеев, Лука, Варфоломей, Матфей, Павел, Гедеон, Иезикииль, Давид, Моисей и праотец Иаков. Риза иконы сребропозлащенная, с венцами, весом 3 пуда 11 фунтов 60 золотников. В венце Св. Софии 55 крупных жемчужин, в числе которых есть и китайская. В венце Божией Матери три камня - два красного и два серого цвета, на самой главе прикреплена особая пластинка, на которой в серебряном гнезде топаз и вышита мелким жемчугом, при персях Богоматери Предвечный младенец, у которого серебряная пластинка низана в 4-е ряда мелким жемчугом; в венце Предтечи три красноватых камня. На ризе иконы вычеканены тропарь и кондак святой Премудрости Божией Софии". Риза была изготовлена в 1843 году.

Икона Спаса на престоле. "По сторонам Спасителя на серебряной ризе вычеканено: Благовещение и Рождество Христово, Введение в храм Богородицы и Богоявление Господне; на кайме ризы в клеймах вычеканены: Деисус, Праотцы, Пророки и Апостолы. Икона Спасителя обложена сребропозлащенной ризой 84 пробы с венцом во главе Спасителя, весом риза три пуда 20 фунтов и 51 золотник, оклад сделан в 1843 г. при митрополите Антонии, а икона написана в XVI столетии. В венце четыре камня - один лиловый, два зеленых и один белый".

Икона Благовещения Пресвятой Богородицы. "Икона обложена сребропозлащенным окладом, весом по надписи 3 пуда 13 фунтов 27 золотников, устроенным в 1846 г. при митрополите Антонии; на ризе края чеканные".

Икона "Предста Царица одесную Тебе" или "Царь Царем". "На иконе сребропозлащенная риза, одна из лучших по работе, весу в ней 4 пуда 30 фунтов 37 золотников, утроена в 1846 г. при митрополите Антонии на сумму архиерейского дома". Изъяли также ризу с иконы Успения Божией Матери, изготовленную в 1805 году.

Сняли оклад на Царских вратах с подзором. "Царские врата (ширина их 2 аршина, высота 3 3/4 аршина), состоящие из двух гладких створов, кверху полукруглые, оба створа обложены серебряным 84-й пробы окладом и таковыми же каймами с виноградными чеканными ветвями (ветвей на самой доске нет, кайма гладкая золоченая); ветви разделяют каждый половину врат тремя отделениями. Вес в первой половине врат по надписи 87 фунтов 5 золотников, во второй - 78 фунтов 16 золотников". "По сторонам Царских врат два четырехугольных столбца, столбы также обложены 84-й пробы серебряным окладом. Вес в серебре первого столба 50 фунтов 17 золотников, во втором - 50 фунтов 5 золотников".

Над Царскими вратами находился полукруглый подзор. "Подзор обложен с лицевой стороны серебряным 84-й пробы окладом, по краю оклада надпись: "Лета 7161, от Рождества Христова 1653 Марта в 1 день, при державе благочестиваго великого Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея великия и малыя и белая России самодержца и святейшем Никоне, патриархе Московском и всея России, сотворены сие царские врата из Софийския домовыя казны повелением смиреннаго Макария Митрополита Великаго Новаграда и Великих Лук".

Следующие слова прибавлены при сделании новой ризы: "А лета 7355, от Рождества Христова 1847, Апреля в 1 день, при державе благочестивейшаго самодержавнаго великаго Государя Императора Николая Павловича всея России при Святейшем Всероссийском Правительствующем Синоде сии же врата с колонками и святыми иконами над ними украшены в настоящем их виде сребропозлащенной ризою из сумм архиерейского дома, по благословению преосвященнаго Антония Митрополита Новгородскаго и Санкт-Петербургскаго; весу в серебре 57 фунтов 85 золотников".

Как образец мастерства русских серебряников сохранялась в Софии рака святителя Никиты. "Рака серебряная 84-й пробы, превосходной чеканной работы, длина раки 3 1/4 аршина, ширина 1 1/4 аршина; устроена рака в 1846 г. графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской. На верхней деке чеканное выпуклое изображение Святителя Никиты в полном облачении, венец вокруг главы Святителя и под левою рукою Евангелие - позолочены, на Евангелии Спаситель и евангелисты с чернью; по краям раки каймы с серебряными накладными цветками, на правой стороне раке изображено обретение мощей епископа Никиты, а на левой - избавление Новгорода от пожара, Святитель Никита изображен в молитвенной позе, на углах раки 4-е

литых херувима; с передней и задней стороны около херувимов серебряные матовые фигуры, внизу 4-е ножки серебряные, литые лапами. Весу в серебре по надписи 6 пудов 21 фунт 41 золотник".

Заодно включили в акт передачи в госфонд пяти серебряных чеканных паникадил 1846 года, тоже вклад в Софийский собор графини А. А. Орловой-Чесменской, о чьей щедрой благотворительности повествует очерк “Юрьев монастырь”.

В финансовый отдел Новгородского окрисполкома передали часть церковнослужебных предметов и священнических облачений, паникадила, лампады, а также деревянные шкафы и ковровые дорожки, в финотдел облисполкома - серебряную утварь общим весом более 35,5 килограмма: кресты, звездицы, потиры. "Рудметаллторгу" сдали металлические изделия: кресты, лампады, ризы с икон, водосвятные чаши, канделябры, паникадила; "при разделке" собрали около полутонны латуни, 14 килограмм меди и 2 килограмма свинца. В неизвестном направлении отправили священническое облачение, упакованное в 20 тюков. Жалкие остатки некогда пышного интерьера и 18 колоколов Софийской звонницы стали достоянием Новгородского музея. Александр Игнатьевич Семенов получил ключи[6].

Софийский собор стал именоваться Антирелигиозным музеем. Уже в сентябре в новом музее открыли выставку “Классовая сущность религии и средства религиозного дурмана”.

ЦЕРКВИ – НА КИРПИЧИ

Амбиции губисполкома по первому неудачному плану закрытия Софии компенсировали решением о закрытии в Юрьеве Георгиевского собора и церквей Крестовоздвиженской, Архангела Михаила, Неопалимой Купины, Пантелеймона, единственного сохранившегося здания древнего Пантелеймонова монастыря, и Рождества Пресвятой Богородицы в Перынском скиту. В конце декабря 1924 года постановили закрыть церкви Архангела Михаила и Филиппа митрополита Московского в Иверском Святоозерском Богородичном монастыре.

Следующий год губисполком начал вновь с Кремля, с маленькой церковки в честь святого мученика Андрея Стратилата в южной его части, сооруженной в петровское время на руинах древней церкви Бориса и Глеба. Заказчик последней, Сотко Сытиныч, нередко отождествлялся с былинным Садко. Ликвидировали две церкви в Званском иконы Знамения Божией Матери монастыре, расположенном на высоком всхолмлении волховского берега в бывшем имении поэта Гаврила Романовича Державина. По завещанию его вдовы имение было передано духовному ведомству и в обители находилось Державинское епархиальное женское училище. В одной из церквей предполагали оборудовать "клуб физкультуры, театр, библиотеку и читальню". В поселке Большая Вишера приспособили под клуб церковь Казанской иконы Божией Матери при стекольном заводе[7].

За счет храмов решали проблемы размещения архивов. Полный архив Новгородской духовной консистории формировался с 1721 года и занимал специальное помещение в Арсеньевском доме в Кремле. С размещением в доме губернских учреждений встал вопрос о его местонахождении. Телеграмму в губисполком прислал председатель Археографической комиссии Академии наук академик Сергей Федорович Платонов: "Находящийся в Детинце консисторский архив является богатейшим классифицированным научным материалом. Перенос угрожает целости хранения. Убедительно прошу оставить в Детинце"[8]. Мнение известного ученого ничего не значило для совслужащих. (С. Ф. Платонов умер в 1933 году в ссылке). Консисторский архив передали в ведение губернского архивного бюро и перенесли в Свято-Духов монастырь.

Для размещения Старорусского уездного архива была "самым подходящим признана Рождественская церковь Спасо-Преображенского монастыря как более всех безопасная в пожарном отношении, а также в смысле хранения архивных ценностей как имеющая крепкие запоры и оконные решетки". В феврале 1926 года площади архивного бюро расширили за счет собора Свято-Духова монастыря[9].

Гибельное для древних памятников время наступило с первыми пятилетками. Под призывы о форсированной индустриализации и коллективизации отбирали у верующих ранее переданные им церковные здания, сдавали на металлолом утварь и колокола, жгли иконы и иконостасы, обдирали позолоту с куполов, разбирали храмы на строительные материалы или оборудовали в них хлебные склады.

Наркомат внутренних дел придал акции “правовое” звучание циркуляром “О порядке закрытия молитвенных зданий и ликвидации культового имущества”, направленного в его областные управления 19 сентября 1927 года. Предписывалось прекратить службы в церквах, угрожавших обвалом из-за плохого состояния, собирать строительно-технические комиссии с приглашением представителей музеев и коллектива верующих, предлагать коллективу провести реставрационные работы за свой счет. При отказе здание следовало опечатать, а договор с верующими расторгнуть. В местной печати должно было трижды появиться подробное объявление об условиях заключения нового договора на пользование молитвенным домом. Если заявок не поступало, исполком должен был сообщить в Наркомпрос данные о храме: указать время его постройки, ценность в историческом и художественном отношении, предположительное хозяйственное использование. Только после получения согласия исполком мог разбирать храм за собственный счет. Церковнослужебные предметы из драгоценных металлов следовало передавать в госфонд или музей, остальное – иконы, хоругви, покровы – отдавать по описи коллективу верующих для переноса в иное молитвенное здание. Запрещалось уничтожать освященные предметы. Оставшееся имущество обиходного характера – ковры, дорожки, паникадила, мебель – зачислялись в госфонд. Строительные материалы, оставшиеся после

разборки здания, покрывали допущенные издержки местного бюджета[11]. Директива НКВД сплошь и рядом нарушалась.

> Новгородский горсовет 15 августа 1928 года принял постановление:
>
> Констатируя наличие в городе до 50 церквей, из которых только половина используется коллективами верующих и несколько принадлежит окрмузею, а остальные не используются под культурные и другие нужды города вследствие своего расположения и архитектуры и за последнее время приходят в ветхость и требуют либо капитального ремонта, либо сноса. Особенно в этом отношении являются три церкви: Лазаревская, Арсениевская и Десятинская, из которых первые две находятся на берегу реки Волхова, подвергающиеся разливу во время половодья, в особенности берег, на котором находится церковь бывшая Арсения. Третья, Десятинская, расположена на ликвидированном кладбище и ввиду отдаленности ее от населенных мест не может быть до сего времени использована и ныне разрушается. Президиум горсовета считает рациональным означенные церкви разобрать и материал от разборки использовать на нужды строительства городской электростанции, в которой сильно нуждается город[11]

Ни о каких комиссиях или согласованиях речи не шло. К счастью, разборкой на кирпичи этих трех церквей ограничились. Вакханалия уничтожения храмов не приняла в тихом провинциальном Новгороде таких диких масштабов, как в иных древнерусских городах. Правда, летом 1932 года Ленинградский облисполком принял решение о передаче военному ведомству на слом нескольких монастырских храмов и колоколен, но оно не было выполнено по техническим причинам.

Власти привычно ссылались на нерадение коллективов верующих, якобы не заботившихся о состоянии взятых по договорам церковных зданий. Красноречива в этом отношении переписка об использовании церковных зданий упраздненного Савво-Вишерского Вознесенского монастыря. Обитель была заложена в начале XV века преподобным Саввой на реке Вишера в десятке верст восточнее Новгорода; в церкви Вознесения Господня под спудом покоились мощи преподобного.

В мае 1929 года в окружную прокуратуру поступило коллективное заявление от полутора сотен жителей окрестных с монастырем деревень и хуторов. Люди писали, что

> … надвинулась угроза со стороны начальства Новгородской окружной исправительно-трудовой сельскохозяйственной колонии о том, что храм необходимо закрыть. Якобы какая от него помеха

> колонии, несмотря на то, что около 1000 человек прихожан стараются храм содержать в исправности, как-то производится ремонт и окраска крыш, а также внутри храма. Мы, прихожане, со своей стороны считаем, что никакого неудобства колонии не приносим, но начальство колонии за время пребывания в монастыре таковой добивается закрытия храма и даже производит всевозможные мерзости, даже не относящиеся к делу религии, а именно: кладбище, находящееся в ограде монастыря, где погребены наши отцы, деды и т.д., превратили в грязную лужу, сняв кресты, и пустили туда стадо коров и свиней в насмешку населению; было двухэтажное помещение, дом, его разломали. Дерево сожгли, а кирпич продали, амбар сенный разломали и до сего времени находятся в таком состоянии. Кирпичные заборы уничтожили полностью, а кирпич продали, и заместо таковых поставили забор из досок. Старые крыши разобрали, липы и березы употребили на топливо, несмотря на то, что лес рядом. Постройки испортили, стены выламывают, делают новые двери, рамы изломали, стекла выбили, решетки выломали, полы сгноили, крыши текут, подстропильные дерева выпиливают на дрова, словом, всю постройку привели в негодность за 8 лет существования в монастыре колонии и совхоза. Скот, что был получен от монастыря, и сельскохозяйственный инвентарь растрачен на 1500 рублей, урожайность пала на 90% и в общем масштабе нанесен убыток советскому государству большой, и плюс к сему помешала церковь и служба.

Ни словом не обмолвившись об этих безобразиях, административный отдел выдвинул анекдотичные доводы за закрытие храма:

> … на территории бывшего Савво-Вишерского монастыря расположена в настоящий момент исправительно-трудовая колония, в которой находится заключенных постоянно 100 человек, а с отбывающими и прибывающими вновь число заключенных до 300 человек в месяц. Культурно-просветительную работу, а равно исправительно-трудовое дело немыслимо вести при наличии находящегося в колонии здания культа, исправительно-трудовое воспитание не принесет никакой пользы с таким соседом, как церковь.

> Плюс к тому ежедневный перезвон колоколов не дает спокойно отдохнуть лишенным свободы от трудового дня, тем самым нарушается спокойствие всей колонии. Неоднократно были случаи, когда из среды молящихся в колонии появлялись в нетрезвом виде, а также были замечены всевозможные передачи заключенным в виде: карт, вина и т.д., за чем администрация колонии уследить не в силах. Все это в известной степени нарушает законоположение о трудколониях.

Отметив, что в окрестностях достаточно церквей, начальник отдела Леонов сделал вывод: "закрытие Савво-Вишерского монастыря для самих верующих безболезненно, в трудколонии будет проводить воспитательную работу".

Конец переписке положило становившееся стандартным решение Новгородского окрисполкома:

> Имея в виду, что коллектив верующих церкви в бывшем Савво-Вишерском монастыре по малочисленности своего состава не в состоянии нести расходы по содержанию и ремонту здания культа и в связи с этим заявил добровольный отказ от пользования зданием культа, что от других групп верующих заявления о передаче здания культа в пользование не поступало, что функционирование церкви на территории 1-й Новгородской исправительно-трудовой сельскохозяйственной колонии наносит вред исправительно-трудовому делу, на основании ст.35 постановления ВЦИК и СНК от 8/1У-29 г. закрыть церковь в Савво-Вишерском монастыре, передав здание культа в ведение исправительно-трудовой колонии для культурных надобностей"[12].

В декабре того же 1929 года в Новгороде и Старой Руссе городские советы развернули шумную кампанию по закрытию церквей и снятию колоколов. Истинные цели, как всегда, скрывались за пропагандистским словоблудием: "Выполнение величайших задач, поставленных пятилетним планом социалистического строительства, в огромной степени затрудняется чрезвычайно низким культурным уровнем трудящихся нашей страны и наличием религиозных предрассудков среди последних, оставшихся в наследие от царского самодержавия".

Новгородский горсовет принял целый пакет первоочередных мероприятий. В частности, редакции газеты "Звезда" предлагалось поместить "ряд статей с научно-практическим уклоном о вреде религии и возможности совершения религиозных обрядов без колокольного звона”. Для создания

видимости участия масс следовало на профсоюзных собраниях собирать подписи и направить несколько "рабочих делегаций в городской Совет для предъявления категорических требований" закрыть церкви. Преобладавший в Новгороде частный жилищный сектор должны были обходить комсомольцы и члены Союза воинствующих безбожников, возглавлявшегося видным ленинцем Ем. Ярославским (Миней Израилевич Губельман), с подписным листком:

> Мы, нижеподписавшиеся, признаем необходимость решительного наступления на очаги одурманивания трудящихся – церкви, и требуем закрытия в первую очередь церквей: Входоиерусалимской с передачей ее библиотеке, часовни Чудного Креста – редакции "Звезда", Тихвинской и Николо-Кочановской – горбольнице, Фроловской – клубу железнодорожников и католического костела – клубу рабочих обувной фабрики. Мы требуем также скорейшего снятия колоколов со всех церквей города для передачи их металлопромышленности, выполнив это до празднования так называемой "пасхи[13].

Подписанные по заданной форме листки поступали в исполком, туда же передавали написанные по трафарету протоколы общих собраний трудящихся. К списку закрываемых храмов добавлялись новые – Власия на Волосове улице предлагалось перестроить под клуб сезонных рабочих, Сретения Господня в Антониевом монастыре – под мастерские, Димитрия Солунского на Славкове улице – под клуб халтуринцев, то есть рабочих завода имени Халтурина, а также синагогу – под комнату комсомольцев-безбожников. Пример подобного протокола:

> Отказываясь от религиозных пут, мешающих строить наше социалистическое хозяйство, мы, нижеподписавшиеся, служащие Колмовской психиатрической больницы и их иждивенцы, своей подписью требуем от Советской власти закрытия Тихвинской церкви, передав ее под лечебное учреждение, часовню Чудного Креста под редакцию газеты "Звезда" и Успенскую церковь при нашей Колмовской больнице для использования ее под культурные и хозяйственные нужды больницы. Одновременно требуем снятия всех колоколов и передачи их в фонд индустриализации страны.
>
> Подписались 79 медработников и их убогих пациентов[14].

Церковь Успения Пресвятой Богородицы бывшего Колмовского Успенского мужского монастыря, основанного в 1310 году, одноглавая, двухэтажная, использовалась как приходской храм больницы для душевнобольных Новгородского губернского земства. На колокольне находились восемь колоколов, из которых два были отлиты при Иване Грозном и Василии Шуйском.

Исторический и художественный интерес представляли и другие памятники. Церковь Входа Господня в Иерусалим была построена в центре Кремля в 1759 году и использовалась как теплая при холодном Софийском соборе. Церковь Тихвинской иконы Божией Матери была построена в 1711 году и перестроена в 1819. Расположенная рядом с ней церковь во имя святого великомученика Пантелеймона на Яколевой улице более известна под названием Николо-Кочановской, по имени праведного Николая Кочанова, похороненного в ней под спудом в 1392 году; перестроена в 1832. В центре города на Людогощей улице находился храм во имя святых мучеников Флора и Лавра постройки 1379 года.

Часовня Чудного Креста находилась при въезде из Кремля на Волховский мост. Само небольшое каменное здание с четырехколонным портиком, плоским куполом и подцерковьем являлось обычной провинциальной постройкой прошлого века. Необычным был чтимый новгородцами чудотворный липовый крест высотой 240 сантиметров. Крест украшали резные рельефные изображения Распятия, Божией Матери и Марии Магдалины, Иоанна Богослова и Логина Сотника с надписями и два ангела. На подножии Голгофы тянулась резная надпись: “В лето 7056 (1548) сентябре при царе и государе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при архиепископе Феодосие Великаго Новограда и Пскова поставлен бысть крест сей повелением раба Божия Петра Невежена на мосту”. Для служения молебнов при часовне жил иеромонах Перекомского Николаевского монастыря.

Церкви эти частично утрачены, в том числе и часовня с Чудным Крестом, частично перестроены до неузнаваемости…

Агитационная кампания в Новгороде только начала набирать обороты, как 1 января 1930 года последовало решение окружного исполкома:

> Принимая во внимание, что все возможности размещения госхлебфонда в г. Новгороде исчерпаны, что Новгорсоветом использованы для этой цели все свободные помещения, пригодные для размещения хлебогрузов, не исключая даже угрожающих обвалом, что единственным выходом из создавшегося положения является использование зданий культа, что остающееся в г. Новгороде после закрытия 5-ти указанных церквей число молитвенных зданий всех вероисповеданий (34) при общем количестве населения города 34000 человек вполне достаточно для удовлетворения религиозных нужд верующего населения и учитывая настоятельные

> требования общественности, выраженные в постановлениях большого числа собраний рабочих и служащих, признать необходимым: Покровскую, Десятинную, Николо-Кочановскую, Тихвинскую и Никитинскую церкви в г. Новгороде закрыть, разрешить горсовету использовать здания этих церквей под склады для размещения прибывающих в г. Новгород хлебогрузов". Заранее облекали решение в "законную" форму: "Принимая во внимание, что коллектив верующих добровольно отказался от пользования зданием культа, что от других групп верующих ходатайства о передаче данного здания культа не поступало...[15].

В Старой Руссе для тех же целей изъяли у верующих летние здания церквей Троицы, Успения Пресвятой Богородицы, Димитрия Солунского, Петра и Павла и Спасо-Преображенский собор[16]. Еще готовилось массированное наступление на крестьянство под видом коллективизации, а местная власть уже подготовила государственные закрома под хлеб будущего урожая.

И сразу же в храмах появились исполкомовские комиссии, прикидывающие, куда направить имущество. Так, уже 6 января 1930 года такая комиссия начала работу в церкви Покрова Пресвятой Богородицы бывшего Зверина Покровского монастыря. Немногие предметы из серебра разделили на две части. Финансовому отделу передали два потира, два дискоса, четыре тарелочки и пять окладов с Евангелий. На золоченые изделия имелся "хозяин". Накануне массового закрытия храмов, 26 ноября 1929 года, Особая часть Наркомата финансов и Хозотдел ОГПУ заключили соответствующее соглашение. Известная уже читателю А. В. Андреева вывезла четыре паникадила, два подсвечника, запрестольный крест и оставила за своим ведомством золоченый иконостас. Крайне небрежно, карандашом написали список икон и церковнослужебной утвари, отданных коллективу верующих. Сотруднику музея А. И. Семенову достались ризы "непробного серебра" на иконах позднего письма, не привлекшие внимания несколько служебных предметов и шесть икон письма XVI – XVII веков[17].

Собранные в подвале финотдела золоченые и серебряные предметы поступили в весьма специфический госфонд – в фонд ОГПУ. Только в марте 1930 года представителю органов госбезопасности были переданы до 150 единиц хранения. Можно предположить, что именно тогда покинули Новгород драгоценные ризы с местных икон Софийского собора и рака епископа Никиты (из акта: "риз с икон разных размеров – 17, гробница – 1)[18].

По стране это составило суммы не малые, поэтому летом 1932 года председатель Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов при президиуме ВЦИК П. Г. Смидович направил в местные исполкомы директивы под грифом "Не подлежит оглашению". В ней говорилось: "Судя

по отчетам и специальным сообщениям, в ряде краев и областей имеется большое количество фактически нефункционирующих уже в течение долгого времени молитвенных домов... Имущество, подлежащее зачислению в госфонд, нередко используется местными Советами по своему усмотрению, а во многих случаях за отсутствием должного наблюдения за его сохранностью расхищается. Золоченые иконостасы, иконы, купола и другие предметы, из которых путем смывки можно извлечь немало золота, употребляются в качестве строительного материала или сжигаются. В результате таких действий и небрежности со стороны местных органов гибнет не один десяток килограмм золота". Смидович распорядился: "Обеспечить передачу всех предметов культа и обстановки этих молитвенных зданий, покрытых драгоценным металлом (позолоченные) только финорганам, которые в свою очередь передают эти предметы Хозо ОГПУ на предмет смывки с них золота"[19]. Тогда и погибла позолота куполов юрьевских храмов, сгорели резные золоченые иконостасы Георгиевского собора, Покровской, Власьевской и других церквей.

Отметим, что изъятые в ликвидированных храмах изделия из драгоценных металлов оценивали невысоко. Возьмем акт передачи ценностей закрытого Ефремо-Перекомского монастыря отделению Госбанка. Три серебряные лампады 84 пробы весом 605 грамм оценили в 18 рублей 15 копеек, четыре потира весом 2250 грамм – в 67 рублей 50 копеек, три ризы низкопробного серебра весом 770 грамм – 18 рублей 85 копеек, тарелочку весом в 70 грамм – в 1 рубль 75 копеек и т.д.[20]. Не трудно подсчитать, что пробное серебро оценивали в три копейки за грамм, низкопробное – в две с половиной.

Может, наиболее ценные в историческом и архитектурно-художественном отношении храмы музей использовал как экспозиционные? В начале июня 1924 года президиум губисполкома принял решение расторгнуть договор с коллективом верующих, не имевших средств для поддержания всемирно известной церкви Спаса Преображения на Ильине улице[21]. Церковь была построена в 1374 году на месте древней деревянной церкви Спаса, служившей местом постоянного хранения святыни новгородской – чудотворной иконы Знамения Божией Матери XII века, и являлась выдающимся и характерным для своего времени архитектурным памятником. В 1378 году храм был расписан великим живописцем Феофаном Греком. Композиции и значительные фрагменты фресковой росписи были обнаружены реставраторами в алтарной апсиде, в барабане и в каморе на хорах в дореволюционные и первые послеоктябрьские годы. После прекращения службы в храме небольшая расчистка была проведена только в 1930 году П. И. Юкиным; в середине1930-х годов бригада реставраторов под руководством Ю. А. Олсуфьева сделала наиболее крупные открытия, расчистив от позднейших наслоений монументальные изображения Пантократора в куполе и ветхозаветных праведников в световых простенках барабана. Более работы не возобновлялись на долгие тридцать лет.

Церковь Спаса Преображения на Ковалеве восточнее Новгорода была сооружена в 1345 году как монастырский соборный храм и за теплое время 1380 года расписана. Хорошо сохранившаяся фресковая роспись почти всей внутренней площади была открыта также в дореволюционные и первые послеоктябрьские годы Н. П. Сычевым. В июне 1931 года заведующий музеем Н. Г. Порфиридов направил в Новгородский райисполком ходатайство о закрытии церкви и передачи ее в музейное ведение:

“К числу наиболее ценных в историко-художественном отношении памятников Новгорода принадлежит церковь Спаса на Ковалеве постройки XIV века, с того же времени фресковой живописью. До настоящего времени церковь находится в пользовании общины верующих и это обстоятельство причиняет явный ущерб памятнику. Здание давно требует ремонта (крыши, печей и проч.), этого ремонта община не производит. Обилие обиходных культовых принадлежностей вроде деревянных аналоев, бумажных цветов и т.п. при богослужебном использовании церкви легко может повлечь пожар. Наконец, церковь не охраняется, ключ от нее находится в селе Шолохове, за километр расстояния, у разных лиц, что затрудняет осмотр памятника приезжающими научными работниками, экскурсантами и т. п. Музей просит президиум Новгородского районного исполнительного комитета принять во внимание изложенные обстоятельства и расторгнуть договор с общиной верующих, передав памятник в ведение музея”[22].

Менее чем в версте от Ковалево почти одновременно с ней, в 1352 году и тоже как монастырскую, построили церковь Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле. Живопись 1363 года покрывала стены и своды храма от пола до зеркала купола и по полноте ансамбля и сохранности фресок имела исключительное художественное и научное значение. Выразительны композиции Введение во храм, Рождества Христова, Вознесения, Сошествия во ад, фигура архиепископа Новгородского Моисея с моделью церкви в руках. Во время секуляризации церковных земель монастырь упразднили в церковь стала приходской.

Исполнявший обязанности директора музея Михаил Константинович Каргер (Н. Г. Порфиридов находился в заключении) в сентябре 1934 года направил в райисполком ходатайство об ее музеефикации с таким обоснованием: “Музей отмечает, что дальнейшее использование памятника для культовых нужд, во-первых, приносит огромный вред фресковой росписи, т. к. молящиеся, благодаря тесноте церкви, трут роспись спинами; во-2-ых, на роспись садится огромное количество копоти и грязи, губительно отзывающихся на состоянии памятника. Кроме того, в церкви необходимы большие реставрационные работы по восстановлению древнего иконостаса. Памятник часто посещается иностранными туристами, которые не раз обращали внимание на запущенность этого мирового памятника”[23].

Оба пригородных храма стали музейными объектами. Должных научно-реставрационных работ на них так и не проводили. Во время Великой

Отечественной войны эти церкви два с половиной года находились на передней линии фронта и были немецкой артиллерией стерты до основания.

КОЛОКОЛЬНУЮ БРОНЗУ – НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ!

Кампания по массовому закрытию церквей сопровождалась снятием колоколов. В декабре 1929 года в упоминавшемся решении Новгородский горсовет потребовал "кампанию по снятию колоколов провести под углом ускорения темпа проведения индустриализации страны". Экономический бред подобного требования очевиден. Что могли решить тонны колокольной бронзы в промышленном отношении? Тем более, что колокола на звонницах закрываемых новгородских церквей продолжали висеть, но колокольный звон был запрещен. Впервые за девять веков.

Газета “Звезда” выступила с подборкой материалов “Заставим колокола работать на нас. Передадим их в фонд индустриализации”. С историко-марксистским обоснованием акции поспешил выступить научный сотрудник музея Александр Семенов: “Древняя церковная Русь обходилась без колоколов. Колокола вошли в обиход только лишь в XVI веке в связи с развитием парадных церемоний московского царя. Они составляли парадную принадлежность русского царизма. Всегда царя встречали колокольным звоном”.

Председатель правительства Алексей Иванович Рыков предоставил право распоряжаться металлом местным исполкомам, “по возможности, быстрее (так как мы решили их использовать в первую очередь для чеканки мелкой разменной монеты, которая до сих пор чеканилась из импортной меди), не придавая этому политического значения и излишней огласки”[24]. Вновь тайны во всем, что так или иначе связывалось с Церковью.

О молчащих колоколах вспомнили летом 1933 года. Обследование показало, что их общий вес достигает 50 тонн, из них до тонны имеют музейное значение и взяты на учет. Привычно прозвучало, что "коллективы верующих в части изъятия колокольной бронзы не возражают". Комиссия по вопросам культа при Новгородском райисполкоме приняла решение: "в силу острой нужды промышленности в цветном металле колокольную бронзу, не являющуюся музейного значения, передать в июне месяце гостресту "Металлолом"[25]. Вновь возмущает конформизм новгородских музейщиков. Что стоило им взять под охрану, спасти от переплавки максимальное количество изделий русских литейщиков?

Окончательную черту под судьбой колоколов подвело постановление президиума Ленинградского облисполкома (председатель П. И. Струппе), принятое 21 сентября 1934 года под грифом "Не подлежит оглашению и опубликованию". Исполком потребовал изъять колокола в городах и селах Ленинградской области, в том числе в районах Боровичском, Валдайском, Новгородском, Старорусском, Окуловском, Маловишерском, Крестецком и других. В документе предписывалось: "1. Колокола с молитвенных зданий поименованных выше районов снять и передать "Металлолому". 2. По

согласованию с музейными органами колокола музейного значения оставить на месте, выделив в особый список учета. 3. Колокола малого веса (до 16 килограмм), годные для сигнализации на предприятиях, в пожарных командах и в сельских местностях, "Металлолому" не передавать, а оставить на месте для использования". Акцию следовало провести в самые сжатые сроки, менее чем за три месяца. Опасаясь волнений, требовалось "работу производить с предварительным в каждом отдельном случае согласованием всех вопросов с председателями РИКов, начальниками районных управлений НКВД и начальниками районных управлений милиции"[26].

В назначенный срок Новгородский райисполком сообщил: "Проведено снятие колоколов с 49 объектов. Всего снято колоколов 166 штук, общим весом сдано "Металлолому" 66.620 килограмм, из коих отгружено и направлено по адресу 63.064 килограмма, подготовлено к отправке 3.556 килограмм. Кроме того, передано сельсоветам для пожарной сигнализации 81 колокол до 16 килограмм весом и в госмузей 3 колокола. Причем в период снятия по объектам каких-либо повреждений молитвенных зданий или музейных объектов не было. Каких-либо эксцессов, за исключением в селе Голино, не было".

По последнему председатель исполкома А. Г. Бригадный информировал президиум Ленинградского облисполкома: "при снятии колоколов в Голинской церкви Голинского сельсовета был случай воспрепятствования снятию колоколов бригаде "Металлолома" со стороны верующих женщин, но мерами, принятыми по линии РИКа и НКВД, данный случай был улажен без особых репрессий" /27/. Без особых репрессий... За годы форсированной коллективизации не осталось в деревнях людей, способных на решительные действия.

Но всего четыре года назад иначе развивались подобные события и иной была реакция властей. Трагические по последствиям волнения произошли в селе Мошенском. Читаем в информационной сводке Ленинградского обкома ВКП(б) за 12 января 1930 года:

> Председатель райисполкома пошел показывать двум рабочим, как нужно с церкви снять колокола, в это время председатель двадцатки и местный поп сказали, что пошли снимать колокола и около церкви сначала появилась небольшая группа преимущественно женщин, потом эта группа возросла до 200 человек. Разжигатели и затевалы начали кричать: "Пришли грабители, не отдадим колоколов и церкви" и т.д. В общем, срывали проводимую работу, а когда пришел начальник милиции с милиционером, то одна женщина ударила начальника РАО по лицу. Имеются данные, что этот сбор народа у церкви был заранее

> подготовлен местным кулачьем с активным участием попа, в частности, в ряд деревень были разосланы повестки с призывом защищать "святой храм". По данному делу органами милиции задержано до 30 человек и часть из них арестована. По получению известия окружкомом ВКП(б) сразу же была создана комиссия, куда вошли представители от ГПУ, прокуратуры и послана на место происшествия[28].

Восстановим события на основе архивно-следственного дела, хранящегося в архиве областного управления ФСБ. В селе имелись два прихода – Богородицкий с каменной и деревянной летней церквами и Никольский. Священника Василия Беляева из первого прихода за не сдачу хлебного налога отправили на принудительные работы, поэтому в селе остался священник Никольской церкви Михаил Алексеевич Верещагин, и к нему "обращались верующие за разъяснением недоуменных вопросов как единственно оставшемуся руководителю церковной жизни". Среднего возраста, недавно минуло 40, он служил в селе более десятка лет. С весны 1929 года мошенские власти повели кампанию за перестройку деревянной церкви Рождества Пресвятой Богородицы под дом культуры, и в последний день года изъятие храма было проведено. Нужно было снять колокола с церковной звонницы. Райисполком заключил договор с двумя мужиками и те за шесть червонцев "взялись снять и разбить на части колокола в количестве 6-ти штук с уборкой к одному месту всей массы".

В те дни оправдала свою фамилию Мария Петровна Усердова, проявившая неожиданную энергию в защите Божьего дома. Обиженная природой от рождения маленькая горбатая 35-летняя женщина смолоду подвизалась при монастыре в Новгороде, а после его закрытия уехала в Мошенское и исполняла обязанности псаломщика. Она бросилась к Верещагину. Из показаний Усердовой: "От людей я слыхала уже также и то, что 12 января, в воскресенье, будут снимать колокола. Это я также рассказала в этот разговор отцу Михаилу. В ответ на это мне отец Михаил сказал: "ихняя воля, ихняя власть, если народ уже не заступится". – "А как же теперь быть?" В ответ отец Михаил сказал: "Ты не поймешь, как бы Ивана Григорьевича, казначея церкви, повидать, надо разослать повестки, собрать народ 12 января и заступиться за церковь". Немолодой крестьянин Иван Григорьевич Григорьев проживал в близкой деревне Бор.

Встретив Ивана Григорьева, Усердова передала ему просьбу священника. По деревням прихода были разосланы повестки. Одна из них, написанная на клочке бумаги корявым почерком, была приобщена к делу как вещественное доказательство: "Повестка. Коллективу верующих и члену церковного совета Коннидию Глебову. Прошу я Вас явиться в воскресенье в Мошенское к батюшке по делу отказа церковного старосты и прошу объявить в следующие

деревни – Каплино, Остров и Скуратово – пусть вышлют по два человека. Председатель церковного совета Иов Ларионов". Устно сообщалось о готовящемся снятии колоколов. Верующие решили всем миром идти в райцентр.

В воскресенье в село со всех сторон потянулись люди – кто по своим делам, кто на обедню, кто "на защиту церкви". Священник Михаил Верещагин, по мнению следствия, закончил службу в Никольской церкви "умышленно ранее обыкновенного, чем дал возможность верующим уйти из церкви и попасть к событиям у Богородицкой церкви". В толпе выделялись несколько человек. Александр Кузьмин говорил со злобой: "Некогда нам казначея выбирать, когда вон колокола пошли снимать, а нам нужно идти выгонять". Василий Машичев кричал: "Пойдемте, мужики, к церкви ближе, общими силами отстаивать!"

Когда председатель райисполкома рабочий-выдвиженец Иван Муни с двумя подрядчиками вошли в Богородицкий храм, "толпа подошла к церкви и наполнила до отказа паперть, направив делегацию на колокольню к т. Муни с требованием спуститься вниз для объяснений и открытия церкви. Спустившемуся к толпе т. Муни загородили дорогу". Собрались до 400 человек, "причем характерно было то, что мужчины преимущественно стояли в стороне и наблюдали, а главное бузотерство проявлялось со стороны женщин". Люди шумели и гудели, стоял невероятный гам и крик. Вызванный начальник административного отдела Иванов "также пытался уговаривать толпу, но это не помогало и толпа еще больше неистовала".

Люди выкрикивали: "Не смейте колокола снимать!", "Не ваша церковь!", "Мало вам, хлеб взяли и колокола понадобились!". Мария Усердова "истерически кричала из толпы: "Православные, не отдавайте церковь, что вы смотрите на них, возьмите и побросайте их в реку, бейте милицию, мы в вашу религию не суемся, и вы в нашу не суйтесь, отдавайте нам колокола!" Начальника милиции Иванова, находившегося в самой гуще народа, Ефросинья Григорьева в иссуплении ударила кулаком по лицу, а другие женщины схватили его за руки. На помощь подоспели милиционер Константин Никитин и следователь Григорий Богданов, комсомольцы и члены комитета бедноты деревни Окатьево. Уговорили людей разойтись. К часу дня волнения закончились[29].

В Мошенское срочно приехали начальник Боровичского окружного отдела ОГПУ М. Я. Состэ, уполномоченный секретного отдела В. Н. Викторов, уполномоченный по району Рыкачев. После допросов арестовали Верещагина, Усердову и Григорьева; в ходе следствия к ним присоединили Машичева. Дело рассмотрела тройка Полномочного представительства ОГПУ и отмерила трем организаторам массовых беспорядков по 5 лет концлагеря, а Машичева отправила в 3-летнюю ссылку. Колокола сняли, и в ликвидированной церкви через несколько дней открыли ДК.

Священник М. А. Верещагин и И. Г. Григорьев сгинули в Коми-лагерях, М. П. Усердову после отбытия двух лет досрочно освободили. В. И.

Машичев вернулся из Казахстана на родину, в конце 1937 года был арестован и погиб[30].

… На переплавку сдали оригинальную ограду церкви Архангела Михаила на Прусской улице в Новгороде. Перестроенный древний храм сделали полковой церковью Гвардейской конной артиллерийской бригады. Для соответствующего антуража устроили вокруг нее ограду из шестнадцати пушек, скрепленных массивными цепями, поставили у ворот два орудия на лафетах. (Явно позаимствовали гвардейцы-артиллеристы идею ограды у столичного Спасо-Преображенского собора). Исполкомовская комиссия усмотрела, “что означенное имущество не представляет из себя исторической ценности и, тем более, что металл совершенно бесцельно находится под открытым небом и теряет дальнейшую свою ценность”, поэтому приняла решение “пушки передать Рудметаллторгу как лом, а цепи реализовать как государственное имущество” /31/.

Многократно перестраивавшаяся под коммунальное жилье, окруженная впритык хрущобами и котельной, сейчас церковь Архангела Михаила даже внешне ничем не напоминает храм Божий, единственно действовавший в Новгороде перед началом Великой Отечественной войны. Из высаженных в память ветхозаветной дубравы Мамврийской сохранились только два вековых дуба.

РАСПРАВА В РЕЧКАХ

О сопротивлении политике ликвидации храмов в городах говорить не приходится; в новгородской деревне выявлены отдельные попытки, наиболее заметными из которых стали волнения в Мошенском, о которых мы только что рассказали, и в деревне Речки Волотовского района в январе 1930 года.

Деревенская церковь Вознесения Господня была построена в 1865 году тщанием прихожан на берегу речки Колошки. В 1909 году ее расширили двумя приделами во имя пророка Илии и святого Николая Чудотворца. К описываемому времени Реченский приход объединял население девятнадцати деревень. Служили в храме протоиерей Капитон Михайлович Фадеев, окончивший Новгородскую духовную семинарию, диакон Александр Иванович Пограницкий и псаломщик Виктор Иванович Ужинский.

Реченский сельсовет отнесли к участку сплошной коллективизации, поэтому райисполком дал команду изъять у причта дома, хозяйственные постройки и земельные участки "как имущества, подлежащего национализации и приобретенного на нетрудовые доходы от эксплуатации трудовых масс". Все трое причетников 16 января на сходе жителей деревни обратились с просьбой о защите, ибо, потеряв дома и участки, они лишались средств к существованию и не смогли бы продолжать церковную службу. Выступившие крестьяне Федор Чичигин и Степан Обухов заявили, что "их отцы и деды давали землю церковному причту, а потому и они хотят, чтобы

земля и постройки сохранились за духовенством". Все присутствующие подписали заявление в районную земельную комиссию и избрали четырех уполномоченных заявить мнение сельчан.

На следующий день у Пограницкого собрались церковные активисты, написавшие и разослявшие по деревням обращение за подписью председателя двадцатки Дмитрия Спиридонова: "Верующим деревень Дудаково, Обереги, Гряды, Клевицы и Лячки. Духовенство нашей церкви 20 января с. г. вызывается на суд в Волотовскую земельную комиссию об изъятии от него земли и стоящих на ней жилых построек. Такое положение дела может привести к тому, что причт наш, лишившись всех построек и земли при своей малообеспеченности может оставить службу в Реченском приходе. Нам, верующим, очень прискорбно как видеть своих духовных руководителей в таком положении, так тем более и совсем лишиться их. Ввиду этого, как выбранный Вами в качестве председателя коллектива, я обращаю Ваше внимание на данное дело и считаю со своей стороны не лишним обратиться Вам со всеми другими верными сынами нашей церкви с просьбой в Волотовскую земельную комиссию об оставлении за нашим причтом как ничтожного клочка земли, которым он сейчас пользуется, так и находящихся на нем построек".

И сход, и совещание двадцатки в донесении председателя сельсовета в райисполком, а затем в обвинительном заключении, именовались "нелегальным и антисоветским собранием граждан с. Речки" и "подпольным совещанием", воззвание которого распространялось "нелегальным путем"; действия были направлены на подрыв "расширения и укрепления мощи колхоза за счет изъятия и передачи колхозу земли и имущества нетрудового элемента".

Явившийся 18 января, в Крещенский сочельник, помощник начальника районного административного отдела Марк Сабельников вызвал в сельсовет и задержал священника, диакона и псаломщика. Забился с колокольни набат. Люди окружили дом, в котором находились совет, школа и правление колхоза "Свободный труд", разобрали ограду и стали бить кольями по стенам и окнам, общими криками требуя освободить задержанных. Распространился слух о закрытии церкви. Выпущенные служители с крыльца поблагодарили людей: "Спасибо, миряне, что выручили".

В Речки собралось до полутысячи крестьян. Всю ночь в церковной сторожке находились мужчины, караулившие, не придут ли вновь арестовывать духовенство. По деревенским улицам ходили дозоры по пять человек, вооруженные кольями. В три часа началось всенощное бдение, священнослужители отслужили великое повечерие, литию и утреню. Праздник Крещения отпраздновала свободная деревня. Сельсоветчики бежали и "в селе было полное безвластие и вся власть находилась в руках лиц, учинивших беспорядки"[32].

Действия властей были жесткими. Волотовский район находился на особом счету. Летом 1918 года во многих волостях Новгородской губернии

вспыхивали крестьянские выступления против продовольственной политики большевиков. 10 июля прошел слух, якобы в Славитинскую волость направляется отряд красноармейцев, которые скосят и заберут подчистую весь хлеб. Крестьяне до тридцати окрестных деревень, имея холодное и огнестрельное оружие, захватили станцию Волот, обезоружили охрану и разобрали железнодорожный путь. Помощнику начальника станции удалось сообщить о беспорядках на узловую станцию Дно и в уездную Старую Руссу. В полдень следующего дня восставшие двинулись по полотну железной дороги к уездному центру. У разъезда Взгляды их встретили пулеметным огнем латышские стрелки...

Начальник особого отдела 16-й дивизии дал распоряжение своему заместителю о формировании карательного отряда. В отряд отобрали 26 военнослужащих из 46-го полка, кавалерийского эскадрона и конвойной роты, из них 18 коммунистов и 5 комсомольцев; только половина были рядовыми бойцами. По прибытию в Волот отряд поступил в распоряжение уполномоченного Новгородского окружного отдела ОГПУ Партанского. В день Попраздненства Богоявления красноармейцы участвовали в арестах под руководством сотрудников ОГПУ Павлова, Колюса, Чапского, Торопова. В информационной сводке Ленинградского обкома ВКП(б) отмечалось: "Настроение бойцов было совершенно бодрое и здоровое, как в период движения, так и во время арестов и после них. В кавэскадроне прибывшие бойцы достаточно понимают происшествие в Речках и указывают на то, что это произошло в результате обострения классовой борьбы"[33].

Всего арестовали 28 человек. Обвинительное заключение, написанное Партанским, заняло около трех десятков больших листов убористой машинописи. Протоиерей Капитон Михайлович Фадеев, диакон Александр Иванович Пограницкий, псаломщик Виктор Иванович Ужинский, регент хора Евгения Семеновна Мартынова, бывший председатель двадцатки Алексей Ефимович Ефимов, председатель двадцатки Дмитрий Спиридонович Спиридонов и его помощник Семен Антонович Кузнецов обвинялись в том, что "договорились между собой на целом ряде конспиративных совещаний на допускать изъятия, в порядке национализации, земли и построек духовенства Реченской церкви", изготовили и распространили воззвание, следствие чего явились массовые беспорядки "с насильственным освобождением духовенства из-под стражи, угрозами расправой совпартработникам и колхозникам и попытками к разгрому здания школы, сельсовета и канцелярии колхоза".

Константин Егорович Егоров звонил в набатный колокол и организовал ночные караулы. Супруги Федор Иванович и Анастасия Антоновна Чичигины и Степан Иванович и Елена Павловна Обуховы участвовали в "нелегальном собрании". Константин Дмитриевич Дмитриев, Василий Тимофеевич Аверин, Дмитрий Никифорович Никифоров, Павел Антонович Громов и Василий Васильевич Голубев агитировали толпу, угрожали совслужащим, участвовали в ночном дежурстве. Василий Дмитриевич

Калинин, Иван Артемьевич Артемьев, Федор Леонтьевич Леонов, Евдокия Сергеевна Кваскова, Евдокия Семенова Хохлова, Александра Константиновна Дмитриева и Мария Ивановна Заремова участвовали в освобождении задержанных. Николай Ефимович Ефимов, Екатерина Васильевна Васильева, Яков Ефимович Ефимов-Шмаков и Степанида Яковлевна Ефремова руководили группами крестьян из соседних деревень[34].

По завершении следствия материалы направили в Судебную тройку при Полномочном представительстве ОГПУ в Ленинградском военном округе "с ходатайством о рассмотрении его во внесудебном порядке". 18 февраля 1930 года тройка приговорила к расстрелу К. М. Фадеева, А. И. Пограницкого, Е. С. Мартынову, А. Е. Ефимова, С. А. Кузнецова, Д. С. Спиридонова и К. Е. Егорова, остальных отправила с концлагеря. У всех осужденных конфисковали имущество, в необжитые районы страны выселили их семьи[35].

Сопротивление закрытию церквей и снятию колоколов в сельских районах было настолько значительным, что в марте 1930 года секретариат Ленинградского обкома ВКП(б) за подписью С. М. Кирова принял постановление “Об очередных задачах антирелигиозной работы”, в котором констатировал, что “обострения классовой борьбы, обусловленные решающими боями пролетариата за коммунизм, находят свое выражение, наряду с другими формами классовой борьбы, в серьезном оживлении деятельности церковников, сектантов, в мобилизации антисоветских сил под флагом защиты религии как внутри страны, так и в международном масштабе”[36]. Повторял верный ученик тезис И. В. Сталина об обострении классовой борьбы по мере построения социализма в СССР как “теоретическое обоснование” развязанного террора против крестьянства.

В числе тысяч раскулаченных и сосланных в отдаленные районы новгородских крестьян было немало сельских священников, обвиненных в активном противодействии курсу партии и правительства на массовую коллективизацию сельского хозяйства. Наиболее крупную группировку обнаружили в селах Солецкого и Волотовского районов. Ее руководители – бывший штабс-капитан Михаил Абрамович Белов, учитель Александр Федорович Владимиров и священник Сергей Александрович Розанов были осуждены к расстрелу, а священник Владимир Александрович Тюльпанов – к лагерному заключению[37].

Весьма действенным способом расправы стали обвинения служителей Церкви в умышленных экономических преступлениях, часто по вздорным основаниям. Так, в августе 1930 года уполномоченный отдела ОГПУ по Валдайскому району Хальме вместе с двумя активистами-коммунистами Климиным и Дмитриевым провели обыск в доме престарелого священника церкви Преображения Господня в селе Едрово Владимира Ильича Ясновидского “на предмет обнаружения у него мелкой разменной монеты”. В пору развернутого строительства социализма у созидателей светлого будущего не оказалось достаточного количества меди для чеканки копеек и алтушек и поэтому к любителям кошек-копилок стали применять статью 58-7

УК за “умышленное задерживание мелкой разменной монеты в контрреволюционных целях”. В ходе обыска нашли в подставке под цветочным горшком медные и серебряные монеты, а на чердаке из песка вынули две банки с серебряными полтинниками, присчитали всю имевшуюся в доме металлическую наличность и всего изъяли монет на сумму 318 рублей 9 копеек. На допросе священник не запирался, “ясно сознавая о наносимом им вреде советскому государству”. Местные чекисты предложили направить дело на решение Особого совещания при коллегии ОГПУ с осуждением Ясновидского на 10 лет концлагерей, но тройка Полномочного представительства оказалась милостивей, переквалифицировала на статью общеуголовную и определила условную меру наказания[38].

К такому же роду преступлений относили неуплату налогов, позволявшую на вполне законных основаниях, по приговору народного суда отправлять людей в места не столько отдаленные. Типичным представляется дело священника церкви Успения Пресвятой Богородицы на погосте Трубы Виктора Васильевича Вознесенского. Как “служитель культа”, он был лишен избирательных прав и обложен повышенными налогами или твердыми заданиями, то есть являлся, по терминологии того времени, лишенцем и твердозаданцем. Остался он должным государству по обязательному страхованию 13 рублей, по налогу на культурные нужды – 100 и по самообложению или твердому заданию – 313 рублей. Сельсовет представил акт в милицию и священник предстал перед участковым инспектором Чернышевым. “Допрошенный в качестве обвиняемого, Вознесенский виновным себя не признал и объяснил, что уплатить налогов он не мог ввиду неимения средств, так как заработка его не хватает даже на собственные нужды и притом таковой не превышает 30 рублей в месяц”. Скрупулезно высчитали, каким имуществом располагает батюшка для погашения долга: “имеет дом, двор, пчельник, 5 ульев”, правда ничего не стоило это добро – соответственно 200, 50, 50 и 10 рублей. В марте 1931 года Угловский нарсуд приговорил В. В. Вознесенского по статье 61 часть 2 УК к ссылке на три года с использованием на лесозаготовках /39/. После отбытия срока наказания священник с семейством обосновался при церкви Георгия в деревне Теребуново Окуловского района, в 1937 году был арестован и расстрелян.

Глава V. ЦЕРКОВНОЕ НЕСТРОЕНИЕ

ПРОГРЕССИСТЫ

В тяжкую годину в Русской Православной Церкви проявились люди, ставившие обретение сомнительного личного благополучия выше принятого служения, готовые достигнуть этой цели предательским снятием сана. Наиболее высокого поста из отщепенцев достиг поп-расстрига М. В. Галкин, письмо которого с предложением услуг в деле отделения церкви от государства обсуждалось на заседании Совнаркома уже через месяц после революции, лично известный В. И. Ленину и большевистской верхушке; инициативник стал заместителем заведующего VIII церковно-ликвидационным отделом Наркомата юстиции. Именно он подписал первую известную директиву от 18 ноября 1921 года о подготовке к изъятию церковных ценностей, его включило политбюро ЦК РКП(б) в состав ежедневно работавшего бюро центральной секретной руководящей комиссии по изъятию ценностей.

Откровенно шкурное прошение в июле 1918 года в Новгородский губернский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов направил диакон церкви Архангела Михаила Любытинского погоста Сергей Васильев:

> Находясь на стороне Советской власти и желая получить место коммуниста-социалиста в Новгородском Совете (я слышал, что там имеются свободные вакансии), покорнейше прошу принять меня на службу. Думаю, что с задачами означенной должности, по инструкции, справлюсь легко. Если Совету благоугодно будет принять меня на службу, то покорнейше прошу сообщить о вознаграждении месячном, о квартире, и обстановке, и продовольствии. При определении на службу предоставлю формуляр от волостного комитета, оттуда видно, что я в Совете крестьянских депутатов по волости работал безвозмездно 2 месяца, принимая горячее участие в образовании Совета. На волостных собраниях часто председательствую, состою 2 года председателем и счетоводом в местном обществе потребителей. Справки обо мне можно получить от священника Василия Громцева, служащего в комиссариате на Софийской стороне в Новгороде. Сейчас я диакон, но по приеме выйду за штат[1].

От сана на всякий случай не отказывался. Получил ли диакон место “коммуниста-социалиста”, неизвестно.

Услугами перебежчиков власти пользовались, но “своими” никогда не считали. В декабре 1920 года руководителям государственных учреждений поступило распоряжение органов внутренних дел о представлении подробных данных на находящихся на службе бывших “служителях религиозного культа” и указанием “Собирать в специальную папку”[2]. Факты попыток перехода со священнической службы на службу советскую все же единичны и определялись совестью отдельного человека или отсутствием оной.

Много печальнее обстоятельство раскола Церкви, когда политическая обстановка как никогда требовала единства позиции и действий. Еще в начале века в Русской Православной Церкви проявились две тенденции: традиционная и обновленческая. Последние, именуя себя также прогрессивным духовенством, стремились, насколько возможно, обновить и демократизировать церковную организацию, приблизить ее к быстро меняющимся требованиям жизни. Они предлагали, в частности, переосмыслить некоторые компоненты православного вероучения и сделать их менее уязвимым для критики со стороны стремительно развивавшихся естественных наук, перевести богослужение на современный русский язык и сократить его продолжительность, ограничить власть монашества как сословия в сословии, вести активную проповедническую работу, всемерно расширять контакты духовенства и мирян и т.д. Сторонники церковной перестройки пытались активно пропагандировали свои взгляды в ходе созыва и работы Всероссийского Поместного собора, но понимания не нашли. Недовольство определеных церковных кругов традиционными взглядами патриарха Тихона проявлялось все более.

Так, региональная газета “Деревенская коммуна” в начале марта 1919 года постаралась довести до читателей резолюцию съезда духовенства и мирян приходов Маловишерского уезда следующего содержания: “Мы, граждане духовного звания и представители от граждан приходов, заслушав доклад об отделении церкви от государства, заявляем, что отныне мы признаем Советскую власть, власть трудового народа, “ибо несть власти, аще не от Бога”. Мы также приветствуем декрет Советской власти, который дает церкви право быть свободной и независимой от государства, а нам, духовенству, право перестать быть наемниками царей и дает право быть истинными последователями учения Христа и честными гражданами, сеятелями просвещения и любви к ближнему среди темных масс крестьянства. Клеймим позором тех священников, игуменов и монахов, которые попирали заветы Христа”. Резолюция заканчивалась здравицами в честь советской власти, Красной Армии и трудового крестьянства. И участие в подобных съездах, и голосование за подобные резолюции, в конце концов, также дело индивидуальное.

Внутрицерковные проблемы требовали решения. Но не этично привлекать для этого атеистическую гражданскую власть. В тяжелые дни повсеместного изъятия церковных ценностей, 14 мая 1922 года в "Известиях ВЦИК" появилось воззвание, подписанное "представителями прогрессивного духовенства" -

епископом Антонином (Грановский), протоиереем Александром Введенским, священником Владимиром Красницким и некоторыми другими. Воззвание начиналось заявлением о безоговорочном признании законности советской власти: "В течение последних лет, по воле Божией, без которой ничего не совершается в мире, в России существует рабоче-крестьянское правительство". Суровому осуждению обновленцев подверглись патриарх Тихон и сплотившиеся вокруг него "контрреволюционеры, одетые в церковные одежды", которые смели воспрепятствовать проводившейся акции. Главным же в воззвании являлось требование немедленного созыва Поместного собора, переизбрания патриарха и перехода всей полноты церковной власти к "верным и любящим сынам церкви", под коими авторы подразумевали только себя.

На следующий же день Л. Д. Троцкий в письме В. И. Ленину оценил воззвание как симптом, имеющий историческое значение, и предложил широкую программу поддержки и пропаганды “церковно-демократической точки зрения” в противовес официальной Церкви. Программа вызвала эмоциональное одобрение вождя: “верно! 1000 раз верно!”[3]. Гражданские власти были готовы выполнять партийные директивы о поддержке обновленцев и репрессиях против “тихоновцев”.

Обновленчество не было единым течением. Подписавшие обращение возглавили соответственно такие объединения, как "Союз церковного возрождения", "Союз общин древлеапостольской церкви", "Живая церковь". На Поместном соборе они создали Высшее церковное управление (ВЦУ) с функциями Синода, лишили находившегося под арестом патриарха Тихона престола, сана и монашества. Началась длительная борьба обновленцев за власть, усугубившая и без того не простое положение церковной организации. Очевидно, что сколько-нибудь заметного положения в Церкви они не занимали, исключая епископа Нарвского Антонина (Грановского). Уже в августе 1922 года тот был возведен сразу в сан “митрополита”, а в следующем году лишен его обновленческими “владыками” же. Священник Владимир Дмитриевич Красницкий стал “протопресвитером всея Руси”, но в мае 1924 года принес покаяние патриарху.

Настоящим лидером обновленцев явился Александр Иванович Введенский. Ко времени раскола ему исполнилось 33 года. Дед его происходил из кантонистов времени военных поселений в Новгородской губернии, после отставки служил псаломщиком и трагически погиб, переходя по льду весенний Волхов. Внук унаследовал церковную фамилию Введенский и ярко выраженную семитскую внешность. Уроженец Витебска, в канун Первой мировой войны был рукоположен в священники и подвизался в запасных полках тылового Новгородского гарнизона. Известно, что перед публикацией майского письма инициативников-прогрессистов Введенский вел беседы с сатрапом северной столицы Григорием Зиновьевым (Овсей-Герш Аронович Радомысльский). О чем совещались и до чего договорились член политбюро ЦК РКП(б) и безвестный протоиерей?

Введенского (женатого!) посвятили в сан “епископа” в храме Христа Спасителя подобные ему “владыки”. На каждой степени иерархической лестницы он задерживался ровно на год. Стал самозванным доктором богословия и доктором философии, обзавелся неслыханным титулом “Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московских и Православных Церквей в СССР”[4].

… Прохладно встретили появление ВЦУ новгородские священники. В июле 1922 года собрание духовенства под председательством временно управляющего епархией епископа Серафима (Велицкого) посчитало, что вопрос о каноническом праве и преемственности ВЦУ подлежит решению Поместного Собора Русской Православной Церкви, пока же следовало “церковные дела решать на основании существующих церковных правил самостоятельно и лишь в затруднительных случаях сноситься с ВЦУ”. Тайным голосованием собрание сформировало Епархиальное управление в составе председателя епископа Серафима, членов архимандрита Макария (Опоцкого), протоиереев М. Войка, К. Яковцевского, А. Серпухова, священников С. Тихомирова и Г. Цветкова; кандидатами были избраны протоиереи Н. Стягов, М. Фаворский, Любынский и А. Ваучский[6].

Поддержкой властей обновленцы пытались пользоваться самым беззастенчивым образом. Каков поп, таков и приход. Устанавливали связи с органами политического руководства системой диктатуры пролетариата. Так, член ВЦУ, протоиерей А. Г. Нименский за три дня до выступления во Дворце Труда, коим стало здание губернского Дворянского собрания, счел необходимым направить тезисы “Смута в Православной Церкви, ее причины, как ее ликвидировать” заведующему агитационно-пропагандистским отделом губкома РКП(б) Н. Д. Алексееву[6]. Но демонстрировать какие-либо контакты с обновленцами правящая партия посчитала излишним.

В середине июля 1922 года с московской подачи Новгородский губком РКП(б) направил под грифом “Совершенно секретно” директиву секретарям уездных комитетов, отделу ГПУ и редакции “Звезды”. Ее содержание детально проясняло политику компартии по отношению к Церкви:

> На основании строгой директивы Цека мы обращаем Ваше внимание на то, что ОФИЦИАЛЬНО какое бы то ни было вмешательство в дела церкви ни для органов Советской власти, ни тем более для партии БЕЗУСЛОВНО НЕДОПУСТИМО ни в смысле содействия, ни в смысле противодействия.
>
> Пора понять, что ФАКТИЧЕСКИ поддерживая то или иное течение в церкви, власть и партия вовсе не ставит себе целью действительную поддержку такового и относится к этим течениям только потому, что всякое новое течение раскалывает церковь, что, конечно, приходится только приветствовать.

> Поэтому, настаивая на осторожной, вполне конспиративной поддержке новых церковников, губком в то же время возлагает ответственность на бюро укомов в целом за те случаи, когда это содействие станет достоянием масс и расшифрует наше действительное отношение к церковному вопросу. (Основание – телеграмма ЦК РКП №5308с)[7].

Конспиративная поддержка обновленчества поручалась органам безопасности. Начальник губотдела ГПУ А. И. Мильнер отзывался о них пренебрежительно и поддержку рассматривал как “задачу момента”: “В ближайшем будущем возможно удачно сконцентрировать всю эту распыленную “братию” и использовать для своих целей в более широком масштабе”. В Новгороде чекистам удалось сколотить организованную группу священников-обновленцев из девяти человек и подобрать делегатов на Всероссийский съезд “Живой церкви”. Впрочем, особой разницы в течениях они не видели: “велось внутреннее наблюдение… за коллективом верующих, за всей массой духовенства, как за реакционной, так и за прогрессивной”[8].

Сами же прогрессисты делали ставку на связи со спецслужбой государства. Забыли они канонический христианский принцип симфонии власти: “отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу” (Мф. 22, 21). Секретное сотрудничество священнослужителей с органами госбезопасности является малопривлекательной страницей в истории Церкви.

Таким “высоким покровительством” обновленцы, казалось, даже гордились. В Новгородское Епархиальное управление поступило распоряжение ВЦУ прекратить с 23 августа 1922 года возглашение за богослужением имени патриарха Тихона. Епархиальные чиновники направили соответствующий циркуляр окружным благочинным. Однако приходские священники не спешили выполнять указание обновленческого центра, поэтому последовала угроза за стороны ВЦУ – “неисполнение означенного распоряжения будет служить знаком явной политической контрреволюции” – и требование увольнять настоятелей, возглашающих имя патриарха. Не помогла угроза. Благочинный Павел Парфинский, например, обошел всех настоятелей городских храмов и сделал вывод: “В Старой Руссе почва для восприятия распоряжений ВЦУ еще недостаточно подготовлена”.

В ответ член Высшего церковного управления протоиерей Алексей Нименский и уполномоченный ВЦУ по Новгородской епархии протоиерей Вячеслав Немов действовали откровенным выкручиванием рук. В письме в Епархиальное управление 23 января 1923 года они констатировали “церковный разврат, которому надо положить предел”, и распорядились: “1. Копию распоряжения ВЦУ о признании поминовения патриарха Тихона актом контрреволюционным представить в Новгородское Госполитуправление. 2. О всех лицах, не подчиняющихся этому распоряжению ВЦУ, немедленно сообщить в ВЦУ и копию в ГПУ с заявлением, что Новгородское епархиальное

управление снимает с себя ответственность за таких лиц". Протоиереи Нименский и Немов предупредили, что если управление не выполнит их приказ, они сами информируют губотдел ГПУ, ибо "благодаря безнаказанности это явление начинает распространяться и по всей епархии".

Дрогнули епархиальные руководители. Уже 27 января начальник отдела А. И. Мильнер подписал следующий ответ:

> Согласно присланного Вами 25 сего января отношения №96, Новгородский губотдел ГПУ предлагает незамедлительно указать губотделу на тех священнослужителей в губернии и самом г. Новгороде, которые несмотря на предание суду за контрреволюционную деятельность патриарха Тихона, продолжают поминать его и тем самым способствуют внедрению в массы контрреволюционных воззрений. Указание Вами на таких лиц может послужить Вам в оправдание и снятие с себя ответственности за священнослужителей, укрепляющих контрреволюцию. Укрытие же их Вами повлечет к ответственности все Епархиальное управление в целом[9].

Что же должно было случиться с духовным и нравственным состоянием людей, посвятивших жизнь и преуспевших в церковном служении, чтобы так настойчиво и злобно стремиться уничтожить своих бывших друзей по семинарии и коллег по епархии? Имели ли они когда-то христианское миропонимание?

Итоги раскольничьего курса обновленцев за первый год их существования не вызывали оптимизма у начальника губотдела ГПУ А. И. Мильнера:

> В области работы по расколу духовенства в губернии большим тормозом работы являются находящиеся в Москве митрополит Арсений и епископ Дмитрий, с которыми поддерживает живую связь реакционное духовенство губернии, кроме того, в среде обновленческих попов не пользуются авторитетом и доверием лица, стоящие во главе обновленчества. Об этом в специальном докладе указывалось СО ГПУ, но несмотря на это до сего времени никаких мер от СО ГПУ не предпринято. В настоящее время успех в работе по духовенству может быть в том случае, если в Новгород от ВЦУ будут присланы авторитетный епископ и уполномоченный. Об этом также запрошены в СО ГПУ, но ответа не получено. В уездах обновленческое движение подается очень туго. Уездное

духовенство держит курс на Новгород и приняло ожидательную политику.

Некоторый успех обновленцев наметился только в Боровичах[10]. Молчание Секретного отдела Госполитуправления объяснялось тем, что никто из авторитетных церковных иерархов к обновленцам не примкнул и о посылке эмиссаров не могло быть речи.

Освобождение патриарха Тихона из заключения в июне 1923 года пошатнуло позиции обновленцев, но они упорно цеплялись за власть, считая допустимыми любые средства.

Ярким по информативности документом является большое письмо инициативной группы боровичских протоиереев М. Ефремова, П. Миролюбова и В. Мстиславского, присвоивших себе функции управления епархией, в Новгородский губисполком об ограничении деятельности тихоновского направления, написанное 5 октября 1923 года.

С выходом на свободу бывшего патриарха Тихона ожила по всей Новгородской губернии "тихоновщина". В Новгороде появляется "тихоновский" епископ Серафим, который рассылает по всей Новгородской епархии обращения к духовенству и мирянам, где он сообщает, что действует по словесному поручению Святейшего (так он величает бывшего патриарха Тихона) и предлагает благочинным и настоятелям соборов, городов и храмов населенных местностей уезда в самый кратчайший срок ликвидировать в епархии прогрессивное движение. В городах Валдае, Малой Вишере, Старой Руссе, Новгороде и в населенных пунктах Бологое, Окуловка, Чудово и др. вожаки духовенства - председатели советов, бывшие купцы и сановные настоятели, оказались приверженцы Тихона. Они только ждали этого обращения "тихоновского" епископа и ликвидировали прогрессивное движение в церквах. Даже в Боровичском уезде, который являлся одним из самых прогрессивных не только в Новгородской губернии, но и в России, и здесь воззвания епископа Серафима прогрессистам наделали много зла. В городе Боровичах прогрессисты изгнаны из церквей и лишены таким образом возможности оказывать какое бы то ни было влияние на массы верующих. В уезде началась жестокая расправа деревенских мироедов и кулаков со священниками-прогрессистами, которые имели гражданское мужество заявить своим пасомым честно и

открыто о своих симпатиях Советской власти трудящихся.

Авторы письма считали себя способными управлять епархией и влиять на внутрицерковные отношения. По их мнению, следовало "организовать твердую власть", для чего перевести епархиальное управление в Боровичи, где "уже имеется вполне налаженный аппарат в виде уездного церковного управления, состоящего из одних прогрессистов", откуда новые веяния распространятся на всю губернию.

Обновленцы-инициативники просили губисполком выполнить несколько условий. Во-первых, "возможно скорее расторгнуть договоры с "тихоновскими" коллективами церквей г. Боровичи и зарегистрировать представленные уставы на предмет передачи церквей г. Боровичи всех без исключения прогрессистам". Во-вторых, признать законным "только Боровичское епархиальное управление". В-третьих, "желательно было бы парализовать вредное действие, вносящее смуту в массы, епископов "тихоновских" Серафима, Кирилла и Иосифа. ...Если их почему-либо нельзя удалить из Новгородской губернии, то желательно было бы их изолировать, чтобы они не могли влиять на темные массы"[11].

Обратите внимание. Задолго до массовых репрессий одни священники призывали власти расправиться с другими. Предают свои. Не случайно М. В. Росляков наложил на письме резолюцию: "Направить в ГПУ на заключение". Органы госбезопасности к тому времени накопили достаточный опыт разложения организаций, считавшихся контрреволюционными, опираясь на готовых с ними сотрудничать членов этих организаций.

ОБНОВЛЕНЕЦ МИРОЛЮБОВ

В губотделе ГПУ обратили внимание на одного из авторов письма. Документы двух небольших по объему архивно-следственных дел позволили проследить жизнь и судьбу священника, примкнувшего к обновленческому течению в Русской Православной Церкви и служившего ей явно, а тайно - госбезопасности.

Миролюбов Павел Александрович родился в 1876 году в семье священника из села Пирусс Боровичского уезда. В 22 года окончил Новгородскую духовную семинарию и принял сан. К описываемому времени достаточно давно придерживался "обновленческой ориентации" и служил в церкви Казанской иконы Божией Матери в селе Аполец тогдашнего Молвотицкого района. Из протокола допроса Миролюбова в районном отделе НКВД в марте 1935 года:

Вопрос: Помните ли Вы содержание подписки, данной Вами о сотрудничестве с органами ОГПУ-НКВД?

Ответ: Да, я это хорошо помню.

Вопрос: Считаете ли Вы достаточным инструктаж со стороны оперативных работников ОГПУ-НКВД, с которыми Вы имели связь, по вопросу о конспирации в работе?

Ответ: Да, я это считаю достаточным.

Вопрос: Достаточно ли Вами были уяснены задачи, поставленные Вам как секретному сотруднику органов ОГПУ – НКВД?

Ответ: Да, задачи мною были уяснены. Я должен был вскрывать всякие антисоветские проявления и контрреволюционные группировки.

Вопрос: Сколько Вы за 10-летний период связи с органами ОГПУ – НКВД вскрыли антисоветских и контрреволюционных группировок или одиночных дел?

Ответ: В 1926 – 27 гг. мною было вскрыто так называемое Булыгинское дело, по которому осуждены отец и сын. По моим материалам осужден бывший торговец с. Апольца Иванов. Кроме того, мною были вскрыты ряд других дел уголовного порядка.

...Вопрос: Признаете ли Вы то, что будучи вхожим в среду чуждых Советской власти людей, Вы это, т.е. вскрытие разного рода антисоветских формирований и проявлений могли делать безболезненно?

Ответ: Да, я это признаю и считаю себя в этом деле некоторым виновником.

...Вопрос: Перед Вами ставились органами ОГПУ – НКВД задачи не только вскрывать антисоветские проявления, но и вести разложение религиозного культа. Вы это не выполнили, а наоборот, проводили работу по укреплению религии?

Ответ: Я это в корне отрицаю, т.к. я никакой агитации за укрепление религии как в проповедях, а также и частных беседах не провожу. Я даже согласен снять сан священника, но боюсь того, что после снятия сана не остаться бы без куска хлеба[12].

Секретный сотрудник органов безопасности с десятилетним стажем согласился, что отнесся недостаточно внимательно и недоработал по "вскрытию разного рода антисоветских формирований и проявлений", но категорически отверг обвинение в "агитации за укрепление религии". Он готов был снять сан священника, если бы не угроза остаться без средств к существованию.

Поводом для допроса стало прошлогоднее письмо Миролюбова, адресованное архиепископу Новгородскому Венедикту (Плотникову), в

котором священник неосторожно расшифровал себя как агента госбезопасности. Неизвестно, каким путем это послание, написанное в августе 1934 года на четвертушке бумаги фиолетовыми чернилами, оказалось у следователя.

Обращаясь к владыке, Миролюбов просил переместить священника Матвеева на Аполецкий приход, где большая семья того лучше будет обеспечена, а его самого перевести на другой приход. Не забота о ближнем подвигала Миролюбова. "Из Аполецкой церкви я должен уйти уже потому, что хулиганский террор неоднократно делал и делает покушение на мою жизнь и только лишь милость Божия хранит меня. Я полагаю, все эти хулиганские выходки делаются потому, что некоторым стала известна моя тесная связь с ОГПУ. Примите, уважаемый владыко, это к сведению и не задерживайте нашего перемещения, если уж не для Матвеева, то сделайте одолжение для меня и моего существования и притом чем скорее, тем лучше". Слова "некоторым стала известна моя тесная связь с ОГПУ" подчеркнуты красным карандашем[13].

Можно ли говорить о позитивном духовно-нравственном влиянии священника, связь которого с оперуполномоченным ГПУ известна всему приходу? Какие добрые чувства мог он вызвать? Возможна ли исповедь такому “батюшке”?

Еще одним свидетельством нарушения Миролюбовым обязательства, принятого в начале его обновленчества, стали показания Ивана Яковлевича Алексеева:

> Вопрос: При каких обстоятельствах и когда Вам говорил священник Аполецкой церкви Миролюбов Павел Александрович о том, что он связан с органами НКВД?
>
> Ответ: Я как ранее бывший священник и знающий Миролюбова, решил к нему сходить повидаться. Пошел я к нему в первых числах марта месяца 1935 г. Придя к нему, он мне в разговоре сказал, что вот он много пишет в ГПУ о безобразиях местных коммунистов и разного рода недочетов в их работе, но местное ГПУ не принимает никаких мер. Он мне также сообщил, что он этим недоволен и поедет жаловаться в ГПУ области. Он мне в этом же разговоре сообщил, что он подал прошение о переводе его из обновленческой ориентации в тихоновскую.

Вскоре недолгое следствие завершилось обвинительным заключением, в констатирующей части которого изложенные события получили следующую интерпретацию:

В 1924 году священник Аполецкой церкви МИРОЛЮБОВ Павел Александрович был завербован органами ОГПУ секретным сотрудником.

В начале 1934 года Молвотицкое РО ОГПУ стало в процессе проработки МИРОЛЮБОВА как секретного сотрудника сталкиваться с его двурушнической работой. МИРОЛЮБОВ как секретный сотрудник органов ОГПУ – НКВД группировал вокруг себя антисоветский элемент, причем Молвотицкое РО, зная об этом группировании, поручало МИРОЛЮБОВУ проработку группировавшегося вокруг его антисоветского элемента.

МИРОЛЮБОВ это поручение не выполнял, а если частично и выполнял, то давал не конкретный материал. При конкретизации этого материала МИРОЛЮБОВ подробностей не вносил и отговаривался незнанием, не вскрывая, таким образом, антисоветские группировки.

На поручения со стороны РО о вскрытии контрреволюционных формирований и деятельности сообщал материалы, рассчитанные на компрометацию низового советского аппарата и отдельных коммунистов. Перепроверкой этого материала устанавливалась его неправдоподобность.

Кроме того, МИРОЛЮБОВ расшифровал себя как секретного сотрудника органов ОГПУ-НКВД перед викариальным управлением, а также перед бывшим священником, ныне безработным, проживающим в Молвотицком районе АЛЕКСЕЕВЫМ И. А., чем и расшифровал методы работы органов ОГПУ – НКВД перед указанными лицами.

Миролюбов обвинялся в том, что "являясь секретным сотрудником органов ОГПУ-НКВД, вполне усвоивший задачи и конспирацию в работе органов ОГПУ – НКВД, занимался двурушничеством, расшифровал перед посторонними и своей церковной администрацией себя как секретного сотрудника данного органа и этим расшифровал методы работы органов ОГПУ – НКВД, т.е. в преступлении, предусмотренном ст.121 УК РСФСР".

Обвиняемый продолжал жить в Апольце с подпиской о невыезде, а дело, пройдя необходимые согласования в Новгородском оперсекторе и областном

управлении НКВД, получив санкцию прокурора, направили для рассмотрения Особым совещанием при наркоме внутренних дел СССР. В сентябре 1935 года было принято решение: "МИРОЛЮБОВА Павла Александровича за разглашение не подлежащих оглашению сведений – отдать под гласный надзор по месту жительства сроком на ОДИН год, считая срок со дня вынесения постановления. Дело сдать в архив"[14].

Миролюбов обосновался в глухом погосте Загорье и был взят под гласный надзор Холмского районного отдела НКВД; когда же вышел срок "репрессии", вернулся в Аполец. (В пору “перестройки” наступила пора всепрощенчества и Миролюбов был тоже реабилитирован по этому делу как "жертва политических репрессий"). Но не суждено ему было умереть своей смертью. Вновь роковую роль в его жизни сыграло обновленчество.

Через год после описанных событий перед сотрудником Молвотицкого РО НКВД Н. В. Гудилиным легло официальное письмо окружного благочинного Н. Третинского. Содержание доноса красноречиво характеризует нравы, сложившиеся в Церкви:

> По имеющимся у меня сведениям, кулацкая группа в селе Аполец, возглавляемая лишенцем Егором Егоровым, решила удалить обновленческого священника как "красного" и перейти в так называемую "тихоновщину", которая, как известно, еще в лице бывшего патриарха Тихона изрекла "анафему" на большевиков и, следовательно, на Советскую власть, руководимую ВКП(б).
>
> Егор Егоров - кулак-лишенец, до августа прошлого года состоял членом 20-ки и занимал должность старосты, расхищая церковные средства и группируя около себя кулацкие элементы. В августе 1935 г. он был снят райисполкомом с должности члена исполнительного органа (старосты или казначея) как лишенец и по той же причине исключен из 20-ки. Это, однако, не заставило Е. Егорова сдать дела и отойти от церковной организации. Напротив, он еще крепче занялся объединением кулацких элементов в одну группу и при их поддержке до сего времени остается старостой. Он живет в церковной сторожке и под видом церковного сторожа ведет свою работу...
>
> Не видя возможности при наличии обновленческого священника во всю ширь развернуть свою антисоветскую работу, эта

> группа решила удалить обновленца и вошла в тайные переговоры с известным реакционером священником Любенской церкви Ростовцевым, и он решил выехать в Аполец 18 – 19 сего июля для оказания помощи этим кулакам, чтобы при его агитации захватить храм в цепкие тихоновские руки. Несомненно, прибытие в Аполец тихоновца Ростовцева создает разжигание религиозной вражды, преступление, предусмотренное ст.59,7 УК (изд.1928 г.), на что я и обращаю ваше внимание с просьбой принять меры к недопущению таких действий со стороны Ростовцева и его аполецких друзей.
>
> Благочинный Н. Третинский[15].

Обновленцы были верны себе, пытаясь руками властей отстаивать свои позиции в Церкви и прибегая к самым отвратительным методам. Впрочем, как показали события, для сотрудников отдела НКВД глухого сельского района на задворках области было все равно - тихоновец или обновленец перед ними. Однако время еще не наступило, и письмо осталось лежать в накопительной папке.

Когда же летом 1937 года в новгородских районах начались массовые аресты священнослужителей, доносу благочинного дали ход. В августе в селе Аполец "разоблачили" подпольную контрреволюционную кулацкую группировку. Ее участников арестовали и за две недели подготовили обвинительное заключение. Согласно документу, организовал группировку Егоров Егор Егорович, 70-летний старик, раскулаченный и выселенный из своего дома, который "устраивает нелегальные собрания и путем систематической пропаганды и агитации среди религиозного и колхозного населения ведет организованную борьбу против советской власти и ее мероприятий". Идейным вдохновителем группировки назван священник Миролюбов, который "под видом проповедей" ведет такую же подрывную работу. В группу определили членов двадцатки Михаила Ефимовича Тихомирова, Ольгу Александровну Баллод и братьев Илларионовых Александра и Никанора.

В сентябре 1937 года особая тройка управления НКВД приговорила Никанора Илларионовича Илларионова к 10 годам лишения свободы, а остальных – к расстрелу. Приговор исполнили в Ленинграде. Последние сомнения в роли доносчика отпадают при знакомстве с протоколом заседания тройки. В обвинении Егорова записано: "Его контрреволюционная деятельность вынудила благочинного 4-го округа Новгородской епархии обратиться в Молвотицкий райисполком за содействием"[16]. В том же сентябре 1937 года был арестован и расстрелян священник церкви Георгия в погосте Любно церкви Иван Михайлович Ростовцев.

Заканчивая рассказ об обновленчестве, необходимо отметить, что оно нанесло серьезный урон Новгородской епархии. Ранее единая, она разделилась на Боровичскую, Валдайскую, Демянскую, Новгородскую, Маловишерскую и Хутынскую. За исключением двух последних, в этих псевдоепархиях действовали епископы Православной Церкви и обновленческие "епископы". Канонические устои православия в разные годы защищали епископы Серафим (Велицкий), Иосиф (Невский), Иоанникий (Сперанский), Никодим (Воскресенский), Тихон (Рождественский), Никита (Стягов), Сергий (Васильев)[17].

Кадры свои ВЦУ тасовало не хуже Орграспредотдела ЦК. Откуда только не присылало на Новгородчину лжеепископов, куда только спустя короткий срок не переводило их! Центральные и северные области, Украина и Предкавказье, Крым и Урал. Среди них Александр Лебедев, Николай Гиляровский, Александр Щербаков, Капитон Лавров, Михаил Фивейский, Николай Платонов, Сергий Танаевский… Был и местный – "епископ Демянский" Михаил Смелков[18], помните, в 1918-м "Демянский уездный церковный комиссар". Он был осужден президиумом ВЧК к ссылке "без права выезда", однако через два года вернулся в городок обновленческим "епископом" и руководил "епархией" более десяти лет.

Единая архиерейская власть также отсутствовала. Митрополит Новгородский и Старорусский Арсений находился в среднеазиатской ссылке, но сохранял владычный титул, поэтому более десятка лет в епархии были "временно управляющие" - Серафим (Велицкий), Иоанникий (Сперанский), Венедикт (Плотников), Иосиф (Петровых), Алексий (Симанский). Лишь после поставления Арсения митрополитом Ташкентским и Туркестанским, с августа 1933 года митрополит Алексий вступил в полные права. Его сменил Венедикт, а последним предвоенным владыкой номинально стал архиепископ Николай (Ярушевич) как временно управляющий Новгородской и Псковской епархиями. Собственно Новгородская епархия к тому времени уже не существовала.

"ПОСЛАНИЕ ПАСТЫРЯМ И ПАСТВЕ"

После кончины 7 апреля 1925 года патриарха Тихона в обязанности патриаршего местоблюстителя вступил митрополит Крутицкий Петр (Полянский), сторонник канонически непреклонной церковной политики. Однако исполнял обязанности всего несколько месяцев; его с группой московских иерархов арестовали и из тюремных застенков он не вышел. Заместителем патриаршего местоблюстителя стал митрополит Нижегородский Сергий (Страгородский). Русскую Православную Церковь продолжали лихорадить внутренние распри и, в первую очередь, по определению церковного курса во взаимоотношениях с государством. 15 апреля "Известия ВЦИК" опубликовали предсмертное воззвание патриарха Тихона о признании советской власти. В воззвании говорилось:

> Пора понять верующим христианскую точку зрения, что “судьбы народов от Господа устрояются” и принять все происходящее как выражение воли Божией. Не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее дело, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее.
>
> Вознося молитвы наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, Мы призываем всех возлюбленных чад Богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с Нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи рабоче-крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага. Призываем и церковно-приходские общины и особенно их исполнительные органы не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть – действительно Народная Рабоче-Крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая. Мы призываем выбирать в церковно-приходские советы людей достойных, честных и преданных Православной Церкви, не политиканствующих и искренне расположенных к Советской власти. Деятельность Православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры Православной…

Воззвание патриарха поддержали томившиеся в Соловецком лагере особого назначения ОГПУ архиереи, обратившиеся в июле 1926 года к правительству с “Памятной запиской”, имевшей целью “положить конец прискорбным

недоразумениям между Церковью и Советской властью, тягостной для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач".

Добрая воля православных иерархов не только осталась безответной, но напротив, государственная репрессивная политика набирала обороты. В декабре 1926 года были арестованы митрополит Сергий и сто семнадцать епископов-тихоновцев. Что происходило в тюрьме, как и кто "работал" с патриаршим местоблюстителем, но за считанные недели после его освобождения формируется и регистрируется НКВД временный Синод, в состав которого в числе авторитетных иерархов вошли ссыльный митрополит Новгородский Арсений и архиепископ Хутынский Алексий, управляющий Новгородской епархией.

"Известия ВЦИК" 19 августа 1927 года опубликовали обширное послание, известное как "Послание пастырям и пастве" патриаршего местоблюстителя и членов временного Синода. В документе повторялись основные мысли тихоновского воззвания и вновь заявлялось о лояльности Церкви к утвердившейся власти: "Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи". Мало кто тогда обратил внимание на лексический нюанс, которым очень дорожил будущий патриарх Московский и всея Руси Сергий. Радости, успехи и неудачи относятся вовсе не к Советскому Союзу, а к Родине, к Великороссии.

"Послание" также было встречено неоднозначно в церковных кругах. И по сей день различны его оценки. Очевидно, что Русская Православная Церковь десятилетней политикой системы диктатуры пролетариата была полностью сломлена. Вероятно, помыслами любой ценой спасти церковную организацию от полного уничтожения руководствовались патриарх Тихон и его преемники. Но вспомним, что еще современник Ивана III святой Иосиф Волоцкий призывал не покоряться, а сопротивляться властителю-"мучителю" и приводил в пример христианских апостолов и мучеников, принявших смерть от "нечестивых царей", но "повелению их не покоришася". Иную линию поведения предпочел будущий святой Тихон.

… Победители вынудили побежденных просить о пощаде. Но, победив, идеологически и политически продолжали считать Церковь силой контрреволюционной, антисоветской, которую нужно уничтожить окончательно. Предполагаемое стремление верхушки Церкви спасти ее от уничтожения не подтверждалось никакими позитивными сдвигами в карательной политике государства диктатуры пролетариата.

Не случайно в описываемые летние месяцы 1927 года уполномоченный Новгородского губернского отдела ОГПУ по Боровичскому уезду Шкулев корпел над "Меморандумом по агентурной переписке "Группировка Боровичского духовенства и купечества", старательно и убористо щелкая на машинке страницу за страницей. Остановимся на нем потому, что из всего изученного массива дел по истории органов госбезопасности нам известно лишь одно подобное – Великолукское, сфабрикованное сотрудниками особого

отдела 15-й армии в конце 1920 года[19]. Оба дела их вопиющей безграмотностью и голословностью, бездоказательностью и политической трескотней не сопоставимы даже с “делами” времен Большого террора, о которых речь впереди. Если в Великолукском деле, к сожалению, не нашлось сил, способных отмести абсурдное обвинение священника П. А. Чернозерского и других, и совершенно невинные люди были расстреляны, то Боровичское дело завершилось вполне благополучно.

Составленный “Меморандум” как руководство к действию Шкулев передал своему помощнику Петрову и в тот же день они провели аресты. В Борисправтруддом, как на советском новоязе именовалась городская тюрьма, были доставлены священники Михаил Петрович Ильинский, секретарь епископа Боровичского, Федор Иванович Покровский, Александр Александрович Секундов, Иван Петрович Державин, Иван Николаевич Доброхотов, а вместе с ними торговцы Михаил и Александр Фефелевы, Василий Талицкий, Анатолий Баранов, Николай Велькин. Подписки о невыезде отобрали у четырнадцати человек. 31 июля постановление о привлечении в качестве обвиняемого объявили под роспись епископу Никите, в миру Николаю Гавриловичу Стягову, бывшему до возведения в сан владыки протоиереем Софийского собора в Новгороде.

Через месяц Петров подготовил небывалое обвинительное заключение на семнадцати листах большого формата машинописью через один интервал. В основном он повторил то, что было “принятыми мерами установлено” его прямым начальником в “Меморандуме”. Обвинение Стягова: “Епископ Никита без Ильинского ни на шаг, для него Ильинский опора, знает всех священнослужителей уезда, а потому вместе с Никитой разъезжает по уезду, наставляя духовенство на гнусные дела, чтобы говорили в церквах проповеди, в коих прохватывали как нехристей изгнанников религии Православной – Советскую власть”. Ильинский: “перед своими прихожанами, преимущественно купечеством, старается вовсю, проклинает Советскую власть, приветствуя всякие восстания контрреволюции”. Братья Фефеловы: “о чем-то шушукались и причем когда кто-либо заходил в лавку из посетителей, то разговор у них сразу же прекращался” и вообще они “крайне враждебно настроены к соввласти”. Владелец мелочной лавки Василий Козин: “Не менее опасным является в Боровичах также крупный торговец Козин – в прошлом что-то жандармский офицер, из царской охраны, он также группируется с вышеуказанными торговцами и духовенством, будучи с ними идейно связан”. (Козин в свое время дослужился до фельдфебеля гвардейской конно-артиллерийской бригады в Санкт-Петербурге).

“Обвиняются в том, что: Все указанные, являясь в прошлом ярыми сторонниками и защитниками царизма, набивая себе путем обмана теми или иными способами, кто в церкви, кто в торговле, карманы, приобретали себе достояние, как-то: дома, шахты, заводы и т.д., которые Октябрьская Революция национализировала”. Последние события в мире – разрыв англо-советских отношений (из-за подрывной работы коминтерновской агентуры в

Великобритании), убийство полпреда Войкова на перроне Варшавского вокзала (в бытность комиссаром Екатеринбургского совета подписавшего приказ о расстреле царской семьи) – “вдохновили черносотенцев, начались поиски купчих на дома и бывшие владения в надежде, что вот-вот скоро война, падение соввласти, коммунистам придет крах и что они, реакционное купечество и духовенство, будут хозяевами”.

Автор обвинительного заключения сам понимал цену им написанной галиматьи и, “находя добытые следствием по сему делу материалы недостаточными” для открытого судебного процесса, предложил на основании приказа ОГПУ № 174, принятого в 1924 году, передать дело на рассмотрение внесудебного органа – Особого совещания при коллегии ОГПУ с заключением сидевших в тюрьме на 3 года в концлагеря каждого и ограниченных подпиской – высылкой на 3 года.

Резко отрицательный отзыв о поступившим в губернский отдел ОГПУ “деле” дали уполномоченный секретно-политического отдела Владимир Николаевич Викторов и начальник губотдела Николай Павлович Бесединский. В принятом ими заключении отмечалось, что никакой контрреволюционной организации в Боровичском уезде не установлено, виновность людей не доказана, поэтому содержавшихся под стражей следовало немедленно освободить, подписки о невыезде отменить, а само дело “за недоказанностью состава преступления производством прекратить и сдать в архив НГО ОГПУ”[20].

Отметим, что в первые послеоктябрьские годы партийные, советские, чекистские учреждения, как правило, контролировали работу низовых административных органов и могли воспрепятствовать вынесению несправедливых решений. В ходе развертывания Большого террора сталинская клика в первую очередь постаралась физически уничтожить именно таких людей, как-то способных противостоять набиравшему оборотu маховику репрессий.

ИОСИФЛЯНЕ

“Послание пастырям и пастве” вызвало новые расколы в Русской Православной Церкви. Формируется "катакомбная церковь", получившая название в память о катакомбах, римских подземных выработках, где совершали службы и погребали умерших братьев и сестер жестоко преследуемые первохристиане. "Катакомбники" порвали отношения с официальными церковными учреждениями, по их мнению, запятнавшими себя соглашением с противохристианской властью. В частных домах устраивали престолы с антиминсами и проводили службы, на которые допускались только хорошо известные лица. Возникли тайные монастыри и духовные школы для обучения детей. Епископы посвящали в сан священнослужителей.

С течением времени оказалось, что священники и миряне, принадлежавшие к "катакомбной церкви", во многом способствовали сохранению религиозно-нравственных ценностей православия. Власть же получила не надуманное, а

вполне реальное подполье, многие годы действовавшее в стране, несмотря ни на какие гонения. И если говорить о пассивном сопротивлении режиму сталинизма, то одной из его форм следует признать "катакомбную церковь", объединившую совсем не малое число сторонников.

…На следующий год после публикации "Послания" в Новгород вернулся из Соловецкого лагеря епископ Череповецкий Макарий, в миру Николай Михайлович Опоцкий. Он родился в Сольцах в ноябре 1872 года, последовательно закончил духовные училище, семинарию и академию, начинал священническое служение в церкви Иоанна Богослова села Велебицы на Шелони. В зрелом возрасте принял монашеский чин, в 1922 году был посвящен в епископы.

Епископ Макарий стал организатором церковного "Трудового братства". Его сторонники основали две общины, мужскую и женскую, в домах на Советской и Средней Конюшенной улицах. Утро начиналось с общей молитвы, вместе трапезничали, вечером вели духовные беседы и чтения, молились. Заработанные деньги вносили в общую кассу, кроме бытовых нужд, тратили их на материальную помощь репрессированному духовенству, ежемесячно высылали 25 рублей митрополиту Арсению. Члены "Трудового братства" вели трезвый образ жизни, не посещали клубы и читальни.

Общежительность объединила самых разных людей. Монахиня Екатерина Захаровна Земляницына, послушница Мария Панкратьевна Панкратова, мастерица Мария Федоровна Покровская, рабочие Василий Александрович Козлов, Иван Кириллович Пикин... К "Братству" примкнули священнослужители "антисергиевской ориентации" Алексей Алексеевич Успенский, Михаил Константинович Борисов и его сын Владимир Михайлович, Михаил Дмитриевич Твердынский, Павел Евгеньевич Беляев, Александр Николаевич Ваучский. Вместе посещали службы в церкви Флора и Лавра, где настоятелем был Алексей Успенский и зачастую служил епископ Макарий.

"Трудовое братство" существовало несколько лет, пока 20 апреля 1933 года не были арестованы все двадцать два человека. Не последнюю роль сыграл обновленец Валентин Иванович Соловский, "красный протоиерей" Знаменского собора, которого епископ Макарий неосторожно попытался переориентировать. Его очень обстоятельные свидетельские показания начинались заверением: "вполне разделяю требования партии ВКП(б) о социальном переустройстве человеческого общества во всемирном масштабе".

Руководители и члены организации обвинялись в том, что "проводили систематическую контрреволюционную деятельность, используя с этой целью не только молебные сборища в общежитии "Трудового братства" и амвон церквей, но и отдельные встречи, ведя свою контрреволюционную пропаганду о неизбежном конце Советской власти, о восторжествовании церкви и т. п." 19 мая решением Судебной тройки Твердынский, Успенский и Владимир Борисов были заключены в концлагерь в Кеми на 3 года каждый, Опоцкого выслали на

Север, Покровскую – в Казахстан, других – в иные города, восемь человек осудили условно[21].

Удалось проследить мученическую судьбу некоторых участников разгромленного "Трудового братства", освободившихся как раз в канун "Большого террора". Алексея Алексеевича Успенского арестовали в октябре 1937 года и расстреляли. Владимир Михайлович Борисов получил приход в селе Полново на Селигере, был арестован и в марте 1938 года расстрелян. Павла Евгеньевича Беляева расстреляли в январе того же года. В сентябре умер в Новгородской тюрьме во время следствия Александр Николаевич Ваучский. В 1937 году уничтожили Ивана Кирилловича Пикина, Петра Алексеевича Беляева, Василия Александровича Козлова, отправили в лагеря Софью Афанасьевну Никандрову и Екатерину Спиридоновну Горшкову.

К "катакомбникам" относились также иосифляне или иосифовцы, последователи митрополита Иосифа. Иван Семенович Петровых родился в декабре 1872 года в городе Устюжна Новгородской губернии, окончил семинарию в Антониеве монастыре, завершил образование в Московской духовной академии был пострижен в монашество ее ректором епископом Арсением. С поста архимандрита Юрьева монастыря был хиротонисан во епископы, длительное время находился викарием при Тихоне, возглавлял епархии, в том числе временно управлял и Новгородской. Назначенный на Ленинградскую кафедру, Иосиф не получил разрешения властей на приезд и проживал под надзором ОГПУ в Ростове Великом и Николо-Моденском монастыре под родной Устюжной, откуда был выслан в Казахстан, где и принял смерть. К концу 1927 года почти все ленинградское духовенство перестало признавать митрополита Сергия первоиерерхом, не поминало его имени за богослужением, за что сторонники Иосифа известны и как “непоминающие”, но сохранило подчинение Патриаршему местоблюстителю митрополиту Петру, пребывавшему в ссылке.

В начале 1932 года прошла волна закрытия храмов и аресты священнослужителей в Ленинграде. В марте выездная сессия Особого совещания при коллегии ОГПУ осудила многих из них к заключению в концлагеря на срок от трех до пяти лет по обвинению в принадлежности к "церковно-монархической организации "Александро-Невское братство".

Фактически "Братство по защите святынь Александро-Невской лавры" было создано в самом начале 1918 года в ответ на ультимативное требование наркома государственного призрения, видной большевички А. М. Коллонтай к настоятелю епископу Прокопию передать капиталы и дома лавры. "Аргументация" незаконного требования (имущество церковных и религиозных обществ было объявлено "народным достоянием" декретом Совнаркома спустя неделю) введением в лавру вооруженного отряда вызвала столкновение и жертвы. Официально "Братство" ликвидировали в 1922 году после арестов его руководителей и расстрела митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Василий Павлович Казанский).

Незадолго до этой волны репрессий тройка Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе осудила к ссылке в Северный край архимандрита Александро-Невской лавры Алексея Федоровича Терешихина. (Монашеское имя в следственном деле не названо; в аналогичных делах монашеские имена фигурируют как мирские или наоборот). Уроженец Печор Псковской губернии, славных старинным монастырем, оплотом православия на Северо-Западе России, Терешихин с детства впитал религиозный дух и совсем молодым принял постриг. Без малого четыре десятка лет провел он в лаврском служении, в конце концов приняв под управление жалкие останцы некогда крупнейшей столичной обители.

После отбытия ссылки, имея Ленинград в "минусе", Терешихин приехал в Новгород и поселился в пригородной деревне Колмово. Вскоре к нему приехала старшая сестра Матрена Федоровна Терешихина, псковская монахиня мать Серафима. В другой пригородной деревне, Новой Мельнице, поселилась схимонахиня Серафима Васильевна Голубева. К этим трем ломаным жизнью людям весьма почтенного возраста потянулись вернувшиеся из ссылок и обосновавшиеся в пригородных деревнях монахини. Анастасия Ивановна Кузнецова, или мать Мария, и Екатерина Федоровна Суворова, или мать Екатерина, приняли ангельский чин молодыми по возрасту в ярославском Вауловском Успенском женском монастыре и пребывали в нем до закрытия обители. В Новой Мельнице поселились Мария Гавриловна Гринь, или мать Феврония, бывали монахини Юлия (Пелагея Лаврухина), Иоанна и Алексия (сестры Мария и Михалина Губаревич), мать Антония. Они также приняли постриг еще молодыми.

Часто приходили Татьяна Николаевна Васильева, или мать Сергия, и Мария Александровна Трояновская, проживавшие по соседству в древнем Славенском конце Новгорода. Они родились в петербургских интеллигентных семьях, получили хорошее образование. Трояновская преподавала музыку в клубах и детских дошкольных учреждениях. Смерть единственной 16-летней дочери подкосила женщину. Утешение она нашла в вере, приняв в 1929 году тайный постриг и имя Миронея. И сразу испытала репрессии: решением тройки была заключена в концлагерь, отбыла срок и приехала в Ленинград, но сразу же была выслана и обосновалась в Новгороде.

Все они разделяли иосифлянские взгляды. Собирались на деревенских квартирах, вели неспешные беседы, молились. Общину посещали и не монахини – домохозяйка Анна Васильевна Михайлова и Анна Алексеевна Степанова, вернувшаяся из лагеря и работавшая в артеле "Швейник".

С последней и началось следственное дело №91102. В июле 1937 года председатель правления артели Е. Г. Паршина, закройщицы Т. А. Алексеева и М. А. Богданова сообщили сотруднику Новгородского горотдела НКВД В. Т. Леонтьеву о контрреволюционном поведении швеи Анны Степановой. По их доносам, стремясь помешать "нормальному ходу производства" и понизить производительность труда в артели, та высказывала нелицеприятное мнение о поступавших тканях и "подбивала рабочих требовать отличного качества

материала". Антисоветская деятельность Степановой выражалась и в том, что "когда прорабатывали Конституцию, она демонстративно молчала". Может, обратили внимание на информацию Татьяны Алексеевой, что Степанова свободное время "проводит совместно с церковниками"?

В сентябре сотрудник горотдела НКВД К. А. Андреев зафиксировал показания Г. Н. Мурашева и И. К. Лебедева о ведении Анастасией Кузнецовой разговоров в очередях "среди домохозяек и среди колхозниц" о нехватке товаров первой необходимости[22]. Остается строить предположения об основаниях для открытия следствия по группе иосифлян, так как в деле нет никаких следов оперативных разработок, показаний свидетелей и прочих предшествующих материалов.

Тем поразительнее выглядят "ударные темпы" фабрикации дела, которое принял оперуполномоченный младший лейтенант госбезопасности Сергеев с бригадой сотрудников оперсектора НКВД В. Никифоровым, А. П. Павловым, Сташеком, А. П. Козловым. 13 ноября 1937 года были арестованы архимандрит Терешихин и схимонахиня Голубева, а 22 ноября Сергеев представил обвинительное заключение! Считанные дни вместили аресты, обыски и заключение в тюрьму на Гзени десятерых обвиняемых, один, максимум два допроса каждого, пару очных ставок и написание обвинения.

На следующий день после ареста Голубева дала признательные показания: "Я признаю, что действительно являлась руководительницей антисоветской нелегальной секты последователей епископа Иосифа (иосифлян), существующей на территории города Новгорода и Новгородского района". После приезда в Новгород, пояснила она, выявила единомышленников "и провела организационную работу по оформлению их в секту иосифлян". Обращает внимание стандартно-канцелярский стиль показаний, несовместимый с лексикой 73-летней схимонахини, характеристика совместных молитв и бесед как "антисоветские сборища", на которых собравшиеся клеветали на "соввласть и правительство" и восхваляли жизнь при царизме.

Архимандрита Терешихина выдерживали в камере пять дней. Ограничились этой мерой или нет, сказать трудно, однако на первом же допросе на первый же вопрос Сергеева: "Следствию известно о том, что вы являетесь организатором нелегальной религиозной секты "Иосифлян" последователя митрополита Ленинградского Иосифа. Подтверждаете ли вы это?", – последовал исчерпывающий ответ: "Да, я это подтверждаю о том, что являюсь организатором нелегальной религиозной секты "Иосифлян", т.е. последователя Ленинградского митрополита Иосифа". Подтвердил даже стилистическую несуразность "последователя". За два допроса Терешихин назвал членов "секты" и указал на их недовольство "соввластью" и преследованиями духовенства.

Сергеев подавлял малейшие попытки сопротивления. Из протокола допроса 71-летней Матрены Федоровны Терешихиной:

Вопрос. С какого времени вы состоите членом нелегальной религиозной антисоветской секты "Иосифляне" последователя Ленинградского митрополита Иосифа?

Ответ. В антисоветской секте я не состою.

Вопрос. Вы говорите неправду. Следствию известно о том, что вы состоите членом нелегальной религиозной секты, возглавляемой вашим братом архимандритом Алексеем и схимонахиней Голубевой Серафимой. Подтверждаете ли вы это?

Ответ. Да, членом религиозной секты я состою, которую возглавляет мой брат Терешихин Алексей[23].

Какие "увещевания" старухи применил Сергеев между двумя вопросами, Бог весть.

Арестованные подтвердили свою враждебную деятельность показаниями, полностью вошедшими в обвинительное заключение. Да, "на антисоветских сборищах членов секты обсуждались контрреволюционные вопросы" о непризнании советской власти как "власти антихриста", о проведении агитации против коммунистов, выдвинутых кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР (на состоявшихся в декабре 1937 года выборах депутатами от районов Новгородчины были избраны член ВКП(б), известный в предвоенные годы летчик И. И. Кобец и беспартийный писатель А. Н. Толстой), о вине советского правительства в гонениях на религию и духовенство, о восхвалении дореволюционной жизни в стране.

Однако несломленными оказались Мария Трояновская, Анна Степанова и Анна Михайлова. Они категорически отрицали обвинения в распространении религиозной литературы и враждебных слухов в очередях и среди приезжих колхозниц на рынке, в вербовке новых членов в организацию. Поэтому в последний день следствия, 21 ноября, неожиданно появилось новое действующее лицо - свидетель обвинения Екатерина Щеглова, делопроизводитель городской амбулатории, знавшая на удивление много. Щеглова сообщила следствию, что схимонахиня Серафима (Голубева) "являлась руководительницей среди монашек гор. Новгорода и района в деревнях", что на ее квартире "устраивались нелегальные сборища религиозной секты "Иосифлян", указала участниц и их монашеские имена. Четко изложила высказанные иосифлянами "контрреволюционные взгляды" на антихристианскую сущность советской власти, которая закрыла церкви, ссылает людей, обрекла на страдание духовенство и монашествующих. Не менее точно изложила обсуждавшиеся планы "идти в народ", на рынках и в очередях разъяснять людям сатанинскую суть власти, призывать их на предстоящих первых всеобщих выборах в Верховный Совет СССР не

голосовать за коммунистов. Утверждала, что монахини "ходят по разным местам и высказывают недовольство против соввласти"[24].

Следователя не смутило, что Щеглова никогда не бывала у Голубевой и имела шапочное знакомство с Анной Михайловой, причем, по ее же словам, "при моем посещении квартиры Михайловой других лиц никого не было". Неудивителен провал очной ставки Щегловой с Михайловой, но "обличительные показания" такого сомнительного правового качества оперуполномоченный Сергеев не колеблясь положил в основу обвинения. Щеглова, скорее всего, относилась к разряду так называемых "штатных свидетелей", которые сочиняли доносы на указываемых им лиц, подписывали загодя составленные протоколы опросов и очных ставок. Применявшийся метод типичен для практики ежовщины.

Обвинительное заключение, утвержденное начальником Новгородского оперсектора НКВД капитаном госбезопасности В. Н. Глушаниным, было направлено в особую тройку, которая своим решением от 10 декабря 1937 года приговорила руководителей организации иосифлян архимандрита Терешихина, схимонахиню Голубеву и монахиню Терешихину к высшей мере наказания, а рядовым членам отмерила по 10 лет заключения[25]. Умирать брата и сестру Терешихиных повезли мимо их колмовского дома, в котором они надеялись провести остаток дней своих. Продержав более года в Крестах, женщин направили в разные лагеря, где большинство приняли мученическую смерть.

Но и лагеря не сломили сильных духом. После назначения наркомом внутренних дел Л. П. Берии начался пересмотр дел, не опирающихся на достаточно весомую документальную базу, и известная часть осужденных обрела свободу. В апреле 1939 года муж Анны Михайловой Анатолий Никитич приехал из Новгорода в Москву и лично подал заявление о пересмотре дела жены дежурному секретарю наркома в приемной на Кузнецком мосту. С такой же просьбой обратилась к наркому сама Анна Васильевна, находившаяся в Медвежьегорском лагере в Карелии. Пришла жалоба и от Марии Трояновской из Сазлага под Ташкентом.

Выполняя приказ наркомата, в марте 1940 года следователь Новгородского горотдела НКВД сержант госбезопасности А. А. Заводников допросил около двух десятков свидетелей по делу, в том числе мать Трояновской Ольгу Романовну Головачевскую. Свидетели обвинения от своих показаний отказались. Т. Алексеева: "в протокол моего допроса записана следователем по его соображению, а я этот протокол только подписала". М. Богданова: "мне подсунули готовый протокол и я его подписала не читая".

Следователь пришел к заключению и с ним согласился начальник отдела лейтенант госбезопасности Патров, что в отношении Михайловой и Степановой антисоветская деятельность не установлена, поэтому решение тройки по ним предлагалось отменить и из-под стражи освободить; остальным лагерь заменить административной высылкой. О пересмотре дела в отношении расстрелянных речи не было. Но и с таким половинчатым документом не согласился следователь следственной части областного управления НКВД

младший лейтенант госбезопасности Жмур. По его мнению, проверка установила "принадлежность к монахиням" фигурантов дела, они "устраивали молебствия", на что имеются их личные показания и посему наказаны они "вполне обоснованно". Жмур предложил решение тройки "признать правильным", ходатайства Михайловой и ее мужа и Трояновской "оставить без удовлетворения". Так и сделали.

Женщины остались в лагерях не за конкретное и доказанное преступление против государства, а за факт "принадлежности к монахиням". Прецедент политики, направленной на физическое уничтожение лиц духовного звания.

Следы одной из лагерниц, Татьяны Николаевны Васильевой, обнаружились после окончания Великой Отечественной войны. Сактированная из лагеря по болезни, она проживала в городе Муроме. Прошла волна "посадок" бывших "церковников" по решению Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР. Человечность проявил помощник оперуполномоченного управления МГБ по Владимирской области лейтенант Пугин, составивший короткое заключение: "Учитывая недостаточность материалов, изобличающих Васильеву в проведении враждебной работы, преклонный возраст (65 лет) и болезненное состояние (миокардиосклероз, гипертония), меру репрессии в отношении Васильевой не применять".

И, наконец, уже весной 1956 года в Генеральную прокуратуру поступило заявление о пересмотре дела от Анны Алексеевны Степановой. В лагере в Горьковской области она полностью отбыла отмеренный тройкой срок и возвратилась на родину, в тихий город Лугу. Прокуратура потребовала проверки дела "иосифлян", так как материалы следствия вызвали вполне обоснованные сомнения. В управлении КГБ по Новгородской области проверку осуществили начальник следственного отделения майор Андрюхин, его заместитель капитан Л. Н. Подобин, следователь старший лейтенант А. В. Кузнеченков и старший оперуполномоченный майор П. И. Бочаров. Были тщательно изучены материалы следственного дела №91102. Около двух десятков свидетелей, ранее хорошо знавшие осужденных, показали, что об их антисоветской деятельности им ничего не известно.

В итоговом документе было зафиксировано очевидное: показания репрессированных по делу "иосифлян" несли общий смысл, "не установлено, кто конкретно, где, когда и какие допускал высказывания антисоветского характера", "не установлено в ходе допросов, где, когда, в присутствии кого и кто из членов секты... среди населения высказывал антисоветские измышления".

Далее дело пошло по накатанному пути. На основании заключения управления КГБ областная прокуратура внесла протест в президиум областного суда, а тот решение особой тройки отменил. Справку о реабилитации получила Анна Алексеевна Степанова[26] – единственная оставшаяся к тому времени в живых из уничтоженной группы катакомбников-иосифлян.

ГЛАВА VI. ЮРЬЕВ МОНАСТЫРЬ

В многовековой истории Юрьевской обители достаточно и славных , и скорбных страниц. Последние вобрали весь трагизм уничтожения известного очага православия.

ОБИТЕЛЬ

Длительный путь к отцову престолу прошел новгородский князь Ярослав, сын крестителя Руси великого киевского князя Владимира Святославича. Столкновение с отцом, ожесточенная борьба с братом Святополком Окаянным и его иноземными союзниками и, наконец, соединение под своей властью русских земель. Многими заботами помнится его долгое правление, и недаром назвали великого князя Ярослава Мудрым.

Нареченный при крещении Георгием (Юрием), укреплял он веру христианскую. Вознесся в Киеве Софийский собор, на крутом берегу Днепра был основан монастырь - знаменитая впоследствии Киево-Печерская лавра. Митрополитом стал Иларион, русский по происхождению. Возвращаясь из успешного похода на чудские племена, закрепив победу основанием города Юрьева, Ярослав, как гласит легенда, повелел заложить на высоком левом берегу Волхова храм во имя небесного покровителя святого Георгия Победоносца. Случилось это в 1030 году. Не от той ли ярославовой церковки и ведет свою родословную Юрьев монастырь?

Праправнук Ярослава Мудрого Всеволод Мстиславич, крещенный Гавриилом, в 1119 году при настоятеле Юрьева монастыря Кириаке повелел заложить каменный Георгиевский собор. Строительство велось только в теплое время года, с весны до осени. На тяжелых озерных соймах подвозили с южного берега Ильменя серый плитняк и красноватый ракушечник, в ямах гасили известь, обжигали тонкий и звонкий кирпич-плинфу. На мощном валунном основании, углубленном в толщу холма, постепенно росли стены трехнефного шестистолпного храма. Сложенные из плит с прослойками плинфы, залитые раствором цемянки – извести с кирпичной крошкой, ставили эти стены на века. Портал, полукружия окон, арки и своды выкладывали из плинфы. Положили широкие каменные ступени лестницы, ведшей на хоры. Свинцовыми листами покрыли три главы собора. Живописцы расписывали интерьер фресками. Краски, нанесенные на сырую штукатурку, надолго сохраняли свежесть и яркость.

Георгиевский собор был торжественно освящен 29 июня 1130 года при игумене Исайе. Торжественными пропилеями встали по оба берега Волхова, на знаменитом древнем торговом пути "из варяг в греки" Георгиевский собор и княжеской же постройки Благовещенский собор на Городище, обрамляя въезд в Великий Новгород с юга.

С течением времени обзавелся монастырь землями на Валдайской возвышенности и по берегам далеких северных рек, соляными варницами в Руссе и рыбными ловлями. Крупная обитель должна занимать соответствующее место,

и учреждается архимандрия. Первым настоятелем Юрьева монастыря в сане архимандрита стал Кирилл. Юрьевский архимандрит являлся благочинным новгородских монастырей, то есть возглавлял черное духовенство.

Пережил монастырь многие трагические страницы новгородской истории: был свидетелем присоединения Новгорода к Москве, разгрома города опричниками Ивана Грозного, пограбили обитель шведские захватчики в Смутное время. Но вновь и вновь возрождалось древнее братство.

С укреплением государственности укреплялся и Юрьев монастырь. В самом начале петровской эпохи поднимались в монастыре Георгиевский собор, каменные же церковь святителя Алексия митрополита Московского, надвратная церковь Преображения Господня, колокольня и трапезная. Кельи, хозяйственные постройки и ограда были деревянными. Внутри и за оградой цвели сады, славились в Новгороде юрьевские яблоки и вишни. Государство заботилось о благосостоянии монастыря, но оно же и нанесло самый тяжкий удар. После секуляризации церковного землевладения при Екатерине Великой монастырские крестьяне были переведены в разряд государственных. В компенсацию правительство учредило содержание обителей от казны по утвержденным штатам.

Юрьев стал монастырем I класса. Заметим, что во всей империи были учреждены двадцать первоклассных монастырей, четыре из них в Новгородской епархии – Валдайский Иверский Святоозерский Богородичный, Кириллов Белозерский, Варлаамо-Хутынский Спасо-Преображенский и Юрьев. Из упраздненного Благовещенского монастыря перенесли мощи чудотворца святителя Феоктиста, архиепископа Новгородского и Псковского, и положили почивать под спудом в Георгиевском соборе. В начале XIX века цветущую некогда обитель коснулись упадок и запустение. Не хватало средств для поддержания монастырского комплекса и пропитания монашествующих и богомольцев. В пожаре погибли церковь и братский корпус с больницей. Возродить Юрьев монастырь и приумножить его былую многовековую славу суждено было архимандриту Фотию.

УСТРОИТЕЛИ

Личности и отношения архимандрита Фотия и графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской, их совместные труды по возрождению Юрьева монастыря чуть ли не изначально привлекали внимание, вызвали достаточно много книг и статей с оценками от апологетических до умеренно-критических[1]. Попытаемся по опубликованным и архивным источникам по возможности объективно оценить жизнь двух выдающихся людей.

Будущий устроитель и настоятель Юрьева монастыря родился 7 июля 1792 года в семье дьячка церкви Преображения Господня Спасского погоста, затерянного среди глухих лесов и непроходимых тесовских болот Новгородского уезда, Никиты Федорова и жены его Евфимии и был наречен в крещении Петром. Жизнь его была предрешена традицией следования

сыновьями служителей Церкви по пути отцов. Быстро прошло беззаботное деревенское детство, и в Рождественский пост, по первопутку, отвезли одиннадцатилетнего мальчика в Новгородскую духовную семинарию.

Старинный Антониев монастырь как будто уравновешивал Юрьев, поднимаясь на правом берегу Волхова, ниже от города по течению. В октябре 1740 года а нем была открыта семинария и первым ректором стал юрьевский архимандрит Маркел. Ко времени поступления в семинарию Петра, получившего по месту рождения фамилию Спасский, это учебное заведение вполне сложилось. Семинаристы жили в специально построенных зданиях. Распорядок дня был расписан до мелочей. Еда была простой, однако сытной, дети бедного сельского духовенства такую пищу дома не всегда и видели.

Занятия вели опытные преподаватели. Семинаристы учили священное писание, церковную историю, упражнялись в гомилетике и литургике (искусстве проповеди и богослужения), учили русскую словесность и историю, математику, естествознание, основы философии, логики и медицины, а также греческий, латинский, французский и немецкий языки; работали архитектурный, рисовальный и певческий классы. Семинария, таким образом, давала серьезные общие и специальные знания, и неудивительны среди ее выпускников будущие известные имена.

Наиболее способным открывалась дорога в Санкт-Петербургскую духовную академию. В августе 1814 года выпускник семинарии Петр Спасский был зачислен ее слушателем. От рождения он не отличался крепким здоровьем, нужным для усиленных каждодневных занятий. Не окончив академического курса, Спасский по рекомендации ректора академии архимандрита Иннокентия, заметившего и оценившего набожность своего воспитанника, стал преподавателем духовного училища при Александро-Невской лавре. К этому времени относятся его смелые выступления за чистоту православной веры, против мистицизма, протестантизма и масонства.

Поясним суть чрезвычайно злободневной в то время проблемы. На спиритических сеансах медиумы пытались вызвать души великих людей. В ложах идейно вызревали будущие декабристы. Состоялось учредительное заседание Британского Библейского общества в доме министра духовных дел и народного просвещения князя Александра Николаевича Голицына. Цель была, на первый взгляд, благородной: издание, распространение и пропаганда Библии и других христианских трудов. Однако некоторые трактовки носили явно западнический облик и наиболее ортодоксальная часть православного духовенства не без оснований увидела в них попытки в завуалированной форме распространять идеи протестантизма.

Выступления безвестного законоучителя за чистоту православной веры не остались втуне. По предложению митрополита Амвросия и нового ректора академии архимандрита Филарета он принимает постиг.

… У солеи Троицкого собора Александро-Невской лавры собрались монахи с горящими свечами в руках. Поодаль одиноко стоял босой человек в

грубом подряснике. Начался обряд, и человек смиренно приблизился к царским вратам и трижды припал к ногам архимандрита Филарета.

– Что пришел ты, брате, припадая святой дружине сей? – вопросил архимандрит.

– Желая жития постнического, – ответствовал постригаемый.

Вопросы о твердости намерения стать иноком и блюсти обеты нестяжания, целомудрия и послушания. Такие же канонические утвердительные ответы. На аналое лежит Евангелие и ножницы. Филарет трижды указывает на ножницы и постригаемый трижды подает их. Но дважды они звонко падают на мраморный пол храма. Если не тверд в вере, есть возможность отказаться от пострига. На третий раз следует последнее предупреждение: даешь обет самому Христу, пострижение приемлешь святое и нерушимое. Крестообразно постригает волосы посвящаемому. Монахи помогают облачиться в новые одежды. Сперва надевают парамант, перевязь через плечи с крестом на спине, затем подрясник и широкую мантию, закрывающую всю фигуру, перепоясывают широким кожаным поясом. На голову возлагают клобук, разделяющийся сзади на три воскрылия. Обряд сопровождается тихим возглашением братии: “Господи, помилуй!”.

Так 16 февраля 1817 года навсегда расстался с мирской суетой двадцатичетырехлетний Петр Никитич Спасский. Воинство Христово пополнилось чернецом Фотием. Монашество открыло путь к духовной карьере, вскоре Фотий стал иеромонахом лавры.

Проповеди Фотия, полные сурового аскетизма и непримиримости к нарушающим чин православия, крайняя воздержанность в образе жизни обращали общее внимание. Его глубокая и беззаветная преданность вере, несокрушимая энергия, сила духа и характера, умение словом и примером убеждать людей, качества упорного и горячего борца внушали уважение. В ходе борьбы положительные качества натуры Фотия нередко переходили в противоположность: фанатизм, заносчивость, лицемерие, холодную суровость.

Два года искала его благорасположения графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, богатая наследница колоссального состояния легендарного Алексея Григорьевича Орлова, в числе других гвардейцев способствовавшего возведению на престол Екатерины II. Алексей получил графское достоинство и, не быв ни дня офицером, из сержантов прыгнул в генерал-майоры. Но истинную национальную славу Орлову принесли его действия как командующего объединением эскадр российского флота в Средиземном море в ходе русско-турецкой войны. Флот противника был сожжен в Чесменской бухте. В честь победы выбили медаль; на лицевой ее стороне изображен “победитель и истребитель турецкаго флота” А. Г. Орлов, на оборотной помещен план сражения. Граф получил почетное добавление к фамилии – Чесменский.

Менялось время, пришло успокоение. Алексей Григорьевич поселился в Москве, вступил в брак с Авдотьей Николаевной из старинной фамилии Лопухиных, и 2 мая 1875 года у супругов родилась дочь Анна. Через год на

семью обрушилось несчастье. При родах второго ребенка умерла Авдотья Николаевна, младенец Иван прожил только год. Граф Орлов сосредоточился на воспитании дочери. Происхождение определило ее жизнь. Семи лет она была пожалована во фрейлины императорского двора. Далее предполагался брак с отпрыском аристократического семейства и устойчивое положение в высшем обществе. После смерти отца графиня Анна оказалась единственной наследницей огромного состояния. Только недвижимое имущество оценивалось в астрономическую сумму 45 миллионов рублей, бриллианты и драгоценности - в 20 миллионов.

Отличаясь необычной набожностью, Анна искала успокоения в молитвах и беседах со старцами. Посетила Иннокентия, ставшего епископом, просила указать ей наставника в духовной жизни. Тогда впервые для нее прозвучало имя Фотия. Графиня переселилась в столицу. Но не возникло духовного контакта: замкнутый и аскетичный чернец, воспитанный в бедной семье и строгой семинарии, ясно видел пропасть, отделявшую его от знатной и богатой светской дамы. На графиню же Фотий произвел неизгладимое впечатление. Анна вспоминала: “Он возбудил во мне внимание тою смелостию, тою неустрошимостию, с какими он, будучи молодым монахом, стал обличать господствовавшие заблуждения в вере. Все были против него, начиная с двора. Он не побоялся этого. Я убедилась, что он лично для себя ничего не искал”. Настойчивость победила. Анна получила согласие Фотия исповедаться только ему, стала его духовной дщерью. Несомненно, что сближение с графиней придало чернецу силы и вес в обществе, которые не могли бы обеспечить его личные качества.

Противная сторона постаралась удалить неистового черноризца из столицы. Летом 1820 года Фотия посвятили в сан игумена и назначили настоятелем запущенного третьеклассного Деревяницкого Воскресенского монастыря близ Новгорода. Верный обету беспрекословного послушания, Фотий выехал в город своей юности. "Удален я по влиянию тайных обществ и явных врагов веры и церкви от града шумнаго", – с горечью писал он Анне. Но Фотий уже не был так одинок. На деньги, пожертвованные графиней и некоторыми вельможами, артель каменных дел мастеров за один строительный сезон обновила обитель. Фотия возвели в сан архимандрита и перевели настоятелем Сковородского Михаило-Архангельского монастыря на Моисеевских речках, напротив Юрьева. Помощь из Петербурга оказалась кстати: обитель стали быстро восстанавливать.

Труды не остались без награды. Император пожаловал ему золотой наперсный крест, украшенный алмазами, состоялась представление монаха государю, а в августе 1822 года “за примерное поведение и исправление двух монастырей” тридцатилетнего архимандрита перевели настоятелем первоклассного Юрьева монастыря. Принять в управление столь знаменитую обитель в столь запущенном виде, возвеличить и украсить ее было подвигом не малым.

Только на интенсивное каменное строительство, задуманное Фотием, графиня пожертвовала самое малое 700 тысяч рублей. Восстановим краткую хронику созидания с 1823 года по 1831. На месте сгоревшей церкви воздвигли пятиглавый собор во имя Всемилостивого Спаса Нерукотворного Его Образа с придельными церквами во имя праведной Анны и во имя священномучеников Фотия и Аникиты. Освятили пятиглавую церковь в честь Воздвижения Креста Господня, церкви Божией Матери Неопалимая Купина и во имя Архистратига Михаила, примкнули к ним митрополичьи покои и больничные кельи. Завершили строительство ограды с башнями, братский, названный Орловским, набережный и северный корпуса с кельями наместника, казначея и ризничего.

На древнем Георгиевском соборе строители стянули железными стропилами стены и своды, перекрыли крышу. Не обошлось без серьезных издержек. Настоятель стремился придать храму благолепие и пышность столичных соборов. При поновлении сбили уникальные росписи семисотлетней давности и вместо них написали новые, яркие изображения святых, увы, имевшие малую художественную ценность. И те существовали недолго. В начале нынешнего века богомазы сафоновской артели заменили и эту роспись штампованными изображениями клеевыми красками на золотом фоне; они и дошли до наших дней. Новый чугунный пол подняли выше прежнего уровня. Появились пристройки. С северной стороны воздвигли придел святителя Феоктиста, соединили его с собором двумя внутренними арками. С южной стороны появилась ризница, а с западной – паперть с колоннами и портиком. Новоделы исказили пропорции и облик древнего храма.

Артель строителей вела работы в Перынском скиту. Окружили территорию каменной оградой, воздвигли братские кельи с трапезной, отремонтировали старинную церковь Рождества Богородицы. На холме посадили молодые сосенки. Они стали могучими деревьями и по сей день бронзовеют их стволы, изогнутые ильменским шелонником.

Фотий возобновил старую монастырскую садовую традицию. Разбили сады с яблонями трех десятков сортов, вишнями, грушами, сливами. Кедры и каштаны, плодовые кусты и цветники обрамляли аллеи и дорожки. Словом, в течение считанных лет архимандрит Фотий привел Юрьев монастырь в цветущее состояние.

Новым сооружениям должно было соответствовать пышное внутреннее убранство. В алтаре Георгиевского собора под бронзовой позлащенной сенью устраивают престол из цельного куска шлифованного мрамора, покрывают его серебряным окладом весом более шести пудов. Пятиярусный резной иконостас, сплошь украшенный вызолоченными колоннами и капителями, вздымался ввысь на десять саженей. Сияли позолотой бронзовые Царские врата. Со временем иконы местного ряда были одеты в серебряные позолоченные ризы, украшены бриллиантами и драгоценными камнями. Выделялся образок Знамения Божией Матери на крупном изумруде, оправленный в золото с тринадцатью бриллиантами. Образок этот был преподнесен графиней великой княжне Александре Николаевне в день ее бракосочетания, но по кончине

возвращен Орловой; она возложила образок Знамения на местную чтимую икону. Престол в алтаре Спасского собора покрыла трехпудовая серебряная одежда, взметнулся богатый двухярусный иконостас.

Вести о необычайно быстром возобновлении старинной новгородской обители стремительно разлетались по России. Каждый из высокопоставленных лиц, бывая в Новгороде, считал своим долгом посетить Юрьево и выразить восхищение его настоятелю. Толпы богомольцев стекались на монастырские службы. Особенно много люду собиралось на Воздвижение. В этот сентябрьский день к юрьевскому берегу причаливали лодки с крестьянами ближних и дальних волховских и ильменских поселений, на бричках и пешком прибывали новгородцы. Фотий учредил в день праздника крестный ход вокруг обители и полную всенощную службу в просторном Крестовоздвиженском храме при торжественном пении хора, и раздачу медных, серебряных и кипарисовых нательных крестиков.

Отличительной чертой всех трудов архимандрита Фотия явилось устремление возвышать и укреплять православие. Монастырь он устраивал по старым заветам чина иночества, общежительные начала которой закрепил "Устав Новгородского первоклассного Юрьева монастыря", написанный Фотием и прекрасно изданный в Синодальной типографии. Остановимся чуть подробнее на описании повседневной монашеской жизни.

Вступить в общину мог человек совершеннолетний, с видом на жительство, вдовый или вне брака, свободный от личных и гражданских обязательств. Послушника “до усмотрения его свойств и поведения” поручали для наставления монаху-старцу. Не менее трех лет послушник подвергался испытаниям на готовность к иноческому подвижничеству. С соблюдением всех канонов он проходил обряд пострижения. Никаких пожертвований в монастырскую казну до истечения послушничества на допускалось.

Без разрешения настоятеля монахам запрещалось выходить за монастырские ворота и приходить в кельи друг к другу; допускались прогулки в саду и внутри стен обители в дневное время. С мирянами следовало вести разговоры осторожные и благоприличные, внушать полезное о разуме духовном. Для обязательного келейного чтения наедине и для размышлений предназначались книги о подвигах иноческих, сочинения Отцов Церкви, “а наипаче слово Божие”. Читать следовало неспешно, без пропусков, с вниманием и рассуждением, разрешать недоумения у духовного отца или настоятеля, но никак не оставлять без внимания. Книги следовало хранить в чистоте и опрятности, не делать пометок на полях, оберегать их от сырости.

Общежительные правила требовали общей трапезы и одинаковой пищи, запрещалось держать еду в келье. Строго соблюдался выбор простых блюд в зависимости от традиции. В известные праздничные дни не возбранялось и монахам выпить братскую чарку вина, но Фотий ввел правило: в обители вина не употреблять. Впрочем, как водится, было исключение. Казначей мог его выдать “в пристойное время, помалу, по подобию лекарства” или по исполнению послушаний на тяжелых работах.

Одежду предписывалось носить только черную (“ибо черными одеждами означается житие имеющих печаль по Богу, истинно кающихся, стенающих и плачащих о прогневении Бога грехами своими”). Устав регламентировал правила поклонов в будние и праздничные дни, для чтецов Псалтири днем и ночью, приготовления и причащения Святых Таин. Церковная служба велась по особенному чину, усвоенному только в Юрьево; стройное и совершенное древнее столповое пение можно было услышать только здесь.

Фотий правил монастырем твердой рукой. Вредные наклонности и мелкие прегрешения исправлялись наставлениями. Если они не помогали, следовал выговор от настоятеля наедине или в присутствии духовника, выговор при братии, определение числа поклонов в церкви и келье и, наконец, возворение в “смиренную” на хлеб и квас с направлением только на черные работы. Неисправимые, после многократных увещаний и наказаний, исключались из монастыря.

Вовсе не сытой и беззаботной была жизнь юрьевских насельников, но наполненная трудами, молитвами, послушанием и воздержанием. Самым же ревностным исполнителем начертанных в уставе правил был сам архимандрит. Фотий служил ежедневно, смирял себя постом и трудами, почти не тратил денег лично на себя, однако дорожил внешними атрибутами иерархического почета. На службы он выходил в ризах, шитых золотыми и серебряными нитями, с гордостью носил драгоценные наперсный крест и панагию, пожалованные императором, тщательно соблюдал издревле установленные для юрьевских архимандритов отличия в церковнослужении, положенные исключительно владыкам.

Кто доставлял хлопот, так это крестьяне Юрьевской слободы. Фотий писал Анне: “Я и вся братия зело желаем, чтобы оная была отдалена от монастыря или в ближайшия деревни расселена”, и объяснял свои претензии: “пляски, песни, игрища деревенския у крестьян так велики бывают, что в церкви слышны во время службы не только песни и игры, но нередко и деревенские крики”. Вопрос об удалении слободы от стен монастыря был возбужден в высших сферах, но дело затягивалось. В феврале 1831 года крестьяне учинили форменное буйство и побили камнями стекла в кельях. Выходка послужила поселянам худую службу – последовало распоряжение отдалить слободу на четверть версты. На “нейтральной полосе” монахи разбили огород.

Графиня Анна Орлова-Чесменская обязательно присутствовала на всех монастырских праздниках, проводила в обители все посты и, наконец, в 1829 году купила имение в полуверсте от монастыря, на всхолмлении у Мячинского озера. Всего за два летних сезона отряд военных поселян сделал насыпь через озеро, спрямив дорогу к Новгороду. В удалении от света, под надзором духовного отца надеялась она обрести покой. Ежедневные долгие дневные и ночные монастырские службы, молитвы дома, строжайшие ограничения составляли суть ее жизни в течение двух десятков лет. И все более щедрые пожертвования на строительство и украшение Юрьева монастыря отпускала ее дарящая рука.

Как истинный инок, Фотий рассматривал пребывание на грешной земле временным и готовился к жизни вечной. В подвалах Спасского собора он устроил церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы наподобие катакомб первохристиан. Дверца в южной стене вела в тесный склеп-печору, где Фотий приготовил себе место вечного успокоения. Строгий образ жизни при болезненном и слабом от рождения организме стали причиной полного истощения; Фотий слег и больше уже не вставал. Готовился принять схиму, но не успел. В ночь на 26 февраля 1838 года он преставился, прожив на свете всего сорок пять лет. В Георгиевском соборе отпевал епископ Феодосий в присутствии всего новгородского духовенства и при небывалом стечении народа. Гроб с телом обнесли вокруг Юрьева монастыря, детища Фотия, которому он посвятил почти шестнадцать лет жизни. “Своим особенным умом, благочестием, милосердием и подвигами иноческими, он стяжал себе высокое уважение от всех, знавших его жизнь”, - так оценил архимандрит Макарий житие созидателя. В подземной церкви гроб поставили в пещеру. На белую раку легла мраморная крышка. В части настоятельского корпуса устроили церковь во имя Всех Святых, где каждую субботу совершалась литургия за упокой души архимандрита Юрьева монастыря Фотия.

Его преемником на посту управителя стал архимандрит Мануил, как и Фотий, новгородец по рождению, с Ефремовского погоста в Старорусском уезде, и тоже дьячков сын, в миру Родион Соловьев. Как монах, он вырос в Юрьеве монастыре, впитал идеи Фотия и проводил курс наставника без малого два десятка лет. Мануил продолжил каменное строительство.

Наиболее значительным сооружением стала колокольня, заложенная через полгода после смерти Фотия по проекту знаменитого архитектора Карла Росси. Для воздвижения 25-саженного гиганта понадобились три года. Развески уже десять лет ждали шестнадцать колоколов, отлитых по монастырскому заказу на заводе Николая Самгина в Москве. В их именах запечатлились люди, связанные с историей обители, и ее небесные покровители. Перечислим их по убыванию веса от 523 пудов до 22 фунтов: "Георгий", "Архангел Гавриил", "Граф Алексей, Евдокия и Анна", "Великий князь Ярослав", "Великий князь Всеволод", "Великий князь Мстислав", "Святой Феоктист архиепископ", “Игумен Кириак”, "Игумен Исайя", "Апостол Кифа", "Мученик Мануил", "Мученик Эспер", "Уриил", "Святой Алексий", "Преподобный Исихий", "Илиодор".

Тщанием иеромонаха Нафана в Юрьеве было организовано свое колоколитейное производство. Самые крупные, по традиции, получили имена. Колокол "Неопалимая Купина" весом 2100 пудов (более 33 тонн) был отлит при монастыре весной 1838 года с пространной надписью. Вверху: "Во славу Святыя Единосущныя Животворящия и Нераздельныя Троицы Отца и Сына и Святого Духа в похвалу Преблагословенныя Славныя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех Святых в лето от сотворения мира 7345, а от Рождества Иисуса Христа 1838 месяца марта 9 дня в Царство благочестивейшего Великого Государя императора Николая I всея России при Серафиме митрополите Новгородском и Санкт-Петербургском". На середине:

"При настоятеле обители священноархимандрите Фотии иждивением духовной дщери девицы графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской в Юрьев Новоградский общежительный монастырь в бытность Мануила с братией старанием старца Нафана". Внизу: "Слит сей колокол через подрядчика валдайского купца Иоанна Герасимова Шаврина валдайским мастером Федотом Ивановичем Бибихиным с товарищами Алексеем Тимофеевичем Чистюниным, Иоанном и Матфеем Июдкиными. Весом 2100 пудов".

В июне те же мастера отлили колокол "Крест" весом 1140 пудов "в память почившаго в бозе преподобнаго отца священноархимандрита Фотия, бывшего настоятеля и возобновителя обители сея". (Приблизительное представление о размерах обоих гигантов можно получить при взгляде на самый крупный из сохранившихся Воскресный колокол у звонницы Софийского собора в Кремле весом 590 пудов, отлитый в 1839 году на Юрьевском заводе). Тогда же отлили "Николая Чудотворца" и "Святого пророка Нафана".

В нижнем ярусе колокольни подвесили пятнадцать церковных колоколов, в верхнем ярусе поместили семнадцать небольших часовых колоколов для курантов с циферблатом на самом верху. Часы отбивал 150-пудовый колокол "Святая праведная Анна", отлитый при монастыре в июле 1840 года. Юрьевские перезвоны, по свидетельству современников, отличались редкостной гармоничностью и силой. Нам не дано их слышать.

Авторы проекта реконструкции колоколов и звонов колокольни Юрьева монастыря С. А. Старостенков и А. Б. Никаноров предположили следующую развеску. В нижнем ярусе в центральном северном пролете висел главный праздничный колокол "Неопалимая Купина", западнее его – полиелейный "Георгий", восточнее – вседневный "Архангел Гавриил". На противоположной стороне соразмерно центр занимал воскресный колокол "Крест", а края – "Николай Чудотворец" и "Святой пророк Нафан". В западном пролете располагались восемь небольших колоколов, в восточном – один. Полный ансамбль звонарей во время исполнения Праздничного звона не мог быть менее девяти человек, четверо из которых звонили в “Неопалимую Купину” и “Крест”. В верхнем ярусе в центре южного пролета находился колокол "Святая праведная Анна", в западном – "Великий князь Ярослав", "Великий князь Всеволод" и "Великий князь Мстислав"[2].

...Медными, обработанными по специальной технологии, – "чрез огонь позлащенными" – листами обили три главы Георгиевского собора и все пять глав Спасского, позолоченными звездами украсили купола Крестовоздвиженской церкви.

Все это время графиня Орлова-Чесменская жила на мызе у Мячинского озера. Ее приверженность христианской вере стала всеобъемлющей. По-прежнему Юрьев монастырь питался ее богатыми дарами. Почитаемые иконы местных рядов монастырских храмов одели в тяжелые серебряные позолоченные ризы с драгоценными украшениями. Материальная ценность облачений храмовых икон Спаса Нерукотворного и Знамения Пресвятой

Богородицы, например, была так высока, что их решили хранить в особой сокровищнице, а в Спасском соборе, кроме праздничных дней, на иконы помещали менее ценные ризы. Башню Георгиевского собора стали использовать для хранения уникальных и значительных драгоценностей.

"Ризница Юрьева монастыря, – свидетельствовал известный знаток новгородских древностей архимандрит Макарий, – может равняться с первейшими ризницами Русских монастырей, не исключая и Лавр". Церковнослужебной утвари, оставшейся от прежних времен и поступившей от иных дарителей, было сравнительно немного. Графиня Орлова-Чесменская "в изобилии снабдила обитель всеми принадлежностями и потребностями Богослужения. Все священные сосуды и вещи и все святые облачения приобретены и устроены ея усердием и иждивением", – отметил Макарий в "Описании Новгородскаго общежительнаго Юрьева монастыря", изданного в Санкт-Петербурге в середине прошлого столетия.

В то время в монастырской ризнице в шкафах красного дерева хранились двадцать напрестольных Евангелий московской и киево-печерской печати XVII – XIX веков в серебряных позолоченных окладах с украшениями из эмали и драгоценных камней, пятнадцать напрестольных крестов, восемнадцать священнослужебных сосудов, пять серебряных ковчегов, а также митры, панагии, наперсные кресты, шитые золотыми и серебряными нитями облачения священников.

Жизненный путь графини между тем близился к последнему пределу. Словно предчувствуя кончину, Анна Алексеевна составила завещание. Для любимого ею Юрьева предназначался вклад в 300 тысяч рублей; вклады получили 340 мужских и женских обителей, все кафедральные соборы Российской империи, каждое епархиальное управление на вспомоществование вдовам и сиротам духовных лиц. Так распорядилась она денежными суммами, оставшимися после тридцатилетней благотворительной деятельности. “Продавайте имения ваши и делайте милостыню”, – этот завет Иисуса Христа графиня Анна выполнила. За свою живую веру, глубокое смирение, искреннее благочестие и неистощимую благотворительность она просила одной милости: приготовить ей место для вечного покоя в храме Похвалы Пресвятой Богородицы.

Благодетельница обители скончалась в Юрьеве 5 октября 1848 года на руках у врача, на 64-м году. В продолжении пяти дней панихиду по усопшей служили викарный епископ Леонид, архимандрит Мануил, иеромонахи и городское духовенство. После отпевания в Георгиевском соборе в присутствии множества народа и столичной знати гроб с телом перенесли в подземную церковь и поставили в склепе подле гробницы Фотия. Увы, покой их не был вечным…

Внешний облик Юрьева монастыря к концу сороковых годов прошлого века принял завершенный характер. Блиставшие на солнце купола соборов, белевшие стены построек на фоне зеленых полей и синих вод воспринимались как нечто необычное, сказочное, возвышающее душу и смягчающее сердце. Юрьев монастырь стал олицетворением Града Небесного, "Иерусалима

Нового", каким тот описан в Откровении святого Иоанна Богослова (Откр. 21; 10-27). Энергия и деловитость архимандрита Фотия и его преемника Мануила, подкрепленные несметными богатствами Анны Орловой-Чесменской, сотворили чудо на земле. Воссияла юрьевская обитель!

ПРОБНЫЙ ШАР

К переломному 1917 году в Юрьеве монастыре проживали 35 монашествующих и 7 послушников, владел монастырь 271 десятиной земли. В первый же день диктатуры пролетариата лишилась обитель права на эту землю, в том числе занятую знаменитыми садами. Следом перестал монастырь иметь права юридического лица, а вся недвижимость и движимость стала "народным достоянием". Но до этого добра не доходили руки принявших власть. Весной 1918 года глухое недовольство разрухой переросло в открытые выступления по всей стране. Всколыхнулась и Новгородчина. В апреле вспыхнуло крупное восстание в селе Медведь, а через четыре для после его подавления начались голодные волнения в Новгороде. Созданный чрезвычайный штаб объявил город на военном положении, запретил под угрозой расстрела "всякие сборища на улицах и площадях".

Власти обратили внимание на Юрьев монастырь, за высокими стенами которого, по их мнению, могли таиться вооруженные контрреволюционеры. О происшедших обысках свидетельствует выдержка из рапорта архимандрита Никодима митрополиту Арсению, писанного 13 апреля 1918 года:

> 10-го апреля во втором часу дня в монастырь внезапно приехал автомобиль с 8-мью вооруженными лицами во главе с матросом Брогулевским. Первым делом вооруженный отряд произвел обыск монастырской канцелярии, перерыл все книги и келью послушника Александра. Затем направился ко мне и предъявил бумагу от Совета, в которой было сказано, что по дошедшим до Совета сведениям о контрреволюционной деятельности монастыря, с целью которой в монастыре хранится оружие и склады провианта, а посему приказано произвести обыск. После сего мною было поручено отцу наместнику и братии дозволить обыск и всем присутствовать при нем. Обыск был произведен по всем помещениям, амбарам и подвалам и оружия нигде не было найдено. Какой-то донос или личное Совета желание - оказались клеветой. Вооруженные лица обыскали даже нижние подвалы монастыря и там ничего не нашли. Были и в Георгиевском притворе, но все оказалось напраслиной. У сторожа Ивана Игнатьева отобрали револьвер под расписку матроса

> Брогулевского, хотя Игнатьев носил оружие с разрешения для защиты обители от ночных воров.
>
> 12-го апреля рано поутру явился в монастырь вооруженный кавалерийский отряд Красной Армии в составе 50-ти сильно вооруженных людей с двумя пулеметами. Все входы ворот и помещения монашествующих были оцеплены вооруженными людьми. Монастырю была предъявлена бумага с обвинением в том, что монастырь в своих стенах скрывает БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ, а посему предписано произвести обыск. Произведенный обыск никаких БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ не обнаружил и донос на монастырь оказался клеветой. Отряд уехал из монастыря довольный"[3].

Год в обители продолжалась более или менее спокойная жизнь, вплоть до решения губернского съезда Советов в августе 1919 года о закрытии монастырей в Новгородской губернии. В следующем году Юрьев монастырь прекратил свое существование. Остались доживать в нем несколько престарелых монахов, кому идти некуда, священник проводил службы для прихожан Юрьевской слободы. Большая часть корпусов и построек была занята собесовским домом инвалидов, громадная библиотека поступила в ведение архивного отдела исполкома.

Но мало кто знал, что в северо-западной главе, венчающей башню Георгиевского собора, в самом надежном и труднодоступном месте, хранились ценности. Их собирали священнослужители Новгородской епархии в годы Первой мировой войны на нужды раненых и увечных воинов и беженцев из западных губерний. Из монастырей и церквей доставляли в Юрьево дорогую утварь, не использовавшуюся в богослужении, граждане новгородские сдавали серебряные сервизы, ювелирные изделия, золотые и серебряные монеты. Грянул семнадцатый год, и сокровища до лучших времен осели в тайнике Георгиевского собора. Часть из собранного поместили на хранение в уединенное помещение на полатях Софийского собора в Кремле. Никто и никогда не считал собранных ценностей. Знавшие оценивали их "на глазок" в круглую сумму до шести миллионов полновесных довоенных золотых рублей[4].

Власти действовали осторожно. Запустили несколько пробных шаров. Об этом мы рассказали в главе “Хлеб или золото”, сейчас речь пойдет только о древней обители на волховском берегу. Итак, в Новгородской губернии выбор пал на закрытый Юрьев монастырь. За три месяца до официального решения ВЦИК об изъятии церковных ценностей якобы на борьбу с голодом, в конце ноября 1921 года, через канал связи губернской ЧК председателю Новгородского губисполкома В. Р. Пакуну поступила шифрованная телеграмма, подписанная заместителем наркома финансов А. О. Альским, наркомом юстиции Д. И. Курским и заместителем председателя ВЧК И. С.

Уншлихтом: "Предлагаем образовать комиссию из представителей губфинотдела, губчека, губюста для изъятия, учета, сосредоточения в кладовых губфинотдела ценностей, находящихся на складах Юрьева монастыря. Учтенные ценности согласно циркуляра Наркомфина отправить под надежной охраной в Москву"[5].

Через несколько дней, 7 декабря, губернский военный комиссар Григорьев получил шифротелеграмму председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого:

> В силу возложенного на меня Совнаркомом поручения по сосредоточению ценностей, прошу ответить: первое: в чьем ведении находятся ценности, сосредоточенные в Юрьевском монастыре; второе: какова их приблизительная общая оценка по вашим сведениям; третье: на ком лежит ответственность за охрану; четвертое: в чем состоят преимущественно эти ценности (золото, серебро, драгоценные камни); пятое: сколько вагонов нужно для перевозки этих ценностей. В случае необходимости прошу принять меры по усилению охраны, необходимые указания будут даны по получению от вас ответа"[6].

Документ уникальный показателем секретности акции - в шифровальном отделе штаба РККА подлинник уничтожили. Обратите внимание и на то, что Троцкий за месяц до решения о его назначении ответственным за изъятие церковных ценностей, именует себя таковым. Еще раз отметим глубокую тайность начала "операции" по ограблению Русской Православной Церкви.

Руководители отдела народного образования Михаил Петрович Пятницкий и музея Николай григорьевич Порфиридов направили в губисполком отношение с просьбой включить музейного эксперта в состав комиссии по описи монастырских ценностей: “Ввиду общероссийского значения и широкой научной известности Юрьевской ризницы дело ее ликвидации получает особое значение, касающееся не одного только ведомства юстиции, но требующее участие представителей музейной власти и научной экспертизы. (Может, например, возникнуть вопрос о точном описании, зарисовке или фотографировании тех предметов, кои будут осуждены на переливку в металл)”[7].

В третий день января 1922 года президиум Новгородского губисполкома принял постановление об образовании комиссии по описи ценностей Юрьева монастыря: "На основании распоряжения тов.Троцкого, Наркомфина, Наркомюста и ВЧК для производства оценки, изъятия и учета сосредоточенных в Юрьевском монастыре ценностей на предмет передачи таковых в кладовые губфинотдела для отправки в Гохран, образовать комиссию под председательством предгубисполкома т. Пакуна из представителей от

губфинотдела, губчека, губюста и губмузея - т. Порфиридова. Предложить комиссии в срочном порядке приступить к производству означенной работы"[8].

Наивные провинциалы! Никакой комиссия не понадобилась. Москва обошлась своими силами. В три часа дня 10 января 1922 года в Юрьев монастырь явились Каузов (комендант печально знаменитого в годы Гражданской войны поезда Троцкого), сотрудник Государственного хранилища ценностей Борисов, чекист Поздняк из Московской ЧК в сопровождении вооруженной охраны. С ними приехали председатель губисполкома Пакун и заведующий отделом юстиции Куприянов. Каузов предъявил бывшему архимандриту Никодиму, ризничему иеромонаху Валентину и настоятелю приходского Спасского собора иеромонаху Сергию мандат “заместителя особоуполномоченного Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей от 3-го января за № 478”. На робкий вопрос иеромонаха: “Почему нет представителя от губмузея?”, – последовал жесткий ответ: “Ваше дело открыть собор”.

Заскрежетал замок, приоткрылись створки массивных дверей Георгиевского собора. Гулко отдавался топот сапог под сводами древнего храма. По широкой каменной лестнице поднялись на хоры и остановились перед низкой дверью, обитой железом. Куприянов внимательно осмотрел сургучные печати. Вошли в башню. Пришельцы начали сверять ценности с описью. Недолог зимний северный день. После четырех часов начало быстро синеть за окнами. Пришлось сверку прервать.

В полдень следующего дня в хранилище работали Каузов, Борисов, Поздняк и Куприянов. Архимандрит пригласил наблюдающими председателя церковного совета Георгия Тряпочкина, его заместителя Николая Никитина и церковного старосту Федора Тимошина.

Светилось старое серебро, искрились бриллианты, зеленью отливали изумруды, пламенели рубины. Исчезали в ящиках вызолоченные ризы с икон, золотые потиры, дискосы, звездицы, панагии, кресты, унизанные жемчугом митры, а вместе с ними столовое серебро и иная утварь... Архимандрит Никодим писал: “ризы с икон снимали, ломали руками, которые были не под силу сломать руками, то сминали человеческими ногами, как обыкновенный предмет. Верующие, видя сие гнусное дело и поступок русского человека, отворачивали свое лицо в обратную сторону, чтобы не видеть порушителей святынь”. Никаких фотографирований, зарисовок и описей.

Над актом не мудрствовали, писали просто:

Приняты следующие вещи:

1. Серебряная риза с образа Спаса Нерукотворного, украшенная разными драгоценными камнями. Камни по описи не проверялись. Пустых мест в гнездах для камней нет.

2. Серебряная риза с иконы Знамения Божией Матери, мерой 8 х 7 вершков, украшенная

разными драгоценными камнями. Камни по описи не просчитывались.

5. Золотая риза с иконы с 16-ю изображениями разных угодников, мерой три вершка, весу 28 золотников.

7. Золотой потир вышиной 6 3/4 вершков, украшенный драгоценными камнями.

8. Золотой дискос, украшенный драгоценными камнями.

9. Золотая звездица, украшенная драгоценными камнями.

10. Золотая лжица, украшенная бриллиантами и яхонтами.

26. Панагия золотая, украшенная бриллиантами и другими драгоценными камнями.

27. Панагия, украшенная топазами и бриллиантами.

30. Митра, унизанная жемчугом и украшенная бриллиантами и другими драгоценными камнями.

31. Крест золотой с алмазами и золотой цепочкой весом 20 золотников.

40. Крест из семи бразильских топазов, оправленных в золото, украшенный бриллиантами, с золотой цепочкой весом 31 золотник.

41. Крест золотой с такой же цепочкой, украшенный бриллиантами и другими драгоценными камнями. Весу в цепочке 80 золотников.

… Изъято разное столовое серебро и другие серебряные предметы домашнего обихода[9].

Под охраной солдат подводы потянулись в город.

На третий день, 12 января, наступила очередь самой ценной части собрания, что хранилась в Софийском соборе. В этот раз обошлись без священника, его "заменил" комиссар губчека Попов. Подписать акт изъятия пригласили соборного настоятеля отца Анатолия Никифоровского и заведующего музеем Н. Г. Порфиридова (см. очерк “Храмы”). В Софии добычей стали серебряные золоченые ризы с икон, украшенные бриллиантами и бесчисленными драгоценными камнями, кресты с алмазами, сапфирами и аметистами, панагии с бриллиантами. Камни сразу же выламывали из оправ и укладывали в сейфы. Вынесли сосуд для хранения богоявленской воды - большой серебряный кувшин, весивший более 37 килограмм, и чеканенный по заказу Анны Орловой-Чесменской. Значилась в акте и массивная серебряная суповая миска с гербом графов Орловых.

Под усиленной охраной два вагона с реквизированными сокровищами под печатью наркома по военным делам отбыли в Москву. Ценности, изначально предназначавшиеся для увечных и неимущих, попали в подвалы Гохрана. Пробные "операции" Троцкого и его команды оказались настолько "добычливыми" и результативными, что правительство решило всерьез заняться церковными ценностями.

ПОСЛУШНИК ИВАНОВ

В губернии началась интенсивная работа по подготовке изъятия ценностей в монастырях, соборах и церквах. Как водится, не обошлось без инициативных "помощников". Председатель губисполкома Пакун, он же председатель комиссии по изъятию церковных ценностей, получил 19 марта 1922 года письмо от заведующего комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б) губернского комитета партии (Истпарт) А. П. Иванова.

> Спешите в Юрьев монастырь для изъятия золота, серебра и прочих драгоценнстей в пользу голодающих, а то скоро туда испортится дорога и тогда будет тяжело Вам проехать.
>
> Там еще много осталось драгоценностей, совершенно не нужных для культа. Я уже на днях писал в газете (Большая статья "Несколько исторических документов" за анонимной подписью "Вопрошающий" опубликована в губернской газете "Звезда" 10 марта. - М.П.), что мраморные гробницы черносотенного архимандрита Фотия и графини Орловой покрыты серебряными досками в несколько пудов серебра, мраморные престолы также покрыты серебряными досками, в Георгиевском соборе стоит пустая серебряная рака-гробница, ибо тело Феоктиста похоронено в земле под спудом, а на его могиле и стоит эта рака как эмблема. На иконе Георгия в два аршина длины серебряная риза и многие драгоценное, что должно быть взято на нужды голодающих. Помните, что Георгиевский собор не взят верующими в свое пользование и является храмом совершенно свободным, из которого Вы можете все взять беспрекословно.
>
> Спешите, пока крестьяне относятся пассивно, а то кадеты и эсеры, пролезшие в коллективы верующих, ведут свою преступную агитацию и могут повредить делу.

Тщательно осмотрите Спасский собор и вообще все храмы и ризницы, где еще много серебра.

С коммунистическим приветом А. Иванов, заведующий бюро Истпарта Новгубкома.

Обратите внимание на Хутынский, Антониев, Духов, Десятинный, Зверин и Сковородский монастыри. Особенно Духов монастырь, где действует Боголюбова, дочь кадетского лидера местной партии.

А. Иванов[10].

Кто же этот историк коммунистической партии, он же знаток монастырских ценностей, юридических хитростей и политических нюансов? Имеющиеся сведения о нем точностью и определенностью не отличаются, поэтому остановимся на этой достаточно известной в послереволюционном Новгороде фигуре более подробно.

Александр Павлович Иванов родился в 1885 году в рабочей питерской семье, вскоре переехавшей в Ригу, где отец получил место на стекольном заводе Кузнецова. Мальчик окончил фабричную школу со специальностью художника. Бурные события 1905 года приняли в промышленной Риге драматический характер и завершились расстрелом демонстрации на набережной Даугавы. Молодой художник принял в волнениях достаточно активное участие, был арестован и полтора года находился под надзором полиции. Вдруг последовал кардинальный поворот: Иванов уезжает в Москву, становится послушником, совершенствует свои познания в Археологическом институте, затем переводится в Псково-Печерский монастырь и Юрьев, где исполняет обязанности письмоводителя. В Юрьевскую слободу после начала мировой войны переселяются из прифронтовой Прибалтики его мать, брат и две сестры.

Современник вспоминал: "Незадолго до революции и в первые ее годы у архимандрита Юрьева монастыря Никодима появился новый секретарь-келейник. Бездеятельный, глубокий старик Никодим по положению, однако, был благочинным всех новгородских монастырей. Его энергичный секретарь забрал бразды правления в свои руки и скоро стал грозой всего многочисленного населения мужских и женских монастырей. Характерная фигурка юрьевского "секретаря" – пигмейского роста, в очках, с несколькими волосками вместо бороды на подбородке – часто появлялась в монастырях в качестве проповедника, и сам он получил широкую известность под именем "пискуна" за свой какой-то неожиданно писклявый, детский, дискантовый голосок".

И вновь Иванов поменял амплуа. В 1918 году он ушел из монастыря, работал в финансовом отделе и после вступления в компартию “воссиял” на местном горизонте. Стал штатным лектором-антирелигиозником губкома

РКП(б), и лектором необычайно популярным. В архиве хранятся два многолистных дела, составленные из приглашений воинствующему безбожнику выступить перед жителями уездных городков и волостей, в воинских частях и госпиталях. Тематика лекций была обширной – “Церковь и государство”, “Мощи нетленные”, “Религия и буржуазия”, “Жизнь за монастырской стеной”… Иванов подошел к новому делу творчески. Ставил любимые невзыскательными зрителями “живые картины”, символизировавшие освобождение пролетариата от пут религии, приглашал для участия в диспутах местных батюшек. Отзывы восторженные: “На все диспуты и лекции приходила громадная масса народа, так что ни одна аудитория не могла вместить всех желающих. Выступавшие духовные оппоненты были разбиты и не могли опровергнуть доводов лектора. Впечатление от лекций в общем громадное”.

Заодно по поручению губкома партии Иванов посещал монастыри и церкви, изучал верования и богослужебные предметы “с целью разоблачения вековечного обмана и на предмет составления отдельной брошюры для распространения таковой в народе”. На рукопись редакция журнала “Атеист” дала отрицательный отзыв[11], но “ученость” произвела впечатление на необремененное образованием местное руководство. Иванову поручили возглавить Истпарт, назначили заведующим губернским архивом и музеем революции. Но не удалось ему достичь чиновных высот – в 1924 году исключили из партии, сняли со всех постов и арестовали.

С легкой руки современников в Новгороде бытовала версия: “Были установлены какие-то махинации с массовой – вагонами – продажей новгородских архивов, в частности, церковно-консисторского, на бумажную макулатуру. Только затем наконец этот “деятель” исчез с новгородского горизонта. Кажется, вскрылись в прошлом, еще до Новгорода, какие-то его связи с полицией и охранкой” (директор музея Н. Г. Порфиридов). Его коллега С. М. Смирнов детально расписал, как “огромными возами везли архивные документы на станцию железной дороги, грузили в вагоны и отправляли в качестве бумажной макулатуры на бумажные фабрики”, как “под именем послушника Юрьева монастыря Александра Иванова скрывался ренегат и предатель. Когда-то он находился в рядах революционных работников, но потом изменил делу, стал выдавать своих товарищей и, наконец, заметая следы, окопался в монастыре под видом послушника”. (О роли этих двух “радетелей” российских древностей в качестве членов комиссий по изъятию церковных ценностей читатель уже знает). Художественный образ “бывшего монаха” Пискуна создал другой новгородец, писатель Глеб Алехин в романе “Тайна дразнит разум”.

…Конечно, личность послушника, сменившего рясу на “костюм комиссара гражданской войны: галифе с хромовыми наколенниками, черная кожанка и фуражка из бордовой замши” с пентаграммой – симпатий не вызывает. Но и обычным уголовником с наклонностями к хищениям в особо крупных размерах он не был. Стечение обстоятельств, выявленных при

изучении его архивно-следственного дела, трагически отразились на судьбе человека.

В двадцатых годах проходила кампания по поиску и наказанию осведомителей жандармерии и полиции, действовавших в подпольных революционных организациях. Только сотрудники Новгородского губотдела ОГПУ выявили 34 человека, которые контролировали политические настроения буквально всех слоев населения губернии и организаций социал-демократов и социалистов-революционеров. Секретно-оперативное управление ОГПУ в мае 1924 года направило в Нижний Новгород ориентировку на Иванова Александра Павловича, агента жандармерии под псевдонимом “Макар”, “по сведениям, работающего на одной из мануфактурных фабрик в Н. Новгороде”. Не обнаружив такого, нижегородцы переслали письмо новгородцам. В Новгороде же все знали лектора и архивариуса Александра Павловича Иванова.

Дело принял к производству уполномоченный губотдела ОГПУ Орловский. Ему не составило большого труда установить, что “Макар” и его новгородский тезка являются разными лицами. Отличие в возрасте на десять лет, первый родился в Тверской губернии, второй – в Петербурге, первый находился на связи с ротмистром Московского жандармского управления Щегловитовым и в 1910 году освещал группу эсеров в Коломне, второй был в тот год монастырским послушником.

К тому времени в губком пришло постановление Центральной контрольной комиссии РКП(б) за подписью Ем. Ярославского об исключении Иванова из партии как “чуждого элемента” и письмо пяти коммунистов и одного беспартийного, проживавших в Москве, с информацией, якобы Иванов в бытность в Риге по заданию полиции занимался наблюдением и выявлением революционно настроенных пролетариев. Иванова арестовали, но через месяц Орловский принял постановление, в котором отметил, что выдвинутое обвинение в провокаторстве Иванов категорически отрицает, достоверных же свидетельств его связей с жандармерией, полицией или охранным отделением не выявлено, открытый процесс проводить нет оснований. Но не презумпция невиновности принималась во внимание, а возможный политический резонанс: “слушать настоящее дело в Новгороде не представляется возможным по политическим соображениям, т.к. Иванов состоял членом РКП(б) и являлся лектором по антирелигиозному вопросу”. Обвиняемого этапировали в Москву “для дальнейшего расследования по существу”.

За три месяца, пока Иванов сидел в Бутырках, уполномоченный Секретно-политического отдела ОГПУ Абанин пришел к такому же выводу, что и его новгородский коллега – “для разбора дела в гласном суде данных недостаточно”. Казалось бы, оставалось закрыть дело за отсутствием события преступления и отпустить человека с Богом, но такого “брака” в следственной работе чекисты допустить не могли. И отправили материалы на Особое совещание при коллегии ОГПУ, которое в марте 1925 года приняло решение: по статье 67 УК (служба в жандармерии) “заключить в концлагерь сроком на три года”[12]. Не служил А. П. Иванов в политической полиции при царизме. Зато

оказывал услуги аналогичному ведомству при советской власти, о чем указал в личном листке при переписи членов РКП(б): “вел и веду секретную работу по борьбе с контрреволюционным духовенством, и эсеровской, и кадетской партией”. Молодой по стажу член партии, как и его сотоварищи, выполняли завет лидера РКП(б) - “хороший коммунист в то же время и хороший чекист”. Реалии партийной жизни ленинского периода.

Последние сведения относятся к концу двадцатых годов. По свидетельству А. И. Солженицына, Иванов находился в Соловецком лагере особого назначения, подвизался стукачем в информационно-следственной части и заодно в культкомиссии, где специализировался на атеистической пропаганде среди заключенных, за что получил кличку "антирелигиозная бацилла". Возможно, хотя автор “Архипелага” нередко дает волю фантазии. Достоверные же данные почерпнуты из последних листов архивно-следственного дела.

Перед окончанием срока заключения Иванова Особое совещание лишило его права проживать в столичных и портовых городах и губерниях, а на ближайшие три года отправила в ссылку “с прикреплением к определенному месту жительства”. В начале октября 1928 года в совещание обратился Глеб Иванович Бокий, очень влиятельный член коллегии ОГПУ и начальник его загадочного Специального отдела.

> По постановлению коллегии ОГПУ от 20/III-25 года по ст.67 УК отбывал наказание в Соловках Иванов Александр Павлович, ныне освобожденный и высланный в Сибирь. За время пребывания в Соловках гр. Иванов Ал. П. выполнял должность зав. Соловецким музеем, работу которого он наладил и организовал и одновременно нес большую общественную работу в области антирелигиозной пропаганды, где использовался даже Кемским укомом РКП(б) для докладов, провел крупную работу по разработке Соловецких архивов и т.д.; как заключенный, Иванов ни в чем предосудительном замечен не был. Приняв во внимание изложенное, просим вас поставить на пересмотр его дело с целью разрешения ему свободного проживания по всей территории СССР.

Особое совещание в том же месяце откликнулось на ходатайство следующим решением: “Досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР”. Подобное решение по новгородцам известно пока в единственном числе. В наше время Александра Павловича реабилитировали, ибо “документов в деле по виновности Иванова не имеется”[13].

РАЗОРЕНИЕ

29 апреля 1922 года комиссия по изъятию церковных ценностей явилась в Юрьев монастырь. Ее составляли работники губисполкома Алексеев, Егоров и Каравай. Комиссию сопровождали представители: от РКИ – Груббе, от ГПУ – Григорьев, от музея – Квашонкин, от духовенства – иеромонахи Сергий и Валентин, священники Яковцевский и Серпухов, от коллектива верующих – Королев, Тимашин и Обухов. Пять дней комиссия описывала и грузила на подводы юрьевские богатства непомерной исторической, художественной и материальной ценности.

Первой была упакована в отдельный ящик рака над мощами святителя Феоктиста, устроенная графиней Анной Орловой-Чесменской в 1847 году и весившая более 133 килограмм позолоченного серебра высокой пробы. По рисунку архитектора Быковского ее изготовили на фабрике московского купца Полтавцева. На верхней стороне раки золотых дел мастера поместили чеканное изображение Феоктиста, лежащего в святительском облачении с крестообразно сложенными руками, держащими Евангелие и крест; вокруг головы положили накладной венец с семью аметистами.

В другие ящики погрузили четыре позолоченные серебряные доски с престола Георгиевского собора, пять массивных иконных риз и большой запрестольный крест. Грузили ризы и хоругви, лампады, подсвечники и напрестольные одеяния. В подземной церкви Похвалы Пресвятой Богородицы иеромонах Сергий сказал об уважении памяти архимандита Фотия местным населением и “предложил комиссии оставить гроб в покое”. Его поддержали верующие. Напрасно. Кованые из серебра покрова надгробных плит архимандрита Фотия и графини Анны исчезли в ящике.

В отдельную шкатулку упрятали венцы с драгоценными камнями от икон Спасского собора. Из акта изъятия:

Шкатулка №8.

1. Венец с иконы Божией Матери, сребропозлащенный, украшенный тридцатью пятью лучами, в которых крупных и средних алмазов 175, в числе которых пять искр и три камешка желтоватого цвета, по низу обнизан в один ряд жемчугом в числе 63 зерен.
2. Три звездочки бриллиантовых роз, в средине каждой по бриллианту.
3. Венец с иконы Спасителя, украшенный семнадцатью алмазными лучами, в которых средних и малых алмазов 61, и три малых изумруда с буквами на них О, ОТ, Н, и по низу в один ряд самого мелкого жемчуга сорок зерен.

4. Венец с иконы Спасителя из сорока трех бриллиантовых лучей, в коих 170 мелких и средних бриллиантов, 200 алмазов и искры бриллиантовые, внизу ободочек из пятидесяти семи средних и мелких бриллиантов и шести алмазов, на венце буквы О, ОТ, Н из искр бриллиантовых.
5. Три изумруда средней величины.
6. Два больших бриллианта.

Главная храмовая икона Георгиевского собора - древний образ святого Георгия Победоносца, написанный в XII веке. Замечательный знаток Новгородской школы иконописи Виктор Никитич Лазарев писал: "Величавая и торжественная фигура Георгия воплощает силу и воинскую доблесть, во многом перекликаясь с героическими образами древнерусских воинских повестей. От нее исходит дух непоколебимой твердости, той самой твердости, которая позволяла русскому воинству одерживать победы над далеко превосходившими их по численности противниками". Сама икона добытчиков не интересовала (вспомните телеграмму Калинина). Зато несомненную материальную ценность имела ее риза. Из акта изъятия:

Ящик №9.

1. Риза с иконы великомученика Георгия Победоносца сребропозлащенная, весом 3 пуда 27 фунтов.

Шлем убран аквамаринами, аметистами и топазами, посредине крест из одного аметиста и четырех желтых топазов; по сторонам креста два аметиста, а наверху также аметист и два топаза; подбородок из аквамаринов, посередине с большим аметистом, повыше которого, по сторонам, два желтых топаза; пуговица под подбородком также из аквамаринов с одним посередине аметистом, оплечи и края лат, пояс, зарукавья и наподольник украшены в три ряда аквамаринами и четырьмя большими жемчужинами и на рукоятьи меча в 12 рядов аквамаринов; крест посреди знамени из белых восьми топазов и одного аметиста, убранных аквамаринами[14].

Беды, обрушившиеся на древнюю обитель близ Ильменя, не прекратились после изъятия церковных ценностей. В конце 1924 года Новгородский губисполком принял решение о "ликвидации" шести храмов Юрьева монастыря: Георгиевского собора, церквей Архистратига Михаила,

Неопалимой Купины, Пантелеймона, Крестовоздвиженской и Рождества Богородицы в Перыне[15]. Службы в храмах и без того не велись шесть лет.

Оставшуюся церковнослужебную утварь забрали в государственное хранилище, кое-что передали в музеи. Икона Георгия Победоносца в рост украсила отдел древнерусского искусства Третьяковской галереи. Евангелие московской печати 1753 года в серебряном позолоченном окладе с чеканным орнаментом и пятью золочеными дробницами работы петербургского мастера Захария Дейхмана оказалось в собрании Новгородского музея. Однако сохранность их никто не гарантировал. Так, акционерному обществу "Интурист" для продажи за валюту в числе десятков предметов из Хранилища древностей передали икону великомученика Пантелеймона в серебряном позолоченом окладе с дарственной: "Ея сиятельству графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской в день ея ангела 25 июля 1841 года по усердию приношения в дар и благословение святая икона сия от Настоятеля Юрьева монастыря Архимандрита Мануила с братией"[16].

Через несколько лет, когда "по требованиям трудящихся" прошла волна закрытия церквей, прекратилась служба в последнем действовавшем храме Юрьева монастыря – в Спасском соборе. В июне 1932 года комиссия Новгородского райисполкома решила, что юрьевские прихожане вполне могут молиться в церкви Благовещения в Аркажах. Всего-то километр прогулки по живописной дамбе под сенью столетних ив. В помещении собора, кроме того, остро нуждались обитатели дома инвалидов имени Я. М. Свердлова, не имевшие столовой.

Заодно исполкомовские "специалисты" решили судьбу колоколов: "В отношении юрьевских колоколов, как не представляющих музейного значения, общий вес которых составляет 80 тонн, учитывая острую нужду промышленности в цветном металле, передать колокола "Металлолому"[17]. Никак не могла обойтись советская промышленность без колокольной бронзы!

Между тем, ценность колоколов неоспорима и о них мы уже рассказали. Войдя в антирелигиозный раж, власти готовы были снести все культовые постройки. В июле того же 1932 года та же исполкомовская комиссия приняла решение о передаче военному ведомству для разборки на строительные материалы колоколен Антония Римлянина Рождество-Богородичного, Варлаамо-Хутынского Спасо-Преображенского и Сыркова Владимирской иконы Божией матери монастырей, Мало-Кириллова и Михаило-Клопского Свято-Троицкого монастырских комплексов, четырех церквей и угловых башен Юрьева монастыря, "ввиду того, что все вышеперечисленные объекты в течение ряда лет не используются и в силу своей разрушенности не могут быть использованы для каких-либо целей, а также учитывая, что постройки не имеют исторически-художественной ценности"[18]. К счастью, решение не было выполнено.

Явно мозолили глаза власть предержащим золоченые купола закрытых церквей. Как по заказу, подоспела депеша из Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов при президиуме ВЦИК за подписью ее председателя, старого ленинца П. Г. Смидовича. Тот негодовал, что золоченые

иконостасы, иконы с золотым фоном и золоченые купола храмов употребляют как строительный материал или просто сжигают. Не по хозяйски, считал он, коли впустую гибнет не один килограмм золота. Смидович не тратил пустых слов о нуждах советской промышленности в драгметаллах, а прямо приказал: "Обеспечить передачу всех предметов культа и обстановки этих молитвенных зданий, покрытых драгоценным металлом (позолоченные) только финорганам, которые в свою очередь передают эти предметы ХОЗУ ОГПУ на предмет смывки с них золота"[19].

Послушное местное руководство мигом оформило разрешение спецподразделению ОГПУ на "ликвидацию" золоченых иконостасов в новгородских церквах Симеона Богоприимца в Зверином Покровском монастыре, Георгия на Лубянице, Власия на Волосове улице, Иоанна Предтечи на Опоках, Архангела Михаила в Сковородском Михаило-Архангельском монастыре. В их числе погиб в огне и великолепный резной золоченый иконостас Георгиевского собора. До основания были разобраны главы Спасского собора[20]. Лишились ильменские просторы золотой искры.

Воцарившееся озверение не щадило ни людей, ни святынь предков, ни могил усопших. В архиве обнаружен акт вскрытия захоронений архимандрита Фотия и графини Анны Орловой-Чесменской. Небрежно написанный от руки на обеих сторонах бумажного листка, акт заслуживает публикации с сохранением орфографии подлинника.

Акт.

1933 года 27 января составлен настоящий акт в следующем: сего числа комиссия в составе председателя комиссии от РИК т. Егоршина, от ОГПУ т. Михайлова и т. Виноградова, от раймузея заведующего музеем т. Порфиридова в присутствии свидетелей уполномоченного гостреста металлолома т. Каржанова произведено в 16 часов вскрытие мощей Фотия и Орловой-Чесменской.

1. Гробы Фотия и Чесменской находятся в Сретенской церкви в нижнем этаже, расположены рядом в темном приделе в темной комнате. Раки сделаны из цельного мрамора, верхние доски зацементированы, при отделении верхние крышки таковые усилиями 4-х человек легко подались.

2. Первым было произведено вскрытие "Фотия", в мраморной раке вложен деревянный гроб, обитый материей. Остатки от Фотия превращены в труху, одежда также сгнила, сохранились только волосы. Череп головы - носа нет, череп обтянут желтой кожей, каковая лежит на черепе как пыль, труп имеет запах гнилой плесени. В гробе оказался деревянный крест, металлическое маленькое Евангелие, крест серебряный

с витой толстой цепью желтого металла, каковая местами почернела, круглая иконка с верхней коронкой с 6-ю камнями с цепочкой серебряной, пробы нет.

3. Вторым было произведено вскрытие "Орловой-Чесменской". Гроб деревянный, обитый материей, при поднятии верхней крышки издает сильный запах гнилья. Остатки все сгнили, сохранился только череп и волосы, рот открыт, из него торчат тоненькие пленки языка, который по своим размерам оказался очень длинным, так что сразу можно было заключить, что данная Орлова была задушена. По останкам одежды можно было определить только следующее: что на руках были одеты перчатки. На останках только было обнаружено одна иконка желтого металла с цепочкой (цепочка почерневшая). Кроме иконки, было обнаружено в гробу флакон с жидкостью.

4. После осмотра гробы были закрыты, мраморные крышки надвинуты[21].

Что и говорить, "крупные специалисты" в области судебно-медицинской экспертизы с первого взгляда установили уголовное преступление. Не они, конечно, придумали провокаторский миф об изуверстве и жутких нравах насельников православной обители. Для этого были другие спецы, выполнявшие несомненный социальный заказ. Сталинский режим готовился к окончательной расправе с Православной Церковью. Второй раз этот заказ всплыл через четверть века, когда партийный лидер заявил во всеуслышание, что в близком коммунистическом завтра нет места религиозным предрассудкам. Именно тогда вновь запустили расцвеченную бредовыми подробностями легенду о смерти графини, якобы умерщвленной в Юрьеве монастыре убийцами в черных мантиях. Исполнителем стал уже известный читателю по “деятельности” в изъятии ценностей сотрудник музея А. И. Семенов, со смаком фантазировавший о подробностях убийства в изданной массовым тиражом брошюре “Юрьево”; всесоюзную известность версии со скабрезным оттенком дал журнал “Наука и религия” в статье Ж. Березовской “Архимандрит и его “духовная дочь”.

Очевидец вскрытия гробниц Н. Г. Порфиридов позже засвидетельствовал обычность погребения; его коллега С. М. Смирнов назвал миф "злостной и нелепой выдумкой". Ознакомившиеся с актом главный судмедэксперт Новгородской области Марк Михайлович Вишневский и доктор медицинских наук, профессор Габриэль Лазаревич Билич доказательно и категорично отвергли как его правомерность и компетентность, так и версию об отравлении и удушении, но сетовали на отсутствие останков и невозможность поэтому провести научную экспертизу.

Куда же делись останки архимандрита Фотия и графини Орловой-Чесменской? Можно принять во внимание послевоенное свидетельство

священника Никольского собора отца Иосифа (Потапова) о прахе героев очерка, бесхитростно переданное новгородским старожилом Владимиром Ивановичем Хахилевым: “…когда вскрытие было Фотия и Орловой, то после этого были выброшены что-ли косточки. А Валентин (упоминавшийся бывший монастырский ризничий. – М. П.) и спрашивает у комиссии, что, вам теперь они не нужны? “Да нет, все уже, значит, сделано”. Комиссия была такая громадная. Он взял и захоронил их на следующий день. Забрал, в мешочек их сложил, и пошел в Аркажу, к Благовещенской церкви. И здесь он и зарыл их. Когда мы услыхали с женой, я и говорю: “Давай-ка поедем, посмотрим, где эта могила”. Там не рыли, никого не хоронили. А он так сказал, что в начале, сюда к Новгороду. А там никого не хоронили в тот период то. Ну вот мы пошли с женой искать ту могилку. Искали-искали. Он хоть бы написал там что-нибудь или оставил какой-то след. Он, видимо, зарыл, холмик какой-то остался. Может, он потом сравнялся. Так что вот, они захоронены здесь, в Аркажах”[22].

Требует объективной оценки и научно-реставрационная деятельность упоминавшегося М. К. Каргера, сделавшего себе имя на истории древнерусской культуры. Под его руководством были снесены пристроенные к Георгиевскому собору с южной стороны ризница, с северной – придел святителя Феоктиста, разобрана западная паперть, где покоились останки бывших настоятелей Юрьева монастыря, завершивших духовную карьеру епископами, Маркелла Радышевского, Иоасафа Хомунцевского, Иоанникия Микрицкого, Виктора Онисимова.

...Постройки Юрьева монастыря сильно пострадали в годы Великой Отечественной войны. По Волхову около двух с половиной лет проходила линия фронта. На всхолмлении, на виду, белели строения Юрьева. Рушили их немцы во время летнего наступления 41-го года. Гвоздили из-за реки пушки и гаубицы, выкуривая засевших за каменными стенами испанцев из “Голубой дивизии”. Разбитые снарядами и бомбами здания без крыш, в гари и копоти снег – таким встретил Юрьев освобождение.

Первоочередные восстановительные работы были проведены на Георгиевском соборе. Часто меняли хозяев юрьевские постройки, оставаясь по сути бесхозными. Давно небеленые стены в трещинах с ладонь шириной, осыпающийся от протечек кирпич, неухоженный монастырский двор. Не осталось и помина от маленьких, по сути домашних церквей. В подземную церковь Похвалы Пресвятой Богородицы нельзя было войти без риска сломать ноги. С трудом в темноте отыскивался сырой склеп, где покоились останки архимандрита Фотия и графини Анны. Несравнимое состояние с торжественным Иерусалимом Новым менее чем столетней давности.

В октябре 1991 году Юрьев монастырь, наконец, возвратили Русской Православной Церкви. Засияла над ильменскими просторами золотая искра главы юрьевской колокольни. Какие неустанные труды нужно приложить его насельникам и их помощникам для возрождения одного из древнейших монастырей России!

ГЛАВА VII. ГИБЕЛЬ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ

ЕЖОВЩИНА

В первой половине 1930-х годов Советский Союз охватил кризис, вызванный страшными провалами политических и социально-экономических экспериментов по строительству социализма в одной, отдельно взятой стране. Вновь, как в августе восемнадцатого, прозвучал спасительный для режима выстрел: 1 декабря 1934 года при таких же темных обстоятельствах был убит член политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградских обкома и горкома партии Сергей Миронович Киров (Костриков). Убийство палача тысяч ленинградских, новгородских и псковских крестьян в период коллективизации было максимально использовано И.В. Сталиным для расправы с действительными и мнимыми противниками и закрепления незыблемости режима личной власти.

В день выстрела в Смольном президиум ЦИК СССР принял постановление “О порядке ведения дел по подготовке и совершению террористических актов”. Следствие по таким особо опасным и сложным государственным преступлениям предписывалось вести ускоренным порядком в срок до десяти дней, процесс проводить без участия прокурора и адвоката, приговор в кассационном порядке не обжаловать и приводить высшую меру наказания в исполнение немедленно. Постановление ЦИК продолжило советскую практику внесудебной расправы, и здесь необходимы пояснения.

Чрезвычайные функции органов безопасности, особенно право на внесудебные репрессии, действовали более трети века. Уже на четвертом месяце революции председатель правительства В. И. Ленин подписал декрет о праве органов ВЧК расстреливать на месте неприятельских агентов, контрреволюционных агитаторов, спекулянтов и уголовников. Коллегия ВЧК и коллегии губернских чрезвычайных комиссий использовали внесудебные функции практически на всем протяжении Гражданской войны.

Перестройка административных органов 1922 года, казалось, открывала реальные перспективы создания правового государства. Однако в октябре того же года постановлением ВЦИК органам ГПУ предоставлялось право внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении лиц, взятых с поличными при бандитских и вооруженных налетах, а Особой комиссии НКВД разрешалось высылать и заключать в лагеря принудительных работ деятелей оппозиционных партий и уголовников-рецидивистов. В конце следующего года ЦИК СССР наделил Судебную коллегию ОГПУ правом рассматривать дела о контрреволюционной деятельности. В марте 1924 года было создано Особое совещание при коллегии ОГПУ для внесудебного рассмотрения дел в отношении лиц, обвиненных в противогосударственной деятельности с вынесением постановлений о ссылке и заключении в концлагеря. Через три года президиум ЦИК СССР расширил эти права до применения во внесудебном порядке высшей меры наказания к белогвардейской агентуре, шпионам и бандитам.

На местах такие же функции выполняли судебные тройки Полномочных представительств ОГПУ. В Ленинградской области, кроме того, на основании постановления политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1933 года была создана Спецтройка в составе первого секретаря обкома С. М. Кирова, председателя Ленгорисполкома И. Ф. Кодацкого и полномочного представителя ОГПУ Ф. Д. Медведя.

Достаточно аморфное определение понятия контрреволюционного преступления давала статья 58 Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года: “Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции”. Четырнадцать пунктов статьи определяли отдельные антигосударственные преступления и кару за них.

УК РСФСР в данной редакции действовал до принятия Верховным Советом нового Уголовного кодекса и введения его в действие с января 1961 года. Пресловутую статью 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) сменила 70-я (антисоветская агитация и пропаганда). Считанные годы назад эти действия расценивались как особо опасные государственные преступления, наряду с изменой Родине, шпионажем, терроризмом и диверсиями. Пятый главк КГБ СССР по указаниям ЦК КПСС тратил время и силы на разработку “антисоветчиков”, не уделяя должного внимания настоящим врагам. Итог превалирования идеологии над интересами народа и Отечества известен.

По интересующей нас тематике кодекс 1926 года предусматривал, что контрреволюционная пропаганда и агитация, сопряженная с использованием религиозных предрассудков масс, каралась с такой же строгостью, как при войне, в объявленных на военном положении местностях и при вооруженных восстаниях – высшей мерой социальной защиты, как с политической подоплекой именовали расстрел, или лишением свободы при смягчающих обстоятельствах.

После объединения органов государственной и общественной безопасности в Наркомат внутренних дел СССР, в ноябре 1934 года формируется Особое совещание при наркоме внутренних дел с передачей части внесудебных функций предшественника. Особое совещание могло применять высылку, ссылку и заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до пяти лет; права вынесения высшей меры наказания оно не имело. Следует подчеркнуть, что перечисленные внесудебные формирования создавались, за редким исключением Спецтройки, решениями высших законодательных органов советского государства и рассматривались как правовое орудие системы диктатуры пролетариата в борьбе с классовыми врагами.

Совершенно иное происхождение особых троек управлений НКВД. Они были созданы по приказу наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова 30

июля 1937 года и, таким образом, наделение их чрезвычайными внесудебными полномочиями заведомо не носило законного характера. В состав особых троек входили начальник управления НКВД в качестве председательствующего, секретарь обкома ВКП(б) и прокурор области. Особые тройки существовали до ноября 1938 года и были упразднены совместным постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б). Особое совещание при наркоме (министре) внутренних дел СССР действовало еще полтора десятка лет и было упразднено указом президиума Верховного Совета только 1 сентября 1953 года. Закон Российской Федерации 1991 года “О реабилитации жертв политических репрессий” распространил порядок реабилитации на лиц, осужденных по политическим мотивам всеми судебными, внесудебными и административными органами.

Массовая бойня, развернутая по всей стране, получила “теоретическое” обоснование. На пленуме ЦК И. В. Сталин повторил тезис, будто бы по мере продвижения советского общества к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться, хотя к этому времени никакого реального классового противника в марксистско-ленинском понимании термина режим давно не имел. Прокурор Союза ССР Андрей Януарьевич Вышинский отвергал как устаревшее отношение к личному признанию обвиняемого как к “царице доказательств” (regina probationum), исключая дела о контрреволюционных преступлениях: “объяснения обвиняемых и такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств”. Вкупе со свидетельскими показаниями и косвенными уликами они составляли обвинительную основу любого “дела”, а “внутреннее убеждение и социалистическое правосознание” членов особых троек обеспечивали жестокую заданность приговоров. Труд Вышинского “Теория судебных доказательств в советском праве” как принципиально новый в истории мировой правовой мысли был удостоен Сталинской премии, а его автор – звания академика.

Начатые по команде сверху в декабре 1934 года массовые репрессии завершились также по команде в ноябре 1938 года. Эти четыре года Большого террора навечно остались в памяти народной как ежовщина, по фамилии наркома, хотя заслуживали они другого наименования.

…До 1937 года массовый сталинский террор обходил новгородские районы области, хотя счет арестованным велся уже десятками. Райотделы НКВД занимались в основном состоявшими на спецучете “бывшими” – членами РСДРП и социалистами-революционерами всех партийных оттенков, царскими и белогвардейскими офицерами, помещиками и кулаками, а также “прочим антисоветским и контрреволюционным элементом”. После московских процессов в самую опасную категорию попали троцкисты и зиновьевцы.

Сравнительно "тихими" начальные два года были для новгородского духовенства. За весь 1935 год арестовали священника церкви Екатерины в Бронницах Василия Афиногеновича Богоявленского и направили на пятилетний срок в лагерь. В 1936 году туда же отправили семерых

священнослужителей, а двух диаконов и двух монахинь освободили по прекращению их дел.

Летом 1937 года волна репрессий, по настоящему массовых, захлестнула Новгородчину. В каждом районе были раскрыты “контрреволюционные организации”, возглавлявшиеся секретарями партийных комитетов и председателями исполкомов, в которые якобы входили районные специалисты, директора промышленных предприятий и совхозов, председатели колхозов и сельсоветов. За связи с арестованными брали под стражу новых и новых людей. Избирательность арестов по определенным категориям свидетельствовала о планомерности репрессивного механизма террора.

Не миновала чаша сия священно- и церковнослужителей Новгородской епархии. Арестованный одним из первых священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в деревне Сутоки Мошенского района Петр Алексеевич Доворецкий был судим при внешнем соблюдении формальностей. В июле 1937 года спецколлегия Ленинградского областного суда определила ему по 58-й статье восьмилетнее заключение в исправительно-трудовом лагере. Но уже в августе со следами законности было покончено. Судьбу арестованных без их присутствия решала особая тройка управления НКВД по Ленинградской области и приговор выносила, как правило, один – высшая мера наказания. Редко кто попадал в лагеря на десять лет. И трудно сказать, зная условия ГУЛАГа, кому “посчастливилось” больше: тем, кто принял быструю смерть в камерах ленинградских Крестов, Новгородской и Боровичской тюрьмах и нашел вечное успокоение в Левашовской пустоши и пока не найденных местах массовых захоронений под Новгородом и Боровичами, либо тем, кто принял мученическую кончину в аду Колымы, Воркуты или Северного Урала.

В состав особой тройки управления НКВД по Ленинградской области входили несколько лиц. Председательствовали в ней начальники управления – комиссар госбезопасности I-го ранга Леонид Михайлович Заковский, урожденный Генрих Эрнестович Штубис (июль 1937 – январь 1938), и комиссар госбезопасности 3-го ранга Михаил Иосифович Литвин (январь – ноябрь 1938), ставшие в июле тридцать седьмого кавалерами ордена Ленина. О первом ходила в Ленинграде байка, что если бы ему удалось допрашивать Карла Маркса, то он живо добыл бы признательные показания в том, что основоположник научного коммунизма был агентом железного канцлера Бисмарка. Достоверно известно участие секретарей обкома Алексея Александровича Кузнецова, уроженца Боровичей, начавшего карьеру комсомольским секретарем на Новгородчине, и Терентия Фомича Штыкова, послевоенного первого секретаря Новгородского обкома КПСС, прокуроров Михаила Дмитриевича Балясникова и Бориса Павловича Позерна. Почти все палачи по окончанию срока надобности были уничтожены и почти все реабилитированы одними из первых как жертвы сталинского произвола.

Читателя не должны смущать невысокие звания рядовых исполнителей – сержант, лейтенант, капитан. В октябре 1935 года для сотрудников Главного управления государственной безопасности НКВД были введены специальные

звания, иные, чем в Красной Армии, подчеркивавшие их особое положение. Так, сержант госбезопасности носил в петлицах два “кубаря”, как армейский лейтенант, лейтенант ГБ – “шпалу”, как капитан, а капитан ГБ – три “шпалы”, что соответствовало полковнику. Имевшие спецзвания от майора ГБ носили “ромбы” и приравнивались к армейскому генералитету. Так, Заковский-Штубис являлся командармом I-го ранга или генералом армии, а Генеральный комиссар ГБ Ежов – маршалом Советского Союза.

“Очередь” новгородских священнослужителей пришлась в тройке с августа 1937 года по апрель 1938-го. Ни о каких преступлениях против режима не следует и мыслить – шло планомерное уничтожение социальной группы населения. Не обращали внимания на возраст: многим из расстрелянных перевалило за 60, а то и 70 лет, они находились на покое и проживали около закрытых к тому времени храмов. Отправляли на смерть старушек-монахинь, изгнанных из обителей и доживавших свой век в деревнях. Какая угроза режиму исходила, например, от родившихся еще до отмены крепостного права в России священников Александра Викторовича Михайлова, Ивана Петровича Кедрова, Ивана Николаевича Орешникова, диакона Павла Алексеевича Гурова, 77-летней монахини Евдокии Николаевны Герасимовой?

Сотрудники органов НКВД учитывали социальную среду и стряпали обвинения а антисоветчине из показаний свидетелей-прихожан и коллег-священнослужителей. Мало кто из обвиняемых сохранял силу духа и отметал вздорные обвинения в контрреволюционной деятельности. Следователям было дано право на особые методы допросов и они применяли жестокие избиения, двухсуточные стойки, содержание в каменном мешке карцера; особенно действенными были угрозы подвергнуть преследованиям близких.

ДЕЛО АРХИЕПИСКОПА ВЕНЕДИКТА

“Голгофа, что значит: Лобное место” (Матф. 27. 33). На горе Голгофа близ Иерусалима распяли Иисуса Христа. На горе Голгофа, что на Анзерском острове, во времена Соловецкого лагеря особого назначения ОГПУ устроили штрафное отделение, откуда не было возврата. Крестный путь прошли почти все священно- и церковнослужители Новгородской епархии.

Пролог Большого террора на Новгородчине в отношении служителей Церкви связан с делом архиепископа Венедикта. На третий день нового 1937 года помощник оперуполномоченного Валдайского районного отдела НКВД сержант госбезопасности С. С. Долгов арестовал благочинного церквей округа, настоятеля храма Александра Невского в деревне Селище Дмитрия Ивановича Устрицкого. Больше месяца Долгов, оперуполномоченный В. Т. Яковлев и начальник райотдела младший лейтенант госбезопасности Скобочкин вели допросы 67-летнего священника. Интерес областного управления проявился в приезде в Валдай помощника оперуполномоченного IV (секретно-политического) отдела сержанта госбезопасности Миничева, проведшего во многом итоговый допрос.

Сломленный Дмитрий Устрицкий показал, что входил в подпольную организацию, созданную архиепископом Новгородским Венедиктом (Плотниковым) в 1933 году и поныне продолжавшую контрреволюционную деятельность. По его словам, широко использовались "легальные возможности церковной деятельности для организации борьбы с советской властью" - произнесение проповедей антисоветского содержания, привлечение людей к религии, сознательное затягивание службы в дни государственных праздников и в напряженное время полевых работ с целью нанести экономический урон государству, а также распространение противоколхозных и пораженческих слухов, использование метода запугивания Страшным судом и адом, создание подпольных групп в районах и деревнях. Как доверенное лицо архиепископа, сам Устрицкий организовал с 1934 года семь таких групп в деревнях Селище, Бель, Наволок, Едрово, Вакуши и Вельцо и в городе Валдае, назвал более двух десятков их руководителей и участников.

Из протокола допроса: "Антисоветская работа контрреволюционной группировки дер. Селище, которую возглавлял я, Устрицкий, строилась в расчете на подготовку активных антисоветских выступлений и создание устойчивых антисоветских кадров, которые в нужный момент ускорили бы и облегчили фашистскую интервенцию в СССР. (Отметим, что после этого показания на всех последующих допросах и в документах группы именовались не иначе как "контрреволюционные фашистские группы церковников") ... Все мы, участники контрреволюционной группировки, вели злобную пораженческую агитацию и пропаганду... Проводя антисоветскую работу, направленную против мероприятий советской власти в деревне и колхозов, мы, участники контрреволюционной группы, отговаривали единоличников от вступления в колхоз". По требованию следователя обвиняемый привел пример конкретной контрреволюционной деятельности: "В церковный хор мною был втянут бригадир колхоза "Ленинский путь" Малютин Михаил, который благодаря нашей обработке в праздники шел в церковь петь, а его бригада оставалась без руководителя"[1].

Сержант госбезопасности Миничев на основе этих показаний пришел к выводу, что архиепископ Венедикт являлся "идейным вдохновителем и организатором контрреволюционной организации церковников, существовавшей в Ленобласти с 1932 года". Управление НКВД Татарской АССР арестовало владыку, к тому времени архиепископа Казанского и Свияжского, и этапировало в Ленинград.

Виктор (в некоторых протоколах Василий) Васильевич Плотников родился 25 октября 1872 года в семье священника в деревне Лижма Олонецкой губернии, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и долгие годы служил законоучителем и настоятелем церкви в Павловском женском институте. Будучи настоятелем Кронштадтского Морского Никольского собора, вдоволь налюбовался разнузданной матросней или “красой и гордостью революции”, как оценил “братишек” Троцкий. После смерти супруги принял постриг и монашеское имя Венедикт. В августе 1920 года хиротонисан во

епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. Летом 1922 года предстал перед трибуналом вместе с митрополитом Вениамином в числе девяноста священнослужителей и мирян по обвинению в организации сопротивления в ходе изъятия церковных ценностей. Был приговорен к расстрелу. Четверых казнили, епископу Венедикту расстрел заменили пятилетним лишением свободы, затем сократили до двух с половиной лет, и уже в ноябре 1923 года Петроградский губернский суд под председательством Яковченко, того самого, который определил Венедикту высшую меру наказания, вынес малопонятное решение о применении "условно-досрочного освобождения от наказания полностью". Показательна опись вещей из кельи епископа в Александро-Невской лавре, предназначенных для продажи в целях покрытия судебных издержек. В акт внесли платяной шкаф, комод, столы письменный и столовый, восемь стульев, кровать, зеркало, настольную лампу настенные часы, термометр, шторы и две иконы. К неудовольствию судебного исполнителя оказалось, что все эти вещи принадлежали Лавре, а лично епископу – только иконы[2].

Венедикту дали побыть на свободе считанные месяцы и отправили в Соловки, а по освобождении из лагеря административно выслали. В 1931 году Венедикт вступил в управление Вологодской епархией, но по-прежнему именовался епископом Кронштадтским. В марте 1933 году его возвели в сан архиепископа и, после принятия митрополитом Арсением кафедры в Средней Азии, назначили архиепископом Новгородским и Старорусским, которой управлял до конца 1936 года.

В областном управлении НКВД на Литейном проспекте, или всем хорошо известном "Большом доме", за владыку взялись сержанты госбезопасности Миничев и Жмур. Без малого месяц архиепископ категорически отрицал обвинения в причастности к контрреволюционной церковной организации, не подтверждал признательных показаний священников Устрицкого, Ильиногорского, Замятина, Конева. Но сломили сильного духом человека. Из протокола допроса 8 мая 1937 года:

> Ответ: Да, теперь я вынужден признать, что я являюсь руководителем контрреволюционной организации церковников, созданной мною в Ленобласти в 1933 году и до сих пор давал следствию ложные показания.
>
> Вопрос: Дайте показания об этом подробнее.
>
> Ответ: Вернувшись из ссылки в 1932 году, я вскоре был назначен в гор.Новгород, где и возобновил свою контрреволюционную деятельность. Ознакомившись с духовенством Новгородской епархии, я приблизил к себе наиболее авторитетных священников, которые открыто высказывали свою

> антисоветскую настроенность, это были: Ильиногорский, Войк, Замятин, Конев, Громцев.
>
> Новгородское епархиальное управление, которое я сознательно не распустил до своего ухода из епархии, мы использовали как ширму для своей контрреволюционной деятельности. В епархиальное управление мы приглашали деревенское духовенство, которое намечалось нами для вербовки в организацию, и проводили с ними соответственную работу.

Первое собрание, продолжал Венедикт, было устроено в Новгороде у него на квартире в 1933 году. Присутствовали семь человек, приняли решение широко использовать "легальные возможности церковной деятельности для организации борьбы с советской властью" и далее дословно по показаниям Устрицкого о проповедях и праздниках, группах и слухах. Добавил целями "сплочение и объединение антисоветских кадров: монахов, странников, бывших кулаков, торговцев, полицейских, вернувшихся из ссылок репрессированных советской властью" и сбор денежных средств для поддержки священнослужителей, находившихся в лагерях и ссылке[3].

С февраля в Валдайском районе начались аресты членов группировок, их долгие допросы, опросы свидетелей, очные ставки. В апреле арестованных перевезли в Ленинград, где следственные действия Миничева и Жмура стал координировать начальник отделения старший лейтенант госбезопасности Капралов; дело контролировал и сам начальник отдела майор госбезопасности Коркин. "Специалистами" они были отменными. Из показаний Орлова Николая Александровича, в монашестве Никона, священника церкви в деревне Бель:

> Я, Орлов, в 1932 г. создал контрреволюционную фашистскую группировку церковников в с.Бель в Валдайском районе из лиц, наиболее близких к церкви моего прихода, в составе: меня - Орлова, Гурьянова Максима Гурьяновича (церковный староста), Лукичевой Марии Ефимовны (монашка, без определенных занятий) и Карповой Марии Гавриловны (без определенных занятий).
>
> Вопрос: Какие задачи вы ставили перед своей контрреволюционной группой?
>
> Ответ: Наша контрреволюционная фашистская организация церковников поставила перед собой следующие задачи:
>
> 1. Оказание активного сопротивления мероприятиям соввласти в деревне.
> 2. Проведение подрывной разложенческой деятельности по развалу колхозов.

3. Объединение и организация антисоветских кадров, способных в нужный момент принять участие в активном выступлении против соввласти.

По утверждению благочинного городских церквей священника Леонида Ивановича Дьяконова, "начало активной антисоветской деятельности в Валдайском районе положили монахи закрытого в 1930 г. Валдайского монастыря, которые разошлись по сельским приходам". Говоря о задачах, поставленных Устрицким "перед нашей контрреволюционной фашистской организацией", он дословно, по пунктам, повторил показания Орлова.

В качестве вещественных доказательств Миничев приобщил к делу два послания, написанных простым карандашем и чернилами на листках бумаги, которые "использовались в контрреволюционных целях". Послание гласило: "село Куженкино, священнику Федору Реданскому. 16.VII.33 г. Благочинный протоиерей Дионизий Устрицкий. Довожу до сведения причтов и коллективов верующих о бедственном положении священников Рождественского прихода П. Скородумова и П. Тубарадова; они усланы в г. Архангельск и крайне бедствуют. Прошу означенные причты и коллективы верующих придти на помощь бедствующим пастырям высылкой единовременного пособия, а на будущее время завести церковную кружку для сбора пожертвований нуждающемуся духовенству округа, каковую и обносить во все воскресенья и праздничные дни за церковными службами"[4].

Валдайское дело разрасталось, в камерах находились более трех десятков фигурантов. Следствие добыло материалы о существовании подобных "подпольных контрреволюционных групп церковников" и в Новгородском, Боровичском, Старорусском, Крестецком районах. Их организаторами и идейными вдохновителями называли архиепископа Венедикта и епископа Минского Иоасафа (Жевахова).

В начале июля прокурор Ленинградской области Б. П. Позерн, член особой тройки управления НКВД, передал начальнику СПО Коркину "предложение" прокурора СССР А. Я. Вышинского "разукрупнить" дело по территориальной принадлежности обвиняемых на четыре самостоятельных. Следуя указанию, Миничев разделил арестованных на группы. В группу архиепископа Венедикта (Плотникова) вошли Дмитрий Иванович Устрицкий, священник церкви Преображения Господня в селе Едрово Михаил Алексеевич Маренцев, псаломщик Александро-Невской церкви Савватий Егорович Кисин, почтовый служащий Александр Федорович Ванюхин, учительница Наволокской школы Наталья Михайловна Гантеева, которая якобы "вела антисоветскую работу среди учащихся", крестьяне Федор Афанасьевич Ванюхин, Василий Петрович Чистяков, Мария Николаевна Скородумова, Наталья Федоровна Осипова, Иван Денисович Суркин, Василий Иванович Рыжков-Багрин и 70-летний Михаил Михайлович Клюшкин, всего 13 человек.

Решением тройки управления НКВД по Ленинградской области от 11 августа 1937 года все они были приговорены к высшей мере наказания и

расстреляны в Ленинграде через пять дней. Родным, в частности, матери Н. М. Гантеевой, сообщили, что ее дочь "отправлена в Дальлаг сроком на 10 лет без права переписки". (По ходатайству именно Надежды Васильевны Гантеевой, 92-летней старушки, начался пересмотр дела и в ноябре 1956 года все осужденные были реабилитированы)[5].

Епископ Иоасаф проходил по аналогичному делу в Курске. В его группу, Валдайскую, следователь включил настоятеля Троицкого собора Леонида Ивановича Дьяконова и священников Семена Степановича Тишкова и Ивана Ивановича Плодовитова, жителей города Петра Александровича Дьячкова, Якова Алексеевича Вислова, Николая Сигизмундовича Липовского, Ивана Алексеевича Кононова и Федора Яковлевича Яковлева, а также священника церкви Иверской Божией Матери в деревне Лутовенка Петра Петровича Беляева[6].

Бельскую группу составили иеромонахи Орлов Николай Александрович (Никон), Сидоров Матвей Сидорович (Серафим), Андреев Сергей Андреевич (Серапион), Андреев Иван Андреевич (Иона), монахини Лукичева Мария Васильевна и Карпова Мария Гавриловна, псаломщик церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в деревне Ракушино Крестецкого района Иван Васильевич Орлов и член церковной двадцатки Гурьянов Михаил Гурьянович.

В последнюю, четвертую, группу вошли священники церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в деревне Наволок Зиновьев Михаил Владимирович (Тихон) и Семенов Корнилий Семенович, священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в пригородном селе Зимогорье Грунин Павел Филиппович, крестьяне Прокофьев Федор Прокофьевич, Семенова Дарья Семеновна, Матвеев Михаил Матвеевич, Андреев Тимофей Андреевич и монахиня Рыгулова Прасковья Алексеевна.

В том же августе 1937 года они были расстреляны. Следствие и гибель 38 валдайцев послужили толчком к "раскрытию" аналогичных групп церковников во всех новгородских районах.

Еще один эпизод по делам валдайским. Через полгода в Валдае же были арестованы и вскоре расстреляны епископ Рославльский Вениамин (Глебов) и протоиерей Петропавловской церкви Александр Николаевич Надеждин. Владыка был выслан из Смоленской епархии, с 1930 года проживал в Валдае, вел замкнутый образ жизни, отличался крайней осторожностью; квартиру его посещали лишь несколько монахинь и священники Надеждин и Иван Иванович Плодовитов. Однако настороженность не помогла епископу: в его таком малом окружении была завербована женщина, получившая псевдоним “Своя” и около года собиравшая компрометирующий материал на владыку. Сохранилось до десятка ее донесений. Например, одно из первых, относящееся к весне 1937 года и показывающее, что расправа со священнослужителями проводилась не спонтанно, но готовилась заранее.

“10 апреля с.г. я заметила, что священник Надеждин пошел к епископу. Видя это, пошла туда и я. В разговоре с приживалкой епископа (находилась в той же комнате) я слышала, что разговор между попами идет о церкви, причем

Надеждин говорил, что в Пасху ему, по-видимому, служить не придется, так как НКВД, по слухам, думает арестовать его и Плодовитова. Епископ стушевался, указал глазами на меня и сказал: “На все воля Божья, надо переживать все”. Надеждин понял его взгляд глаз и сказал: “Ее, отче, можно не стесняться, она такая же мученица” и после этого рассказал ему всю мою автобиографию. По окончании его рассказа епископ даже благословил меня, по-видимому, рассказ Надеждина на него повлиял”[7].

БОЙНЯ В БОРОВИЧАХ

В сентябре 1937 года репрессии священнослужителей захватили второй по значению город Новгородчины – Боровичи. “Главарями” контрреволюционной группировки церковников были определены архиепископ Полоцкий и Витебский Гавриил (Воеводин Григорий Дмитриевич), приехавший после пятилетнего заключения в концлагере, и протоиерей Троицкого собора Иван Петрович Державин, в полукаменном доме которого на улице 9 Января владыка нашел приют. Вообще то, по мнению следствия, группу создал епископ Боровичский Никита, неоднократно упоминавшийся бывший протоиерей Софийского собора Николай Григорьевич Стягов, но 6 августа минувшего года он преставился.

На первом допросе архиепископ категорически заявил: “Я никакой контрреволюцией не занимался никогда нигде”. Какие меры принимал оперуполномоченный Боровичского оперсектора НКВД Г. Н. Карпов к 68-летнему старику, остается догадываться, но через две недели Воеводин дал развернутые показания. Что они стоили, нетрудно понять, обратив внимание на их стиль и советский новояз, которым владыка с высшим духовным образованием в отличие от иных языков вряд ли владел.

“Нашу контрреволюционную организацию церковников кто-либо из других городов не возглавлял. Ее организатором являюсь я по собственному убеждению, т.к. я монархист. До моего приезда организация возглавлялась Державиным и архиепископом Стяговым Никитой (умершим в 1936 году)”. Собрания не проводили, “чтобы не расшифровать себя”, поэтому собирались в церковной сторожке узким кругом хорошо знавшие друг друга священники Ильинский, Демянский, Державин, Орлов, высланный из Ленинграда келейник Правдин. “Я подводил итоги проделанной контрреволюционной работы и давал указания на дальнейшую работу, предварительно получив доклады с мест”. “Главный упор мы брали”, продолжал иерарх, на развал колхозов, на проведение на предстоящих выборах в Верховный Совет СССР “наших единомышленников”, на вовлечение молодежи в антисоветское движение через церковь.

Позже владыка собрался с душевными силами и твердо заявил об отказе и от показаний, и от участия в очных ставках: “уличать моих единомышленников я не желаю, и не буду, и не могу”. Мужественно держался на допросах протоиерей Иван Державин[8].

Аресты прокатились по городу и району. В камерах оказались священники Георгий Михайлович Карасевич, Михаил Петрович Ильинский, Иван Иванович Демянский, Николай Васильевич Никифоровский, Яков Михайлович Орлов, Николай Иванович Воскресенский, Николай Александрович Вавилов, Василий Ильич Ильинский, Иван Алексеевич Успенский, Василий Петрович Беляев, Константин Владимирович Горчаков, Александр Владимирович Ярославский, Петр Васильевич Маршев, Павел Дмитриевич Соколов, Петр Андреевич Минецкий, монашествующие из Пятницкой общежительной пустыни (См. очерк “Обители”), церковнослужители и активисты.

В числе последних был секретарь-счетовод двадцаток Преображенской и Никольской церквей Дмитрий Николаевич Кирхман. Отец его, уездный воинский начальник, полковник, имел усадьбу в пригородном Брынкино. Сын, кадровый офицер-артиллерист, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, в армии Колчака был произведен в чин генерал-майора; поверив амнистии, вернулся из Китая на родину. И на допросах, и на очных ставках отрицал свою причастность к контрреволюционным силам. Такую же стойкость проявили княжна Кира Ивановна Оболенская, высланная из Ленинграда и перебивавшаяся уроками немецкого языка в Вельгийской школе, и Екатерина Андреевна Арская, выпускница Смольного института, преподаватель английского языка[9].

Допросы арестованных вели сотрудники НКВД А. Матвеенко, А. Шукевич, Якушев, Давыдов под руководством Карпова и начальника Боровичского оперсектора старшего лейтенанта госбезопасности Бранинова. Дело разрослось до пяти томов, всего обвинялось 60 человек. В середине ноября обвинительное заключение направили в Большой дом и 10 декабря 1937 года особая тройка приговорила девять человек к длительным срокам заключения, а большинство – к высшей мере наказания.

Решение тройки привели в исполнение 17 декабря. Где-то под Боровичами покоится прах 51 расстрелянного. Акт заверен подписью руководителя казни – коменданта оперсектора НКВД, которую можно прочитать как Рогозин[10].

Несколько слов о судьбе отправленных в лагеря. Их письма о нарушениях в ходе следствия и пересмотре дела, направленные в 1940 году, проводивший проверку следователь областного управления сержант госбезопасности Евсеенко оставил без удовлетворения, признав виновность доказанной и решение тройки правильным. Восемь человек скоро умерли в лагерях. Десятилетний срок отбыла лишь монахиня Татьяна Ефимовна Стахеева. Приехала в Боровичи, устроилась няней, однако летом 1949 года была вторично арестована на основании директивы МГБ как “участница контрреволюционной группы церковников, занимающаяся антисоветской деятельностью”. По заключению, подготовленному следователями Новгородского управления старшими лейтенантами А. М. Пуркисом и Кузнецовым, была выслана в Красноярский край. Больше о ней ничего не известно.

Только при потеплении политической обстановки в стране Боровичское дело было пересмотрено. С ходатайством в Новгородскую областную прокуратуру обратилась дочь священника Державина Милица Ивановна Вересова. Следственное дело изучил майор В. Н. Кудряшов и представил заключение с предложением об отмене решения особой тройки; в марте 1958 года президиум областного суда принял постановление о реабилитации всех погибших. Но и тогда сохранялась полуправда о массовой бойне в Боровичах. При выдаче справки вдове священника Демянского последовало распоряжение: “В соответствии с указанием КГБ при СМ СССР №108сс от 24 августа 1955 года заявительнице будет сообщено, что ее муж умер в лагерях 17 января 1941 года от компенсированного миокардита”[11]. Сердце слабым оказалось.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЗАЛУЧСКОГО БЛАГОЧИНИЯ

До революции в Залучском благочинии действовали девять церквей, через двадцать лет остались всего три. Окончательный разгром произошел осенью 1937 года.

В сентябре арестовали Ивана Сергеевича Кудряшова, священника церкви Иоанна Богослова в деревне Черенчицы, 40-летнего отца пятерых детей. Характеристика, данная малограмотным председателем Верясского сельсовета, добрых слов не содержала:

> По соцпроисхождению – служитель культа (поп), в дер. Черенчица прибыл в 1934 году, церковь существовала, в 1935 году колхозная масса вынесла решение церковь закрыть, то Кудряшов всякими методами старался агитировать против колхоза. Проводил службу в квартирах. Производил вредную контрреволюционную агитацию со своими приспешниками, кулаком Колчиным Кузьмой против колхоза и всех производимых мероприятий партийно-советской властью, что влияло на отсталую массу колхозников, в селении 120 хозяйств, в колхозе 88, не в колхозе 32. Так лишь по вредной агитации Кудряшова (поп).

На первом же допросе Кудряшов дал признательные показания: "Я относился враждебно к советской власти всегда и еще больше стал ненавидеть власть за то, что нас, попов, облагали налогами и принимали репрессивные меры против нас. Я воспитан своим отцом в религиозном духе и не мог согласиться с теми мероприятиями, которые проводит в жизнь советская власть в деревне". На вопрос о единомышленниках назвал фамилии некоторых священнослужителей района и подробно раскрыл их антисоветские позиции[12].

Концепции обвинения не вырисовывалось, работники райотдела НКВД продолжали действовать методом "тыка". Следующим стал неназванный Кудряшовым священник церкви Космы и Дамиана в деревне Дегтяри Никандр Дмитриевич Вихров, успевший до революции окончить духовное училище. От него смогли добиться немногого: "Будучи выходец из реакционной семьи, сын псаломщика и воспитанный в религиозном духе, я не мог не стать враждебным элементом по отношению к Советской власти".

И тогда сотрудники райотдела по ордерам, подписанным начальником Старорусского оперсектора НКВД старшим лейтенантом госбезопасности П. И. Малининым, 18 октября 1937 года просто арестовали всех немногих оставшихся в районе священнослужителей. Самым старым был Попов Василий Павлович, родившийся в год отмены крепостного права, благочинный церквей Залучского района и настоятель церкви Иоанна Богослова в деревне Верясско. Его сын Попов Николай Васильевич, перешагнувший 50-летний возраст, служил диаконом в церкви Архангела Михаила в деревне Шотово. Ровестник его Константин Николаевич Климовский, священник церкви Пророка Илии в деревне Ляховичи, отец пятерых детей. Священник Петр Васильевич Новорусский, семидесяти лет, проживал при церкви Преображения Господня в деревне Коровитчино. Диакон Андрей Георгиевич Играшов служил в церкви Вознесения Христова в селе Залучье до ее закрытия и переоборудования в клуб, проживал в деревне Верхняя Сосновка. Тогда же арестовали псаломщика церкви Иоанна Богослова в Черенчицах Кузьму Григорьевича Колчина и бывшего псаломщика Петра Ивановича Лапина, проживавшего в деревне Сутоки. Последним взяли священника Михайловской церкви в Шотово Александра Васильевича Быстрякова.

На одиннадцатый со времени ареста день, когда благочинный Василий Попов "созрел", состоялся первый официально зафиксированный допрос. Из протокола:

> Вопрос. Вы арестованы как руководитель контрреволюционно-поповской группы, существующей на территории Залучского района. Дайте показания по существу вопроса.
>
> Ответ. Да, я действительно как бывший благочинный церквей Залучского района руководителем контрреволюционно-поповской группы являюсь. Это руководство заключалось в том, что я неоднократно собирал в свою квартиру попов, где вели разговоры на контрреволюционные темы. Сборища по моему заданию устраивались и у других священников под видом празднования религиозных праздников.
>
> Вопрос. Какую цель преследовала ваша контрреволюционная группа?

Ответ. Наша группа своей целью ставила борьбу с советской властью путем проведения контрреволюционной агитации среди населения...

Главенство Попова подтвердил арестованный Новорусский: "Руководителем нашей поповской группы мы считали Попова Василия Павловича, бывшего благочинного церквей Залучского района… Я слышал примерно год тому назад, когда Попов Василий руководителей партии и правительства назвал гадами, но я Климовскому сказал, что это мало и что это сатанинская власть и первый сам сатана в образе человека"[13].

Небольшая биографическая справка. Петр Васильевич Новорусский был младшим братом известного народовольца Михаила Васильевича Новорусского. За подготовку покушения на императора Александра III последний, как член террористической группы Александра Ильича Ульянова, старшего брата Владимира Ильича Ульянова (Ленина), был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным одиночным заключением. Восемнадцать лет провел М. В. Новорусский в Шлиссельбургской крепости. Освобожденный первой русской революцией, он смог вернуться к активной научной и общественной деятельности, написал "Записки шлиссельбуржца". Скончался за рабочим столом от инсульта в 1925 году и был с почетом похоронен на мемориальном Волковом кладбище в Ленинграде недалеко от некрополя семьи Ульяновых. У младшего брата была иная судьба...

Нет смысла пересказывать тот бред о контрреволюционной деятельности, который заставил подписывать залучских священнослужителей работник районного отдела НКВД Л. Исаков. Этому "мастеру" не понадобилось и двух недель, как Малинин утвердил обвинительное заключение. Исаков написал, сокращая слова: "Участники данной к/р поповской группы неоднократно собирались на к/р сборища, где обсуждались вопросы борьбы с Соввластью путем ведения к/р агитации. Кроме того, каждый из участников вышеозначенной группы вел к/р агитацию непосредственно среди населения, особенно среди верующих".

На заседании особой тройки управления НКВД 15 ноября 1937 года Николай Попов и Петр Лапин получили по 10 лет заключения, остальные - высшую меру наказания. 24 ноября акты о расстреле размашистой подписью скрепил главный исполнитель, комендант управления старший лейтенант госбезопасности А.Р. Поликарпов[14]. Престарелые залучские священнослужители нашли вечный покой в Левашовской пустоши вместе с тысячами жертв сталинского произвола. Залучское благочиние прекратило существование.

Однако в повествовании рано ставить точку. В деле сохранились документы о судьбе сына благочинного, диакона Николая Васильевича Попова. Его мытарства ничем не отличались от жизненного пути людей, сразу не уничтоженных, выживших в лагерях, но несших несмываемое клеймо "церковников". В январе 1944 года Попова освободили из заключения по состоянию здоровья. Взяли рабочим на завод в Челябинской области, а после окончания войны он обосновался

в не разоренном боевыми действиями Мошенском районе и стал служить псаломщиком в церкви Тихвинской иконы Божией Матери в деревне Марково подальше от райцентра. Когда поднялась волна послевоенных "посадок" временно оказавшихся на свободе участников церковной контрреволюции, вспомнили о Попове и в феврале 1950 года он уже сидел в камере в Новгородской тюрьме. Вскоре следователь областного управления МГБ старший лейтенант Кузнецов написал коротенькое обвинение, что Попов "является участником антисоветской группы церковников и занимается антисоветской деятельностью", а посему предложил дело направить на рассмотрение Особого совещания при министре госбезопасности с рекомендацией применить "ссылку на поселение в отдаленные места Советского Союза". Таким отдаленным местом стал лесоучасток Борзова в Красноярском крае.

Оттуда, когда повеяло ветром послесталинских перемен, Попов послал письмо председателю президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову с просьбой о пересмотре его дела, потому что на следствии 37-го года оговорил себя и других обвиняемых. После хождений по МВД и Генпрокуратуре заявление Попова оказалось в Новгороде. Заместитель начальника следственного отделения управления КГБ старший лейтенант Л. Н. Подобин по материалам дела составил заключение, что Попов и другие к уголовной ответственности "привлечены правильно" и просьбу о реабилитации следует "оставить без удовлетворения". Согласие с заключением выразил начальник отделения майор Андрюхин.

Уже умер Сталин, расстреляли Берию, но до XX съезда оставались два года. Кое-какие дела, действительно, начали пересматривать, но в категорию "старых большевиков, верных ленинцев" диакон Попов явно не входил. Когда же ЦК КПСС дал команду на реабилитацию невинно уничтоженных в годы массовых репрессий, дело залучских священнослужителей решили без особых проблем и в ноябре 1956 года все они были реабилитированы посмертно[15]. Кстати, согласие на реабилитацию подписал все тот же начальник следственного отделения майор Андрюхин.

"ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ"

В середине декабря 1937 года арестовали епископа Сергия. В миру Васильев Павел Васильевич, родился 6 января 1878 года в деревне Жуково Старорусского уезда в крестьянской семье. Не сохранилось значительных достоверных данных об его предшествующем пути. Известно, что в молодости дослужился до армейского унтер-офицера, имел среднее образование, служил священником и во владыки был рукоположен в 1931 году с титулом епископа Демянского. После отъезда архиепископа Венедикта (Плотников) на Казанскую епархию епископ Сергий остался единственным архиереем. Служил он в церкви Архангела Михаила на Прусской улице близ Окольного города и Десятинного Рождество-Богородичного монастыря.

Из протокола допроса епископа Сергия через день после ареста оперативными работниками городского отдела НКВД Н. П. Лимовым и А. А. Заводниковым:

Вопрос: Материалами следствия Вы изобличаетесь в контрреволюционной деятельности, которую проводили в течение ряда лет среди духовенства Новгородской епархии. Намерены об этим дать правдивые показания?

Ответ: Да, это верно. Из допросов меня видно, что моя контрреволюционная деятельность следствием полностью разоблачена, скрывать это в дальнейшем считаю бесполезным и буду давать правдивые показания о своей преступной деятельности.

(Комментарий. Очевидно, что это был не первый допрос, но первый оформленный протоколом, когда сопротивление арестованного было сломлено. И с материалами у следствия было негусто. За двадцать дней до ареста епископа оперуполномоченный Москаленко мирно побеседовал со священником Михаилоархангельской церкви Владимиром Александровичем Богдановым, который донес: "В 1937 году в октябре месяце Васильев предложил мне принять участие в борьбе с Советской властью, заявляя: "Ты отстал от нашего духовного общества. Со многими священниками Новгородской епархии я беседовал и все они настроены против существующего советского строя и по моему предложению согласились вести борьбу с Советской властью, чтобы облегчить положение Германии в будущей войне с Советским Союзом". Владыка якобы предложил коллеге принять участие в подпольной организации. Священник Богданов же с чувством исполненного долга заявил: "Я от этого преступного действия отказался и сообщил органам НКВД"[16]. Предают близкие).

Вопрос: Кем Вы завербованы в контрреволюционную организацию церковников?

Ответ: В контрреволюционную организацию церковников я завербован в 1935 году архиепископом Венедиктом Плотниковым, руководителем в то время Новгородской епархии.

Вопрос: При каких обстоятельствах Вы были завербованы?

Ответ: В 1935 году я служил священником в Троицкой церкви дер. Аркажи Новгородского района и в мае месяце того же года был приглашен на обед священником Громцовым

(умер в 1936 году) в его квартиру гор. Новгород, где на обеде помимо меня присутствовали архиепископ Венедикт Плотников (арестован в 1936 г.), священник Твердынский (умер в 1937 г.), дьякон Семечкин (арестован в 1937 г.). За указанным обедом архиепископ Плотников рассказал нам о своем враждебном отношении к советской власти и о том, что он уже был приговорен к расстрелу... Зная враждебное отношение к советской власти присутствующих, не стесняясь поставил перед нами вопрос об организованной борьбе с советской властью и в этом разрезе дал установки.

Вопрос: В чем выражались эти установки?

Ответ: Мне и присутствующим Плотников дал следующие установки:

1. Организованно вести борьбу с советской властью, для чего вовлечь все духовенство, в особенности монархически и реакционно настроенное.
2. Создать из числа верующих и недовольных советской властью контрреволюционные ячейки, которые бы вели агитацию против мероприятий советской власти и дискредитировали советское правительство.
3. Собирать деньги среди мирян для оказания помощи репрессированному духовенству и их семьям.
4. Усилить религиозную пропаганду, затягивать службы в церквях в религиозные праздники, отвлекая этим самым крестьян от колхозных работ.
5. Разъяснять крестьянам, что колхозы их приведут к нищете и голоду и выгодны они только государству...

При создании контрреволюционных ячеек ставка должна быть взята на неграмотных и религиозно убежденных крестьян, кулаков, лишенцев, бывших полицейских и вообще лиц, обиженных советской властью.

Далее епископ Сергий показал, что с мая 1935 года по день ареста им в разное время в контрреволюционную организацию были завербованы шестнадцать священнослужителей церквей Новгорода и дал развернутые

показания, как они пытались "распространять провокационные и клеветнические измышления о жизни трудящихся в СССР, дискредитировать мероприятия соввласти, руководства ВКП(б) и советского правительства"[17].

Ничего нового по фигурантам "дела" владыка не открыл: на день его допроса все шестнадцать уже сидели по камерам Новгородской тюрьмы. Сотрудники отдела НКВД В. Никифоров, А. П. Козлов, Паламарчук, Жерлицын провели новые аресты и уже 25 декабря, т.е. на десятый день после ареста епископа Сергия, помощник оперуполномоченного А. А. Заводников представил обвинительное заключение. Набор общих обвинений и крупно выделенное главное достижение следователей – “ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ”. Документ настолько типичен для дел своего времени, что приводится полностью.

УТВЕРЖДАЮ
Начальник Новоперсектора НКВД
капитан госбезопасности
/Глушанин/
“25” декабря 1937 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
По следственному делу №91397-37 г.
по обвинению

1. ВАСИЛЬЕВА Павла Васильевича,
2. НИЛЬСКОГО Николая Павловича,
3. СОКОЛОВА Якова Яковлевича,
4. СЕМЕНОВА Дмитрия Георгиевича,
5. ЛЮБЫНСКОГО Георгия Ивановича

и других (всего 27 человек).

Я, помощник оперуполномоченного 1У отделения Новгородского горотдела НКВД Заводников, рассмотрев 24 декабря 1937 года следственное дело по обвинению участников контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, ставившей своей задачей:

1. Производить вербовку лиц в организацию из числа религиозно убежденных и враждебно настроенных к соввласти.
2. Вести контрреволюционную агитацию среди колхозников, предвещая неизбежность гибели советской власти.
3. Распространять провокационные и клеветнические измышления о жизни трудящихся в СССР, дискредитировать мероприятия соввласти, руководства ВКП(б) и советского правительства.

4. Вести агитацию за выход из колхозов, против выставленных кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, затягивать службу в церкви с целью срыва колхозных работ.

ПО ДЕЛУ ОБВИНЯЮТСЯ:

1. ВАСИЛЬЕВ Павел Васильевич (епископ Сергий), 1878 года рождения, уроженец дер. Жуково Старорусского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, епископ, образование среднее, беспартийный, одинок, не судим, проживал г. Новгород, служил епископом Новгородской епархии.

В ТОМ, что являлся руководителем контрреволюционной организации церковников, давал установки проводить контрреволюционные работы против советской власти. Собирал участников организации и проводил с ними сборища, где обсуждались методы борьбы против соввласти. Лично систематически, под видом религиозных служений, проводил антисоветскую работу. Листы дела № 126, 127, 129, 130, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

2. НИЛЬСКИЙ Николай Павлович, 1873 года рождения, уроженец гор. Новгорода Ленинградской области, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, не судим, женат, одна жена, проживает в г. Новгороде, служил в Фроловской церкви.

В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, в которую завербован в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ, активно выполнял контрреволюционные установки руководителя организации ВАСИЛЬЕВА, лично сам завербовал бывших монашек ГЕРАСИМОВУ, СМИРНОВУ и других, всего 7 человек, написал контрреволюционное положение и озаглавил его коммунистической заповедью и распространял содержание верующим. Листы дела № 126, 127, 129, 130, 142, 143, 144, 159, 160, 161.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

3. СОКОЛОВ Яков Яковлевич, 1880 года рождения, уроженец гор. Новгорода Ленинградской области, русский, гражданин СССР, иеродиакон, беспартийный, не судим, одинок, проживал в г. Новгороде, служил в Михаило-Архангельской церкви.

В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, в которую завербован епископом ВАСИЛЬЕВЫМ П. В. в 1936 году, получал от него установки в контрреволюционной работе и выполнял их. Лично сам завербовал враждебно настроенных лиц к советской власти РУМЯНЦЕВА и КОЛИБЕРСКОГО. Листы дела № 129, 130, 142, 144, 145, 169, 170, 171, 172.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

4. СЕМЕНОВ Дмитрий Георгиевич, 1882 года рождения, уроженец гор. Новгорода Ленинградской области, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, женат, одна жена, не судим, проживал гор. Новгород, служил в Федоро-Стратилатовской церкви.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, завербован в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ П. В., получал установки от него в контрреволюционной работе и выполнял их, проводя контрреволюционную агитацию среди посетителей церкви. Листы дела № 129, 130, 142, 194, 195, 196.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ

5. ЛЮБЫНСКИЙ Георгий Иванович, 1869 года рождения, уроженец села Порошки Волотовского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, судим в 1927 г. тройкой ПП ОГПУ, одинок, проживал в гор. Новгород, служил в Троицкой церкви Новгородского района.
В ТОМ, что был завербован в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ П. В. в контрреволюционную организацию церковников, существовавшую на территории Новгородского района, получал установки в контрреволюционной работе от ВАСИЛЬЕВА и полностью выполнял их, проводя контрреволюционную агитацию среди верующих. Листы дела № 129, 130, 142, 147, 206, 207, 208, 209.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

6. ЖЕМЧУЖИН Михаил Павлович, 1875 года рождения, уроженец села Буреги Старорусского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, не судим, одна жена, проживал в дер. Ракомо Ракомского сельсовета Новгородского района Ленинградской области, служил священником в церкви.

В ТОМ, что был завербован в 1937 г. в контрреволюционную организацию церковников, существовавшую на территории Новгородского района, епископом ВАСИЛЬЕВЫМ П. В., получал установки от него в контрреволюционной работе и выполнял их. Среди верующих распространял провокационные слухи о войне и гибели советской власти. Призывал колхозников не работать на производстве и выходить из последних. Листы дела № 126, 127, 143, 144, 164, 165, 166, 167.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

7. МОШИН Михаил Кузьмич, 1890 года рождения, уроженец дер. Б. Замошье Новгородского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, священник, грамотный, беспартийный, судим в 1936 г. по ст.61 УК РСФСР на 2 года лишения свободы, отбыл, женат, имеет жену и 3-х детей, проживал в дер. Ракомо Новгородского района, служил в Ракомской церкви.
В ТОМ, что был завербован в контрреволюционную организацию церковников, существовавшую на территории Новгородского района, в которую был завербован в 1937 году епископом Сергием – ВАСИЛЬЕВЫМ П. В., получал от него установки в контрреволюционной работе и выполнял их, проводя контрреволюционную агитацию среди верующих церковного прихода. Листы дела № 143, 145, 174, 175, 176.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

8. АБРАМОВ Василий Александрович, 1872 года рождения,
уроженец гор. Мошковичи бывш. Тверской губернии, русский, гражданин СССР, священник, грамотный, беспартийный, не судим, одинок, проживал в дер. Георгии Новгородского района, служил в Георгиевской церкви.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, в которую завербован в 1937 году епископом Сергием – ВАСИЛЬЕВЫМ П. В., получал от него установки в контрреволюционной работе и выполнял их, проводя контрреволюционную агитацию среди верующих церковного прихода. Листы дела № 126, 127, 143, 146, 178, 179, 180.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

9. ТРОИЦКИЙ Александр Иванович, 1868 года рождения, уроженец дер. Бель Валдайского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, образование среднее, беспартийный, не судим, одинок, проживал в дер. Водско Новгородского района, служил в Водской церкви.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, в которую был завербован епископом Сергием – ВАСИЛЬЕВЫМ П. В. в 1937 г., получал от него установки в контрреволюционной работе и полностью выполнял их, проводя контрреволюционную агитацию среди верующих церковного прихода, давая указания членам церковной двадцатки об информации его о ходе подготовки сельсовета к выборам, клеветал на депутатов в Верховный Совет. Листы дела № 143, 146, 147, 182, 189, 184.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

10. СОКОЛОВ Александр Яковлевич, 1882 года рождения, уроженец дер. Рахинцы Старорусского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, не судим, женат, жена и двое детей, проживал в дер. Сытино Новгородского района, служил в Сытинской церкви.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей в Новгородском районе, в которую завербован был в 1936 году епископом Сергием- ВАСИЛЬЕВЫМ П. В., получал от него установки контрреволюционной работы и полностью выполнял их, проводя контрреволюционную агитацию среди церковников прихода. Листы дела № 143, 147, 186, 187, 188.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.

11. СТУДЕНСКИЙ Федор Григорьевич, 1875 года рождения, уроженец села Чернышево Чембарского района Куйбышевской области, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, одинок, не судим, проживал г. Новгород, служил в Молотковской церкви.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, завербован в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ П. В., получал от него установки в контрреволюционной работе, полностью выполнял их, проводя контрреволюционную агитацию среди верующих. Листы дела № 143, 129, 130, 190, 191.

ПРИЗНАЛ ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПОЛНОСТЬЮ.

12. НАГУЛЯК Амвросий Константинович, 1880 года рождения, уроженец дер. Прилуки Киевской губернии, русский, гражданин СССР, бывший монах, грамотный, беспартийный, не судим, одинок, проживал в г. Новгороде, без определенных занятий.
В ТОМ, что был завербован в 1936 г. епископом Васильевым в контрреволюционную организацию церковников, существовавшую на территории Новгородского района, получал задания проводить контрреволюционную агитацию в разрезе задач организации – в местах скопления населения и рынке. Полностью выполнял контрреволюционные поручения руководителя организации. Листы дела № 129, 130, 143, 147, 200а.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ. [НЕ вписано чернилами. – М. П.].

13. АКРИЦКИЙ Василий Иванович, 1878 года рождения, уроженец гор. Новгорода Ленинградской области, русский, гражданин СССР, служитель религиозного культа – дьякон, беспартийный, не судим, одинок, проживал в г. Новгороде, служил дьяконом в церкви Воскресение г. Новгорода.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, в которую завербован в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ П. В., по заданию которого проводил контрреволюционную, клеветническую агитацию против существующего строя. Распространял провокационные измышления о якобы плохой жизни трудящихся в СССР. Дискредитировал мероприятия советской власти и совправительства. Вел агитацию за выход из колхозов.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 129, 142, 202, 203, 204.

14. АБАЕВ Александр Григорьевич, 1866 года рождения, уроженец гор. Мезень Архангельской губернии, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, не судим, одинок, проживал г. Новгород, без определенных занятий.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, в которую завербован в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ. Получал от Васильева установки в контрреволюционной работе, активно выполнял их, проводя

контрреволюционную агитацию, направленную против существующего советского строя.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 126, 127, 211, 212, 219.

15. РУМЯНЦЕВ Сергей Николаевич, 1896 года рождения, уроженец гор. Новгорода, русский, гражданин СССР, бывший священник, образование среднее, беспартийный, не судимый, женат, имеет жену и 2-х детей, проживал г. Новгород, работал в артели “Моряк” счетоводом.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, в которую был завербован в 1937 г. иеродиаконом СОКОЛОВЫМ. Получал от последнего установки в контрреволюционной работе. Лично сам систематически клеветал на существующий советский строй, призывал верующих не голосовать за коммунистических кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 169, 170, 215, 216, 217.

16. КОЛИБЕРСКИЙ Владимир Иванович, 1901 года рождения, уроженец дер. Демьянка Порховского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, сын священника, образование среднее, беспартийный, не судим, имеет жену и двух детей, проживал г. Новгород, работал в Новгородской сплавконторе бухгалтером.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, в которую был завербован в 1937 г. иеродиаконом СОКОЛОВЫМ. От последнего получал контрреволюционные установки в борьбе с советской властью и выполнял их. Призывал верующих активнее посещать церковь и организовывать саботаж производственной работе. Дискредитировал мероприятия, проводимые соввластью.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 169, 170, 171, 172, 219, 220.

17. ЯКИМОВ Василий Георгиевич, 1890 года рождения, уроженец дер. Колмово Новгородского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, не судим, женат, имеет жену, проживал дер. Нехотилово Новгородского района, служил в Троицкой церкви.

В ТОМ, что будучи завербован в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ П. В. в контрреволюционную организацию церковников, существовавшую на территории Новгородского района, по заданию руководителя организации ВАСИЛЬЕВА систематически проводил контрреволюционную агитацию среди верующих, направленную против Советской власти.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 142, 223, 224.

18. ОВЧИННИКОВ Павел Александрович, 1881 года рождения, уроженец дер. Тушино-Остров Чудовского района Ленинградской области, русский, гражданин СССР, священник, образование среднее, беспартийный, не судим, женат, имеет жену, проживал в дер. Слутка Новгородского района, служил в Слутской церкви Новгородского района.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей в Новгородском районе, в которую завербован в 1937 г. епископом Васильевым, получая задания от ВАСИЛЬЕВА в контрреволюционной работе, систематически проводил контрреволюционную агитацию против проводимых мероприятий партии и правительства, клеветал на вождей ВКП(б) и совправительства, призывал колхозников уходить из колхоза. Возбуждал у верующих террористические настроения к сельскому активу.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 243, 227, 228, 229, 230.

19. ЧУПИН Андрей Михайлович, 1879 года рождения, уроженец дер. Хутынь Новгородского района, русский, гражданин СССР, священник, грамотный, беспартийный, не судим, женат, имеет жену и 1 ребенка, проживает в дер. Гузи Новгородского района, служит в Гузинской церкви Новгородского района.
В ТОМ, что является участником контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района, в которую завербован в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ. В соответствии задач организации, получал установки в контрреволюционной работе и активно выполнял их, проводя контрреволюционную агитацию среди верующих церковного прихода.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 143, 232, 233, 234, 114, 116, 118, 120.

20. НИКАНДРОВА Софья Афанасьевна, 1897 года рождения, уроженка гор. Новгорода, русская, гражданка СССР, сектантка, грамотная, беспартийная, судима в 1933 г. тройкой ПП ОГПУ по ст.58 п.10-11 УК РСФСР – на 3 года условно, одинокая, проживала г. Новгород, без определенных занятий.
В ТОМ, что является участницей контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района Ленинградской области, к которую была завербована в 1937 г. епископом ВАСИЛЬЕВЫМ П. В. Будучи председателем церковной двадцатки, получала установки в контрреволюционной работе от руководителя организации ВАСИЛЬЕВА и выполняла их.
ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА.
Листы дела № 236, 237.

21. СЕЛИВАНОВА Анна Александровна, 1881 года рождения, уроженка сел. Холынья Холынского сельсовета Новгородского района Ленинградской области, русская, гражданка СССР, жена священника, образование среднее, беспартийная, одинокая, проживает гор. Новгород, домохозяйка.
В ТОМ, что является участницей контрреволюционной группы церковников, в которую завербована священником НИЛЬСКИМ в 1937 г. По заданию последнего проводила контрреволюционную клеветническую агитацию против существующего строя. Распространяла провокационные слухи о будущей войне и неизбежной гибели в ней соввласти. Вела агитацию за выход из колхозов. Стращала колхозников расправой. Проводила контрреволюционную агитацию против кандидатов в депутаты Верховного Совета.
ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 159, 160, 239, 240.

22. ГЕРАСИМОВА Евдокия Николаевна, 1860 года рождения, уроженка дер. Острова Старорусского района Ленинградской области, гражданка СССР, монашка, грамотная, беспартийная, одинокая, проживала гор. Новгород, без определенных занятий.
В ТОМ, что является участницей контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района Ленинградской области, в которую завербована в 1937 г. священником НИЛЬСКИМ, по заданию последнего проводила контрреволюционно-клеветническую

агитацию, направленную против ВКП(б) и советской власти, распространяла провокационные слухи о том, что советская власть существует последний год, колхозы будут уничтожены. Вела агитацию против выдвинутых кандидатов-коммунистов в кандидаты Верховного Совета.
ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 159, 160, 242, 243.

23. КОРНЕЦКАЯ Дарья Даниловна, 1893 года рождения, уроженка дер. Мясной Бор Любецкого сельсовета Новгородского района Ленинградской области, русская, гражданка СССР, беспартийная, грамотная, без определенных занятий, одинокая, проживала в г. Новгороде.
В ТОМ, что является участницей контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района Ленинградской области, в которую завербована священником НИЛЬСКИМ в 1937 году. По заданию последнего распространяла клеветническую контрреволюционную агитацию, направленную против ВКП(б) и соввласти.
ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА.
Листы дела № 159, 160, 245, 246, 247.

24. СМИРНОВА АННА Антоновна, 1881 года рождения, уроженка дер. Усполонь Старорусского района Ленинградской области, русская, гражданка СССР, без определенных занятий, монашка, грамотная, беспартийная, одинокая, проживала в гор. Новгороде.
В ТОМ, что является участницей контрреволюционной организации церковников, в которую завербована в 1937 г. священником НИЛЬСКИМ, по заданию которого проводила контрреволюционную агитацию среди трудящихся против мероприятий, проводимых партией и соввластью. Распространяла провокационные слухи о будущей войне и гибели в ней советского правительства. Проводила агитацию за выход из колхозов. Распространяла клеветнические измышления о голоде в них. Призывала не голосовать в день выборов в Верховный Совет СССР за кандидатов-коммунистов, ибо последние будут издеваться над верующими.
ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 159, 160, 249.

25. СМИРНОВА Прасковья Антоновна, 1874 года рождения, уроженка дер. Усполонь Старорусского района Ленинградской области, гражданка СССР, русская, без определенных занятий, монашка, грамотная, беспартийная, одинокая, проживала в г. Новгороде.
В ТОМ, что является участницей контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района Ленинградской области, в которую завербована священником НИЛЬСКИМ в 1937 году. По заданию последнего распространяла контрреволюционную клеветническую агитацию, направленную против ВКП(б) и соввласти.
ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 159, 160, 251.

26. АНДРЕЕВА Анна Андреевна, 1891 года рождения, уроженка села Воронцово Качановского сельсовета Островского района Ленинградской области, русская, гражданка СССР, без определенных занятий, монашка, грамотная, беспартийная, одинокая, проживала гор. Новгород.
В ТОМ, что является участницей контрреволюционной организации церковников, в которую завербована священником НИЛЬСКИМ Н. в 1937 г. По заданию последнего распространяла контрреволюционную, клеветническую агитацию, направленную против ВКП(б) и соввласти.
ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 159, 160, 253.

27. МИНЮКОВА Елена Андреевна, 1890 года рождения, уроженка дер. Жилой Чернец Старорусского района Ленинградской области, гражданка СССР, русская, без определенных занятий, грамотная, беспартийная, одинокая, проживала гор. Новгород.
В ТОМ, что является участницей контрреволюционной организации церковников, существовавшей на территории Новгородского района Ленинградской области, в которую завербована в 1937 г. священником НИЛЬСКИМ Н. По заданию последнего проводила контрреволюционную, клеветническую агитацию, направленную против ВКП(б) и соввласти. Распространяла провокационные слухи о скорой войне и гибели в ней существующего строя.
ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА ПОЛНОСТЬЮ.
Листы дела № 159, 160, 255, 256.

Считая следствие по делу законченным,

ПОСТАНОВИЛ:
Следственное дело по обвинению ВАСИЛЬЕВА П. В., НИЛЬСКОГО Н. П., СОКОЛОВА Я. Я., СЕМЕНОВА Д. Г., ЛЮБЫНСКОГО Г. И. и других, в числе 27 человек, направить на рассмотрение тройки УНКВД ЛО по “ ” категории.
Помощник оперативного уполномоченного 1У отделения
/Заводников/
СПРАВКА:
Арестованные:
ВАСИЛЬЕВ, НИЛЬСКИЙ, СОКОЛОВ, СЕМЕНОВ, НАГУЛЯК, СТУДЕНСКИЙ, АКРИЦКИЙ, ШАБАЕВ, РУМЯНЦЕВ, КОЛИБЕРСКИЙ, НИКАНДРОВА, СМИРНОВА П. – 16 декабря 1937 года.
ЯКИМОВ, ЖЕМЧУЖИН, ОВЧИННИКОВ, ТРОИЦКИЙ – 21/ХП-37 г.
АНДРЕЕВА, МИНЮКОВА, СМИРНОВА А., СЕЛИВАНОВА – 15/ХП-37 г.
СОКОЛОВ А., МОШИН, ЧУПИН – 22/ХП-37 г.
АБРАМОВ – 19/ХП-37 г., КОРНЕЦКАЯ – 10/ХП-37 г.
Любынский – 23/ХП 1937 года – содержатся в Новгородской тюрьме.
Помощник оперативного уполномоченного 1У отделения:
/Заводников/[18].

Еще через пять дней состоялось заседание особой тройки управления НКВД по Ленинградской области, приговорившей 22 человека к высшей мере наказания, а остальных – к длительным срокам лишения свободы. Осужденных к расстрелу уничтожили в Новгороде 8 и 9 января 1938. О месте бесспорно свидетельствует документы, заверенные подписью начальника и печатью городского отдела НКВД. Свидетельство гибели епископа Новгородского Сергия:

АКТ.
Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 264 от 30.ХП.1937 г. в отношении осужденного к В.М.Н. Васильева Павла Васильевича приведен в исполнение 9.I.1938 г., о чем и составлен настоящий акт. Начальник ГО НКВД – капитан ГБ Глушанин. 9.I.1938 г.[19]

Где-то под Новгородом покоятся в безвестных братских могилах священнослужители городских и пригородных церквей и инок Амвросий Константинович Нагуляк, которому незадолго до ареста епископ Сергий "облачение на схимничество произвел", единственный не признавший свою

"вину". Вместе с мужчинами были расстреляны три женщины. Монахиня Герасимова Евдокия Николаевна, возраст 77 лет. (Она-то какую опасность представляла для режима?). Монахини-сестры Смирновы Прасковья Антоновна и Анна Антоновна. Другие пять женщин были осуждены на длительные сроки заключения. Никандрова Софья Афанасьевна, член церковной двадцатки. Селиванова Анна Александрова, вдова священника. Корнецкая Дарья Даниловна, член двадцатки церкви Архангела Михаила. Монахиня Андреева Анна Андреевна и Минюкова Елена Андреевна.

В 1954 году Анна Андреевна Андреева, полностью отбывшая десятилетний срок и проживавшая в Печорах на Псковщине, обратилась с заявлением о пересмотре дела. В ходе проверки оказалось, что не сгинули в сталинских лагерях Софья Афанасьевна Никандрова и Елена Андреевна Минюкова, вернулись в Новгород. Дополнительно пришлось им побывать в ссылке как "церковницам" по директиве МГБ и Прокуратуры СССР от 28 октября 1948 года. Проводивший проверку следователь управления КГБ майор Кудряшов посчитал в целом по делу решение тройки вполне обоснованным, по этим же трем женщинам предложил решение отменить, что и сделал трибунал Ленинградского военного округа весной 1956 года.

Одновременно трибунал усомнился в заключении Кудряшова, так как "обвинение в отношении остальных 24 человек покоится на крайне сомнительных, требующих самой тщательной проверки документах". По определению трибунала, "следствие по делу Васильева и других проведено необъективно, неполно, поверхностно, с грубыми нарушениями процессуальных норм, а внесудебный порядок рассмотрения дела исключил возможность проверки материалов следствия в отношении всех обвиняемых". Было обращено внимание на новые показания женщин: "им ничего не было известно не только о какой-либо антисоветской группе церковников, но они даже не знали до последнего времени о том, что проходили с ними по одному и тому же делу".

В ходе проверки изучались данные на сотрудников Новгородского городского отдела НКВД, принимавших участие в допросах по делу епископа Сергия. Выяснилось, что А. А. Заводников и В. А. Никифоров в конце 1940 года были из органов уволены "за невозможностью использования". Оперуполномоченный сержант госбезопасности Н. П. Лимов сделал неплохую карьеру. Имея за плечами всего два курса Новгородского дорожно-строительного техникума, во время войны служил в армейской контрразведке, принимал участие в обороне Ленинграда, был награжден тремя орденами и медалями. В Особой инспекции давал показания будучи полковником, заместителем начальника отдела 2-го Главного управления КГБ СССР (контрразведка).

Лимов оценивал тридцатые годы однозначно: "В этот период церковники в Новгороде вели активную антисоветскую агитацию. При церковных службах активно читались проповеди антисоветского содержания. Бродячие монахи и монахини распространяли различные клеветнические измышления на

советскую действительность". Припомнил он и допросы епископа Сергия и схимонаха Амвросия: "Применялись ли к арестованным по данному делу незаконные методы ведения следствия, мне неизвестно. Лично я никогда такими методами не пользовался"[20].

Наконец, в предпоследний день 1959 года президиум Новгородского областного суда под председательством Н. К. Шванюкова рассмотрел протест прокурора на решение особой тройки по делу церковной организации. Приводим резолютивную часть постановления как типичную при реабилитации служителей Новгородской епархии, необоснованно репрессированных в годы Большого террора:

> … Протест, в котором ставится вопрос об отмене постановления тройки и прекращении дела производством за недоказанностью состава преступления в действиях всех осужденных, подлежит удовлетворению по следующим основаниям.
>
> Обвинение всех осужденных основано главным образом на их личных пояснениях в процессе предварительного расследования, где все они признали себя виновными. Однако показания осужденных являются неконкретными, в силу чего вызывают сомнения в части их правдоподобности.
>
> Так, ВАСИЛЬЕВ П. В. на допросе 17 декабря 1937 года пояснил (здесь и далее опущены ссылки на листы следственного дела. – М. П.), что в 1935 году он был завербован в контрреволюционную организацию бывшим Новгородским архиепископом ПЛОТНИКОВЫМ В., арестованным и осужденным особой тройкой 11 августа 1937 года к ВМН.
>
> Между тем, в деле по обвинению ПЛОТНИКОВА ВАСИЛЬЕВ П. В. не был привлечен к ответственности. К тому же постановлением президиума Новгородского областного суда от 30 ноября 1956 года постановление особой тройки по делу ПЛОТНИКОВА и других отменено и дело это прекращено за отсутствием состава преступления в действиях ПЛОТНИКОВА и других лиц, совместно с ним осужденных.
>
> Предварительное следствие по данному делу было проведено необъективно и поверхностно, а внесудебный порядок рассмотрения дела исключил возможность проверки материалов расследования.
>
> Так, в протоколах допроса осужденных МИНЮКОВОЙ Е. А. и НИКАНДРОВОЙ С. А. было записано, что НИКАНДРОВА была завербована в контрреволюционную организацию ВАСИЛЬЕВЫМ П. В., а МИНЮКОВА – НИЛЬСКИМ Н. П.,

по заданиям которых они и проводили антисоветскую работу среди населения.

После осуждения НИКАНДРОВА в своих неоднократных жалобах указывала, что ее показания подверглись фальсификации, протокол ее допроса был заготовлен заранее и ею не подписывался.

Будучи передопрошенной в ноябре 1955 года, НИКАНДРОВА удостоверила, что показания, приписанные ей следствием, ею не давались, протоколы допросов подписаны не ею.

Осужденная МИНЮКОВА, передопрошенная в 1955 году, также опровергла приписанные ей показания и удостоверила, что по делу контрреволюционной организации церковников ее не допрашивали, протокол допроса ей не читали и что в нем было записано – ей неизвестно.

Фальсификация бывшими работниками НКВД показаний МИНЮКОВОЙ и НИКАНДРОВОЙ дают основания полагать, что допущена была и фальсификация других документов обвинения.

Так, например, священник ШЕВЧЕНКО Н. П. утверждал, что в неоднократных беседах с ним служители религиозного культа (9 человек) проявляли свою враждебность к Советской власти. Он утверждал также, что все они проводили антисоветскую агитацию среди населения.

Однако, с кем, когда, при каких обстоятельствах беседовал ШЕВЧЕНКО – из его показаний установить нельзя; кто из осужденных, когда, где и среди кого проводил контрреволюционную работу – также неизвестно.

Осужденный НАГУЛЯК на следствии виновным себя не признал. Его изобличили показания свидетеля МОИСЕЕВА Н. З. Однако очной ставки между ними проведено не было.

В отношении осужденных ЯКИМОВА, ТРОИЦКОГО, СОКОЛОВА А. Я., РУМЯНЦЕВА, КАЛИБЕРСКОГО, ОВЧИННИКОВА, МОШИНА, СМИРНОВОЙ А. А., ШАБАЕВА, СЕЛИВАНОВОЙ и КОРНЕЦКОЙ свидетели вообще не допрашивались, а ШАБАЕВ осужден на основании одних своих личных признаний.

В процессе перепроверки документов по данному делу в 1955 году были допрошены свидетели Фомин А. М., Еремеева А. В., Волкова У. П. и другие – всего 28 граждан, знавших осужденных, которые удостоверили, что никаких фактов антисоветской деятельности со стороны осужденных им неизвестно.

> При наличии таких данных президиум областного суда находит, что доказательства, положенные в основу обвинения осужденных, частично сфальсифицированы, а частично вызывают сомнения в их достоверности. Следовательно, дело в отношении всех осужденных подлежит прекращению за недоказанностью состава преступлений в их действиях.

Президиум областного суда на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 года постановление особой тройки отменил в дело производством прекратил за недоказанностью состава преступления[21]. Обращает внимание половинчатость судебного решения: дело было прекращено не за отсутствием государственного преступления, а как бы из-за недоработки следствия, не доказавшего состава возможного преступления.

ПОВСТАНЦЫ

Если сельского батюшку не зачисляли в районную “контрреволюционную группировку церковников”, он обвинялся в идейном руководстве приходской “контрреволюционной повстанческой группой”, в которую входили крестьяне-единоличники, учителя и колхозники. При нападении империалистов на СССР такие группы должны были, не много ни мало, поднять вооруженное восстание в тылу доблестной Красной Армии и тем способствовать победе мировой буржуазии. Как повстанцев, уничтожили тысячи новгородских мужиков, никогда не участвовавших в политических баталиях, ни в каких партиях не состоявших, смолоду добывавших хлеб насущный трудами рук своих. Уничтожение соли земли Русской – интеллигенции, крестьян, рабочих – главное преступление сталинского режима, и нет для палачей народа срока давности.

Таких “повстанческих групп” было по несколько в каждом районе. Одной из них стала группа в Виленском сельсовете Старорусского района. Ее идейным руководителем определили священника церкви Преображения Господня в старинном селе Леохнове Владимира Константиновича Семеновского. Он родился 24 марта 1884 года в деревне Назарово Ярославской губернии в потомственной священнической семье. После получения высшего образования в Санкт-Петербургской духовной академии преподавал Закон Божий в Маловишерском реальном училище и гимназии, а после революционных событий переехал из пролетарского городка при железной дороге в тихую сельскую местность и уже двадцать лет служил в Леохновском храме, был женат, имел сына и двух дочерей. Священник с золотым академическим значком в сельском храме был редкостью даже для Новгородской епархии, особой нужды в служителях высшей квалификации в общем-то никогда не испытывавшей.

В пору коллективизации отец Владимир познакомился с процедурой следствия. В Новгородский оперсектор ОГПУ поступило официальное заявление председателя колхоза “Виленка” В. Софронова с просьбой “принять

меры” к попу Семеновскому, который “ведет агитацию против колхозов и всячески старается развалить колхоз”. Только-только становившиеся на ноги коллективные хозяйства находились под бдительной опекой административных органов, и любое высказывание против новой формы организации сельскохозяйственного производства и жизни сельских тружеников влекло в лучшем случае обвинение в антигосударственной агитации.

Началась оперативная разработка подозреваемого. Одним из первых невнятные показания дал свидетель Павел Васильев, коммунист, избач: “поп Семеновский – контрреволюционная личность. Как хорошо образованный, политически развитый, действуя через кулаков и женщин, но видя сильный рост коллективизации, сам стал выступать с контрреволюционными проповедями”.

Ладно бы председатель колхоза и избач. От них не отставали православные прихожане, кто не пропускал церковных служб и праздников, внимал проповедям. Крестьянин Гавриил Федоров: “В проводимых Семеновским проповедях проводит среди слушателей антисоветскую линию. Мне пришлось долго уяснять сущность их содержания, т.к. он, имея высшее образование, антисоветскую агитацию умело маскировал библейскими выдержками и изречениями, подбирая таковые под настоящие условия жизни и мероприятия советской власти”. Крестьянин Владимир Софронов: “Семеновский имеет большое влияние среди кулацко-зажиточной части и как хорошо грамотный, зная все законы, запугивает середняцко-бедняцкие массы”. Крестьянин Григорий Лисиков: “проповеди Семеновского я слышал, в них он говорит намеком, как-то “Нужно терпеть, православные, как терпели наши угодники”.

Ровно два месяца провел Владимир Константинович на нарах Новгородской тюрьмы, пока не вмешались начальник секретно-политического отдела В. Н. Викторов и начальник оперсектора М. Я. Состэ, подписавшие постановление о прекращении дела: “Обвиняемый Семеновский виновным себя не признал, а установленного следствием материала, изобличающего его в преступлении, предусмотренном ст.58-10 УК недостаточно”[22].

…Спустя шесть лет опять тюремные нары, только старорусские. Дело виленских повстанцев вели одиозные для Старой Руссы времени ежовщины фигуры – П. И. Малинин, Г. Я. Бельдягин, П. М. Уткин. Кроме Семеновского, арестовали лиц, причастных к Леохновской церкви. Церковный староста Тиханов Федор Матвеевич, члены двадцатки Родионов Яков Васильевич, Гараничев Глеб Павлович, Колосов Яков Яковлевич, братья Федор и Григорий Монаховы, Майоров Михаил Яковлевич, несколько колхозников, всего пятнадцать жителей деревень Виленка, Елицы и Гостеж.

В какой спешке стряпалось дело, судите сами. Священника арестовали 3 августа, провели следствие, Уткин подготовил и направил в Ленинград обвинительное заключение, не указав даже даты, а 22 августа из управление дело возвратили на доследование. Заместитель начальника отдела капитан госбезопасности Рубенчик дал десять дней, чтобы все не признавшие себя

виновными изменили показания. Личное признание считалось “царицей доказательств”, без такового особая тройка могла и не пропустить обвиняемых по первой категории. Считалось браком в работе следователя, если не хуже для него, коли человека, не признавшего свою вину перед рабоче-крестьянским государством и не раскаявшегося, отправляли в лагерь.

Указание начальника старорусские костоломы выполнили и уже 21 сентября 1937 года особая тройка рассмотрела представленные материалы. По этим материалам, контрреволюционная группировка Семеновского решала следующие задачи: “Вербовку кадров в повстанческую группу для подготовки вооруженного восстания против советской власти, которое намечалось в случае войны капиталистических государств с СССР”; “Организация террористических актов над коммунистами и сельским активом”; “Шпионаж в пользу иностранных государств, имея в виду Германию и Японию”. Само собой, антисоветская агитация. Не было ни одного факта, подтверждавшего бы наличие самой “повстанческой группы”, из показаний свидетелей не усматривалось ни времени, ни места, ни лиц, среди которых велась агитация, но особая тройка приговорила одиннадцать человек к высшей мере наказания, троих отправила в лагеря; один человек умер в тюрьме.

Чуяли неправедность свершенной казни и заметали следы. Жене священника сообщили устно, что “муж ее Семеновский В. К. осужден и отправлен в дальние лагеря”, иным – “осужден и выслан в особо режимные лагеря без права переписки”. Даже с началом реабилитации продолжали сообщать родственникам о смерти близких то в марте 1944 года от “инфаркта легкого” (?), то в августе 1944 – от тромбоза сосудов, то в январе 1945 – от крупозного воспаления легких[23].

Одновременно с группой Семеновского была “раскрыта” подобная группа в Любынском сельсовете соседнего Шимского района. Входили в нее всего три человека – 67-летний священник Василий Александрович Третинский и его ровесники крестьяне Петр Сысоевич Сысоев и Василий Федорович Должиков. На первом допросе священник отрицал связи с бывшими эсерами и кулаками, но на втором дал развернутые показания. Да, вел “беседы контрреволюционного содержания”, агитировал за выход из колхозов, проводил службы в самый разгар сельскохозяйственных работ с целью нанести экономический вред государству и даже сделал невероятное для священника заявление: “я должен признаться, что детей-младенцев я крестил в холодной воде для того, чтобы увеличить процент смертности в СССР”.

Обвинительное заключение помощник уполномоченного райотдела НКВД Алексеев подготовил в рекордный срок – на следующий день после ареста двух подельников Третинского. На полутора страничках нет даже ссылок на свидетельские показания, достаточно оказалось личных признаний обвиняемых. На седьмой день после ареста тройка уже вынесла смертный приговор. 23 октября 1937 года всего трое были уничтожены[24].

Акт о расстреле подписал начальник Новгородского отдела НКВД В. Н. Глушанин, а это еще одно подтверждение вывода, что на территории

Новгородчины в годы Большого террора происходили расстрелы заключенных в тюрьмах Новгорода и Боровичей.

Распространенным обвинением для священнослужителей стало ведение ими антисоветской агитации среди верующих. Расследование дела священника церкви Архистратига Михаила в деревне Астрилово Василия Александровича Георгиевского сотрудники Старорусского отдела НКВД Г. В. Бельдягин и П. Ф. Захаров провели за два дня. Допросили трех свидетелей, удовлетворились их показаниями типа: “как служитель религиозного культа враждебно настроен к мероприятиям советской власти и среди населения занимается контрреволюционной агитацией”, обошлись без очных ставок и сдали дело тройке по первой категории – расстрел. Для уничтожения священника церкви Преображения Господня в деревне Кунино Новгородского района Владимира Николаевича Высокоостровского оказалось достаточно показания единственного “свидетеля” С. И. Лаврова: “Мне известно, что он до последнего дня своего ареста вел агитацию среди колхозников о соблюдении всех церковных праздников”[25].

…Можно бесконечно долго рассказывать о судьбе священно- и церковнослужителей Новгородской епархии, председателях и членах церковных двадцаток, павших жертвами Большого террора. В примечаниях к этой главе обратите внимание на нумерацию дел фонда 1а (реабилитированные) архива управления ФСБ и фонда 3701 (областной суд) Государственного архива области. Всего, по далеко не полным данным, жертвами политических репрессий только в 1937-1938 годах в новгородских районах стали более 13 тысяч человек[26]. А ведь репрессии велись и до, и после ежовщины. По архивным материалам составлен мартиролог священнослужителей и монашествующих Новгородской епархии.

Нельзя не коснуться еще одной темы. В главе названы имена выкормышей Ягоды – Ежова, на чьих руках кровь православных. Они перестали быть нужными системе. За “фальсификацию следственных материалов” только по Старорусскому району были приговорены к длительным срокам заключения начальник оперсектора НКВД П. И. Малинин, начальник районного отдела Г. Я. Бельдягин, оперативные работники У. Ф. Глушнев, П. Ф. Захаров, П. М. Уткин[27]. Осудили еще нескольких, других уволили, в их числе начальника Новгородского оперсектора НКВД В. Н. Глушанина. В середине 1950-х годов были осуждены или уволены из органов КГБ по компромитирующим мотивам все лица, причастные к массовым репрессиям. Органы государственной безопасности СССР проходили нелегкий путь очищения.

ДВА ПИСЬМА

Фактически Русская Православная Церковь к концу 1930-х годов прекратила существование. Режиму понадобилось два десятка лет, чтобы дотла разорить создававшееся более девяти столетий. Во всем Советский Союз действовали не более ста храмов. На свободе остались лишь четыре правящих архиерея – Патриарший Местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский), митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский), архиепископ Николай (Ярушевич), временно управляющий Новгородской и Псковской епархиями, и архиепископ Сергий (Вознесенский), представлявший Церковь в Прибалтике.

Древнейшая в России Новгородская епархия пришла к трагическому концу. Не служили в ободранных храмах погибшие священники, не благовестил звон сданных в переплавку колоколов. Только в церкви Архангела Михаила на Прусской улице в Новгороде теплилось подобие церковной жизни.

Положение наглядно представляет бесхитростное письмо верующих Старой Руссы своему депутату, известному писателю Алексею Николаевичу Толстому, написанное 25 февраля 1938 года: “Мы, верующие, просим Вас как депутата Верховного Совета обратить внимание на наше печальное положение, в каком мы находимся в настоящее время. В нашем г. Старая Русса нет ни одного священника – всех арестовали и в окрестностях города также нет. Люди плачут горькими слезами: привозят в город из окрестностей покойников и младенцев крестить и с великими рыданиями едут обратно с покойниками и младенцами. Просим Вашего заступления за нас, верующих, перед Верховным Советом, чтобы обратили внимание на наше горькое положение. Если нужно, то 10-тки тысяч дадим подписей”.

Скорбное письмо направила писателю 15 ноября того же года О. С. Вигилянская из деревни Домаши ныне Валдайского района. Ее муж, диакон Александр Константинович Вигилянский, был осужден еще в октябре 1937 года к высшей мере наказания; женщина не знала, что она больше года вдова.

“Алексей Николаевич, я гражданка деревни Домаши Замошьевского сельсовета Лычковского района Ленинградской области Вигилянская Ольга Семеновна. Решила с Вами письменно посоветоваться и просить Вашего разъяснения. Лично о себе: я бывшая дьяконница, семья из 4-х человек, мне от роду 38 лет, детям от двух лет до восьми старшей. Я подавала два заявления о принятии меня в колхоз. Меня не приняли. Я имела плохую лошаденку, клячу, каковую предлагала купить колхозу, но правление колхоза ввиду плохой трудоспособности лошади ни за какую цену ее не взяли. Лошадь я держала с марта месяца 1937 года до октября 1938, заработка я на ней не имела никакого. Но сейчас на меня наложили налог 500 рублей, каковой я уплатить не в силах, нет средств. За неуплату налога у меня описали все имущество на сумму 280 рублей. Правильно ли поступает сельсовет и налоговый инспектор, что описывает такое мизерное имущество и из-за которого все-таки я с детьми должна пойти на самоубийство ввиду того, что я больше не имею никаких

средств на существование. Я малограмотна, специальностей никаких не имею, дочь крестьянина-бедняка. Кормилась, пока муж занимался дьяконством, а сейчас он с 1937 года взят под стражу по линии НКВД и по сейчасный момент не имею никаких известий, жив он или нет, за что взят, тоже не знаю.

По всему изложенному выше, я решила обратиться к нашему избранному депутату в Верховный Совет СССР за помощью. Прошу Вас, Алексей Николаевич, ответить мне письменно Ваше мнение. Правильно ли у нас делается в Лычковском районе или нет. К сему О. Вигилянская". (См. Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.507, 509)

Не ответил орденоносный писатель. Пожинал плоды повести "Хлеб", где создал монументальный образ Великого Сталина, организатора и вдохновителя всех побед в годы Гражданской войны.

Типичными для той поры стали приводимые документы. Из решения президиума Чудовского райисполкома от 4 октября 1939 года: "Учитывая, что церковная двадцатка отказалась от руководства и большая часть ее распалась и с 1937 года церковное здание не функционирует (священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Оскуй Василий Васильевич Светлов 5 ноября 1937 года особой тройкой был осужден к расстрелу. – М.П.), в 1938 году сельсоветом было сделано соответствующее объявление, на которое никто из верующих принять на себя культовое имущество, а также и церковь, не изъявил желания, а также считаясь с требованиями колхозников о закрытии церкви, президиум РИКа постановляет: 1/ Церковь Рождества Богородицы в селе Оскуй закрыть. 2/ Освободившееся здание использовать под клуб". И, результат по району – "закрытые 12 церквей использованы: 10 под школы и клубы и две церкви снесены; часовни – под кладовые и сельские лавки", ибо в последних "никаких ценностей нет кроме деревянных икон и одного – двух подсвечников".

Из решения Боровичского райисполкома от 21 февраля 1941 года: "Учитывая, что Успенская церковь при селении Нальцы бездействует с 1937 года, служителя культа не находится (священник Гавриил Прокофьевич Зайцев был осужден к расстрелу. – М.П.), члены церковной двадцатки письменно отказываются состоять членами двадцатки и просят сельский совет принять от них церковное здание, которое десять лет не ремонтировано и приходит в ветхость, имущество церковное от сырости портится. Исполком райсовета решает – Успенскую церковь при селении Нальцы закрыть, здание церковное приспособить под клуб для проведения культурно-массовой работы".

***

В память трагедии полувековой давности включены два приложения. Первое – мартиролог монашествующих, диаконов и священников Новгородской епархии, расстрелянных или отправленных в лагеря уничтожения по политическим мотивам. Список этот не претендует на окончательный, и имена невинно убиенных будут уточняться. Второе – список

монастырей, соборов и церквей Новгородской епархии в предоктябрьские годы (в границах нынешней Новгородской области).

Уразумейте, уважаемые читатели, каких людей и какие духовные ценности потеряли мы, лишилась Великая Россия.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I. БЕСОВСТВО

1 Архив управления Федеральной службы безопасности по Новгородской области (АУФСБНО). Д. И–22. Л. 2.

2 Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 4927. Л. 1–2.

3 Там же. Ф. 822. Оп. 1. Д. 49. Л. 61.

4 Там же. Л. 41.

5 Там же. Ф. 269. Оп. 1. Д. 1318. Л. 4–6.

6 Там же. Ф. 735. Оп. 2. Д. 47. Л. 2–50, 106.

7 Там же. Д. 4. Л. 2; Д. 47. Л. 98–118.

8 Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 28. Л. 6; Д. 40. Л. 68; Ф. 735. Оп. 2. Д. 47. Л. 93, 107; Оп. 4. Д. 39. Л. 26.

9 Там же. Ф. 822. Оп. 1. Д. 190. Л. 6; Оп. 2. Д. 2. Л. 48.

10 Там же. Ф. 735. Оп. 4. Д. 236. Л. 48.

11 Там же. Ф. 277. Оп. 3. Д. 24. Л. 3; Ф. 481. Оп. 1. Д. 158. Л. 43; Ф. 1558. Оп. 1. Д. 564. Л. 2–3, 32–34, 49; Архив управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБЛО). Д. 36314. Т. 26. Л. 214.

12 Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

13 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 597. Л. 59; ГАНО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 5. Л. 45–46; Ф. 1593. Оп. 3. Д. 252. Л. 1–2.

14 Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4937. Л. 2, 38, 47.

15 Там же. Ф. 1558. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–3, 40.

16 Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4937. Л. 2, 38.

17 Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–4.

18 Там же. Л. 23.

19 АУФСБНО. Д. И–4. Л. 3, 18–19, 34–35, 41–43, 47, 49, 88, 176, 223–224, 253 247, 318; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАСПб). Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 171.

20 Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ). № 11778. Л. 1–44.

21 ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–8.

22 ЦА ФСБ РФ. Д. Н–1780. Т. 11. Л. 44; Звезда. 1919. 2 августа.

23 ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 478. Л. 1–32.

24 Там же. Д. 153. Л. 280.

25 Там же. Ф. 218. Оп. 1. Д. 86. Л. 24; Ф. 822. Оп. 1. Д. 190. Л. 36.

26 Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 389. Л. 45–46.

27 АУФСБНО. Д. 1а/13461. Л. 1, 183, 195, 215.

28 Там же. Д. 1а/11872. Л. 100–101, 106, 117.

29 Там же. Д. 1а/3701. Т. 1. Л. 114, 119–125; Т. 5. Л. 206–208, 309.

30 Там же. Д. 1а/16346. Л. 146; ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–9; Д. 153. Л. 89–91, 103.

31 Там же. Л. 59; АУФСБНО. Д. 1/5441. Л. 5–43.

32 Там же. Д. И–33. Л. 7–72; ГАНО. Ф. 1558. Оп. 1. Д. 182. Л. 2, 47, 83.

33 Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 392. Л.1–13; АУФСБНО. Д. И–15. Л. 8; Д. И–32. Л. 28, 32, 34 .

34 Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области (ГАНПИНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 104. Л. 91–92, 96–97; Д. 307. Л. 18–19, 25; ГАНО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 5. Л. 21–22.

35 ГАНО. Ф. 1558. Оп. 1. Д. 594. Л.17–18.

36 Новгородские святые места. Составил Новгородского Знаменского собора причетник Павел Вихров. Новгород, 1860; Сказание о Новгородской Чудотворной Св. иконе Знамения Божией Матери с приложением исторических сведений о св. угодниках Божиих, открыто и под спудом почивающих в Софийском соборе, в новгородских церквах и окрестных монастырях и о древних св. иконах, прославленных чудотворениями. Составил священник Новгородского Знаменского собора Павел Тихомиров. Новгород, 1860; Путеводитель по Новгороду с указанием на его церковные древности и святыни. Составил архимандрит Макарий. СПб., 1862; Указатель Великого Новагорода с приложением Новгородского мясецеслова. Составил М. Толстой. М., 1862; Новгородский мясецеслов с краткими жизнеописаниями святых угодников Божиих, просиявших подвигами и святостию своей жизни в пределах Новгородской епархии. Составлен А. А. Усининым. СПб., 1882; Книга глаголемая описание о Российских святых, где и в каком граде или области или монастыре и пустыне поживе т чюдеса сотвори, всякого чина святых. Дополнил биографическими сведениями граф М. В. Толстой //Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1887 год. Книга четвертая. М., 1888; Иерархи Новгородской епархии с древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Составил К. Я. Здравомыслов. Новгород, 1897; Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. Кн. 1–12. М., 1902–1911; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

37 Андреев В. Н., Порфиридов Н. Г., Семенов А. И. Мощи Софийского собора //Новгородские музеи и памятники. Вып. VIII. Антирелигиозный музей. Новгород, 1931. С. 12–18.

38 Там же. С.5–11.

39 АУФСБНО. Д. 1а/14804. Л. 95–96.

40 ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. Л. 147.

41 Там же. Ф. 1558. Оп. 1. Д. 594. Л. 1–29.

42 Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 396. Л. 10–11.

43 Там же. Ф. 138. Оп. 3. Д. 53. Л. 49–53, 61.

44 Там же Д. 110. Л. 2, 5.

ГЛАВА II. СУДЬБА РУССКОГО СЕРЕБРА

1 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 597. Л. 7.
2 ГАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 8. Л. 39, 273, 433; Ф. 822. Оп. 1. Д. 339. Л. 2.
3 ГАНПИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 768. Л. 8, 33.
4 ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 268. Л. 10.
5 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы /Ред. Я. Н. Щапов. М., 1996. С. 70.
6 ГАНО. Ф. 138. Оп. 3. Д. 12. Л. 33–34.
7 Там же. Ф. 822. Оп. 1. Д. 346. Л. 16.
8 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 74–75.
9 ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 346. Л. 5.
10 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 75–76, 97–100, 108–111.
11 Там же. С. 83–87; Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–195.
12 ГАНПИНО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 473. Л. 6.
13 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1025. Л. 1, 41.
14 Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 473. Л. 3.
15 Там же. Л. 2.
16 ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 346. Л. 135.
17 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1195. Л. 48.
18 ГАНПИНО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 473. Л. 8.
19 Там же. Л. 7.
20 ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 346. Л. 147.
21 Там же. Л. 143.
22 Там же. Л. 29, 39, 51–53, 63.
23 Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 544. Л. 12–14.
24 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1195. Л. 98.
25 Там же. Л. 39–40, 52, 60; ГАНПИНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 25–26.
26 ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 338. Л. 15–17, 19–20, 22, 27; ОПИ НГОМЗ. № 11394; Конкордин А. Описание Новгородского кафедрального Софийского собора. Новгород, 1901. С. 9–10.
27 ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 338. Л. 121, 123; Тихомиров П. Историческое описание Новгородского Знаменского собора. Новгород, 1889. С. 52–54; Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917-1941: Воспоминания. Л., 1987. С. 137–138; Смирнов С. М. Воспоминания о времени моей работы в Новгородском музее // Новгородский исторический сборник. № 6(16). СПб., 1997. С. 327–328.
28 ГАНПИНО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 473. Л. 13.
29 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1024. Л. 1–208; ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 337. Л. 1–230; Д. 338. Л. 1–226; Д. 339. Л. 1–334.
30 Там же. Д. 377. Л. 415–417.
31 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 597. Л. 87.

32 ГАНО. Ф. 822. Оп. 3. Д. 90. Л. 159.
33 ОПИ НГОМЗ. № КП–35098.
34 Там же. № КП–29843–13.
35 Картотека “Z” Оперативного штаба “Рейхсляйтер Розенгберг”. Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941–1942. Изд-во МГУ, 1998. С. 325–332.
36 Там же. С. 117, 262.

ГЛАВА III. НЕЧЕСТИВЫЕ СУДИЛИЩА

1 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1195. Л. 90.
2 ГАНПИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1025. Л. 4–5; Ф. 115. Оп. 1. Д. 473. Л. 9.
3 АУФСБЛО. Д. 36314. Т. 26. Л. 81–82,178.
4 Там же. Л. 105.
5 Там же. Л. 162–163, 165–166, 175–176, 230.
6 Петров М. Н. В дополнение к «Делу Н. С. Гумилева» // Новый мир. 1990. № 5. С.264–266*; Его же*. Операция ВЧК «Вихрь» // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 217–223.
7 ЦА ФСБ РФ. Д. Н–1780. Т. 29. Л. 170–173.
8 Там же. Л. 191–193.
9 Там же. Л. 202–204.
10 Там же. Л. 252–253.
11 Там же. Л. 285–293.
12 Там же. Л. 207–209, 240–241.
13 Там же. Т. 3. Л. 14–27; Т. 26. Л. 1–87; Обвинительное заключение по делу граждан Белавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича по 62 и 119 ст. ст. Уголовного кодекса. М.: типография ГПУ, 1923. – 55 с.
14 ЦА ФСБ РФ. Д. Н–1780. Т. 27. Л. 15.
15 Там же. Т. 23. Л. 29–30.
16 Там же. Л. 32.
17 Там же. Л. 36–37.
18. Там же. Л. 38–39.
19 Там же. Л. 17.
20 Там же. Л. 39а, 40.
21 Там же. Т. 27. Л. 26.
22 АУФСБЛО. Д. 36314. Т. 1. Л. 12, 84, 156–157, 340–341; Т. 11. Л. 2, 65, 70.
23 Там же. Т. 5. Л. 318; Т. 27. Л. 74–85, 88–97.
24 Архив Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (АГУВДЛО). Д. 49. Т. 2. Л. 78–79.
25 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189–191.
26 ГАНО. Ф. 1573. Оп. 1. Д. 16. Л. 6–7, 10, 12.
27 Там же. Д. 24. Л. 7–11, 38–39, 41, 52–53, 58.

28 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПДСПб). Ф. 9. Оп. 1. Д. 733. Л. 49–50; Д. 2489. Л. 12–15.

ГЛАВА IV. ХРАМЫ

1 ГАНО. Ф. 822. Оп. 3. Д. 90. Л. 157, 160, 173.
2 Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 396. Л. 13, 15;
3 ОПИ НГОМЗ. № КП–39435–3. Л. 27.
4 ГАНО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 396. Л. 48, 51, 54–55.
5 ОПИ НГОМЗ. № КП–35089.
6 ГАНО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 396. Л. 59, 65, 68–70, 72, 110.
7 Там же. Ф. 822. Оп. 1. Д. 571. Л. 11; Д. 718. Л. 37, 82, 143; Оп. 3. Д. 90. Л. 199.
8 Там же. Оп. 1. Д. 313. Л. 5.
9 Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 197. Л. 33; Ф. 822. Оп. 1. Д. 727. Л. 37.
10 АГУВДЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 8–11.
11 ГАНО. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 432. Л. 10.
12 Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–3, 8, 24.
13 Там же. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 95. Л. 64, 71.
14 Там же. Л. 37, 51, 58.
15 Там же. Л. 26.
16 Там же. Д. 432. Л. 197.
17 Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 389. Л. 55, 58, 60, 62.
18 Там же. Ф. 138. Оп. 3. Д. 10. Л. 44.
19 Там же. Ф. 804. Оп. 3. Д. 11. Л. 21–22.
20 Там же. Ф. 138. Оп. 3. Д. 10. Л. 43.
21 Там же. Ф. 822. Оп. 3. Д. 90. Л. 95.
22 Там же. Ф. 138. Оп. 3. Д. 90. Л. 18.
23 Там же. Д. 27. Л. 16.
24 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 285–286.
25 ГАНО. Ф. 138. Оп. 3. Д. 89. Л. 214.
26 Там же. Д. 99. Л.1–2.
27 Там же. Л. 57, 73–74.
28 ГАНПИНО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 413. Л. 141.
29 АУФСБНО. Д. 1а/13163. Л. 6, 17–18, 30, 46, 57–58, 61, 100, 149–150, 152, 158–163.
30 Там же. Л. 164, прил.
31 ГАНО. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 432. Л. 95, 98.
32 АУФСБНО. Д. 1а/3448. Т. 1. Л. 75, 289, 303, 308–309.
33 ГАНПИНО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 413. Л. 147–148, 160.
34 АУФСБНО. Д. 1а/3448. Т. 1. Л. 440–464.

35 Там же. Л. 467; Т. 2. Л. 26.
36 ГАНПИНО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 569. Л. 5–6.
37. АУФСБНО. Д. 1а/12540. Л. 851–859, 914–918, 927, 953–955, 1015.
38. Архив управления внутренних дел Новгородской области (АУВДНО). Д. 2683. Л. 1, 14, 27–29.
39. ГАНО. Ф. 2937. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–14.

ГЛАВА V. ЦЕРКОВНОЕ НЕСТРОЕНИЕ

1 ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.
2 Там же. Ф. 735. Оп. 2. Д. 11. Л. 5.
3 Известия ЦК КПСС. 1990. №4. С.196-197.
4 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг. /Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института. 1994. С.904–905, 909.
5 ГАНПИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1030. Л. 50–52.
6 Там же. Л. 80–81.
7 Там же. Л. 73.
8 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1195. Л. 32, 90, 108, 129.
9 ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 525. Л. 1–2, 12, 22–28.
10 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1195. Л. 118, 156–157.
11 ГАНО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 5. Л. 66–67.
12 АУФСБНО. Д. 1а/2000. Л. 6–9.
13 Там же. Л. 10.
14 Там же. Л. 11–12, 14–15, 20.
15 Там же. Д. 1а/5232. Л. 6.
16 Там же. Л. 163–171, 260–262.
17 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С. 915–916, 921, 936, 976.
18 Там же. С. 936, 948, 960, 977, 981, 992.
19 Архив управления Федеральной службы безопасности РФ по Псковской области (АУФСБПО). Д. С-10353. Л. 215–271.
20 АУФСБНО. Д. 1а/3535. Л. 1–3, 341–349, 352–357.
21 Там же. Д. 1а/12983. Л. 1–4, 9–39, 98, 113, 208, 237, 263–292.
22 Там же. Д. 1а/3720. Л. 3–30, 41–49.
23 Там же. Л. 55–58, 63–67, 87–90.
24 Там же. Л. 36–40, 100–102, 108–110, 115–118.
25 Там же. Л. 121–124, 136–141.
26 Там же. Л. 143–150, 166–167, 171–213, 218–221, 232–237, 302–316, 318.

ГЛАВА VI. ЮРЬЕВ МОНАСТЫРЬ

1 Устав Новгородского первоклассного Юрьева общежительного монастыря. М., 1832; Елагин Н. Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. СПб., 1853; Архимандрит Макарий. Описание Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. СПб., 1862; Алексеев А. Краткое описание Новгородского Юрьевского первоклассного монастыря и несколько слов о настоятеле его архимандрите Фотии и о благотворительнице обители графине Анне Алексеевне Орловой–Чесменской. Новгород, 1875; Европеус И. И. Встречи с Фотием //Русская старина. СПб., 1875. Т. 14; Источники русской агиографии. LXXXI. СПб., 1882; Усинин А. А. Новгородский месяцеслов с краткими жизнеописаниями святых угодников Божиих, просиявших подвигами и святостию своей жизни в пределах Новгородской епархии. СПб., 1882; Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб., 1884; Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия //Русская старина. 1894. № 4–5; Слезскинский А. Фотий и графиня Анна Алексеевна Орлова–Чесменская (По подлинным неизданным письмам) //Русская старина. 1902. № 1–9; 10 писем графини Анны Алексеевны Орловой–Чесменской. Из Засельского архива С. Н. Дирина //Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1909. № 2 и др.

2 Никаноров А. Б., Старостенков С. А. История формирования и музыкальные особенности колокольного набора Новгородского Юрьева монастыря //Музыка колоколов: Сборник исследований и материалов. СПб., 1999. С. 74–87.

3 ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4937. Л. 44.

4 Там же. Ф. 822. Оп. 1. Д. 346. Л. 284.

5 Там же. Ф. 822. Оп. 1. Д. 346. Л. 281.

6 Там же. Л. 282.

7 Там же. Л. 288.

8 Там же. Л. 344.

9 Там же. Ф. 138. Оп. 3. Д. 12. Л. 35–37; Ф. 481. Оп. 1. Д. 543. Л. 2–12.

10 Там же. Ф. 822. Оп. 1. Д. 346. Л. 18–19.

11 ГАНПИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 890. Л. 3, 5, 23; Д. 1030. Л. 48.

12 АУФСБНО. Д. 1а/15242. Л. 1–2, 5, 8, 15–23, 27–28, 53.

13 Там же. Л. 126–128, прил.

14 ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 338. Л. 48–50.

15 Там же. Д. 571. Л. 11.

16 ОПИ НГОМЗ. № КП–29843–13.

17 ГАНО. Ф. 138. Оп. 3. Д. 89. Л. 224.

18 Там же. Д. 95. Л. 1, 15.

19 Там же. Ф. 804. Оп. 3. Д. 11. Л. 21–22.

20 Там же. Ф. 138. Оп. 3. Д. 12. Л. 16; Д. 89. Л. 246.

21 Там же. Д. 12. Л. 19.

22 ОПИ НГОМЗ. № КП–39435–3. Л. 36.

ГЛАВА VII. ГИБЕЛЬ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ

1 АУФСБНО. Д. 1а/2114. Т. 1. Л. 28–63, 101, 133–134.
2 АУФСБЛО. Д. 36314. Т. 1. Л. 149–150; Т. 5. Л. 451; Т. 7. Л. 323–324, 329; Т. 8. Л. 333–334; Т. 27. Л. 79–80.
3 АУФСБНО. Д. 1а/2114. Т. 1. Л. 1–2, 8, 11–27.
4 Там же. Т. 2. Л. 108–119, 223.
5 Там же. Л. 224–245, 249–253, 332–335.
6 ГАНО. Ф. 3701. Оп. 14. Д. 77. Л. 185–191.
7 АУФСБНО. Д. 1а/10909. Л. 5, 9, 13–14, 19, 29–33.
8 Там же. Д. 1а/3701. Т. 1. Л. 2–17, 27–29.
9 Там же. Л. 53–63, 71–73; Т. 2. Л. 108–114.
10 Там же. Т.5. Л. 205–217, 219–299.
11 Там же. Л. 249–252, 303–309, 317, 319–321, 492–502, 530, 534; ГАНО. Ф. 3701. Оп. 14. Д. 61. Л. 114–132.
12 АУФСБНО. Д. 1а/2113. Т. 1. Л. 62–65, 67–70.
13 Там же. Л. 1–2, 7–9, 12, 17–21.
14 Там же. Л. 117–121, 123–134.
15 Там же. Л. 129, 136–157, 211–219; Т. 2. Л. 1–14, 21–25.
16 Там же. Д. 1а/13567. Т. 1. Л. 125–127.
17 Там же. Л. 1, 3, 140–148.
18 Там же. Л. 257–265.
19 Там же. Л. 319–337.
20 Там же. Л. 338–346, 376–378, 395–397, 440–447, 490–499, 505–508, 551–571,576–585, 612–620; Т. 2. Л. 1, 9, 12, 22, 24, 26; Т. 3. Л. 1, 8, 20, 22; Т. 4. Л. 1, 18, 20.
21 ГАНО. Ф. 3701. Оп. 14. Д. 72. Л. 336–345.
22 АУФСБНО. Д. 1а/4712. Л. 9–11, 16, 21–24, 38, 45, 49, 51, 55–56.
23 Там же. Д. 1а/1940. Л. 2–3, 63, 229–238, 291–306, 311–315, 382–397, 403–405.
24 Там же. Д. 1а/10637. Л. 3–5, 44–62.
25 ГАНО. Ф. 3701. Оп. 14. Д. 78. Л. 194–196; Д. 79. Л. 308–311.
26 Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 3. Новгород, 1994. С. 59–60.
27 АУФСБНО. Д. 1/8613. Т. 1–12.

МАРТИРОЛОГ

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ И МОНАШЕСТВУЮЩИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ – ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ. 1918 – 1938 годы

Указывается фамилия, имя, отчество, год рождения, сан, храм служения или место жительства, каким органом, когда и к какой мере наказания приговорен. Населенные пункты указаны в административных границах современной Новгородской области.

Сокращенные названия судебных и внесудебных органов:

ЛОС – спецколлегия Ленинградского областного суда.

ОС – Особое совещание при коллегии ОГПУ.

ОСО – Особое совещание при коллегии НКВД

ОТ – Особая тройка управления НКВД Ленинградской области.

ПП – Тройка Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе.

Сверку по архивно-следственным делам провели сотрудники архивного отдела управления ФСБ по Новгородской области **Алла Михайловна Арбузова** и **Наталья Валерьевна Андреева**.

1.АБАКУМОВ Василий Григорьевич, 1866, священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в пог. Черенском Любытинского района, приговорен ОТ 17.X.1937 к расстрелу.

2. АБРАМОВ Василий Александрович, 1872, священник церкви Георгия на Лубянице в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

3. АБУСИН Тихон Иванович, 1882, священник церкви Георгия в д. Черницы Чудовского района, приговорен ОТ 13.VIII.1937 к расстрелу.

4. АВДАКОВ Василий Иванович, 1872, священник церкви Климента папы Римского в г. Новгороде, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

5.АВЕРИН Аарон Гаврилович (иеромонах Аарон), 1861, иеромонах Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

6. АДАМОВИЧ Николай Алексеевич, 1892, священник церкви Иоанна Богослова в д. Лугско Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

7. АКРИЦКИЙ Василий Иванович, 1878, диакон церкви Воскресения Христова в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

8.АЛЕКСАНДРОВ Александр Николаевич, 1885, священник церкви Троицы в д. Ореховно Мошенского района, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

9. АЛЕКСАНДРОВ Алексей Михайлович, 1879, священник церкви Николая в д. Костьково Демянского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

10. АЛЕКСЕЕВ Иван Яковлевич, 1878, священник, проживал в д. Большое Вороново Старорусского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

11. АЛЕКСЕЕВ Николай Константинович, 1886, священник, проживал в д. Подмошье Шимского района, приговорен ОТ 13.VIII.1937 к расстрелу.

12. АЛЕКСЕЕВА Елена Андреевна, 1876, монахиня, проживала в д. Косино Старорусского района, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

13. АЛЕКСЕЕВА-КСЕНОФОНТОВА Мария Алексеевна, 1900, монахиня, проживала в д. Оринец Крестецкого района, приговорена ОТ 4.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

14. АЛФЕЕВ Михаил Иванович, 1868, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

15. АНДРЕЕВ Василий Андреевич, 1883, священник, проживал в д. Бушала Старорусского района, приговорен ОТ 31.X.1937 к 8 годам ИТЛ.

16. АНДРЕЕВ Иван Андреевич (иеромонах Иона), 1874, священник церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в д. Ракушино Крестецкого района, приговорен ОТ 9.VIII.1937 к расстрелу.

17. АНДРЕЕВ Николай Васильевич, 1879, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Лужно Демянского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

18. АНДРЕЕВ Петр Андреевич, 1876, священник, проживал на ст. Батецкая, приговорен ПП 18.III.1930 к 5 годам ИТЛ.

19. АНДРЕЕВ Сергей Андреевич (иеромонах Серапион), 1871, проживал в д. Матюшино Валдайского района, приговорен ОТ 9.VIII.1937 к расстрелу.

20. АНДРЕЕВА Александра Андреевна, 1883, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 15.X.1937 к расстрелу.

21. АНДРЕЕВА Анна Андреевна, 1891, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 30.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

22. АНДРЕЕВА Евдокия Андреевна, 1891, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 15.X.1937 к расстрелу.

23. АНДРИАНОВ Александр Иванович, 1875, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Кирва Пестовского района, приговорен ОТ 16.III.1937 к 6 годам ИТЛ.

24. АНИСИМОВ Константин Кузьмич, 1887, священник, проживал в д. Городня Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

25. АНТОНОВ Николай Нилович, 1904, диакон, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

26. АНТОНОВСКИЙ Павел Андреевич, 1877, священник церкви Николая в д. Хирово Любытинского района, приговорен ОТ 29.IX. 1937 к расстрелу.

27. АНТОНОВСКИЙ Федор Андреевич, 1875, священник церкви Троицы в д. Кушавера Хвойнинского района, приговорен ОТ 4..XI.1937 к расстрелу.

28. АНТОНОВСКИЙ Федор Яковлевич, 1877, священник, проживал в д. Новоселицы Новгородского района, приговорен ПП 3.IV.1933 к 3 годам ссылки, приговорен ОТ 3.IV.1937 к расстрелу.

29. АРЕСТОТЕЛЕВ Александр Кириллович, 1882, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 28.XII.1938 к 10 годам ИТЛ.

30. АСТРЕИН Аркадий Михайлович, 1877, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Платаново Мошенского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

31. АСТРЕИН Павел Михайлович, 1865, священник церкви Николая в д. Климовщина Пестовского района, приговорен ПП 14.IX.1932 к 3 годам ссылки.

32. АСТРЕИН Сергей Павлович, 1893, диакон церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Кирва Пестовского района, приговорен ПП 14.IX.1932 к 3 годам ИТЛ.

33. АФАНАСЬЕВ Александр Алексеевич, 1875, священник, проживал в д. Новинка Валдайского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

34. АФАНАСЬЕВ-ТИХОМИРОВ Алексей Васильевич (иеродиакон Петр), 1891, диакон церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Аркажах Новгородского района, приговорен ПП 19.V.1933 к 5 годам ИТЛ.

35. АФИНОГЕНОВ-ТИХОМИРОВ Александр Тимофеевич, 1888, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

36. БАКЛАНОВ Николай Иванович, 1885, священник церкви Мины в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 5.III.1938 к расстрелу.

37. БАЛАХОНОВ Игнатий Иванович (иеромонах Игнатий), 1878, иеромонах Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

38. БАНКО Александр Константинович, 1884, священник церкви Преображения Господня в д. Колома Старорусского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

39. БАСС Зиновий Яковлевич, 1877, священник, проживал в д. Заполье Батецкого района, приговорен ОТ 1.IX.1937 к расстрелу.

40. БАШИЛОВ Константин Михайлович, 1877, священник церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в д. Блазниха Поддорского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

41. БАЯНОВ Ефрем Иванович, 1884, священник церкви Преображения Господня в пог. Липицком Демянского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

42. БЕЛИН Модест Александрович, 1871, священник церкви Архангела Михаила в д. Черный Ручей Демянского района, приговорен ПП 16.XII.1932 к 5 годам ссылки, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

43. БЕЛОГОРОДСКИЙ Николай Михайлович, 1869, священник церкви Василия Великого в д. Васильевское Новгородского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

44. БЕЛОЗЕРОВА Татьяна Михайловна, 1880, монахиня, проживала в д. Городцы Волотовского района, приговорена ОТ 8.IX.1937 к расстрелу.

45. БЕЛОЛИКОВ Иван Захарович, 1873, протоиерей церкви Георгия в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

46. БЕЛЬСКИЙ Александр Александрович, 1885, священник, проживал в д. Дуброви Демянского района, приговорен ОТ 31.XII.1937 к расстрелу.

47. БЕЛЯЕВ Василий Петрович, 1883, священник, проживал в д. Захарино Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

48. БЕЛЯЕВ Геннадий Гаврилович, 1864, архимандрит, священник церкви Нила Столбенского в д. Нильско Новгородского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

49. БЕЛЯЕВ Дмитрий Витальевич, 1893, священник церкви Николая в д. Речные Котцы Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

50. БЕЛЯЕВ Дмитрий Яковлевич, 1863, священник, проживал в д. Самокража Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

51. БЕЛЯЕВ Никодим Петрович, 1863, священник церкви Троицы в д. Курцево Чудовского района, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

52. БЕЛЯЕВ Павел Евгеньевич, 1877, священник церкви Георгия на Лубянице в г. Новгороде, приговорен ПП 19.V.1933 к ссылке на 3 года, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

53. БЕЛЯЕВ Петр Васильевич, 1874, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

54. БЕЛЯЕВ Петр Петрович, 1869, священник церкви Иверской иконы Божией Матери в д. Лутовенка Валдайского района, приговорен ОТ 11.VIII.1937 к расстрелу.

55. БЕЛЯКОВ Тимофей Федорович, 1886, диакон церкви Петра и Павла в д. Пирусс Боровичского района, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

56. БЕЛЬСКИЙ Николай Александрович, 1882, священник церкви Преображения Господня в пог. Спасо-Оскуйском Чудовского района, приговорен ОТ 4.III.1938 к расстрелу.

57. БЕНКИНА Мария Павловна, 1874, монахиня, проживала в д. Подсосонье Поддорского района, приговорена ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

58. БЕЦКАЯ Александра Гавриловна, 1875, монахиня, проживала в с. Бронницы Новгородского района, приговорена ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

59. БИРИН Григорий Иванович, 1899, священник церкви Вознесения Господня в д. Филиппова Гора Демянского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

60. БОГДАНОВ Дмитрий Богданович, 1881, диакон, проживал в г. Боровичи, приговорен ПП 23.IX.1932 к 3 годам ссылки.

61. БОГДАНОВ Василий Васильевич, 1881, священник церкви Николая в д. Марконницы Маловишерского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

62. БОГОЛЮБОВ Владимир Васильевич, 1875, священник, проживал в д. Соколье Поддорского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

63. БОГОЛЮБОВ Иван Федорович, 1870, священник, проживал в д. Козловка Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

64. БОГОСЛОВСКИЙ Иван) Михайлович (иеромонах Иосаф), 1880, священник церкви Тихвинской иконы Божией Матери в д. Нивки Поддорского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

65.БОГОЯВЛЕНСКИЙ Василий Афиногенович, 1879, священник церкви Екатерины в с. Бронницы Новгородского района, приговорен ОТ 12.VI.1935 к 5 годам ИТЛ.

66. БОГОЯВЛЕНСКИЙ Николай Николаевич, 1897, священник церкви Николая в д. Большие Жидовичи Поддорского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

67. БОРДЮГОВСКИЙ Борис Алексеевич, 1874, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

68. БОРИСОВ Александр Константинович, 1880, священник церкви Пророка Илии в д. Сухая Нива Валдайского района, приговорен ПП 21.XI.1930 к 3 годам ИТЛ, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

69. БОРИСОВ Алексей Дмитриевич, 1866, священник церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в д. Хутынь Новгородского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

70. БОРИСОВ Василий Михайлович, 1889, священник церкви Воскресения Христова в с. Буреги Старорусского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

71. БОРИСОВ Владимир Васильевич, 1890, священник церкви Николая в д.Полищи Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

72. БОРИСОВ Владимир Михайлович, 1891, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Михалице в г. Новгороде, приговорен ПП 19.V.1933 к 3 годам ИТЛ, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

73. БОРИСОВ Михаил Константинович, 1866, священник церкви Бориса и Глеба в Плотниках в г.Новгороде, приговорен ПП 19.V.1933 к ссылке на 3 года.

74. БОРИСОВ Петр Константинович, 1874, священник, проживал в д. Деревково Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

75. БОРИСОВА Мария Ивановна, 1884, монахиня, проживала в д. Кшентицы Новгородского района, приговорена ПП 14.IX.1932 к 3 годам ИТЛ.

76. БОЧЕНКОВА Прасковья Павловна, 1885, монахиня, проживала в д. Туковичи Маревского района, приговорена ПП 17.VI.1932 к 3 годам ИТЛ, приговорена ОТ 20.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

77. БРАТОЛЮБОВ Александр Иванович, 1888, диакон церкви Николая в д. Горнецкое Маловишерского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

78. БРАТОЛЮБОВ Михаил Александрович, 1890, священник церкви Флора и Лавра в д. Великий Порог Боровичского района, приговорен ПП 13.III.1930 к 10 годам ИТЛ, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

79. БУКШИН Федор Алексеевич, 1884, священник церкви Тихвинской иконы Божией Матери в д. Дерглец Волотовского района, приговорен ОТ 21.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

80. БЫСТРИЦКИЙ Федор Федорович, 1870, священник церкви Николая в д. Вины Крестецкого района, приговорен ОТ 28.XI.1937 к расстрелу.

81. БЫСТРОВ Александр Александрович, 1865, священник Екатерининского собора в п. Крестцы, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

82. БЫСТРОВ Борис Васильевич, 1886, священник, проживал в д. Турская Горка Шимского района, приговорен ПП 8.XII.1932 к 5 годам ИТЛ, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

83. БЫСТРОВ Вениамин Григорьевич, 1886, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Борисово Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

84. БЫСТРОВ Григорий Алексеевич, 1887, священник церкви Троицы в с. Медведь Шимского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

85. БЫСТРОВ Михаил Дмитриевич, 1871, священник церкви Архангела Михаила в д. Лубино Солецкого района, приговорен ОСО 8.XII.1932 к 3 годам ссылки, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

86. БЫСТРОВ Нил Петрович, 1873, священник церкви Архангела Михаила в д. Наволок Поддорского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

87. БЫСТРОВ Павел Васильевич, 1871, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в г. Чудово, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

88. БЫСТРЯКОВ Александр Васильевич, 1874, священник церкви Архангела Михаила в д. Шотово Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

89. ВАВИЛОВ Николай Александрович, 1897, священник церкви Преображения Господня в д. Ровное Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

90. ВАНЮКОВ Арсений Иванович, 1876, священник Ильинского собора в г. Сольцы, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

91.ВАРЛАМОВ Лаврентий Яковлевич, 1851, игумен Вяжищского Николаевского монастыря, проживал в д. Вяжищи Новгородского района, приговорен ПП 8.IX.1931 к 3 годам ссылки.

92. ВАСИЛЬЕВ Евгений Васильевич, 1884, священник, проживал в д. Теремово Старорусского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

93. ВАСИЛЬЕВ Михаил Александрович, 1891, священник церкви Николая в д. Полищи Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

94. ВАСИЛЬЕВ Николай Васильевич, 1888, священник церкви Пророка Илии в д. Бор Старорусского района, приговорен ОТ 15.III.1938 к расстрелу.

95. ВАСИЛЬЕВ Павел Васильевич, 1878, епископ Демянский Сергий, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

96. ВАСИЛЬЕВА Мария Васильевна, 1882, монахиня, проживала в д. Сковородка Окуловского района, приговорена ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

97.ВАСИЛЬЕВА Татьяна Николаевна, 1886, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

98. ВАСИЛЬКОВ Василий Нилович, 1864, священник Ильинского собора в г. Сольцы, приговорен ОТ 27.IX.1937 к расстрелу.

99. ВАУЧСКИЙ Александр Николаевич, 1871, священник церкви Иоанна Предтечи в г. Новгороде, приговорен ПП 19.V.1933 к ссылке на 3 года, умер в Новгородской тюрьме 25.IX.1938.

100.ВЕДЕНСКИЙ Николай Яковлевич, 1871, священник церкви Варлаама Хутынского в д. Моисеевичи Валдайского района, приговорен ОТ 22.X.1937 к расстрелу.

101.ВЕЛИКОРАЙСКИЙ Федор Михайлович, 1877, священник церкви Параскевы Пятницы в пог. Десято-Пятницком Боровичского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

102. ВЕЛИКОТНЫЙ Дмитрий Дмитриевич, 1876, священник, проживал в д. Устье Новгородского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

103. ВЕЛИЦКИЙ Павел Алексеевич, 1872, священник церкви Александра Невского в д. Свинорд Солецкого района, приговорен ПП 15.VIII.1930 к 3 годам ИТЛ.

104. ВЕРБИЧУК Яков Евтифеевич, 1873, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Трофимово Поддорского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

105. ВЕРЕЩАГИН Алексей Алексеевич, 1884, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Заозерье Мошенского района, приговорен ПП 20.II.1933 к 10 годам ИТЛ.

106. ВЕРЕЩАГИН Михаил Алексеевич, 1889, священник церкви Николая в с. Мошенское, приговорен ПП 27.II.1930 к 5 годам ИТЛ.

107. ВЕРЕЩАГИН Николай Клавдиевич, 1898, диакон церкви Георгия в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

108. ВЕСЕЛОВ Дмитрий Иосифович, 1880, священник, проживал в д. Станы Демянского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

109. ВЕСЕЛОВСКИЙ Алексей Александрович, 1870, священник церкви Иоанна Богослова в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

110. ВЕХНОВСКИЙ Александр Алексеевич, 1884, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Полново Демянского района, приговорен ОТ 3.XII. 1937 к расстрелу.

111. ВЕШКЕЛЬСКИЙ Николай Александрович, 1886, священник, проживал в д. Любница Валдайского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

112.ВИГИЛЯНСКИЙ Александр Константинович, 1902, диакон церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Домаши Валдайского района, приговорен ОТ 5.X.1937 к расстрелу.

113. ВИГУРО Тимофей Михайлович, 1876, священник, проживал в д. Пески Шимского района, приговорен ПП 11.III.1930 к 3 годам ИТЛ.

114. ВИКЕНТЬЕВ Николай Викентьевич, 1882, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Красная Гора Мошенского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

115. ВИНОГРАДОВ Александр Викторович, 1901, священник, проживал в п. Артем Любытинского района, приговорен 17.IX.1937 к расстрелу.

116. ВИНОГРАДОВ Виктор Михайлович, 1876, священник церкви Николая в д. Марконницы Маловишерского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

117. ВИНОГРАДОВА Ольга Александровна, 1875, монахиня, проживала в д. Шемякино Маловишерского района, приговорена ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

118. ВИНОГРАДСКИЙ Иван Алексеевич, 1878, священник церкви Николая в с. Медведь Шимского района, приговорен ПП 30.IV.1930 к 5 годам ИТЛ, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

119. ВИХРОВ Никандр Дмитриевич, 1888, священник церкви Космы и Дамиана в д. Дегтяри Старорусского района, приговорен 15.XI.1937 к расстрелу.

120. ВИШНЕВСКИЙ Иван Петрович, 1890, священник церкви Архангела Михаила в д. Кневицы Демянского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

121. ВЛАСОВ Михаил Иванович, 1879, диакон церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Лужно Демянского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

122. ВОЕВОДИН Григорий Дмитриевич, 1869, архиепископ Полоцкий и Витебский Гавриил, проживал в г. Боровичи, приговорен ОС 1932 к 5 годам ИТЛ, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

123. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Александр Васильевич, 1879, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Пестово Демянского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

124. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Василий Васильевич, 1878, священник церкви Александра Невского в д. Креминичи Любытинского района, приговорен ОТ 31.XI.1937 к расстрелу.

125. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Виктор Васильевич, 1882, священник церкви Георгия в д. Теребуново Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

126. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Васильевич, 1900, священник церкви Пророка Илии в д. Сухая Нива Валдайского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

127. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Николаевич, 1864, священник Богоявленского собора в п. Демянск, приговорен ПП 28.II.1934 к 5 годам ИТЛ, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

128. ВОИНОВ Леонтий Васильевич, 1874, священник, проживал в д. Пересека Старорусского района, приговорен ОТ 22.X.1937 к расстрелу.

129. ВОЙК Михаил Васильевич, 1870, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

130. ВОЛКОВА Ольга Васильевна, 1886, монахиня, проживала в д. Видогощь Новгородского района, приговорена ПП 14.IX.1932 к 3 годам ИТЛ.

131. ВОЛОКОСЛАВСКИЙ Алексей Петрович, 1867, священник церкви Троицы в д. Спасская Полисть Чудовского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

132. ВОЛЬСКИЙ Иван Иванович, 1888, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в пог. Горушка Окуловского района, приговорен ПП 18.III.1930 к 3 годам ИТЛ.

133. ВОРОБЬЕВ Иван Михайлович, 1883, диакон, проживал в д. Борки Демянского района, приговорен ОТ 31.XII.1937 к расстрелу.

134. ВОРОНОВ Василий Максимович, 1867, священник, проживал в д. Луки Шимского района, приговорен ПП 11.III.1930 к 3 годам ИТЛ.

135. ВОРОНЦОВ Егор Ефимович (иеромонах Гурий), 1878, проживал в д. Лебединец Маревского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

136.ВОСКРЕСЕНСКИЙ Иван Павлович, 1906, священник церкви Преображения Господня в д. Ряпушино Поддорского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

137. ВОСКРЕСЕНСКИЙ Николай Иванович, 1906, священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в д. Сутоки Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

138. ВОСКРЕСЕНСКИЙ Николай Николаевич, 1906, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

139. ВОСТОКОВ Иван Васильевич, 1862, священник церкви Иоанна Богослова в д. Ивановское Старорусского района, приговорен ОТ 1.XI.1937 к расстрелу.

140. ВЫСОКООСТРОВСКИЙ Владимир Николаевич, 1893, священник церкви Преображения Господня в д. Кунино Новгородского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

141. ГАВРИЛОВ Иван Иванович, 1876, иеромонах, проживал в д. Короцко Валдайского района, приговорен ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

142. ГАВРИЛЮК Георгий Фаддеевич, 1881, священник церкви Святителя Евфимия в д. Вяжищи Новгородского района, приговорен 31.VI.1926 к 3 годам ссылки.

143. ГАГАРИН Павел Федорович, 1869, священник, проживал в д. Задняя Демянского района, приговорен ОТ 4.X.1937 к расстрелу.

144. ГАГАРИНОВ Николай Павлович, 1898, священник Богоявленского собора в п. Демянск, приговорен ОТ 8.XI.1937 к расстрелу.

145. ГАШКИН Николай Иванович, 1890, священник церкви Сретения Господня в д. Селищи Маловишерского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

146. ГЕОРГИЕВСКИЙ Александр Дмитриевич, 1867, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Трофимово Поддорского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

147. ГЕОРГИЕВСКИЙ Алексей Дмитриевич, 1893, священник церкви Параскевы Пятницы в пог. Строилово Демянского района, приговорен ПП 28.II.1934 к заключению в ИТЛ на 5 лет.

148. ГЕОРГИЕВСКИЙ Василий Александрович, 1884, священник церкви Архангела Михаила в д. Астрилово Старорусского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

149. ГЕОРГИЕВСКИЙ Василий Григорьевич, 1890, священник церкви Тихвинской иконы Божией Матери в д. Ламерье Крестецкого района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

150. ГЕОРГИЕВСКИЙ Дмитрий Константинович, 1872, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Село-Гора Новгородского района, приговорен ОТ 10.IX.1937 к расстрелу.

151. ГЕОРГИЕВСКИЙ Михаил Петрович, 1881, священник церкви Преображения Господня в пог. Спасо-Оскуйском Чудовского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

152. ГЕОРГИЕВСКИЙ Петр Дмитриевич, 1883, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Быстрый Берег Поддорского района, приговорен ПП 29.III.1933 к 5 годам ИТЛ, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

153. ГЕРАСИМОВ Константин Васильевич, 1880, священник, проживал в д. Усадьба Поддорского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

154. ГЕРАСИМОВ Яков Васильевич, 1879, диакон собора Андрея Первозванного в с. Грузино Чудовского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

155. ГЕРАСИМОВА Евдокия Николаевна, 1860, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

156. ГЛЕБОВ Вениамин Алексеевич, 1885, епископ Рославльский Вениамин, проживал в г. Валдае, приговорен ОТ 4.III.1938 к расстрелу.

157. ГОВЯДИН Григорий Сафонович, 1870, священник церкви Георгия в д. Болотско Солецкого района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

158. ГОЛИНСКИЙ Алексей Иванович, 1874, священник церкви Рождества Христова в д. Косицкое Батецкого района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

159. ГОЛОВАЦКИЙ Леонид Аполлинариевич, 1886, священник церкви Николая в г. Малая Вишера, приговорен ОТ 15.IX.1937 к расстрелу.

160. ГОЛОХВАСТОВ Яков Иванович, 1864, священник церкви Иконы Божией Матери Живоносный Источник в д. Углы Шимского района, приговорен ОТ 25.IX.1937 к расстрелу.

161. ГОЛУБЕВ Василий Степанович, 1871, священник церкви Троицы в д. Торбино Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

162. ГОЛУБЕВА Серафима Васильевна, 1865, схимонахиня, проживала в д. Новая Мельница Новгородского района, приговорена ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

163. ГОНОБОЛИН Василий Федорович, 1898, диакон церкви Троицы в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 29.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

164. ГОРБУНОВ Афанасий Александрович, 1896, священник церкви Николая в д. Хмели Демянского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

165. ГОРОДОВИЦКИЙ Иван Иванович, 1885, священник церкви Иоанна Богослова в д. Нагово Старорусского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

166. ГОРЧАКОВ Константин Владимирович, 1891, священник, проживал в д. Сорокино Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

167. ГРАНИЧНОВ Александр Алексеевич, 1875, священник церкви Георгия в пог. Ручьи Крестецкого района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

168. ГРАНИЧНОВ Павел Алексеевич, 1873, священник церкви Петра и Павла в д. Холова Крестецкого района, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

169. ГРАЦИАНОВ Иван Александрович, 1880, священник церкви Рождества Христова на ст. Угловка Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

170. ГРИНЬ Мария Гавриловна, 1880, монахиня, проживала в д. Новая Мельница Новгородского района, приговорена ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

171. ГРОНСКИЙ Василий Федорович, 1870, священник церкви Георгия в д. Юрьево Боровичского района, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

172. ГРУЗИНСКИЙ Константин Иванович, 1880, священник церкви Александра Невского в с. Яжелбицы Валдайского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

173. ГРУЗИНСКИЙ Николай Иванович, 1866, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Витка Новгородского района, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

174. ГРУЗИНСКИЙ Никанор Алексеевич, 1872, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Оскуй Чудовского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

175. ГРУНИН Павел Филиппович, 1866, священник церкви Иоанна Предтечи в д. Зимогорье Валдайского района, приговорен ОТ 13.VIII.1937 к расстрелу.

176. ГУРОВ Павел Алексеевич, 1858, диакон, проживал в д. Городня Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

177. ГУСЕВА Августина Михайловна, 1885, монахиня, проживала в д. Короцко Валдайского района, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

178. ДАВЫДОВ Федор Васильевич, 1885, диакон, проживал в д. Заборовье Солецкого района, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

179. ДЕГОЖСКИЙ Владимир Иванович, 1873, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Молочково Солецкого района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

180. ДЕМИЧЕВ Феоктист Васильевич, 1862, священник церкви Александра Невского в д. Свинорд Солецкого района, приговорен ОТ 15.IX.1937 к расстрелу.

181. ДЕМЯНСКИЙ Иван Иванович, 1873, священник церкви Преображения Господня в г. Боровичи, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

182. ДЕМЯНСКИЙ Павел Иванович, 1862, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Передки Боровичского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

183. ДЕРЖАВИН Иван Петрович, 1881, протоиерей Троицкого собора в г. Боровичи, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

184. ДЕСНИЦКИЙ Сергей Александрович, 1882, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Андроново Старорусского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

185. ДМИТРИЕВ Степан Федорович, 1891, диакон, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 29.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

186. ДОБРОЛЮБОВА Анна Федоровна, 1869, монахиня, проживала в д. Мшага Воскресенская Шимского района, приговорена ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

187. ДОБРОМЫСЛОВ Василий Павлович, 1875, диакон церкви Иоанна Богослова в д. Нагово Старорусского района, приговорен ОТ 3.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

188. ДОБРОМЫСЛОВ Михаил Павлович, 1873, священник церкви Троицы в д. Высокое Чудовского района, приговорен ПП 1.XII.1929 к 3 годам ссылки.

189. ДОБРЯНСКИЙ Модест Никандрович, 1892, священник, проживал в д. Крутой Бережок Солецкого района, приговорен ОТ 10.X.1937 к расстрелу.

190. ДОВОРЕЦКИЙ Петр Алексеевич, 1888, священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в д. Сутоки Мошенского района, приговорен ЛОС 6.VII.1937 к 8 годам ИТЛ.

191. ДЬЯКОНОВ Вячеслав Михайлович, 1866, священник, проживал в д. Радоли Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

192. ДЬЯКОНОВ Леонид Иванович, 1887, благочинный, священник Троицкого собора в г. Валдае, приговорен ОТ 11.VIII.1937 к расстрелу.

193. ДЬЯКОНОВ Тихон Константинович, 1869, священник, проживал в д. Загубье Окуловского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

194. ДЬЯЧКОВ Иван Евгеньевич, 1884, диакон церкви Николая в п. Парфино, приговорен ОТ 4.III.1938 к расстрелу.

195. ЕВГРАФОВ Василий Евграфович, 1875, монах, проживал на хут. Гряды Поддорского района, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

196. ЕВСТИФЕЕВ Михаил Федорович, 1877, диакон церкви Александра Невского в д. Свинорд Солецкого района, приговорен ПП 29.I.1933 к 10 годам ИТЛ, приговорен ОТ 25.IX.1937 к расстрелу.

197. ЕГОРОВ Иосиф Георгиевич, 1870, священник церкви Тихвинской иконы Божией Матери в д. Шапкино Мошенского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

198. ЕГОРОВ Николай Семенович (иеромонах Нифонт), 1865, проживал в б. Реконьской Свято-Троицкой пустыни Любытинского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

199. ЕЖОВ Василий Степанович, 1869, священник, проживал в д. Мстонь Шимского района, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

200. ЕКИМОВА Ольга Екимовна, 1875, монахиня, проживала в д. Мшага Воскресенская Шимского района, приговорена ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

201. ЕРМОЛАЕВ Михаил Федорович, 1875, священник церкви Иконы Божией Матери Живоносный Источник в д. Углы Шимского района, приговорен ПП 18.VI.1931 к 10 годам ИТЛ.

202. ЕФИМОВ Виктор Александрович, 1898, священник церкви Отроков Иоанна и Иакова в д. Менюша Шимского района, приговорен ПП 20.IV.1933 к 10 годам ИТЛ.

203. ЖАВНЕРОВ Николай Гаврилович, 1887, священник церкви Николая в г. Малая Вишера, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

204. ЖАНДАРМОВ-АФАНАСЬЕВ Александр Тимофеевич, 1879, священник, проживал в д. Цемена Демянского района, приговорен ОТ 22.X.1937 к расстрелу.

205. ЖАРКОВ Алексей Михайлович, 1875, монах, проживал в п. Любытино, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

206. ЖАРКОВ Филарет Михайлович, 1877, иеромонах, священник церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в п. Любытино, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

207. ЖЕМЧУЖИН Григорий Федорович, 1890, священник, проживал в д. Яблоновка Демянского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

208. ЖЕМЧУЖИН Михаил Павлович, 1875, священник церкви Преображения Господня в д. Спас-Пископец Новгородского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

209. ЗАГАРОВ Иван Алексеевич, 1884, священник церкви Троице-Никитинской в п. Крестцы, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

210. ЗАГОРСКИЙ Владимир Иванович, 1878, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

211. ЗАЙЦЕВ Гавриил Прокофьевич, 1880, священник, проживал в д. Нальцы Боровичского района, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

212. ЗАМЯТИН Александр Федорович, 1875, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 15.XI.1936 к 3 годам ИТЛ.

213. ЗАОЗЕРСКИЙ Никандр Еразмович, 1874, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в пог. Сабле Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

214. ЗАРЕЦКАЯ Елена Андреевна, 1875, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

215. ЗАСИМОВСКИЙ Николай Федорович, 1891, диакон, проживал в д. Турская Горка Шимского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

216. ЗАХАРОВ Александр Яковлевич, 1878, священник церкви Пророка Илии в д. Старый Ужин Старорусского района, приговорен ОТ 27.X.1937 к расстрелу.

217. ЗАХАРОВА Екатерина Захаровна, 1880, монахиня, проживала в д. Белая Гора Новгородского района, приговорена ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

218. ЗАХАРОВА Христина Захаровна, 1878, монахиня, проживала в д. Белая Гора Новгородского района, приговорена ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

219. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ Иван Матвеевич, 1870, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Коломно Чудовского района, приговорен ОТ 3.IX.1937 к расстрелу.

220. ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ Владимир Яковлевич, 1872, священник церкви Троице-Никитинской в п. Крестцы, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

221. ЗЕМЛЯНИЦИН Александр Николаевич, 1864, священник, проживал в д. Великое Село Старорусского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

222. ЗЕМЛЯНИЦИНА Екатерина Захаровна, 1889, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ПП 19.V.1933 к 3 годам ссылки.

223. ЗИМБАЛЕВСКИЙ Иван Андреевич, 1875, священник церкви Николая в д. Должино Волотовского района, приговорен ОТ 26.VIII.1937 к расстрелу.

224. ЗИМБАЛЕВСКИЙ Кузьма Андреевич, 1877, священник церкви Вознесения Господня в д. Филиппова Гора Демянского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

225. ЗИМНЕВ Михаил Иванович, 1875, священник, проживал в д. Короцко Валдайского района, приговорен ОТ 27.X.1937 к расстрелу.

226. ЗИНОВЬЕВ Михаил Владимирович (иеромонах Тихон), 1897, священник церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в д. Наволок Валдайского района, приговорен ОТ 13.VIII.1937 к расстрелу.

227. ЗЛАТОРУНСКИЙ Иван Иванович, 1865, священник, проживал в д. Заозерье Демянского района, приговорен ОТ 4.III.1938 к расстрелу.

228. ЗНАМЕНСКИЙ Иван Александрович, 1882, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в п. Уторгош, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

229. ИВАНОВ Андрей Иванович, 1889, монах, проживал в д. Сутоки Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

230. ИВАНОВ Василий Григорьевич, 1879, диакон, проживал в д. Нагаткино Старорусского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

231. ИВАНОВ Виктор Николаевич, 1869, священник церкви Николая в д. Хирово Любытинского района, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

232. ИВАНОВ Владимир Михайлович, 1887, священник церкви Троицы в д. Охона Пестовского района, приговорен ОТ 27.X.1937 к расстрелу.

233. ИВАНОВ Иван Викторович, 1892, диакон церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Коростынь Шимского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

234. ИВАНОВ Нафанаил Артемьевич, 1872, священник, проживал в д. Коньково Маловишерского района, приговорен ОТ 28.IX.1937 к расстрелу.

235. ИВАНОВ Петр Иванович, 1877, священник, проживал в п. Кулотино Окуловского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

236. ИВАНОВ Сергей Сергеевич, 1876, священник Богоявленского собора в п. Демянск, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

237. ИВАНОВ-БЕЗЗУБОВ Мартемьян Иванович, 1872, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

238. ИВАНОВА Дарья Ивановна, 1889, монахиня, проживала на хут. Гряды Поддорского района, приговорена ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

239. ИВАНОВА Ольга Ивановна, 1875, монахиня, проживала в п. Волот, приговорена ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

240. ИВОЛГИНА Евдокия Кузьминична, 1879, монахиня, проживала в д. Косино Старорусского района, приговорена ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

241. ИГНАТЬЕВ Артемий Степанович, 1885, священник церкви Троице-Никитинской в п. Крестцы, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

242. ИГРАШОВ Андрей Георгиевич, 1881, диакон церкви Вознесения Христова в с. Залучье Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

243. ИЗОТОВ Иван Павлович, 1881, диакон Богоявленского собора в п. Демянск, приговорен ОТ 4.III.1938 к расстрелу.

244. ИЗЮМОВ Николай Николаевич, 1888, священник церкви Николая в д. Полищи Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

245. ИЛЬИН Иона Ильич, 1867, священник церкви Троицы в д. Самокража Новгородского района, приговорен ОТ 30.XI.1938 к 6 годам ИТЛ.

246. ИЛЬИНОГОРСКИЙ Александр Иванович, 1874, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

247. ИЛЬИНСКИЙ Василий Иванович, 1877, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Взвад Старорусского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

248. ИЛЬИНСКИЙ Василий Ильич, 1895, священник церкви Иоанна Предтечи в д. Шедомицы Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

249. ИЛЬИНСКИЙ Иван Иванович, 1887, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Рышево Новгородского района, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

250. ИЛЬИНСКИЙ Михаил Петрович, 1865, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

251. ИЛЬМЕНСКИЙ Андрей Павлович, 1882, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Старое Рахино Крестецкого района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

252. ИЛЬМЕНСКИЙ Борис Николаевич, 1869, диакон церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Взвад Старорусского района, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

253. ИЛЬМЕНСКИЙ Петр Иванович, 1867, священник церкви Петра и Павла в д. Голино Шимского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

254. КАЛИНИН Иван Петрович, 1869, священник церкви Параскевы Пятницы в пог. Строилово Демянского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

255. КАЛИНИЧЕВ Иван Андреевич, 1875, священник церкви Троицы в д. Подгощи Шимского района, приговорен ПП 11.III.1930 к 3 годам ИТЛ.

256. КАРАСЕВИЧ Георгий Михайлович, 1908, священник церкви Троицы в д. Никандрово Любытинского района, приговорен ОС 1932 к 5 годам ИТЛ, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

257. КАРАТАЕВ Николай Семенович, 1892, священник, проживал в д. Бараново Шимского района, приговорен ПП 4.III.1930 к 5 годам ИТЛ.

258. КАРАТЫГИН Алексей Павлович, 1892, священник, проживал в д. Усть-Кировское Пестовского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

259. КАРАТЫГИН Петр Иванович, 1862, священник церкви Казанской иконы Божией Матери в д. Аполец Холмского района, приговорен Демянской уездной ЧК 15.IX.1918 к расстрелу.

260. КАРНАКОВА Евдокия Ивановна, 1870, монахиня, проживала в г. Боровичи, приговорена ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

261. КАРПОВА Мария Гавриловна, 1904, монахиня, проживала в д. Бель Валдайского района, приговорена ОТ 9.VIII.1937 к расстрелу.

262. КАТОРГИН Геронтий Анисимович, 1875, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Хотяж Волотовского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

263. КЕДРОВ Владимир Иванович, 1874, священник, проживал в д. Гричино Пестовского района, приговорен ПП 14.IX.1932 к 5 годам ИТЛ.

264. КЕДРОВ Иван Петрович, 1860, священник церкви Троицы в д. Кушавера Хвойнинского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

265. КЕЙКОВ Алексей Максимович, 1899, диакон церкви Иконы Божией Матери Живоносный Источник в д. Углы Шимского района, приговорен ПП 18.VI.1931 к 10 годам ИТЛ.

266. КИРИЛЛОВ Федор Кириллович, 1880, диакон церкви Параскевы Пятницы в пог. Строилово Демянского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

267. КИРИЛЛОВА Наталья Кирилловна, 1882, монахиня, проживала в д. Верехново Волотовского района, приговорена ОСО 22.III.1940 к 6 годам ИТЛ.

268. КИРСАНОВ Василий Алексеевич, 1902, диакон церкви Архангела Михаила в д. Шотово Залучского района, приговорен ОТ 1.IX.1937 к расстрелу.

269. КИСЕЛЕВ Платон Иванович, 1872, священник церкви Троицы в д. Охона Пестовского района, приговорен ПП 14.IX.1932 к 3 годам ИТЛ, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

270. КИСИН Савватий Егорович, 1870, монах, проживал в д. Селище Валдайского района, приговорен ОТ 11.VIII.1937 к расстрелу.

271. КЛЕМЕНТЬЕВ Куприян Сергеевич, 1887, священник Екатерининского собора в п. Крестцы, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

272. КЛИМАНТОВСКИЙ Николай Александрович, 1885, диакон церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в д. Ракушино Крестецкого района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

273. КЛИМОВСКИЙ Владимир Алексеевич, 1895, диакон церкви Иоанна Богослова в д. Ивановское Старорусского района, приговорен ПП 4.XI.1931 к 5 годам ИТЛ, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

274. КЛИМОВСКИЙ Константин Николаевич, 1895, священник церкви Пророка Илии в д. Ляховичи Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

275. КЛЯРОВСКИЙ Евгений Васильевич, 1877, священник церкви Димитрия Солунского в д. Большое Замошье Новгородского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

276. КЛЯРОВСКИЙ Модест Васильевич, 1877, священник, проживал в д. Березицы Боровичского района, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

277. КОЗЛОВА Елизавета Михайловна, 1882, монахиня, проживала в д. Новый Скребель Демянского района, приговорена ОТ 30.XII.1937 к 8 годам ИТЛ.

278. КОКОВКИН Михаил Данилович, 1873, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Плешаково Парфинского района, приговорен ОТ 5.III.1938 к расстрелу.

279. КОЛБИН Павел Осипович, 1875, священник, проживал в д. Теребутицы Шимского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

280. КОЛТУНОВСКИЙ Иван Андреевич, 1885, диакон церкви Николая в г. Малая Вишера, приговорен ОТ 3.XII.1937 к расстрелу.

281. КОМИН-ПЕТРОВ Василий Васильевич, 1865, священник, проживал в д. Добрости Крестецкого района, приговорен ПП 13.II.1930 к 3 годам ссылки, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

282. КОНДРАТЬЕВ Григорий Данилович, 1874, священник церкви Иоанна Предтечи в д. Клевичи Демянского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

283. КОНДРАТЬЕВА Акилина Кондратьевна, 1884, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

284. КОНСТАНТИНОВ Анатолий Константинович, 1868, монах, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 15.IX.1937 к расстрелу.

285. КОНСТАНТИНОВ Михаил Константинович, 1878, священник, проживал в д. Моисеиха Мошенского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

286. КОПОЛЫГИНА Евдокия Васильевна, 1882, монахиня, проживала в д. Кобылкино Старорусского района, приговорена ОТ 31.XII.1937 к 8 годам ИТЛ.

287. КОПЫТОВ Сергей Иванович, 1862, игумен Анатолий, настоятель Железковской Иоанно-Предтеченской пустыни Боровичского района, приговорен 10.IV.1919 к 6 месяцам тюремного заключения.

288. КОРАБЛЕВА Степанида Яковлевна, 1874, монахиня, проживала в Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорена ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

289. КРАСНОПЕВКОВ Алексей Михайлович, 1883, священник церкви Пророка Илии в д. Устюцкое Пестовского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

290. КУБАРЕВ-ИЛЬИН Афанасий Иванович, 1898, священник, проживал в д. Лобыни Поддорского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

291. КУБАСОВ Евстафий Николаевич, 1872, монах, проживал в д. Заборовье Солецкого района, приговорен ОТ 25.IX.1937 к расстрелу.

292. КУБАСОВА Павлина Николаевна, 1896, монахиня, проживала в д. Заборовье Солецкого района, приговорена ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

293. КУДРЯВЦЕВ Владимир Николаевич, 1885, диакон, проживал в д. Илемно Солецкого района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

294. КУДРЯВЦЕВ Николай Дмитриевич, 1876, священник церкви Параскевы Пятницы в пог. Строилово Демянского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

295. КУДРЯШОВ Иван Сергеевич, 1897, священник церкви Иоанна Богослова в д. Черенчицы Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

296. КУДРЯШОВ Николай Сергеевич, 1900, священник церкви Николая в д.Зехино Старорусского района, приговорен ПП 28.II.1934 к 3 годам ИТЛ.

297. КУЗНЕЦОВ Иван Иванович, 1879, диакон, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

298. КУЗНЕЦОВ Тимофей Иванович, 1870, священник, проживал в д. Китово Крестецкого района, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

299. КУЗНЕЦОВА Агния Семеновна, 1872, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

300. КУЗНЕЦОВА Анастасия Ивановна, 1882, монахиня, проживала в д. Новая Мельница Новгородского района, приговорена ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

301. КУЗЬМИН Василий Степанович, 1880, монах, проживал в д. Ямок Новгородского района, приговорен ПП 23.II.1934 к 3 годам ссылки.

302. КУРЖЕНКОВ Федор Иванович, 1894, священник церкви Преображения Господня в пог. Оксочи Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

303. ЛАВРОВ Дмитрий Лаврович, 1875, монах, проживал в д. Грязное Замостье Любытинского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

304. ЛАВРОВ Иван Матвеевич, 1873, священник Екатерининского собора в п. Крестцы, приговорен чрезвычайным полевым штабом 5.X.1918 к расстрелу.

305. ЛАДИНСКИЙ Владимир Иванович, 1870, священник церкви Георгия в с. Минцы Хвойнинского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

306. ЛАЖИНСКИЙ Петр Петрович, 1869, священник, проживал в д. Большая Любынь Чудовского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

307. ЛЕБЕДЕВ Александр Павлович, 1883, священник церкви Троицы в д. Налючи Парфинского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

308. ЛЕБЕДЕВ Алексей Павлович (иеромонах Арсений), 1876, иеромонах Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

309. ЛЕБЕДЕВ Дмитрий Алексеевич, 1866, священник церкви Николая в д. Ефремово Старорусского района, приговорен ОТ 5.III.1938 к расстрелу.

310. ЛЕБЕДЕВ Иван Александрович, 1872, священник церкви Иоанна Богослова в д. Велебицы Солецкого района, приговорен ПП 14.IX.1932 к 5 годам ИТЛ.

311. ЛЕБЕДЕВ Иван Васильевич, 1875, священник, проживал в д. Мамоновщина Маревского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

312. ЛЕБЕДЕВ Павел Александрович, 1912, священник церкви Троицы в д. Налючи Парфинского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

313. ЛЕБЕДЕВ Петр Васильевич, 1898, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 28.XII.1937 к расстрелу.

314. ЛЕБЕДЕВ Сергей Павлович, 1886, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 25.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

315. ЛЕБЕДИНСКИЙ Александр Петрович, 1897, священник церкви Николая в д. Осиновец Боровичского района, приговорен ПП 27.XI.1930 к 10 годам ИТЛ.

316. ЛЕВИН Григорий Васильевич, 1877, священник церкви Тихвинской иконы Божией Матери в д. Учно Волотовского района, приговорен ОТ 15.X.1937 к расстрелу.

317. ЛЕВИЦКИЙ Валентин Васильевич, 1867, священник церкви Архангела Михаила в д. Лубино Солецкого района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

318. ЛЕВИЦКИЙ Иван Константинович, 1873, священник церкви Николая в пог. Бух Демянского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

319. ЛЕВОЧЕСКИЙ Сергей Александрович, 1885, диакон церкви Николая в пог. Бух Демянского района, приговорен ОТ 19.XII.1937 к расстрелу.

320. ЛЕВОЧСКИЙ Василий Александрович, 1868, диакон Екатерининского собора в п. Крестцы, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

321. ЛЕВОЧСКИЙ Василий Владимирович, 1905, диакон церкви Рождества Иоанна Предтечи в д. Псижа Старорусского района, приговорен ЛОС 20.I.1937 к 5 годам ИТЛ.

322. ЛЕВОЧСКИЙ Владимир Васильевич, 1867, священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в д. Псижа Старорусского района, приговорен ОТ 8.IX.1937 к расстрелу.

323. ЛЕВОЧСКИЙ Дмитрий Александрович, 1878, диакон церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Выстово Старорусского района, приговорен ОТ 1.XI.1937 к расстрелу.

324. ЛЕВОЧСКИЙ Михаил Михайлович, 1893, диакон церкви Николая в д. Должино Волотовского района, приговорен ПП 18.II.1930 к расстрелу.

325. ЛЕОНТЬЕВ Павел Александрович, 1903, диакон церкви Николая в д. Речные Котцы Старорусского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

326. ЛЕТЕНКОВ Василий Васильевич, 1874, иеромонах, проживал в д. Хутынь Новгородского района, приговорен ПП 23.IX.1932 к 3 годам ссылки, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

327. ЛИСИН Тимофей Константинович, 1894, диакон, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 25.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

328. ЛИТВИНЕНКО Петр Павлович, 1872, священник церкви Святителя Евфимия в д. Вяжищи Новгородского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

329. ЛИТЕНКОВА Анастасия Васильевна, 1876, монахиня, проживала в д. Короцко Валдайского района, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

330. ЛОЗИН-ЛОЗИНСКИЙ Владимир Константинович, 1885, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 19.XII.1937 к расстрелу.

331. ЛУКАШЕВ Иван Осипович, 1881, монах, проживал в д. Хутынь Новгородского района, приговорен ПП 23.IX.1932 к 3 годам ссылки.

332. ЛУКИН Василий Федорович, 1886, священник церкви Преображения Господня в д. Мануйлово Парфинского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

333. ЛУКИНА Татьяна Васильевна, 1877, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

334. ЛУКИНСКИЙ Дмитрий Вениаминович, 1884, священник, проживал в д. Мелковичи Батецкого района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

335. ЛУКИЧЕВА Мария Васильевна, 1882, монахиня, проживала в д. Бель Валдайского района, приговорена ОТ 9.VIII.1937 к расстрелу.

336. ЛЮБОМУДРОВ Евгений Андреевич, 1876, диакон Екатерининского собора в п. Крестцы, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

337. ЛЮБОМУДРОВ Николай Дионисьевич, 1873, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

338. ЛЮБЫНСКИЙ Алексей Васильевич, 1878, священник церкви Пророка Илии в д. Борки Парфинского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

339. ЛЮБЫНСКИЙ Василий Алексеевич, 1906, священник церкви Рождества Христова в д. Борки Парфинского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

340. ЛЮБЫНСКИЙ Георгий Иванович, 1869, священник церкви Троицы на Редятине улице в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

341. МАЛЬЦЕВ Владимир Васильевич, 1875, священник церкви Троицы в д. Чертицко Старорусского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

342. МАЙОРОВ Николай Михайлович, 1884, монах, проживал в д. Пирусс Боровичского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

343. МАЙСКИЙ Василий Ануфриевич, 1891, священник церкви Смоленской иконы Божией Матери в д. Марково Поддорского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

344. МАКАРОВА Анна Александровна, 1885, монахиня, проживала в г. Старой Руссе, приговорена ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

345. МАКЕЕВ Тихон Макеевич (игумен Тихон), 1877, настоятель Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

346. МАЛИХИН Василий Васильевич, 1893, диакон церкви Троицы в д. Большие Угороды Шимского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к 10 годам ИТЛ.

347. МАЛОВ Анатолий Иванович, 1887, священник, проживал в д. Гряды Маловишерского района, приговорен ОТ 3.XII.1937 к расстрелу.

348. МАЛЫШЕВ Иван Андреевич, 1881, священник церкви Троицы в д. Ореховно Мошенского района, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

349. МАЛЬЦЕВ Александр Иванович, 1866, священник церкви Николая в д. Пеньково Старорусского района, приговорен ПП 12.II.1933 к 3 годам ссылки.

350. МАМАЕВ Виталий Александрович, 1892, священник церкви Троицы в д. Городцы Волотовского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

351. МАМАЕВ Михаил Дмитриевич, 1862, священник, проживал в д. Ненятчино Поддорского района, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

352. МАРЕНЦЕВ Михаил Алексеевич, 1870, священник церкви Преображения Господня в с. Едрово Валдайского района, приговорен ОТ 11.VIII.1937 к расстрелу.

353. МАРКОВСКИЙ Михаил Петрович, 1876, священник церкви Николая в д. Сутоки Новгородского района, приговорен ОСО 1929 к 3 годам ссылки.

354. МАРШЕВ Алексей Васильевич, 1901, диакон церкви Николая в Косинском Николаевском монастыре Старорусского района, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

355. МАРШЕВ Петр Васильевич, 1881, священник церкви Николая в д. Осиновец Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

356. МАТВЕЕВ Иван Матвеевич, 1862, священник, проживал в д. Пырищи Крестецкого района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

357. МАТВЕЕВА Екатерина Матвеевна, 1870, монахиня, проживала на хут. Марк-Пустынник Хвойнинского района, приговорена ОТ 30.XII.1937 к 8 годам ИТЛ.

358. МАТРОСОВА Марина Васильевна, 1878, монахиня, проживала в д. Середея Валдайского района, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

359. МЕДВЕДСКИЙ Дмитрий Васильевич, 1871, священник, проживал в д. Великое Село Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

360. МЕДВЕДСКИЙ Константин Семенович, 1882, священник церкви Преображения Господня в г. Боровичи, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

361. МЕДВЕДСКИЙ Степан Павлович, 1864, священник, проживал в д. Жилой Бережок Батецкого района, приговорен ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

362. МЕНЬШИКОВ Павел Павлович, 1890, священник церкви Пророка Илии в д. Кшентицы Новгородского района, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

363. МИЗЕРИН Михаил Матвеевич, 1878, священник церкви Александра Невского на ст. Бурга Маловишерского района, приговорен ОТ 14.IV.1938 к расстрелу.

364. МИНЕЦКИЙ Никанор Андреевич, 1898, диакон церкви Николая в д. Лоси Старорусского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

365. МИНЕЦКИЙ Петр Андреевич, 1881, священник, проживал в д. Ануфриево Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

366. МИРОЛЮБОВ Дмитрий Александрович, 1883, священник церкви Петра и Павла в д. Пирусс Боровичского района, приговорен ПП 1.IX.1930 к 3 годам ИТЛ.

367. МИРОЛЮБОВ Евгений Семенович, 1878, диакон церкви Архангела Михаила в д. Лубино Солецкого района, приговорен ЛОС 19.VII.1937 к 5 годам ИТЛ.

368. МИРОЛЮБОВ Николай Михайлович, 1867, священник церкви Варвары в пог. Устье Маловишерского района, приговорен ПП 22.IV.1930 к 3 годам ИТЛ.

369. МИРОЛЮБОВ Павел Александрович, 1873, священник церкви Казанской иконы Божией Матери в д. Аполец Холмского района, приговорен ОТ 8.IX.1937 к расстрелу.

370. МИРОНОВА Мария Петровна, 1877, монахиня, проживала в с. Старый Медведь Шимского района, приговорена ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

371. МИРСКАЯ Мария Ивановна, 1878, монахиня, проживала в Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорена ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

372. МИСАЙЛОВСКИЙ Александр Алексеевич, 1874, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Мытно Новгородского района, приговорен ОТ 28.IX.1937 к расстрелу.

373. МИСАЙЛОВСКИЙ Василий Алексеевич, 1881, священник церкви Архангела Михаила в д. Верховское Боровичского района, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

374. МИТИН Николай Алексеевич, 1899, священник церкви Воскресения Христова в д. Мшага Воскресенская Шимского района, приговорен ПП 30.IV.1930 к 3 годам ссылки, приговорен ОТ 15.XI. 1937 к расстрелу.

375. МИХАЙЛОВ Александр Викторович, 1859, священник церкви Святого Духа в д. Луньшино Старорусского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

376. МИХАЙЛОВ Алексей Михайлович, 1874, священник церкви Параскевы Пятницы в д. Прудско Поддорского района, приговорен ОТ 1.XI.1937 к расстрелу.

377. МИХАЙЛОВ Андрей Михайлович, 1866, священник, проживал в д. Жизлино Волотовского района, приговорен ОТ 10.X.1937 к расстрелу.

378.МИХАЙЛОВ Василий Михайлович, 1877, священник церкви Владимирской иконы Божией Матери в д. Горцы Шимского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

379. МИХАЙЛОВ Иван Михайлович (иеродиакон Серафим), 1889, иеродиакон Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

380. МИХАЙЛОВА Евдокия Михайловна, 1870, монахиня, проживала в с. Бронницы Новгородского района, приговорена ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

381. МИХАЙЛОВА Параскева Михайловна, 1890, монахиня, проживала в д. Кашино Солецкого района, приговорена ПП 21.X.1932 к 3 годам ссылки.

382. МОЛОДИКОВ Леонид Андреевич, 1872, священник церкви Николая в д. Коломна Поддорского района, приговорен ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

383. МОЛЧАНОВ Дмитрий Васильевич, 1865, священник церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в д. Порожки Волотовского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

384. МОЛЧАНОВ Павел Васильевич, 1886, диакон церкви Преображения Господня в пог. Липицкий Демянского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

385. МОРЕВ Николай Васильевич, 1870, священник, проживал в д. Росино Парфинского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

386. МОШИН Михаил Кузьмич, 1890, священник церкви Иконы Знамения Божией Матери в д. Старое Ракомо Новгородского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

387. МУДРОЛЮБОВ Иван Николаевич, 1861, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

388. МУРАВЬЕВ Рафаил Яковлевич, 1891, священник церкви Пророка Илии в д. Перегино Поддорского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

389. МУРАШЕВ Алексей Петрович, 1870, священник церкви Параскевы Пятницы в д. Неболчи Любытинского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

390. МЫТЕНСКИЙ Леонид Иванович, 1888, священник церкви Преображения Господня в д. Ряпушино Поддорского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

391. МЯГКОВ Николай Алексеевич, 1874, диакон, проживал в д. Бор Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

392. НАГОВСКИЙ Алексей Васильевич, 1880, священник церкви Александра Невского в д. Свинорд Солецкого района, приговорен ОТ 14.X.1937 к расстрелу.

393. НАГОВСКИЙ Виктор Васильевич, 1891, священник церкви Троицы в д. Большие Угороды Шимского района, приговорен ПП 8.XII.1932 к 3 годам ссылки, приговорен ОТ 19.IX.1937 к расстрелу.

394. НАГУЛЯК Амвросий Константинович, 1880, монах, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

395. НАДЕЖДИН Александр Николаевич, 1877, протоиерей церкви Петра и Павла в г. Валдае, приговорен ОТ 8.III.1938 к расстрелу.

396. НАЛЮЦКИЙ Яков Васильевич, 1896, диакон церкви Георгия в д. Черницы Чудовского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

397. НАУМОВ Петр Павлович, 1883, диакон, проживал в д. Борок Волотовского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

398. НАУМОВ Степан Александрович, 1864, священник, проживал в д. Заручевье Маловишерского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

399. НЕВЗОРОВ Павел Николаевич, 1876, священник церкви Николая в д. Ефремово Старорусского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

400. НЕЧАЕВ Константин Витальевич, 1890, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в пог. Трубы Окуловского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

401. НЕЧАЕВ Яков Петрович, 1868, священник церкви Троицы в пог. Одоев Маревского района, приговорен ОТ 22.IX.1937 к расстрелу.

402. НИКИТАШИН Семен Васильевич, 1886, священник церкви Иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость в д. Едрово Валдайского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

403. НИКИТИН Виктор Александрович, 1900, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Внуто Хвойнинского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

404. НИКИТИН Владимир Федорович, 1882, священник, проживал в д. Малая Уторгош Шимского района, приговорен ПП 4.IV.1930 к 5 годам ИТЛ.

405. НИКИФОРОВ Василий Павлович, 1871, священник церкви Троице-Никитинской в п. Крестцы, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

406. НИКИФОРОВСКИЙ Анатолий Васильевич, 1875, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

407. НИКИФОРОВСКИЙ Николай Васильевич, 1888, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

408. НИКОЛАЕВ Константин Николаевич, 1900, диакон церкви Успения Пресвятой Богородицы в д.Лебедское Парфинского района, приговорен ОТ 8.IX.1937 к расстрелу.

409. НИКОЛАЕВСКИЙ Василий Васильевич, 1898, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Волотово Новгородского района, приговорен ПП 22.III.1929 к 3 годам ссылки.

410. НИКОЛЬСКИЙ Сергей Владимирович, 1887, священник, проживал в д. Гряды Маловишерского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

411. НИКОЛЬСКИЙ Платон Иванович, 1888, диакон церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Оскуй Чудовского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

412. НИКОЛЬСКИЙ Федор Павлович, 1865, священник собора Андрея Первозванного в с. Грузино Чудовского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

413. НИЛЬСКИЙ Николай Павлович, 1873, священник церкви Флора и Лавра в г. Новгороде, осужден ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

414. НИМЕНСКИЙ Николай Иванович, 1870, священник церкви Георгия в пог. Броды Мошенского района, приговорен ПП 27.III.1930 к 10 годам ИТЛ.

415. НОВГОРОДСКИЙ Ферапонт Иванович, 1868, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в г. Чудово, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

416. НОВОДЕНСКИЙ Леонид Николаевич, 1877, священник, проживал на хут. Шемячиха Пестовского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

417.НОВОРУССКИЙ Петр Васильевич, 1867, священник церкви Преображения Господня в д. Коровитчино Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

418. ОБРАЗКОВ Федор Иванович, 1863, священник, проживал на хут. Озеро Новгородского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

419. ОБРАЗЦОВ Василий Александрович, 1881, священник, проживал в д. Усть-Кировское Пестовского района, приговорен ПП 14.IX.1932 к 5 годам ИТЛ, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

420. ОБУХОВ Андрей Иосифович, 1870, монах, проживал в д. Федосовичи Крестецкого района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

421.ОВЧИННИКОВ Павел Александрович, 1881, священник церкви Александра Невского в д. Слутка Новгородского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

422.ОДОЕВСКИЙ Иван Лонгвинович, 1888, священник церкви Иоанна Богослова в д. Усть-Волма Крестецкого района, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

423. ОЗЕРОВ Антоний Иванович, 1866, священник церкви Николая в д. Левоча Хвойнинского района, приговорен чрезвычайным штабом 23.XII.1918 к расстрелу.

424. ОЗЕРОВ Владимир Алексеевич, 1877, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Покров-Молога Пестовского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

425. ОЗЕРОВ Григорий Степанович, 1880, священник, проживал в д. Любцы Маловишерского района, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

426. ОЗЕРОВ Иван Никифорович, 1873, священник церкви Всемилостивого Спаса Нерукотворного Его Образа в д. Векшино Поддорского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

427. ОЗЕРОВ Николай Степанович, 1876, священник, проживал в д. Высокий Остров Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

428. ОКУНЕВ Александр Федорович, 1879, священник церкви Иоанна Богослова в д. Нагово Старорусского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

429. ОПОЦКИЙ Николай Михайлович, 1872, епископ Череповецкий Макарий, проживал в г. Новгороде, приговорен ПП 19.V.1933 к 5 годам ссылки.

430.ОРЕШНИКОВ Иван Николаевич, 1860, священник, проживал в д. Вотолино Демянского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

431.ОРЛИНСКИЙ Иван Никифорович, 1875, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 15.IX.1937 к расстрелу.

432.ОРЛИНСКИЙ Павел Никифорович, 1881, священник церкви Иконы Божией Матери Живоносный Источник в д. Углы Шимского района, приговорен ПП 8.XII.1932 к 8 годам ИТЛ.

433. ОРЛОВ Александр Сергеевич, 1881, диакон, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

434. ОРЛОВ Антоний Алексеевич, 1895, священник, проживал в д. Новинка Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

435. ОРЛОВ Владимир Дмитриевич, 1899, диакон церкви Николая в д.Рамушево Старорусского района, приговорен ОТ 15.X.1937 к расстрелу.

436. ОРЛОВ Владимир Иванович, 1885, священник церкви Троицы в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

437. ОРЛОВ Николай Александрович (иеромонах Никон), 1883, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Бель Валдайского района, приговорен ОТ 9.VIII.1937 к расстрелу.

438. ОРЛОВ Петр Дмитриевич, 1878, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Заозерье Боровичского района, приговорен ПП 14.VI.1930 к 3 годам ИТЛ.

439. ОРЛОВ Петр Михайлович, 1870, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 19.IX.1936 к 5 годам ИТЛ.

440. ОРЛОВ Яков Михайлович, 1871, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

441. ОРЛОВА Евдокия Васильевна, 1878, монахиня, проживала в д. Взвад Старорусского района, приговорена ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

442. ОРНАТСКИЙ Александр Григорьевич, 1895, диакон церкви Николая в д. Рамушево Старорусского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

443. ОСИНОВСКИЙ Петр Николаевич, 1876, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Велилы Маревского района, приговорен ОТ 15.X.1937 к расстрелу.

444. ОСИПОВ Иван Михайлович, 1887, священник церкви Николая в п. Парфино, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

445. ОСИПОВ Павел Михайлович, 1890, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Стариково Старорусского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

446. ОХОНСКИЙ Алексей Васильевич, 1881, священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в д. Севера Волотовского района, приговорен ОТ 14.X.1937 к расстрелу.

447. ОХОНСКИЙ Сергей Николаевич, 1884, священник, проживал в д. Новый Скребель Демянского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

448. ОХОТИН Дмитрий Александрович, 1880, священник, проживал в д. Красницы Любытинского района, приговорен ОТ 15.III.1938 к расстрелу.

449. ПАВЛОВ Александр Павлович, 1893, священник церкви Пророка Илии в д. Бор Старорусского района, приговорен ОТ 17.X.1937 к расстрелу.

450. ПАВЛОВ Михаил Павлович, 1892, диакон, проживал в д. Лажины Парфинского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

451. ПАВЛОВ Сергей Павлович, 1882, диакон церкви Архангела Михаила в д. Наволок Поддорского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

452. ПАВЛОВ Яков Павлович, 1888, священник церкви Феодора Стратилата в д. Верехново Волотовского района, приговорен ОТ XI.1937 к расстрелу.

453. ПАВЛОВСКИЙ Михаил Михайлович, 1897, священник церкви Воздвижения Креста Господня в д. Ольховец Маловишерского района, приговорен ЛОС 13.III.1937 к 5 годам ИТЛ.

454. ПАНКОВ Гавриил Захарович, 1881, иеродиакон, проживал в д. Вяжищи Новгородского района, приговорен ПП 8.IX.1931 к 5 годам ИТЛ.

455. ПАНКОВА Агриппина Захаровна, 1884, монахиня, проживала в д. Вяжищи Новгородского района, приговорена ПП 8.IX.1931 к 5 годам ИТЛ.

456. ПАНОВА Екатерина Алексеевна, 1885, монахиня, проживала в д. Теребутицы Шимского района, приговорена ПП 18.VI.1931 к 10 годам ИТЛ.

457.ПАХОМОВ Иван Васильевич, 1877, монах, проживал в д. Хутынь Новгородского района, приговорен ПП 23.IX.1932 к 3 годам ссылки.

458. ПЕВЦОВ Александр Иванович, 1881, священник, проживал в д. Гладь Чудовского района, приговорен ПП 9.IV.1930 к 5 годам ИТЛ.

459. ПЕРВОВА Марфа Ивановна, 1871, монахиня, проживала в п. Волот, приговорена ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

460. ПЕТРОВ Михаил Руфович, 1875, священник, проживал в д. Малый Заход Демянского района, приговорен ОТ 4.IV.1937 к 10 годам ИТЛ.

461. ПЕТРОВ Федор Осипович, 1886, диакон церкви Преображения Господня в д. Леохново Старорусского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

462. ПЕТРОВА Матрена Петровна (монахиня Матрона), 1866, проживала в Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорена ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

463. ПИМЕНОВ Иван Михайлович, 1889, диакон церкви Николая в д. Ефремово Поддорского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

464. ПИСКУНОВ Сергей Федорович, 1871, священник церкви Параскевы Пятницы в д. Глиненцы Боровичского района, приговорен ОТ 19.XII.1937 к расстрелу.

465. ПЛОДОВИТОВ Иван Иванович, 1866, священник Троицкого собора в г. Валдае, приговорен ОТ 11.VIII.1937 к расстрелу.

466. ПОГОДИН Николай Васильевич, 1878, священник, проживал в д. Сорокопенно Старорусского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

467. ПОГРАНИЦКИЙ Александр Иванович, 1879, диакон церкви Вознесения Господня в д. Речки Волотовского района, приговорен ПП 18.II.1930 к расстрелу.

468. ПОГРАНИЦКИЙ Иннокентий Александрович, 1886, монах, проживал в д. Марково Мошенского района, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

469. ПОКРОВСКИЙ Виталий Михайлович, 1874, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

470. ПОКРОВСКИЙ Павел Владимирович, 1895, священник церкви Петра и Павла в д. Холынья Новгородского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

471. ПОКРОВСКИЙ Федор Иванович, 1869, священник, проживал в д. Ручейки Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

472.ПОЛЕТАЕВ Александр Алексеевич, 1884, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Коломно Чудовского района, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

473. ПОЛИКАРПОВ Дмитрий Васильевич, 1870, священник церкви Апостола Филиппа в г. Новгороде, приговорен ПП 19.V.1933 к 3 годам ссылки.

474. ПОЛУЯНОВ Иван Александрович, 1864, диакон, проживал в г.Боровичи, приговорен ПП 23.IX.1932 к 1 году ИТЛ.

475. ПОЛЯНСКАЯ Степанида Дементьевна, 1887, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

476. ПОПОВ Александр Садофович, 1879, священник церкви Григория Богослова в д. Подберезье Новгородского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

477. ПОПОВ Василий Павлович, 1861, благочинный округа, настоятель церкви Иоанна Богослова в д. Верясско Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

478. ПОПОВ Григорий Петрович, 1876, священник, проживал в д. Серки Демянского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

479. ПОПОВ Николай Васильевич, 1895, диакон церкви Архангела Михаила в д. Шотово Старорусского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

480. ПОПОВ Петр Иванович, 1867, священник церкви Александра Невского в д. Бурга Маловишерского района, приговорен ОТ 28.IV.1937 к 5 годам ссылки.

481. ПОРОЖЕЦКИЙ Федор Степанович, 1898, священник, проживал в д. Теремово Старорусского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

482. ПОРФИРИДОВ Аркадий Николаевич, 1892, диакон церкви Александра Невского в д. Бурга Маловишерского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

483. ПОСАХОВСКИЙ Александр Гаврилович, 1863, священник Ильинского собора в г. Сольцы, приговорен ОТ 29.VIII.1937 к расстрелу.

484. ПОСПЕЛОВ Анатолий Викторович, 1876, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Кипино Демянского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

485. ПОТЫКАЛОВ Александр Иванович, 1890, монах, проживал в г. Старая Русса, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

486. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ Иван Александрович, 1878, протодиакон, проживал в г. Новгороде, приговорен ПП 18.VI.1931 к 10 годам ИТЛ.

487. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Николай Михайлович, 1886, диакон церкви Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме в д. Воскресенское Маревского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

488. ПРИЛЕЖАЕВ Антоний Порфирьевич, 1902, священник, проживал в д. Шишково Демянского района, приговорен ПП 28.II.1934 к 5 годам ИТЛ.

489. ПРИЩЕПОВ Максимилиан Мефодьевич, 1882, священник, проживал в д. Усть-Каширское Маловишерского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

490. ПРОКОФЬЕВ Михаил Прокофьевич, 1888, священник церкви Троице-Николаевской в д. Папоротно Маловишерского района, приговорен ОТ 5.IX.1937 к расстрелу.

491. ПРОКОФЬЕВА Дарья Прокофьевна, 1878, монахиня, проживала в д. Боры Новгородского района, приговорена ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

492. ПРОКОФЬЕВА Евдокия Прокофьевна, 1874, монахиня, проживала в д. Боры Новгородского района, приговорена ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

493. ПРУШИНСКИЙ Александр Кузьмич, 1881, диакон церкви Успения Пресвятой Богородицы в г. Чудово, приговорен ОТ 17.IX.1936 к 5 годам ИТЛ.

494. ПРУШИНСКИЙ Аполлинарий Кузьмич, 1886, священник церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в д. Городище Новгородского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

495. ПУСТОВОЙТ Дмитрий Иванович, 1877, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Домаши Валдайского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

496. ПУХТИНА Анна Алексеевна, 1880, монахиня, проживала в д. Теребутицы Шимского района, приговорена ПП 18.VI.1931 к 10 годам ИТЛ.

497. ПЫЛАЕВ Василий Владимирович, 1873, диакон церкви Троицы в д. Красные Станки Новгородского района, приговорен ОСО 28.XII.1938 к 7 годам ИТЛ.

498. ПЫЛАЕВ Владимир Александрович, 1888, священник церкви Троицы в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

499. РАХМАНИН Михаил Иванович, 1871, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 25.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

500. РАССКАЗОВА Александра Николаевна, 1896, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 14.X.1937 к расстрелу.

501.РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Борис Михайлович, 1880, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Водосье Чудовского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

502. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Николай Александрович, 1871, священник церкви Святителя Евфимия в д. Вяжищи Новгородского района, приговорен ПП 8.IX.1931 к 5 годам ИТЛ.

503.РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Николай Алексеевич, 1883, священник церкви Иоанна Богослова в г. Старой Руссе, приговорен ОТ XI.1937 к расстрелу.

504.РОЗАНОВ Александр Федорович, 1883, священник, проживал в д. Домашино Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

505. РОЗАНОВ Андрей Михайлович, 1888, диакон, проживал в д. Великое Село Старорусского района, приговорен ОТ 29.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

506. РОЗАНОВ Василий Владимирович, 1892, священник церкви Троицы в д. Подгощи Шимского района, приговорен ПП 11.III.1930 к 5 годам ИТЛ.

507. РОЗАНОВ Сергей Алексеевич, 1881, священник церкви Преображения Господня в д. Доворец Солецкого района, приговорен ПП 15.VIII.1930 к расстрелу.

508. РОМАНОВ Сергей Федорович, 1873, священник, проживал в д. Тырково Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

509. РОМАНОВА Дарья Степановна, 1870, монахиня, проживала в д. Косино Старорусского района, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

510. РОСТОВ Николай Николаевич, 1883, священник собора Андрея Первозванного в с. Грузино Чудовского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

511. РОСТОВЦЕВ Иван Михайлович, 1874, священник церкви Георгия в пог. Любно Маревского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

512. РУДАКОВ Тимофей Семенович, 1878, священник церкви Вознесения Господня в д. Речки Волотовского района, приговорен ОТ 15.VIII.1937 к расстрелу.

513. РУМЯНЦЕВ Иван Александрович, 1884, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Выстово Старорусского района, приговорен ОТ 1.XI.1937 к расстрелу.

514. РУМЯНЦЕВ Михаил Александрович, 1878, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в пог. Хубец Маловишерского района, приговорен ОТ 15.III.1937 к 5 годам ИТЛ.

515. РУМЯНЦЕВ Сергей Николаевич, 1896, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

516. РЫГУЛОВА Прасковья Алексеевна, 1875, монахиня, проживала в д. Наволок Валдайского района, приговорена ОТ 13.VIII.1937 к расстрелу.

517. САВЕЛЬЕВ Дмитрий Павлович, 1870, священник Рдейской Успенской пустыни в Поддорском районе, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

518. САВЕЛЬЕВА Анастасия Петровна, 1885, монахиня, проживала в д. Короцко Валдайского района, приговорена ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

519. САВИНОВ Андрей Васильевич, 1882, диакон церкви Архангела Михаила в пог. Боровно Окуловского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

520. САЛЬНИКОВ Иван Тимофеевич, 1874, диакон церкви Троицы в д. Налючи Парфинского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

521. САФОНОВ Георгий Капитонович, 1873, священник, проживал в д. Новинка Батецкого района, приговорен ОТ 31.XII.1937 к расстрелу.

522. СВЕТЛОВ Василий Васильевич, 1884, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Оскуй Чудовского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

523. СВЕТЛОВСКИЙ Павел Александрович, 1891, священник церкви Троицы в пог. Чижово Крестецкого района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к 10 годам ИТЛ.

524. СЕКУНДОВ Александр Александрович, 1876, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Опеченский Посад Боровичского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

525. СЕЛИВАНОВ Василий Сергеевич, 1870, священник, проживал в д. Сябреницы Чудовского района, приговорен ОТ 17.IX.1936 к 5 годам ИТЛ.

526. СЕЛЬСКИЙ Виктор Иванович, 1872, священник, проживал в д. Дрегла Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

527. СЕМЕНОВ Дмитрий Георгиевич, 1882, священник церкви Феодора Стратилата на Щиркове улице в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

528. СЕМЕНОВ Корнилий Семенович, 1872, священник церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в д. Наволок Валдайского района, приговорен ОТ 13.VIII.1937 к расстрелу.

529. СЕМЕНОВСКИЙ Александр Николаевич, 1886, диакон церкви Троицы в д. Семеновщина Валдайского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

530. СЕМЕНОВСКИЙ Владимир Константинович, 1884, священник церкви Преображения Господня в д. Леохново Старорусского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

531. СЕМЕНОВСКИЙ Николай Александрович, 1872, протоиерей, проживал в г. Новгороде, приговорен ПП 18.VI.1931 к 10 годам ИТЛ; приговорен ПП 23.II.1934 к 3 годам ИТЛ.

532. СЕМЕЧКИН Борис Владимирович, 1902, диакон, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

533. СЕРГЕЕВА Антонина Васильевна, 1879, монахиня, проживала в д. Серафимовка Боровичского района, приговорена ОТ 25.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

534. СЕРГИЕВСКИЙ Николай Арсентьевич, 1879, священник церкви Петра и Павла в д. Холынья Новгородского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

535. СЕРГИН Иван Тимофеевич, 1875, священник, проживал в д. Жаринец Маловишерского района, приговорен ОТ 28.IX.1937 к расстрелу.

536. СЕРЕБРЯКОВ Иван Яковлевич, 1873, иеромонах, проживал в д. Осиновец Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

537. СИДОРОВ Матвей Сидорович (иеромонах Серафим), 1880, проживал в д. Шуя Валдайского района, приговорен ОТ 9.VIII.1937 к расстрелу.

538. СИНКЛИТСКИЙ Дмитрий Александрович, 1877, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

539. СИНЯВИН Константин Платонович, 1898, диакон церкви Николая в д. Осиновец Боровичского района, приговорен ПП 25.II.1931 к 10 годам ИТЛ.

540. СИНЯВИН Федор Платонович, 1889, священник церкви Николая в д. Осиновец Боровичского района, приговорен ПП 25.II.1931 к расстрелу.

541. СКВОРЦОВ Александр Деодорович, 1878, священник церкви Воскресения Христова в д. Городок Чудовского района, приговорен ОТ 14.X.1937 к расстрелу.

542. СКОРОДУМОВ Евгений Клавдиевич, 1898, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Лебедское Парфинского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

543. СЛОВЦОВ Иван Петрович, 1897, священник церкви Иоанна Богослова в д. Велебицы Солецкого района, приговорен ОТ 13.IX.1937 к расстрелу.

544. СЛОВЦОВ Сергей Николаевич, 1895, священник церкви Николая в Косинском Николаевском монастыре Старорусского района, приговорен ОТ 8.III.1938 к расстрелу.

545. СМЕЛКОВ Клавдий Алексеевич, 1898, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Новая Русса Маревского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

546. СМЕЛКОВ Михаил Петрович, 1867, протоиерей Богоявленского собора в п. Демянске, приговорен президиумом ВЧК 7.IX.1921 к ссылке.

547. СМИРНОВ Александр Евгеньевич, 1889, священник, проживал в д. Заозерицы Мошенского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

548. СМИРНОВ Алексей Иванович, 1876, священник, проживал в д. Клирошанское Мошенского района, приговорен ОТ 20.XI.1937 к расстрелу.

549. СМИРНОВ Василий Николаевич, 1883, священник церкви Архангела Михаила в д. Боровенка Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

550. СМИРНОВ Ионикий Ефимович, 1879, священник церкви Преображения Господня в с. Бронницы Новгородского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

551. СМИРНОВ Михаил Васильевич, 1866, священник, проживал в д. Ретно Солецкого района, приговорен ПП 15.VIII.1930 к 5 годам ИТЛ.

552. СМИРНОВ Николай Иванович, 1874, священник, проживал в д. Лажины Парфинского района, приговорен ОТ 3.XII.1937 к расстрелу.

553. СМИРНОВ Николай Романович, 1869, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в пог. Хрепле Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

554. СМИРНОВ Тимофей Архипович, 1891, священник Ильинского собора в г. Сольцы, приговорен ОТ 28.IX.1937 к расстрелу.

555. СМИРНОВА Анна Антоновна, 1881, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

556. СМИРНОВА Прасковья Антоновна, 1874, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

557. СОБОЛЕВ Евгений Аполлонович, 1875, священник церкви Иоанна Богослова в д. Велебицы Солецкого района, приговорен ПП 30.IV.1930 к 5 годам ИТЛ.

558. СОБОЛЕВ Михаил Васильевич, 1874, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в с. Опеченский Посад Боровичского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

559. СОБОЛЕВ Петр Павлович, 1879, священник церкви Николая в д. Мякишево Хвойнинского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

560. СОКОЛОВ Александр Петрович, 1887, священник церкви Николая в п. Парфино, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

561. СОКОЛОВ Александр Яковлевич, 1882, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Сытино Новгородского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

562. СОКОЛОВ Иван Андреевич, 1871, священник церкви Пророка Илии в д. Дретено Старорусского района, приговорен ОТ 5.III.1938 к расстрелу.

563. СОКОЛОВ Иван Михайлович, 1880, священник церкви Троицы в пог. Язвищи Любытинского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

564. СОКОЛОВ Павел Дмитриевич, 1894, священник церкви Иконы Знамения Божией Матери в д. Старухино Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

565. СОКОЛОВ Яков Яковлевич, 1880, иеродиакон церкви Архангела Михаила на Прусской улице в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

566. СОЛОВЬЕВ Павел Петрович, 1884, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Лужно Демянского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

567. СОЛОВЬЕВ Петр Петрович, 1878, священник церкви Троицы в д. Ужин Валдайского района, приговорен ОТ 27.X.1937 к расстрелу.

568. СОЛОВЬЕВ Федор Иванович, 1887, священник, проживал на хут. Шкнятино Солецкого района, приговорен ПП 15.VIII.1930 к 3 годам ИТЛ.

569. СОРОКИН Платон Матвеевич, 1878, священник церкви Толгской иконы Божией Матери в д. Опочно Боровичского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

570.СОРОКИНА-СИНЯВИНА Наталья Тимофеевна, 1871, игуменья, проживала в д. Лисичиха Мошенского района, приговорена ЛОС 14.XI.1936 к 10 годам ИТЛ.

571. СОЦЕРДОТСКИЙ Михаил Васильевич, 1873, священник, проживал на ст. Волхово Чудовского района, приговорен ОТ 13.VIII.1937 к расстрелу.

572. СПЕРАНСКИЙ Иван Никанорович, 1885, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ПП 28.II.1934 к 5 годам ИТЛ.

573. СПЕРАНСКИЙ Сергей Александрович, 1878, священник церкви Николая в д. Старые Морозовичи Маловишерского района, приговорен ОТ 25.IX.1937 к расстрелу.

574. СТАВРОВСКИЙ Петр Владимирович, 1872, священник, проживал в д. Сболога Любытинского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

575. СТАДНИЦКИЙ Авксентий Георгиевич, 1862, митрополит Новгородский Арсений, проживал в г. Новгороде и г. Москве, приговорен Комиссией НКВД по административным высылкам 28.3.1924 к ссылке в г. Бухару на 3 года.

576. СТАРОСТИНА Ксения Семеновна, 1882, монахиня, проживала в д. Новый Скребель Демянского района, приговорена ОТ 30.XII.1937 к 8 годам ИТЛ.

577. СТАХЕЕВА Татьяна Ефимовна, 1893, монахиня, проживала в г. Боровичи, приговорена ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

578. СТЕКЛОВ Александр Александрович, 1882, священник церкви Архангела Михаила в д. Перетенка Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

579. СТЕХНОВСКИЙ Владимир Алексеевич, 1886, священник церкви Троицы в д. Переезд Поддорского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

580. СТЕФАНОВИЧ Николай Александрович, 1880, священник церкви Георгия в д. Вшели Солецкого района, приговорен ПП 21.X.1932 к 3 годам ИТЛ.

581. СТРЕКАВКИН Василий Никифорович, 1904, священник церкви Георгия в д. Тельбовичи Боровичского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

582. СТУДЕНСКИЙ Федор Григорьевич, 1875, священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Михалице в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

583. СТЯГОВ Николай Гаврилович, 1858, протоиерей Софийского собора, приговорен коллегией Новгородской губернской ЧК 17.III.1919 к 6 месяцам тюремного заключения.

584. СУБОЧЕВ Николай Филиппович, 1879, диакон, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

585. СУВОРОВА Екатерина Федоровна, 1885, монахиня, проживала в д. Колмово Новгородского района, приговорена ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

586. СУМРОВ Борис Яковлевич, 1907, диакон церкви Троицы в д. Кстечки Валдайского района, приговорен ОТ 31.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

587. ТАЛЫЗИН Павел Андреевич, 1886, диакон, проживал в д. Вотолино Демянского района, приговорен ОТ 4.X.1937 к расстрелу.

588. ТАЛЫЗИН Сергей Васильевич, 1861, священник, проживал в д. Гришкино Мошенского района, приговорен ОТ 29.VIII.1937 к расстрелу.

589. ТВЕРДЫНСКИЙ Михаил Дмитриевич, 1878, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Высоково Шимского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

590. ТВЕРДЫНСКИЙ Михаил Дмитриевич, 1892, священник церкви Апостола Филиппа в г. Новгороде, приговорен ПП 19.V.1933 к 3 годам ИТЛ.

591. ТЕЛЬНОВ Иван Петрович, 1878, священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в пог. Броды Окуловского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

592. ТЕЛЬНОВ Павел Иванович, 1916, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в пог. Трубы Окуловского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

593. ТЕРЕШИХИН Алексей Федорович, 1869, архимандрит Александро-Невской лавры, проживал в д. Колмово Новгородского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

594. ТЕРЕШИХИНА Матрена Федоровна, 1866, монахиня, проживала в д. Колмово Новгородского района, приговорена ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

595. ТЕПЦИЕВ Василий Викторович, 1882, священник, проживал в д. Доманино Боровичского района, приговорен ПП 1933 к 10 годам ИТЛ.

596. ТИМОФЕЕВ Василий Семенович, 1887, священник, проживал в д. Егоркино Поддорского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

597. ТИМОШЕНКОВА Анастасия Анисимовна, 1873, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 11.III.1938 к расстрелу.

598. ТИХОМИРОВ Георгий Федотович, 1900, диакон, проживал в д. Нездрино Окуловского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

599. ТИХОМИРОВ Дмитрий Кузьмич, 1880, диакон церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Кипино Демянского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

600. ТИХОМИРОВ Николай Петрович, 1873, священник церкви Параскевы Пятницы в с. Неболчи Любытинского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

601. ТИХОМИРОВ Серафим Афанасьевич, 1862, настоятель Варлаамо-Хутынского Спасо-Преображенского монастыря, приговорен ПП 23.IX.1932 к 3 годам ссылки.

602. ТИХОНОВ Алексей Андреевич, 1887, священник церкви Троицы в д. Кневицы Демянского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

603. ТИХОНОВА Мария Тихоновна, 1871, монахиня, проживала в п. Крестцы, приговорена ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

604. ТИШКОВ Семен Степанович, 1872, священник Троицкого собора в г. Валдае, приговорен ОТ 11.VIII.1937 к расстрелу.

605. ТОГАТОВ Иван Александрович, 1880, священник церкви Троицы в д. Охона Пестовского района, приговорен ПП 5.III.1930 к 5 годам ИТЛ.

606. ТОПОЛЕВ Константин Евгеньевич, 1875, священник церкви Пророка Илии в д. Устюцкое Пестовского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

607. ТРЕТИНСКИЙ Василий Александрович, 1870, священник церкви Иконы Знамения Божией Матери в д. Любыни Шимского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

608. ТРОЕПОЛЬСКИЙ Иван Иванович, 1877, священник, проживал в д. Гряды Маловишерского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

609. ТРОИЦКИЙ Александр Павлович, 1868, священник церкви Воскресения Христова в д. Водско Новгородского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

610. ТРОИЦКИЙ Вианор Александрович, 1871, священник церкви Троицы в д. Подгощи Шимского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

611. ТРОИЦКИЙ Иван Тимофеевич, 1895, священник церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в д. Устрека Мошенского района, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

612. ТРОИЦКИЙ Константин Павлович, 1865, священник церкви Троицы в д. Городно Валдайского района, приговорен ОТ 15.X.1937 к расстрелу.

613. ТРОИЦКИЙ Петр Александрович, 1893, священник церкви Иоанна Богослова в д. Нагово Старорусского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

614. ТРОЯНОВСКАЯ Мария Александровна, 1886, монахиня, проживала в г. Новгороде, приговорена ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

615. ТРУСОВ Александр Иванович, 1881, священник церкви Пророка Илии в д. Дретено Старорусского района, приговорен ОТ 1.XI.1937 к расстрелу.

616. ТУБЕРОЗОВ Михаил Васильевич, 1864, священник церкви Николая в г. Малая Вишера, приговорен ПП 11.III.1930 к 3 годам ИТЛ.

617. ТЫЧИНСКИЙ Михаил Петрович, 1869, священник церкви Николая в д. Мроткино Батецкого района, приговорен ПП 18.III.1930 к расстрелу.

618. ТЮЛЬПАНОВ Владимир Александрович, 1874, священник церкви Преображения Господня в д. Доворец Солецкого района, приговорен ПП 15.VIII.1930 к 5 годам ИТЛ.

619. УВЕРОВ Иван Иванович, 1888, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 10.III.1938 к расстрелу.

620. УДАЛЬЦОВ Николай Николаевич, 1885, священник церкви Преображения Господня в пог. Оксочи Маловишерского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

621. УЖИНСКИЙ Алексей Васильевич, 1873, священник, проживал в д. Дворец Новгородского района, приговорен ПП 3.IV.1933 к 5 годам ссылки, приговорен ОТ 1.IX.1937 к расстрелу.

622. УСПЕНСКИЙ Авенир Алексеевич, 1883, священник церкви Казанской иконы Божией Матери в г. Чудово, приговорен ОТ 17.IX.1936 к 5 годам ИТЛ.

623. УСПЕНСКИЙ Алексей Алексеевич, 1894, священник церкви Флора и Лавра в г. Новгороде, приговорен ПП 19.V.1933 к 3 годам ИТЛ, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

624. УСПЕНСКИЙ Дмитрий Алексеевич, 1873, свяшенник церкви Николая в п. Окуловка, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

625. УСПЕНСКИЙ Иван Алексеевич, 1877, священник церкви Иоанна Предтечи в д. Шедомицы Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

626. УСПЕНСКИЙ Илья Алексеевич, 1870, священник, проживал на хут. Шкнятино Солецкого района, приговорен ОТ 25.IX.1937 к расстрелу.

627. УСПЕНСКИЙ Николай Алексеевич, 1873, священник церкви Георгия в д. Юрьево Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

628. УСТИНОВ Дмитрий Анисимович, 1878, священник, проживал в д. Девкино Маловишерского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

629. УСТРИЦКИЙ Дмитрий Иванович. 1896, благочинный округа, священник церкви Александра Невского в д. Селище Валдайского района, приговорен ОТ 11.VIII.1937 к расстрелу.

630. ФАДЕЕВ Иосиф Васильевич, 1876, священник церкви Николая в д. Рамушево Старорусского района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

631. ФАДЕЕВ Капитон Михайлович, 1872, протоиерей церкви Вознесения Господня в д. Речки Волотовского района, приговорен ПП 18.II.1930 к расстрелу.

632. ФАДЕЕВ Николай Васильевич, 1866, священник, проживал в д. Горушка Поддорского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

633. ФЕДОРОВ Алексей Федорович, 1899, священник церкви Параскевы Пятницы в д. Голузино Поддорского района, приговорен ОТ 5.III.1938 к расстрелу.

634. ФЕДОРОВ Иван Федорович, 1882, диакон церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Село-Гора Новгородского района, приговорен ОТ 10.IX.1937 к расстрелу.

635. ФЕДОРОВ Никита Федорович, 1888, диакон церкви Апостола Петра в д. Косминское Парфинского района, приговорен ОТ 4.III.1938 к расстрелу.

636. ФЕДОТОВА Анна Федоровна, 1887, монахиня, проживала в д. Чечулино Новгородского района, приговорена ОТ 28.IX.1937 к расстрелу.

637. ФЕКЛИСТОВ Яков Федорович, 1887, священник церкви Смоленской иконы Божией Матери в д. Марково Поддорского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

638. ФЕЛИЦЫН Иван Тимофеевич, 1862, священник церкви Преображения Господня в пог. Оксочи Маловишерского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

639. ФЕОФИЛОВ Василий Иванович, 1892, священник, проживал в д. Борок Шимского района, приговорен ПП 4.III.1930 к 5 годам ИТЛ.

640. ФЕРАПОНТОВ Александр Михайлович, 1874, священник церкви Троицы в пог. Перетно Окуловского района, приговорен ОТ 15.XII.1937 к расстрелу.

641. ФИЛИМОНОВ Александр Филимонович, 1871, священник церкви Троицы в д. Городно Валдайского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

642. ФИЛИППОВ Михаил Филиппович, 1872, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен 23.IX.1932 к 3 годам ссылки.

643. ФИНИКОВ Владимир Михайлович, 1896, священник, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 17.IX.1936 к 10 годам ИТЛ.

644. ФИНИКОВ Леонид Михайлович, 1898, священник церкви Димитрия Ростовского в пог. Дрегли Любытинского района, приговорен ОТ 3.XII.1937 к расстрелу.

645. ФИНИКОВ Николай Федорович, 1890, священник церкви Василия Великого в д. Васильевское Новгородского района, приговорен ПП 23.II.1934 к 10 годам ИТЛ.

646. ФРЕГАТОВ Александр Осипович, 1879, священник церкви Николая в с. Мошенское, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

647. ФРУКТОВСКИЙ Василий Павлович, 1873, диакон, проживал в г. Старой Руссе, приговорен ОТ 29.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

648.ФРУКТОВСКИЙ Николай Ипполитович, 1887, священник церкви Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме в д. Воскресенское Маревского района, приговорен ОТ 22.X.1937 к расстрелу.

649. ХИТРОВ Григорий Никифорович, 1874, протоиерей церкви Троицы в д. Красные Станки Новгородского района, приговорен ОТ 15.IX.1937 к расстрелу.

650. ХМЕЛЕВ Петр Иванович, 1879, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы в пог. Сабле Батецкого района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

651. ХОХЛОВ Дмитрий Иванович, 1887, священник, проживал на хут. Долгая Пожня Маловишерского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

652. ХРАПОВИЦКИЙ Алексей Тимофеевич, 1866, священник, проживал в д. Дымно Чудовского района, приговорен ПП 24.II.1928 к 3 годам ссылки.

653. ХРУСТАЛЕВ Иван Васильевич, 1874, священник, проживал в д. Добрости Крестецкого района, приговорен ОТ 25.XI.1937 к расстрелу.

654. ЦАРЬКОВ Иван Васильевич, 1881, диакон, проживал в д. Росино Парфинского района, приговорен ОТ 21.IX.1937 к расстрелу.

655. ЦВЕТАЕВ Николай Яковлевич, 1889, священник церкви Преображения Господня в д. Молодильно Хвойнинского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

656. ЦВЕТКОВ Глеб Андреевич, 1884, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 10.IX.1937 к расстрелу.

657. ЦВЕТКОВ Николай Петрович, 1865, диакон Андреевского собора в с. Грузино Чудовского района, приговорен ОТ 14.III.1938 к расстрелу.

658. ЦЫРКИН Евсей Григорьевич, 1863, священник, проживал в д. Алешонка Демянского района, приговорен ОТ 14.X.1937 к расстрелу.

659. ЧЕРНОВ Петр Иванович, 1874, священник церкви Николая в г. Малая Вишера, приговорен ОТ 10.IX.1937 к расстрелу.

660. ЧЕРНЫШЕВ Николай Иванович, 1898, священник церкви Николая в г. Малая Вишера, приговорен ЛОС 13.III.1937 к 5 годам ИТЛ.

661. ЧУЕВ Василий Яковлевич, 1872, священник церкви Воздвижения Креста Господня в д. Ольховец Маловишерского района, приговорен ОТ 3.XII.1937 к расстрелу.

662. ЧУПИН Андрей Михайлович, 1879, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Гузи Новгородского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

663. ШАБАЕВ Александр Григорьевич, 1866, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

664. ШАМШИНА Анна Николаевна, 1886, монахиня, проживала в д. Шемякино Маловишерского района, приговорена ОТ 10.XII.1937 к 10 годам ИТЛ.

665. ШАНИН Владимир Ефимович, 1870, диакон церкви Александра Невского в д. Александровское Новгородского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

666. ШАРЕЦКИЙ Василий Васильевич, 1898, священник церкви Николая в д. Наволок Новгородского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

667. ШАРЕЦКИЙ Иван Алексеевич, 1876, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Гузи Новгородского района, приговорен ПП 29.I.1933 к 5 годам ссылки.

668. ШВЫРЯЛИН Петр Васильевич, 1879, диакон, проживал в г. Боровичи, приговорен ОТ 15.IV.1938 к расстрелу.

669. ШЕРМАКОВ Алексей Иванович, 1893, диакон, проживал в д. Вольное Заборовье Солецкого района, приговорен ПП 1.IX.1932 к 3 годам ИТЛ.

670. ШИРЯЕВ Николай Иванович, 1888, протоиерей, проживал на ст. Веребье Маловишерского района, приговорен ЛОС 13.III.1937 к 5 годам ИТЛ.

671. ШОРИН Поликарп Степанович, 1866, священник церкви Тихвинской иконы Божией Матери в д. Мелестовка Пестовского района, приговорен ОТ 17.I.1938 к расстрелу.

672. ШОСТ Петр Константинович, 1894, священник, проживал в г. Новгороде, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

673. ЩЕГЛОВ Максимилиан Максимилианович, 1874, священник церкви Николая в д. Марфино Старорусского района, приговорен ОТ 25.XII.1937 к расстрелу.

674. ЩЕРБАКОВ Александр Михайлович, 1892, священник, проживал в г. Боровичи, приговорен ПП 21.VIII.1930 к 5 годам ИТЛ.

675. ЩУКИН Иван Андреевич, 1889, священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Шереховичи Любытинского района, приговорен ОТ 19.X.1937 к расстрелу.

676. ЩУКИН Федор Иванович, 1889, священник церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в с. Молвотицы Маревского района, приговорен ОТ 4.XI.1937 к расстрелу.

677. ЮДИН Яков Яковлевич, 1857, монах, проживал в д. Борок Солецкого района, приговорен ПП 8.XII.1932 к 3 годам ссылки, приговорен ОТ 1.IX.1937 к расстрелу.

678. ЮРЬЕВ Николай Викторович, 1879, священник церкви Николая в г. Малая Вишера, приговорен ОТ 3.XII.1937 к расстрелу.

679. ЮРЬЕВСКИЙ Павел Алексеевич, 1875, священник церкви Николая в д. Шегрино Боровичского района, приговорен ПП 31.V.1931 к 3 годам ссылки, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

680. ЯБЛОНСКИЙ Павел Михайлович, 1878, священник церкви Троицы в д. Видимиры Любытинского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

681. ЯВОРСКИЙ Михаил Семенович, 1888, священник церкви Николая в г. Малая Вишера, приговорен ПП 11.III.1930 к 10 годам ИТЛ.

682. ЯКИМОВ Василий Георгиевич, 1890, священник, проживал в д. Нехотилово Новгородского района, приговорен ОТ 30.XII.1937 к расстрелу.

683. ЯКОВЛЕВ Александр Иванович, 1881, священник церкви Святого Духа в пог. Струпино Шимского района, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

684. ЯКОВЛЕВ Василий Яковлевич, 1876, диакон церкви Троицы в д. Налючи Парфинского района, приговорен ОТ 4.III.1938 к расстрелу.

685. ЯКОВЛЕВ Иван Яковлевич, 1903, диакон церкви Троицы в с. Медведь Шимского района, приговорен ОТ 7.X.1937 к расстрелу.

686. ЯКОВЛЕВ Константин Семенович, 1888, священник церкви Иконы Божией Матери Скоропослушницы в д. Иванково Парфинского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

687. ЯКОВЛЕВ Моисей Яковлевич, 1866, священник церкви Александра Невского в д. Александровское Новгородского района, приговорен ОТ 5.XI.1937 к расстрелу.

688. ЯКОВЛЕВ Николай Федорович, 1891, священник церкви Вознесения Господня в д. Черная Батецкого района, приговорен ОТ 19.XII.1937 к расстрелу.

689. ЯКОВЛЕВ Петр Яковлевич, 1893, священник церкви Казанской иконы Божией Матери в г. Чудово, приговорен ОТ 15.XI.1937 к расстрелу.

690. ЯКОВЛЕВА Елизавета Яковлевна, 1882, монахиня, проживала в Параскево-Пятницкой пустыни в Боровичском районе, приговорена ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

691. ЯРОСЛАВСКИЙ Александр Владимирович, 1904, священник церкви Иконы Знамения Божией Матери в д. Прошково Боровичского района, приговорен ОТ 10.XII.1937 к расстрелу.

692. ЯЦЕНКО Павел Антонович, 1887, священник церкви Пророка Илии в д. Ильина Гора Демянского района, приговорен ОТ 20.III.1938 к расстрелу.

МОНАСТЫРИ И ХРАМЫ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ

Указывается местоположение монастыря, собора, церкви, название, годы основания монастыря, окончания постройки (освящения) и перестройки храма, каменный или деревянный, приписной при отсутствии штатного причта.

Список по состоянию на 1916 год в административных границах современной Новгородской области, без учета территорий, отошедших к Череповецкой, Петроградской и Тверской губерниям. Включены данные по церквам территорий Лужского и Порховского уездов Петроградской и Псковской епархий, входящих в настоящее время в Новгородскую область. Домовые, военные церкви и часовни не учитывались.

Сверку по материалам Государственного архива Новгородской области провели архивисты **Сергей Валентинович Моисеев** и **Максим Леонидович Василевский.**

НОВГОРОД

Архиерейский дом, 1804, каменный.

Антония Римлянина Рождество-Богородичный мужской монастырь, 1106. Рождественский собор, 1117, каменный; церковь Сретения Господня, 1536, каменная.

Десятинный Рождество-Богородичний женский монастырь, 1327. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1397, каменная; церковь Всех святых, 1897, каменная, кладбищенская.

Зверин Покровский женский монастырь, XII в. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1399, каменная, с 1901 церковь Тихвинской иконы Божией Матери; церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1901, каменная; церковь Симеона Богоприимца, 1467, каменная.

Свято-Духов женский монастырь, 1162. Церковь Святого Духа, 1892, каменная; церковь Троицы, 1557, каменная; церковь Иоанна Богослова, 1829, каменная; церковь князя Владимира, 1910, каменная.

Юрьев мужской монастырь, XII в. Георгиевский собор, 1130, каменный; собор Всемилостивого Спаса Нерукотворного Его Образа, 1825, каменный; церковь Воздвижения Креста Господня, 1826, каменная; церковь Божией Матери Неопалимая Купина, 1831, каменная; церковь Архангела Михаила, 1831, каменная; церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Перынском скиту, XIII в., приписная; церковь Пантелеймона, 1810, каменная, приписная.

Софийский собор, 1045-1050, каменный.
Никольский собор, 1113, каменный.
Знаменский собор, 1688, каменный.

Церковь Александры царицы, 1839, каменная, при Новгородском тюремном замке.

церковь Андрея Стратилата, 1690-е, каменная., приписная к Софийскому собору.

Церковь Апостола Филиппа на Нутной улице, 1383, 1527, каменная, приписная к Знаменскому собору.

церковь Архангела Михаила на Михайлове улице, 1302, 1812, каменная.

Церковь Архангела Михаила на Прусской улице, 1092, 1866, каменная.

церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Виткове переулке, 1362, 1466, каменная.

Церковь Бориса и Глеба в Плотниках, 1536, каменная.

церковь Веры, Надежды, Любови и Софии, при Новгородской городской мещанской богадельне, приписная к церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Михалице.

Церковь Власия на Волосове улице, 1407, каменная.

церковь Воскресения Христова на Красном поле на Тихвинском кладбище, 1815, каменная.

Церковь Воскресения Христова (Уверения Фомы) на Мячине в Троицкой слободе, 1196, 1463, каменная, приписная к церкви Петра и Павла на Петровском кладбище.

Церковь Входа Господня в Иерусалим, 1759, каменная., приписная к Софийскому собору.

Церковь Георгия на Лубянице, в Торгу, 1356, каменная.

церковь Двенадцати апостолов на Пропастех, 1454, каменная.

Церковь Димитрия Солунского на Славкове улице, 1382, 1462, каменная.

церковь Жен Мироносиц, 1510, каменная, приписная к Сыркову Владимирскому Богородицкому монастырю.

Церковь Иверской иконы Божией Матери (Арсениевская), 1906, каменная, приписная к Никольскому собору.

Церковь Иоанна Богослова в Радоковицах, 1384, каменная, приписная к церкви Бориса и Глеба в Плотниках.

Церковь Иоанна Милостивого на Мячине в Троицкой слободе, 1422, каменная, приписная к церкви Петра и Павла на Петровском кладбище.

Церковь Иоанна Предтечи (Иоанна на Опоках), 1130, 1453, каменная.

Церковь Климента папы Римского на Иворове улице, 1519, каменная.

Церковь Лазаря, 1865, каменная, приписная к Покровскому Зверину монастырю.

Церковь Никиты, 1557, каменная.

Церковь Николая на Рождественском кладбище, 1768, каменная.

Церковь Николы Белого, 1313, каменная, приписная к Зверину Покровскому монастырю.

Церковь Николы Кочанова (Пантелеймона), 1554, каменная.

Церковь Параскевы Пятницы на Торгу, 1207, каменная, приписная к Никольскому собору.

Церковь Петра и Павла в Кожевниках, 1406, каменная, приписная к Свято-Духову монастырю.

Церковь Петра и Павла на Синичьей горе, на Петровском кладбище, 1192, каменная.

Церковь Петра и Павла на Славне, 1367, каменная, приписная к церкви Пророка Илии на Славне.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1690-е, каменная, приписная к Софийскому собору.

Церковь Преображения Господня на Ильине (Спаса Преображения на Ильине улице), 1374, каменная.

Церковь Прокопия, XVI в., каменная, приписная к Никольскому собору.

Церковь Пророка Илии на Славне, 1202, 1455, каменная.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Михалице (на Молоткове), 1379, каменная.

Церковь Рождества Христова на Рождественском кладбище, 1382, каменная.

Церковь Собора Пресвятой Богородицы на Молоткове, 1557, каменная.

Церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1819, каменная.

церковь Троицы на Редятине улице, 1365, каменная.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Торговище (на Козьей Бородке), 1135, 1458, каменная.

Церковь Феодора Стратилата на Федоровском ручье, 1361, каменная, приписная к церкви Никиты.

Церковь Феодора Стратилата на Щиркове улице, 1294, 1682, каменная.

Церковь Флора и Лавра, 1379, каменная.

НОВГОРОДСКИЙ УЕЗД

Варлаамо-Хутынский Спасо-Преображенский мужской монастырь, 1192. Преображенский собор, 1515, каменный; церковь Святителя Варлаама, 1552, каменная.

Вяжищский Николаевский мужской монастырь, XIV в. Никольский собор, 1685, каменный, с церковью Святителя Евфимия, 1691; церковь Иоанна Богослова, 1688, каменная., с церковью Вознесения Господня, 1688.

Деревяницкий Воскресенский женский монастырь, 1335. Церковь Воскресения Христова, 1700, каменная; церковь Коневской иконы Божией Матери, 1725, каменная.

Ефремо-Перекомский (Розважский Николаевский) мужской монастырь, 1407. Церковь Богоявления Господня, 1806, каменная.

Званский иконы Знамения Божией Матери женской монастырь, 1869. Церковь Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме, 1821, каменная; церковь иконы Знамения Божией Матери, 1887, каменная.

Мало-Кириллов мужской монастырь, 1196. Церковь Кирилла и Афанасия патриархов Александрийских, 1196, каменная; церковь Покрова Пресвятой Богородицы, XVIII в., каменная.

Михаило-Клопский Свято-Троицкий женский монастырь, XV в. Троицкий собор, 1569, каменный; церковь Николая, XVI в., каменная.

Савво-Вишерский Вознесенский мужской монастырь, 1417. Церковь Вознесения Господня, 1662, каменная.

Сковородский Михаило-Архангельский мужской монастырь, 1348. Церковь Архангела Михаила, 1355, каменная.

Сырков Владимирской иконы Божией Матери женский монастырь, 1548. Церковь Владимирской иконы Божией Матери, 1554, каменная; церковь Вознесения Господня, 1690, каменная.

Грузино, собор Андрея Первозванного, 1806, каменный.

Александровское, церковь Александра Невского, 1883, деревянная, приписная к церкви Троицко-Николаевской в д. Папоротно.

Аркажи, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1179, каменная.

Белая Гора, церковь Николая, 1865, деревянная.

Богослов, церковь Иоанна Богослова, 1799, каменная.

Большие Любуни, церковь Рождества Иоанна Предтечи, 1911, каменная.

Большие Угороды, церковь Троицы, 1898, каменная.

Большое Замошье, церковь Димитрия Солунского, 1841, деревянная.

Бронница, церковь Преображения Господня, 1888, каменная; церковь Екатерины, 1769, каменная, приписная к церкви Преображения Господня.

Васильевское, церковь Василия Великого, 1871, каменная.

Велебицы, церковь Иоанна Богослова, 1907, каменная

Витка, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1875, каменная; церковь Нила Столбенского, 1909, деревянная, кладбищенская, приписная к церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

Водосье, церковь Николая, деревянная; церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1738, 1913, каменная.

Водско, церковь Воскресения Христова, 1829, деревянная.

Волотово, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1352, каменная.

Волховская фабрика Кузнецова, церковь Георгия, приписная к церкви Николая на погосте Николо-Полистский.

Высоково, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1863, деревянная.

Высокое, церковь Троицы, 1895, каменная.

Георгий, церковь Георгия, 1862, каменная.

Голино, церковь Петра и Павла, 1885, каменная.

Городище, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1103, 1343, каменная; церковь Преображения Господня (Спаса на Нередице), 1198, каменная; церковь Андрея юродивого на Ситецке, 1371, каменная; церковь Николы на Липне, 1292, каменная.

Городок, церковь Воскресения Христова, 1879, деревянная.

Григорово, церковь Александра Невского, 1916, каменная, при Новгородской мужской учительской семинарии.

Гузи, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1866, каменная; церковь Преображения Господня, 1904, деревянная, кладбищенская.

Замостье погост, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1806, каменная.

Захарьино, церковь Троицы, 1699, каменная; церковь Антония Великого, 1849, каменная, кладбищенская, приписная к церкви Троицы.

Змейско, церковь Александра Невского, 1909, деревянная.

Климентьевский погост в Тесово, церковь Климента папы Римского, 1827, каменная.

Клинково, церковь Троицы, 1854, деревянная; церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1877, деревянная, кладбищенская.

Ковалево, церковь Преображения Господня, 1345, каменная.

Колмово, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1310, каменная.

Коломно, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1803, каменная.

Косицкое, церковь Рождества Христова, 1821, каменная.

Кунино, церковь Преображения Господня, 1834, каменная.

Курицко, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1595, деревянная; церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1899, каменная.

Курцево, церковь Троицы, деревянная, приписная к церкви Успения Пресвятой Богородицы в г. Чудово

Кшентицы, церковь Пророка Илии, 1867, деревянная.

Лугско, церковь Иоанна Богослова, 1822, каменная.

Лукинское, церковь Апостола Луки, 1860, деревянная.

Люболяды, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1869, деревянная.

Малые Березицы, церковь Космы и Дамиана, 1894, каменная.

Марьино, церковь Троицы, 1831, каменная.

Медведь, церковь Троицы, 1799, 1899, каменная.

Менюша, церковь Отроков Иоанна и Иакова, 1842, каменная.

Модня погост, церковь Николая, 1802, деревянная, приписная к Андреевскому собору в с. Грузино.

Мшага Воскресенская, церковь Воскресения Христова, 1825, каменная.

Никитинское, церковь Никиты епископа Новгородского, 1915, каменная, при загородной Архиерейской даче.

Николо-Полистский погост, церковь Николая, 1803, каменная.

Никольское, церковь Николая, 1884, каменная.

Нильско, церковь Нила Столбенского, конец XIX в., деревянная.

Орелье, церковь Происхождения честных древ Креста Господня, 1811, деревянная.

Оскуй, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1812, каменная.

Папоротно, церковь Троицко-Николаевская, 1522, каменная.

Подберезье, церковь Григория Богослова, 1815, каменная.

Поляны, церковь Иоанна Предтечи, XVI в., каменная.

Рышево, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1701, деревянная.

Сабле погост, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1804, каменная.

Самокража, церковь Троицы, 1747, каменная.

Село-Гора, церковь Покрова Пресвятой Богородицы,

Слутка, церковь Александра Невского, 1836, деревянная; церковь преподобного Ксенофонта Робейского, 1851, каменная, приписная к церкви Александра Невского.

Спас-Пископец, церковь Преображения Господня, 1785, каменная.

Спасская Полисть, церковь Троицы, 1886, каменная.

Старое Ракомо, церковь Иконы Знамения Божией Матери, 1824, каменная.

Струпино погост, церковь Святого Духа.

Сутоки, церковь Николая, 1862, деревянная.

Троица, церковь Троицы, 1660, деревянная.; церковь Троицы, 1882, каменная.

Трясово, церковь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость. 1763, каменная.

Успенское, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1784, каменная.

Холынья, церковь Петра и Павла, 1904, деревянная.

Хочени, церковь Николая, каменная, кладбищенская, приписная к церкви Троицы в с. Самокража.

Хрепле погост, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1904, каменная; церковь Николая, 1909, деревянная.

Хутынь, церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1805, каменная.

Черная, церковь Николая, 1766, деревянная; церковь Вознесения Господня, 1828, каменная.

Черницы, церковь Георгия, 1787, деревянная.

Чудово, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1827, каменная; церковь Казанской иконы Божией Матери, 1912, каменная, приписная к церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Ямок, церковь Иоанна Предтечи (Лазаревская), 1811, каменная.

ГОРОД БОРОВИЧИ

Свято-Духов Боровичский мужской монастырь, 1327. Церковь Святого Духа, 1676, каменная.

Введенский собор, 1777, каменный.

Троицкий собор, 1859, каменный.

Церковь Всемилостивого Спаса Нерукотворного Его Образа, 1873, при Боровичском тюремном замке.

Церковь Николая, 1770, каменная.

Церковь Всех святых, 1826, каменная.

Церковь Преображения Господня, 1797, каменная.

Церковь Преподобного Сергия Радонежского, 1901, каменная.

Церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1907,

Церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1800, каменная, кладбищенская, приписная к Троицкому собору.

БОРОВИЧСКИЙ УЕЗД

Железковская Иоанно-Предтеченская мужская пустынь, 1902.

Параскево-Пятницкая ("Забудущие родители") мужская пустынь, 1906, приписная к Новгородскому Антония Римлянина Рождество-Богородичному мужскому монастырю. Церковь Параскевы Пятницы, 1906, деревянная.

Тиховская женская община, 1910. Церковь Николая, 1908, каменная.

Агафоново, церковь Троицы, 1871, деревянная.

Белое, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1832, каменная; церковь Иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость, 1858, деревянная.

Белое, церковь Казанской иконы Божией Матери, 1884, деревянная.

Болонье, церковь Василия Великого, 1858, каменная.

Бродник погост, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1903, деревянная.

Броды погост, церковь Рождества Иоанна Предтечи, 1858, деревянная.; церковь Георгия, 1896, каменная.

Быково, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1839, каменная.

Великий Порог, церковь Флора и Лавра, 1784, каменная; церковь Нила Столбенского, 1858, деревянная, кладбищенская.

Верховское, церковь Архангела Михаила, 1901, каменная.

Видимиры, церковь Троицы, 1853, каменная.

Витче Горка, церковь Николая, 1733, деревянная.

Внуто, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1869, деревянная.

Горка усадьба, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, каменная, приписная к церкви Николая в д. Левоча.

Городищи, церковь Рождества Христова, 1779, каменная; церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1827, каменная.

Долгое, церковь Троицы, 1821, каменная.

Десято-Пятницкий погост, церковь Параскевы Пятницы, 1855, каменная.

Ждани усадьба, церковь Георгия, 1844, каменная, приписная к церкви Покрова Пресвятой Богородицы в погосте Ивановский.

Желомля, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1800, каменная; церковь Сергия Радонежского, 1878, деревянная, кладбищенская.

Заозерье, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1820, каменная.

Ивановский Волокодержковский погост, церковь Покрова Пресвятой *Богородицы*, 1812, каменная; церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1825, каменная.

Кабожа, церковь Рождества Христова, 1876, каменная; церковь Димитрия Солунского, 1912, деревянная, кладбищенская.

Каегощи, церковь Александра Невского, 1905.

Каменка, церковь Александра Невского, 1886, деревянная, приписная к церкви Троицы в д. Никандрово.

Карпово, церковь Троицы, 1903, деревянная.

Кострицкое, церковь Димитрия Солунского, 1711, деревянная, приписная к церкви Успения Пресвятой Богородицы в д. Нальцы.

Кошелево, церковь Петра и Павла, 1901, деревянная, приписная к церкви Николая на погосте Старская Гора.

Красная Гора, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1828, каменная.

Крутец, церковь Николая, 1642, деревянная; церковь Пророка Илии, 1872, деревянная.

Кушавера, церковь Троицы, 1854, каменная.

Левоча, церковь Николая, 1880, каменная; церковь царицы Александры, 1903, деревянная, кладбищенская.

Любони, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1820, каменная.

Любытино, церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1740, каменная; церковь Архангела Михаила, 1726, деревянная.

Марково, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1877, деревянная.

Миголощи, церковь Владимирской иконы Божией Матери, 1753, деревянная; церковь Иоанна Воина, 1812, каменная.

Минцы, церковь Георгия, 1874, каменная; церковь Троицы, 1772, деревянная, кладбищенская..

Молодильно, церковь Преображения Господня, 1873, деревянная.

Мосницкое, церковь Троицы, 1868, каменная, приписная к церкви Николая в д. Витче Горка.

Мякишево, церковь Николая, XVII в., деревянная.

Нальцы, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1798, каменная.

Никандрово, церковь Троицы, 1831, каменная.

Николаевский Волокодержковский погост, церковь Богоявления Господня, 1762, деревянная; церковь Николая, 1799, каменная.

Николо-Мошенское, церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1787, каменная; церковь Николая, каменная.

Опеченский Посад, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1764, каменная; церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1845, каменная.

Опочно, церковь Толгской иконы Божией Матери, 1885, деревянная.

Ореховно, церковь Троицы, 1807, каменная.

Осиновец, церковь Николая, 1795, каменная.

Передки, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1539, деревянная; церковь Антония и Феодосия Печерских, 1900, каменная; церковь Пророка Илии, 1895, деревянная, кладбищенская.

Пирусс, церковь Петра и Павла, 1757, каменная.

Платаново, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1823, каменная.

Прошково, церковь Иконы Знамения Божией Матери, 1787, деревянная; церковь Преображения Господня, 1861, деревянная, кладбищенская.

Ровное, церковь Преображения Господня, 1767, каменная; церковь Екатерины, 1802, каменная; церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1874, каменная, кладбищенская.

Сопины, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1748, деревянная; церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1800, каменная.

Спасо-Мошенское, церковь Преображения Господня, 1722, деревянная; церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1764, каменная.

Старская Гора погост, церковь Николая, 1882, деревянная.

Старухино, церковь Иконы Знамения Божией Матери, 1866, каменная; церковь Николая, 1849, деревянная.

Сутоки, церковь Воскресения Христова, 1914, каменная; церковь Рождества Иоанна Предтечи, 1783, 1862, деревянная.

Тельбовичи, церковь Георгия, 1779, каменная.

Теребня, церковь Преображения Господня, 1767, каменная.

Торбино, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1896, деревянная.

Трубы погост, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1903, каменная.

Устрека, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1800, каменная.

Хирово, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1877, деревянная.

Шапкино, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1895, деревянная.

Шегрино, церковь Николая, 1769, каменная; церковь Георгия, 1867, деревянная.

Шедомицы, церковь Иоанна Предтечи, 1856, каменная; церковь Иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость, 1877, деревянная.

Шереховичи, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1818, каменная.

Юрьево, церковь Георгия, 1801, каменная; церковь Кирика и Иулиты, 1848, деревянная.

ГОРОД ВАЛДАЙ

Валдайский Иверский Святоозерский Богородичный мужской монастырь, 1653. Успенский собор, 1656, каменный; церковь Богоявления Господня, 1669, каменная; церковь Архангела Михаила, 1685, каменная; церковь Иакова Боровичского, 1702, каменная; церковь Филиппа митрополита Московского, 1864, каменная.

Троицкий собор, 1744, каменный.

Церковь Иконы Божией Матери Живоносный Источник, деревянная, приписная к Троицкому собору.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1762, каменная.

Церковь Екатерины, каменная, приписная к Троицкому собору.

Церковь Петра и Павла, каменная, кладбищенская, приписная к церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы и Иоакима и Анны, деревянная, кладбищенская, приписная к Троицкому собору.

ВАЛДАЙСКИЙ УЕЗД

Короцкий Тихоно-Задонский женской монастырь, 1881. Церковь Тихона Задонского, 1864, каменная; церковь Владимирской иконы Божией Матери, 1871, каменная; церковь Всех святых, 1895, каменная.

Успенский женский монастырь, 1873. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1894, деревянная; церковь Преображения Господня, 1911, каменная.

Бель, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1877, каменная.

Боровно погост, церковь Архангела Михаила, 1812, каменная.

Глиненцы, церковь Параскевы Пятницы, 1840, деревянная.

Горбино, церковь Василия Великого, 1907, приписная к церкви Параскевы Пятницы в д. Глиненцы.

Городно, церковь Троицы, 1830, каменная.

Еглино, церковь Преображения Господня, 1815, каменная.

Едрово, церковь Преображения Господня, 1787, каменная; церковь Иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость, 1852, каменная.

Жабницы, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1750, деревянная.

Зимогорье, церковь Иоанна Предтечи, 1904, каменная.

Кемцы, церковь Космы и Дамиана, 1814, каменная; церковь Казанской иконы Божией Матери, 1905, деревянная, кладбищенская, приписная к церкви Космы и Дамиана.

Короцко, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1825, каменная.

Лутовенка, церковь Иверской иконы Божией Матери, 1904, каменная.

Моисеевичи, церковь Варлаама Хутынского, 1851, деревянная.

Наволок, церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1829, каменная.

Новотроицы, церковь Троицы, 1766, деревянная., приписная к церкви Космы и Дамиана в с. Кемцы.

Рабежа, церковь Троицы, 1697, каменная.

Русские Новики, церковь Казанской иконы Божией Матери, 1902, каменная.

Селище, церковь Александра Невского, 1895, каменная.

Угловка, церковь Рождества Христова, 1864, каменная.

Ужин, церковь Троицы, 1834, каменная.

Яжелбицы, церковь Александра Невского, 1805, каменная; церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1853, каменная. кладбищенская, приписная к церкви Александра Невского.

ГОРОД ДЕМЯНСК

Богоявленский собор, 1780, каменный.

церковь Воздвижения Креста, 1878, приписная к Богоявленскому собору.

церковь Параскевы Пятницы, 1859, кладбищенская, приписная к Богоявленскому собору.

ДЕМЯНСКИЙ УЕЗД

Аполец, церковь Казанской иконы Божией Матери, 1825, каменная.

Борадашкино, церковь Николая, 1913, деревянная.

Бух погост, церковь Николая, 1899, каменная; церковь Иконы Божией Матери всех скорбящих Радость, 1902, деревянная.

Велилы, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1765, деревянная; церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1875, каменная.

Велье, церковь Троицы, 1775, деревянная.

Воронин погост, церковь Троицы, 1866, каменная.

Домаши, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1862, каменная.

Ильина Гора, церковь Пророка Илии, 1691, деревянная.

Кипино, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1889, каменная.

Клевичи, церковь Иоанна Предтечи, 1905, каменная.

Кневицы, церковь Троицы, 1870, деревянная; церковь Архангела Михаила, 1904, деревянная.

Костьково, церковь Николая, 1788, каменная.

Кунское, церковь Апостола Иакова, 1889, каменная.

Липицкий погост, церковь Преображения Господня, 1813, каменная.

Лужно, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1850, каменная.

Лычково, церковь Николая, 1909, деревянная.

Любно погост, церковь Георгия, 1812, каменная.

Марево, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1796, каменная; церковь Иконы Знамения Божией Матери, 1818, каменная.

Молвотицы, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1797, каменная.

Намошье, церковь Архангела Михаила, 1908, деревянная.

Новая Русса, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1829, каменная.

Одоев погост, церковь Троицы, 1912, каменная; церковь Преображения Господня, деревянная, кладбищенская.

Пестово, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1813, каменная.

Петровское, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1819, каменная.

Пола, церковь Николая, 1862, деревянная.

Полново, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1882, каменная.

Радохово, церковь Владимирской иконы Божией Матери, 1820, каменная.

Семеновщина, церковь Троицы, 1799, каменная.

Соснино, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1865, деревянная.

Сосницкий погост, церковь Преображения Господня, 1778, каменная.

Строилово погост, церковь Параскевы Пятницы, 1829, каменная.

Сухая Нива, церковь Пророка Илии, 1860, каменная; церковь Димитрия Солунского, 1862, деревянная.

Тихвин, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1789, каменная.

Филиппова Гора, церковь Вознесения Господня, 1861, каменная.
Хмели, церковь Николая, 1886, деревянная.
Черный Ручей, церковь Архангела Михаила, 1865, деревянная.

ГОРОД КРЕСТЦЫ

Екатерининский собор, 1777, каменный.

Церковь Троице-Никитинская в Ямской слободе, единоверческая, 1865, каменная.

КРЕСТЕЦКИЙ УЕЗД

Ионо-Отенский мужской монастырь, 1420. Церковь Рождества Иоанна Предтечи, 1806, каменная; церковь Николая, каменная.

Большая Вишера, церковь Казанской иконы Божией Матери, 1888, каменная, при стекольном заводе.
Боровенка, церковь Архангела Михаила, 1900, деревянная.
Бурга, церковь Александра Невского, 1896, деревянная; церковь Пророка Илии, 1908, каменная, кладбищенская, приписная к церкви Александра Невского.
Вины, церковь Николая, 1868, деревянная.
Висленев Остров, церковь Георгия, 1891, каменная.
Высокий Остров, церковь Николая, 1757, деревянная; церковь Смоленской иконы Божией Матери, 1788, каменная, приписная к церкви Николая.
Глади, церковь Николая, 1867, деревянная.
Горнецкое, церковь Николая, 1867, деревянная.
Горнешно, церковь Рождества Христова, 1896, каменная.
Горушка погост, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1882, деревянная.
Дерева, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1749, деревянная.
Зайцево, церковь Уверения Фомы, 1836, каменная.
Красные Станки, церковь Троицы, 1885, деревянная.
Кстечки, церковь Троицы, 1906, деревянная.
Лажины, церковь Троицы, 1784, каменная.
Ламерье, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1913, каменная.
Локотско, церковь Николая, 1776, деревянная.
Малая Вишера посад, церковь Николая, 1864, каменно-деревянная.
Марконницы, церковь Николая, 1839, деревянная.
Мокрый Остров, церковь Пророка Илии, 1860, деревянная.
Мытно, церковь Николая, 1907, деревянная; церковь Рождества Пресвятой *Богородицы*, 1905, деревянная, приписная к церкви Николая.
Наволок, церковь Николая, 1624, деревянная; церковь Николая, 1891, каменная.

Нароново, церковь Успения Пресвятой Богородицы, единоверческая, 1901, деревянная.

Новопокровское, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1889, каменная.

Оксочи погост, церковь Преображения Господня, 1897, каменная.

Окуловка, церковь Николая, 1901, каменная; церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1865, деревянная, приписная к церкви Николая.

Ольховец, церковь Воздвижения Креста Господня, 1916, деревянная.

Перетенка, церковь Архангела Михаила, 1902, деревянная.

Перетно погост, церковь Троицы, 1818, каменная.

Покровский погост, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1837, каменная; церковь Николая, 1912, деревянная, приписная к церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

Полищи, церковь Николая, 1908, каменная.

Ракушино, церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1827, каменная.

Ручьи погост, церковь Георгия, 1741, деревянная.

Селищи, церковь Сретения Господня, 1759, 1907, деревянная, ; церковь Космы и Дамиана, 1913.

Старое Рахино, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1837, каменная.

Старые Морозовичи, церковь Николая, 1818, каменная.

Сытино, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1762, каменная.

Теребуново, церковь Георгия, 1781, деревянная.

Торбино, церковь Троицы, 1903, деревянная.

Тухоля, церковь Николая, XVII в., деревянная.

Усть-Волма, церковь Иоанна Богослова, 1797, каменная; церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1744, деревянная.

Устье погост, церковь Варвары, 1865, каменная.

Холова, церковь Петра и Павла, 1774, деревянная; церковь Параскевы Пятницы, 1904, деревянная, приписная к церкви Петра и Павла.

Хубец погост, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1810, каменная.

Чижово погост, церковь Троицы, 1735, деревянная.

Язвищи погост, церковь Троицы, 1891, каменная.

ГОРОД СТАРАЯ РУССА

Старорусский Спасо-Преображенский мужской монастырь, 1192. Спасо-Преображенский собор, 1192, каменный; церковь Сретения Господня, 1630, каменная; церковь Рождества Христова, начало XVIII в., каменная; церковь Старорусской иконы Божией Матери, 1892, каменная.

Воскресенский собор, 1696, каменный.

Церковь Александра Невского, 1878, каменная, приписная к Воскресенскому собору.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1633, каменная.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1778, каменная.

Церковь Владимирской иконы Божией Матери, XVIII в., деревянная, приписная к церкви Петра и Павла.

Церковь Вознесения Господня, 1867, каменная, приписная к церкви Мины.

Церковь Георгия, 1410, 1740, каменная.

Церковь Димитрия Солунского, 1874, каменная, приписная к церкви Мины.

Церковь Жен Мироносиц, 1786, каменная, приписная к церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Церковь Иконы Знамения Божией Матери, 1780, приписная к церкви Троицы.

Церковь Иоанна Богослова, 1823, каменная, кладбищенская.

Церковь Мины, XV в., 1751, каменная.

Церковь Николая, 1371, 1710, каменная, приписная к церкви Петра и Павла.

Церковь Петра и Павла, 1804, каменная.

Церковь Святого Духа, 1797, каменная.

Церковь Троицы, 1680, каменная.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1885, каменная.

СТАРОРУССКИЙ УЕЗД

Рдейская Успенская женская пустынь, XVI в. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1902, каменная.

Старорусский Косинский Николаевский женский монастырь, 1220. Церковь Николая, 1220, XIX в., каменная; церковь Варлаама Хутынского, 1882, каменная; церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1897, каменная.

Андроново, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1913, деревянная.

Астрилово, церковь Архангела Михаила, 1859, деревянная.

Белебелка, церковь Александра Невского, 1895, деревянная.

Блазниха, церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1854, каменная.

Большие Жидовичи, церковь Николая, 1887, деревянная.

Бор, церковь Пророка Илии, 1885, деревянная.

Борисово, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1855, каменная.

Борки, церковь Рождества Христова, 1684, деревянная; церковь Пророка Илии, 1792, каменная.

Буреги, церковь Николая, 1726, каменная; церковь Воскресения Христова, 1764, каменная.

Быстрый Берег, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1878, деревянная.

Векшино, церковь Всемилостивого Спаса Нерукотворного Его Образа, 1872, деревянная.

Верехново, церковь Феодора Стратилата, 1900, деревянная.

Верясско, церковь Иоанна Богослова, 1888, каменная.

Взвад, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1827, каменная.

Великое на Снеже, церковь Георгия, 1807, каменная.

Виджа, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, единоверческая, 1904, деревянная.

Воскресенское, церковь Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме, 1822, каменная.

Выстово, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1866, деревянная.

Глухая Горушка, церковь Николая, 1902, деревянная.

Голузино, церковь Параскевы Пятницы, 1894, деревянная.

Городцы, церковь Троицы, 1838, деревянная.

Горцы, церковь Владимирской иконы Божией Матери, 1912, каменная.

Дегтяри, церковь Космы и Дамиана, 1866, деревянная.

Дерглец, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1864, деревянная.

Доворец, церковь Преображения Господня, 1772, каменная.

Должино, церковь Николая, 1814, каменная.

Дретено, церковь Пророка Илии, 1842, каменная.

Дубровы, церковь Пророка Илии, 1894, деревянная.

Ефремово, церковь Николая, 1872, деревянная.

Залучье, церковь Вознесения Христова, 1864, каменная.

Зехино, церковь Николая, 1866, деревянная.

Иванково, церковь Иконы Божией Матери Скоропослушницы, 1903, деревянная.

Ивановское, церковь Иоанна Богослова, 1866, деревянная.

Колома, церковь Преображения Господня, 1785, каменная.

Коломна, церковь Николая, 1896, деревянная.

Коровитчино, церковь Преображения Господня, 1895, деревянная.

Коростынь, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1736, каменная; церковь *Покрова Пресвятой Богородицы*, 1787, каменная.

Косминское, церковь Николая, 1818, каменная; церковь Апостола Петра, 1872. каменная.

Лебедское, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1894, каменная.

Леохново, церковь Преображения Господня, 1788, каменная.

Лоси, церковь Николая, 1805, каменная.

Леша, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1792, деревянная.

Луньшино, церковь Святого Духа, 1864, деревянная.

Любыни, церковь Иконы Знамения Божией Матери, 1815, каменная.

Ляховичи, церковь Пророка Илии, 1880, каменная.

Мануйлово, церковь Преображения Господня, 1896, деревянная.

Марково, церковь Смоленской иконы Божией Матери, 1811, каменная.

Марфино, церковь Всемилостивого Спаса Нерукотворного Его Образа, 1866, деревянная.

Местцы, церковь Казанской иконы Божией Матери, 1896, деревянная.

Милохово, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1867, деревянная, кладбищенская, приписная к церкви Троицы в с. Налючи.

Наволок, церковь Архангела Михаила, 1882, деревянная.

Нагово, церковь Иоанна Богослова, 1832, каменная.

Налючи, церковь Троицы, 1843, каменная.
Нивки, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1864, деревянная.
Новое, церковь Пророка Илии, 1896, деревянная.
Парфино, церковь Николая, 1795, каменная.
Пеньково, церковь Николая, 1893, каменная.
Перегино, церковь Пророка Илии, 1866, деревянная.
Переезд, церковь Троицы, единоверческая, приписная к церкви Рождества Пресвятой Богородицы в д. Леша.
Пересы, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1872, деревянная.
Плешаково, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1909, деревянная.
Погостище, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1877, каменная.
Подгощи, церковь Троицы, 1796, каменная.
Поддорье, церковь Троицы, 1892, каменная; церковь Троицы, 1772, деревянная, кладбищенская, приписная к церкви Троицы.
Порожки, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, 1807, каменная.
Прутско, церковь Параскевы Пятницы, 1890, деревянная.
Псижа, церковь Рождества Иоанна Предтечи, 1864, деревянная.
Рамушево, церковь Николая, 1869, каменная.
Ратча, церковь Святого Духа, 1890, деревянная.
Речки, церковь Вознесения Господня, 1865, деревянная.
Речные Котцы, церковь Николая, 1853, каменная.
Ряпушино, церковь Преображения Господня, 1864, деревянная.
Свинорд, церковь Александра Невского, 1848, каменная.
Севера, церковь Рождества Иоанна Предтечи, 1810, каменная.
Славитино, церковь Казанской иконы Божией Матери, 1880, деревянная.
Соловьево, церковь Николая, 1892, каменная.
Соловьево, церковь Феодора Стратилата, 1914, деревянная.
Стариково, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1865, деревянная.
Сутоки, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1860, деревянная.
Трофимово, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1894, деревянная.
Углы, церковь Иконы Божией Матери Живоносный Источник, 1878, деревянная.; церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1864, деревянная, кладбищенская, приписные к церкви Троицы в д. Подгощи.
Старый Ужин, церковь Пророка Илии, 1863, деревянная.
Учно, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1852, каменная.
Черенчицы, церковь Иоанна Богослова, 1818, каменная.
Чертицко, церковь Троицы, 1801, каменная.
Хотяжа, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1866, деревянная.
Шотово, церковь Архангела Михаила, 1867, каменная.
Язвище, церковь Троицы, 1888, деревянная.

ТИХВИНСКИЙ УЕЗД

Реконьская Свято-Троицкая мужская пустынь, XVI в. Церковь Троицы, 1676, деревянная; церковь Троицы, 1877, каменная; церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1879, каменная, кладбищенская.

Белое, церковь Николая, 1849, деревянная.

Большое Никулино, церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1599, деревянная.

Дрегли погост, церковь Димитрия Ростовского, 1868, каменная.

Креминичи, церковь Александра Невского, 1889, деревянная.

Лушинский погост, церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, 1830-е, каменная; церковь Воскресения Христова, 1897, деревянная.

Неболчи, церковь Параскевы Пятницы, 1753, деревянная.

Никольское, церковь Николая, 1711, каменная.; церковь Архангела Михаила, XVIII в.,каменная.

Облучье, церковь Николая, деревянная., приписная к церкви Николая в д. Белое.

Спасо-Оскуйский погост, церковь Николая, 1760, деревянная; церковь *Преображения Господня*, 1852, каменная.

Хирово, церковь Николая, 1725, деревянная.

Черенский погост, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1778, деревянная; церковь Рождества Иоанна Предтечи, 1881, каменная.

Шарья, церковь Положения Ризы Пресвятой Богородицы, 1782, деревянная.

УСТЮЖЕНСКИЙ УЕЗД

Анисимово, церковь Иоанна Богослова, 1850, каменная, приписная к церкви Преображения Господня в д. Смердомля.

Бельково, церковь Преображения Господня, 1842, каменная.

Воскресенское, церковь Воскресения Христова, начало XVIII в., каменная.

Елкино, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1857, каменная.

Кирва, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, 1858, каменная.

Климовщина, церковь Николая, 1843, каменная; церковь Иконы Божией Матери Взыскание погибших, 1796, деревянная., приписная к церкви Николая.

Лукинское, церковь Преображения Господня, 1848, каменная.

Мелестовка, церковь Тихвинской иконы Божией Матери, 1890, деревянная, приписная к церкви Троицы в д. Охона.

Орел, церковь Николая, 1892, деревянная.

Охона, церковь Троицы, 1814, каменная.

Покров-Молога, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1820, каменная.

Смердомля, церковь Преображения Господня, 1701, каменная.

Сомино, церковь Петра и Павла, 1841, каменная.

Устюцкое, церковь Пророка Илии, 1854, каменная.

ЛУЖСКИЙ УЕЗД САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

Болотско, церковь Георгия, 1868, деревянная, единоверческая.
Вшели, церковь Георгия, 1860, деревянная.
Городня, церковь Димитрия Солунского, 1826, каменная.
Лубино, церковь Архангела Михаила, 1767, деревянная.
Мроткино, церковь Николая, 1831, деревянная.
Уторгош, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 1864, деревянная.

ПОРХОВСКИЙ УЕЗД ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Сольцы, Ильинский собор, 1825, каменный.
Молочково, церковь Успения Пресвятой Богородицы, XVIII в., каменная.

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора…… 3

Девять веков служения…… 4

Глава I. Бесовство…… 9
Натиск декретов…….. 9
Обители…… 19
Первые жертвы…… 28
Святые мощи…… 33

Глава II. Судьба русского серебра……44
Хлеб или золото?..... 44
Декретированное беззаконие……52
Ограбление……..58
О судьбе сокровищ……65

Глава III. Нечестивые судилища……..70
По приговору революционного трибунала…… 70
Крестный путь митрополита Арсения……..75
Истоки патриаршего конформизма……...85
Что есть контрреволюционная агитация……...87

Глава IV. Храмы……92
Премудрость Божия София……... 92
Церкви – на кирпичи……96
Колокольную бронзу – на индустриализацию……..106
Расправа в Речках……110

Глава V. Церковное нестроение……..115
Прогрессисты……115
Обновленец Миролюбов……..122
“Послание пастырям и пастве”……128
Иосифляне……..132

Глава VI. Юрьев монастырь……140
Обитель ……..140
Устроители……141
Пробный шар……151
Послушник Иванов……156
Разорение ……161

Глава VII. Гибель Новгородской епархии……...167

Ежовщина…….. .167
Дело архиепископа Венедикта……...171
Бойня в Боровичах……...177
Последний день Залучского благочиния……179
“Виновным себя признал полностью”……182
Повстанцы……..200

Два письма…… 204

Примечения…….. .207

Приложение 1. Мартиролог. Священнослужители и монашествующие Новгородской епархии – жертвы политических репрессий. 1918-1938….. …215
Приложение 2. Монастыри и храмы Новгородской епархии…… ...254

Содержание……. …272